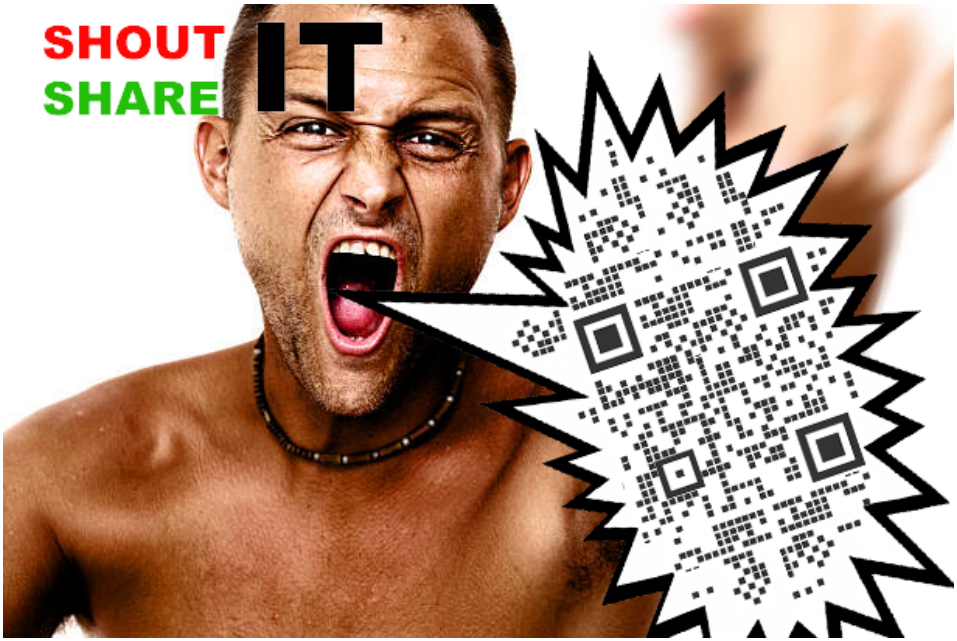
Колдовские миры

Галина Гончарова

Азъ есмь Софья. Сестра


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Софья Романовна Ромашкина, бизнес-леди и глава крупной компании, о своем диагнозе знала. И к шансу «обрести новую жизнь» и «переселиться в новое тело» отнеслась с нормальной для умного человека иронией.

Поэтому первым шоком для нее стало пробуждение вообще, вторым – пробуждение в теле маленькой девочки и третьим – осознание, что девочка эта – царевна Софья. Та самая, сестра, с которой потом будет бороться за власть Петр I.

Однако изумление – проходяще, а желание жить, и жить достойно, – вечно. Как же все случится на этот раз? Опять несбывшиеся надежды, поражение, монастырь? Или все-таки возможен иной выход? Из терема, из старорусской жизни с ее запретами и обычаями? Из безысходности, которая от рождения до смерти сопровождала каждую русскую царевну?

- Галина Гончарова
  -
  - Пролог
  - 2015 год
  - Три месяца спустя
  - 1660 год
  - 1661 год
  - 1662 год
  - Месяц спустя
  - 1662 год
  - 1663 год
  - 1664 год
  - 1667 год
  - 1668 год
  - 1669 год
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27

Галина Гончарова
Азъ есмь Софья. Сестра

Как страшно выбрать Путь,
решить не так, как надо.
Победы для других – и беды
для тебя.
Над пропастью в цветах,
средь Рая или Ада.
Горюя и смеясь, страдая и
любя,
Идя вперед всю жизнь,
сквозь беды и подвохи,
Сквозь суету людей и
многоцветье дел
Меняя, как расклад,
проблемы и эпохи,
Возьмешь, что пожелал,
поймешь, чего хотел,
Заплатишь по счетам. Часы
пробили полночь,
И Смерть коснулась губ
малиновки крылом.
Вердикт твоим делам пусть
вынесут потомки.
А нам пора идти, в венце – и
под крестом.

© Гончарова Г., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог

Эта комната ничем не порадовала бы любителей мистики. Самый обычный зал. Разве что с большим камином. Ну так каким ему и быть в частном доме, принадлежащем хозяину с хорошим вкусом?

Резные дубовые панели, высокие потолки, тяжелые гардины, паркетный пол с подогревом, кресла – и люди в креслах. И пляшет, пляшет на поленьях огонь, как и много тысячелетий назад. Единственным, что не вписывалось в обстановку, был большой экран на стене – и проектор с мощным компьютером. Но и это не удивляло. Мало ли что понадобилось людям?

– Грядет эра Водолея. То есть – период перелома эпох.

Говорящий оглядел своих собеседников и остался чем-то недоволен. Хотя все слушали его со всем положенным вниманием.

С другой стороны, прописные истины все и так знают, вот если бы была поставлена проблема или предложен путь ее решения… Что ж! Сегодня им предстоит обсудить и первое и второе.

– Вы все прекрасно знаете, что мир находится в нестабильности. Эгрегор бурлит, ноосфера отвечает чему угодно, только не своему определению, наши аналитики посчитали, что в такой обстановке мы перелом не пройдем.

Вот теперь внимание сосредоточилось на мужчине. Всего собравшихся тут было двенадцать, с ним – тринадцать. Все – средних лет, за исключением двух молодых людей. А впрочем, молодых ли? Взгляды и улыбки юности не подделаешь в зрелости. Возраст выдают глаза, а точнее, выглядывающая сквозь них душа. И судя по взглядам, эти двое были не самыми молодыми из присутствующих.

– Шон, ты собрал нас, чтобы обсудить проблему, о которой всем известно?

Стильная худощавая брюнетка с зелеными глазами обвела собрание взглядом голодной пантеры. Погладила ворона на плече.

– Да, Пелагея. Именно об этом. Достаточно одного толчка, чтобы имеющаяся система опрокинулась, заливая мир потоками крови. И не думай, что тебе удастся отсидеться в углу. Ты погибнешь вместе со всеми, просто не в силах жить без подпитки эгрегора.

Женщина передернула плечами, но спорить не стала.

– Ты хочешь что-то предложить? – Мужчина азиатского вида

смотрел серьезно и спокойно.

– Да, Миягино-сан. Именно за этим я и собрал наш Совет. Вы позволите краткий экскурс в историю?

Собрание молчало. Попробовали бы они не позволить…

Мужчина прищелкнул пальцами. В воздухе возникла и развернулась длинная схема, больше всего напоминающая дерево, которому не давали расти прямо, и теперь оно причудливо кривилось в разные стороны.

– Итак, схема развития нашего мира в последнюю эру. Первое нарушение гармоничного развития – падение Римской империи. Примерно четырехсотые годы нашей эры. Если бы Рим не пал под натиском Аттилы, мы бы имели другую картину развития. Вторая веха – крещение Руси огнем и мечом. Третья веха – падение Византийской империи. Четвертая веха – дом Романовых.

– Россия? – уточнила Пелагея.

– Абсолютно точно. Громадная по площади страна. Несмотря на все названия и переделки, империя, которая очень сильно влияет на ноосферу и вносит громадные возмущения.

– А другие у нас, значит, в углу тихо сидят и ничего не делают? Англия и Франция? Китай? Япония? Я уж молчу про Америку, в которой вырезали чертову прорву индейцев, что, несомненно, послужило общему благу и стабильности…

Пелагея даже возмущалась красиво, по-кошачьи, но на собравшихся это не произвело никакого впечатления. Видели уже, и не раз видели…

– Я могу предоставить расчеты, из которых следует, что камнем преткновения в настоящий момент является Россия. Или Русь, как вам будет более удобно ее называть. – Глава собрания смотрел холодно и жестко.

– И что вы предлагаете? – поинтересовался еще один из мужчин, блондин скандинавского типа.

– Если ничего не предпринимать, то нас ждет третья мировая война. Это все понимают?

Понимали. И даже очень хорошо. Принцип «*тело есть отражение духа, влияющее на дух*» был хорошо им знаком. Любые исторические процессы, происходящие на земле, отражались на ноосфере, любые процессы, происходящие в ноосфере, вызывали на земле катаклизмы – от природных до общечеловеческих.

– Но ведь Россия не виновата! – топнула ножкой Пелагея.

– Не виновата, – согласился с ней мужчина. – Просто сейчас на ней сходятся все узлы. Это не хорошо или плохо, это – просто жизнь. Так получилось.

– И что ты предлагаешь?

– Разумеется, исправлять ситуацию. То, что должны были

сделать наши предшественники, которые решили жить по принципу «после нас хоть потоп», – резко ответил Шон. – Если бы они не пустили все на самотек еще сто лет назад, если бы вместо Николая на трон взошел Георгий…

Вторая из присутствующих на собрании женщин, огненно-рыжая молодая девушка вскинула тонкую черную бровь.

– Шон, мы понимаем, что в мире произошли значительные отклонения, но ты не забыл, кто мы? Мы – просто круг тринадцати! Мы не сможем серьезно повлиять на происходящее. Настолько серьезно, как тебе надо.

– Джиневра, ты ведь знакома с законом кругов и умножения зла, – резко ответил мужчина. – Или уже забыла историю? У нас перед глазами самый простой пример – династия Романовых. Все ужасаются из-за следствия, но почему-то никто не вспоминает о причинах. Хотя проследить законы воздаяния просто. Повешенный по приказу Михаила сын Марины Мнишек – и вот, триста лет спустя, уничтоженные потомки Романовых.

– Ну, Романовых там было… маловато, – нагло усмехнулась Пелагея.

Шон обжег ее таким взглядом, что ворон едва не упал с плеча ведьмы. О, этот мужчина по праву был главой Совета.

– Мне ли рассказывать тебе о семейных долгах? Приняв на себя имя Романовых, эти люди приняли и долги Романовых.

С этим спорить никто не стал.

– Не будем говорить об истории, – вмешался Миягино-сан. – Шон, ты предоставишь нам все расчеты после собрания?

– Разумеется. В любой момент времени и по первому требованию. Клянусь *силой*, я не преувеличиваю опасность и не пытаюсь получить что-либо для себя.

По комнате пронесся невидимый холодный ветерок. Мужчины и женщины переглянулись. В их среде такие клятвы давались крайне редко и означали, что в случае обмана мужчина готов стать обыкновенным человеком. Эгрегор не прощает тех, кто обманывает его именем, и отлучает от себя, словно перерезая пуповину. А без питательной силы маг – это всего лишь обычный человек, часто весьма преклонного возраста. И жизнь его длится весьма недолго.

Первым нарушил молчание смуглый мужчина, при взгляде на которого приходило только одно определение – «индийский йог». Характерные черты лица, смуглая кожа, белые одежды…

– Шон, ты собрал нас, чтобы обсудить проблему или предложить путь ее решения?

Мужчина усмехнулся. В уголках губ легла горькая складка.

– Я хочу предложить путь решения. Мы ограничены во

времени, поэтому давайте решим так. Я изложу сейчас, чего я добиваюсь и как мы должны действовать, а потом прошу всех взять перерыв на месяц. Этого времени хватит, чтобы ознакомиться с моими выкладками, подумать, ну, и если все решатся – начать подготовку к осуществлению моего плана.

– Начать подготовку – *до* нашего решения?

– Да. Если понадобится, я сделаю все в одиночку. Хотя не знаю, чем мне придется за это заплатить.

Шон выглядел смертельно серьезным, и присутствующие тоже отбросили наносное. Склоки, ссоры, скандалы – разве это все так важно перед лицом вечности?

Некоторые представляют себе магов сборищем индивидуалистов, которые превыше всего ставят свои материальные блага. Что ж. На низшей ступени так и есть.

Но ни один человек, ставящий свои интересы впереди интересов мира, не перейдет на следующую ступень прямого контакта с эгрегором планеты и получения сил от мира. Просто сгорит, оставляя пустую полубезумную оболочку. Эти люди шагнуть сумели. И не просто шагнуть – удерживаться на этой ступени уже несколько десятков – а кое-кто даже сотен – лет. Поэтому хоть и ругался Совет Тринадцати, хоть и производили они своеобразное впечатление, но в критических ситуациях они собирались и действовали как единое целое. Более того – целое с планетой и ее ноосферой.

Шон обвел взглядом коллег и начал говорить.

– Я не зря сказал о критических или переломных точках…

2015 год

Софья Романовна Ромашкина еще раз перечитала лежащую перед ней на столе желтоватую невзрачную бумажку. Виски заломило, и она перевела взгляд на окно. За громадным стеклом синело небо, мягко скользили по нему, словно натирая его до блеска, белые облачка, внизу виднелись верхушки деревьев. Совсем еще юных – вон ту липку она сама сажала, когда въезжали в новый офис.

Она не увидит, как это деревце станет взрослым.

Женщина потерла лоб, стараясь отогнать даже призрак головной боли, и опять бросила взгляд на бумажку.

Той было совсем не место на роскошном столе из цельного дубового массива. Своим неряшливым желтовато-затрапезным видом она нарушала гармонию этого места.

В кабинете Софьи Романовны всегда царила чистота, темные панели из натурального дуба, блеск стекла и металла, классика и модерн смешивались в причудливых сочетаниях…

Так-то.

Тебе еще даже пятидесяти пяти нет. А жизнь уже кончена.

Выписка из истории болезни мрачно подтверждала это, лежа поверх миллионного контракта на постройку офисного здания.

Софья взяла ее двумя пальцами и спровадила в мусорное ведро. К черту!

Не желает она больше ни думать, ни помнить!

Хотя как тут забудешь?

Самым мерзким недостатком начальницы, по мнению всех работающих на фирме, была ее идеальная память. Она в жизни не пользовалась ежедневниками, но, не глядя в календарь, могла озвучить свое расписание на месяц вперед. Это неизменно повергало в ужас секретарш и заставляло их сомневаться в своей компетентности.

Пискнул селектор.

– Да?

– Софья Романовна, к вам Яблочкин, из бухгалтерии.

– Пусть войдет.

Появившегося на пороге молодого человека Софья Романовна встретила насмешливой улыбкой и своим фирменным взглядом голодной пираньи в климаксе.

Мужчина лет тридцати пяти заерзал, занервничал, совершенно по-детски вытер вспотевшие ладони о двухтысячедолларовые штаны и покраснел, понимая, что начальнице все это видно.

Наконец Софье надоела пауза, и она кивнула провинившемуся подчиненному на кресло.

– Садись, Алексей Батькович. В ногах правды нет, попробуем нащупать выше…

Мужчина рухнул в кресло. Признаки были весьма плохими. Всех, кто работал в фирме, Гарпия – так подчиненные ласково называли начальницу – помнила и в лицо, и по имени-отчеству. И если начинала вот так играть словами…

– А теперь расскажи мне, почему вовремя не были проплачены деньги за отделочные работы в здании у Ерохина?

Спустя двадцать минут Софья подписала приказ об увольнении, поморщилась…

Развелось блатной шушеры! Конечно, Яблочкин-старший будет недоволен, но утрется. Она и так из милости взяла сопляка на стажировку, терпела опоздания, хотя самой себе их никогда не позволяла, но чтобы загулять, прийти с похмелья и перепутать все документы… ей такие работники не нужны.

В мусор!

Из мусора нагло выглядывала противная бумажка грязновато-желтовато-серого цвета. И диагноз там был весьма неутешительный.

Опухоль головного мозга с множественными метастазами.

Неоперабельная.

Три-четыре месяца, максимум полгода жизни.

Обидно…

Три месяца спустя

Женщина приподнялась на локтях, окинула взглядом палату… да, несомненно, это была палата, только больничным заведениям присущ этот неприятный запах – смесь хлорки, крови и человеческих страданий.

Она лежала на кровати, застеленной достаточно чистым бельем, в окно било солнце… Софья поморщилась.

– Где я?

Голос был отвратительно слабым и неуверенным, но говорить жестче не получалось – мешала пересохшая гортань и запекшиеся губы.

– Вы очнулись?

С кровати рядом поднялась женщина.

– Подождите минуту, я позову медсестру…

Софья честно пролежала целых три минуты, показавшиеся ей вечностью, но дольше медсестричка ждать себя не заставила. Девочка лет двадцати напоила Софью из специальной поилки с носиком, сообщила, что врач ушел пообедать, и объяснила ситуацию.

Софья находилась в самой обычной бюджетной клинике. В травматологии.

Она ехала по делам, вероятно, потеряла сознание за рулем и удачно вписалась в столб.

Удачно?

Да, это слово здесь наиболее уместно.

Никто не пострадал, включая и саму Софью. Машина, конечно, вдребезги, но «Мерседес» – марка надежная. Вытянула. Софья же получила еще и подушкой безопасности по голове, скорее всего у нее сотрясение мозга…

– Это когда мозги есть, – хмуро проворчала Софья.

Действительно, дохрабрился индюк до супа. Что бы ей стоило взять машину с водителем? Десяток барбосов в гараже фирмы груши кое-чем околачивает, а она вот… Ну нравилось, нравилось Софье самой водить машину, чувствовать силу и мощь покорного ей зверя.

У ее машин были имена, были свои характеры, судьбы, свой пол и возраст…

– Машина невосстановима?

– Простите, я не знаю.

Бедный «макс». «Мерседес» звали именно «максом». И кто сказал что машина – это мертвый набор деталей? Сами вы… три дня не умывались!

Вот так вот, если бы не сила характера, не было бы у нее «макса». Если бы не нежелание признавать болезнь, то есть тот же характер, был бы он жив-здоров. А теперь чинить… хотя КАСКО все покроет, куда они денутся. Юристы у нее тоже есть, и не из последних.

– Ладно. Скоро прибудет врач?

– Я скажу ему, чтобы он пришел, как только…

– А пока – где мой телефон?

– Не знаю. Наверное, в хранилище…

– Извольте найти его и принести мне.

Софья распоряжалась как дышала. И на медсестричку это тоже подействовало, девочка пискнула нечто согласное и помчалась искать телефон. Софья постановила про себя, что надо бы отблагодарить малышку – и посмотрела в потолок.

Руки-ноги на месте, голова болит, мысли путаются… сотрясение мозга?

Вполне вероятно. Чем это может ей грозить?

Активизацией болезни – тоже несложно догадаться. Не факт, нет. Но опухоли штука такая, не изученная до конца, как бы там ни пыжились медики.

За последние три месяца Софья успела пройти обследования еще в двух местах за рубежом, получить консультации у нескольких онкологов и невропатологов и прийти к печальному выводу.

Лечить ее могут. А вылечить – нет.

Можно колоть ей всякую пакость, облучать гамма- и прочими лучами и даже молиться над ее тушкой. Результат будет один и весьма печальный – смерть.

Если лечить – через год, если не лечить, то через шесть-восемь месяцев.

Стоят ли четыре месяца жизни того, чтобы ради них страдать, мучиться, терпеть врачей и превращать себя в инвалида?

Сложно сказать. Но Софья начала пить таблетки в той мере, которая не мешала ей вести активный образ жизни. Больше медицина ей дать ничего не могла.

Нет, предлагали-то много всего. Традиционные и нетрадиционные методы лечения, молитвы, заговоры, пляски с бубном, новейшие исследовательские разработки, стволовые клетки…

Предлагались различные варианты, вплоть до святого старца-отшельника и мага – потомственного хилера откуда-то с Гавайев… На Софью это впечатления не произвело.

Чего уж там, жизнь была прожита хорошая. Хотя умирать все равно не хотелось. Еще столько сил, столько жизни, столько

сделать можно… а придется уйти.

Жаль…

Компанию жаль, хотя тут она уже позаботилась. Пакет документов подготовлен, с ее стороны все подписи проставлены – фирма отойдет в хорошие руки одного из ее соперников.

Софья усмехнулась, вспомнив, как она появилась на пороге кабинета Орлова. Она терпеть не могла этого сноба, который возводил свой род чуть ли не к князьям Орловым и, по слухам, не сильно лгал, но признавала его достоинства.

Ей бы да лет на тридцать поменьше – точно б его не упустила.

Орлов, в определенных кругах прозванный Князем, не был особенно красив, но порода в нем была, несомненно. Светлые волосы, черные брови, темно-карие глаза, орлиный нос и тяжелый подбородок. Такие лица часто глядят со старинных портретов.

– Максим Венедиктович, день добрый.

– Софья Романовна, рад вас видеть.

Не рад. И Софья это отлично знала. Она у него пару дней назад увела миллионный контракт, просто чтобы победить, чтобы доказать, что она это может. Но воспитание – страшная штука, оно не позволит вышвырнуть в окошко пожилую даму, даже если очень хочется. Вот киллеру проплатить… хотя это уже не нужно, ничего не нужно.

– Максим, давайте без церемоний, – Софья тяжело опустилась в кресло. – Я старше вас почти вдвое.

– Вы мне льстите, – усмехнулся Орлов.

Женщина передернула плечами. Ей – под шестьдесят, ему – за тридцать, нелепо кокетничать…

– Я пришла к вам с предложением, от которого вы не сможете отказаться.

– Вот как?

– Я предлагаю вам слияние наших компаний.

– Простите, Софья Романовна, от этого предложения я отказаться…

– Не сможете, – спокойно оборвала его Софья. – У меня неоперабельная опухоль мозга. И жить мне осталось недолго. Поэтому я здесь, вместо того, чтобы разорить вас и сожрать.

Максим сидел молча несколько минут. Потом поднял на Софью глубокие темные глаза.

– Не могу сказать, что мне жаль. Я вам сочувствую, да…

– Но я попортила вам слишком много крови, знаю. Это сейчас ненужная лирика. Скоро меня не станет, но моя компания, в которую мы с Владимиром вложили все, из-за которой он жизнью поплатился… я не хочу, чтобы она погибла вместе со мной.

Максим опустил ресницы.

– Ваши условия?

Условия были идеально просты. Софья продавала свою компанию Максиму за крупную сумму денег. Но поскольку компания стоила гораздо дороже, за ней оставались десять процентов акций, которые переходили к ее наследникам. И им же выплачивались определенные суммы на жизнь из дивидендов с компании. Софья осознавала, что просто дарит семьдесят процентов своего дела, но…

– Это слишком щедро.

– Знаю. Вас это тревожит? Умирающий человек может себе позволить тратить деньги.

– Не хочу грабить вашего сына.

– Он не имеет к компании никакого отношения. Выгоните вы его после совершения сделки или оставите, не играет никакой роли. Я не доверила бы ему и хомячка, не то что строительную фирму. Впрочем, вы можете дать мне еще одно обещание – и сдержать его.

– Какое же?

– Когда у меня появятся внуки – вы присмотрите за ними. Если там будет кто-то достойный… помогите ему или ей реализоваться на первых порах. Этого будет достаточно…

Сквозь воспоминания пробился посторонний звук. Софья повернула голову, глядя на соседку.

– Да?

– Может быть, вам помочь… с судном?

– Вы сами едва на ногах держитесь, – оценила Софья состояние подруги по несчастью.

Женщина улыбнулась.

– Да, я тоже та еще растяпа. Небезызвестный Семен Семенович Горбунков рядом со мной – образец ловкости. Представляете, шла домой мимо стройки – и получила по голове кирпичом.

– Хорошо, что вы живы остались.

– Да, могла умереть. Но ничего страшного, простое сотрясение мозга. – В голубых кукольных глазах плеснулась боль – странно. – Пару дней полежу – и домой выпишут.

Софья опустила ресницы.

– Мы с вами товарищи по несчастью. Как вас зовут?

– Софья Петровна. Романова. Можно Сонечка.

– Софья Романовна. Ромашкина.

– Значит, еще и тезки.

– Вот… – Вернувшаяся медсестричка протягивала Софье сумочку. Женщина взяла ее и едва не застонала от боли. Приподнять голову и то было непосильно. Все же вытащить

телефон из сумки ей удалось. И даже пятьдесят долларов из отдельного кармашка.

– Возьмите. Это вам за помощь.

Девочка попыталась отнекиваться, но Софья и не таких строила. И пока медсестричка решала, куда деть привалившее богатство, набрала номер.

– Максим, здравствуйте. Не могли бы вы ввести в действие наш план чуть пораньше? Я сейчас лежу с сотрясением мозга… где?

– Вторая травматология…

– Во второй травматологии и не смогу позаботиться о фирме. Хотелось бы, чтобы вы пораньше взяли бразды правления в свои руки…

– Хорошо, – отозвались в трубке.

Орлов отключился. Софья вздохнула. Сначала дождемся врача, потом будем звонить родным.

* * *

Врач, мягко говоря, не обрадовал. Сотрясение мозга было в наличии. И хорошо бы даме полежать недельку, можно и у них. Мы, конечно, понимаем, что у нас не такие хорошие условия, как в частных клиниках, но недаром же говорят: «полы паркетные, врачи анкетные». А врачи у нас действительно хорошие.

И вам, с вашей болезнью – ну да, рентген вам ведь делали, и томограмму, и ЭЭГ, так что мы все видели, – лучше полежать. Хотя бы пару дней и спокойно.

Компьютер?

Документы?!

Простите, вы можете хоть всю больницу купить и меня уволить к чертовой бабушке, но – нельзя! Пару дней, так точно!

Софья подумала – и согласилась полежать. Сотрясение мозга штука такая. Комп нельзя, телевизор нельзя, сотовый и тот бы отобрали, но не рискнули жизнью. А лежать дома и думать о своей безнадежности?

Лучше уж здесь. Тут и медсестричек погонять можно, и с соседкой посплетничать… здесь она не останется одна.

* * *

Софья Петровна, она же Соня или Сонечка для семьи, друзей и коллег, с интересом изучала соседку. Любопытная личность,

определенно.

Уже под шестьдесят, но выглядит лет на десять моложе, истинный возраст выдает кожа на руках и на шее. Подтяжками и пластикой эта дама явно пренебрегает, хотя могла бы себе позволить и не такое. Одна сумочка чего стоит!

Пару тысяч долларов, несомненно. Телефон из последних моделей, в котором даже спутниковая связь наверняка есть. А еще такие вещи, заметные каждой женщине, как стрижка, маникюр, педикюр… ухоженность и холеность. Чувствуется, что эта женщина может позволить себе многое – и позволяет.

И в то же время…

Был в соседке какой-то заметный, ясно видимый надлом. Хотя ей ли кидаться камнями…

Сонечка уже совсем было собралась заговорить с новенькой, когда дверь распахнулась и в палату вошли…

Это была своеобразная процессия из трех человек.

Впереди шел симпатичный мужчина лет тридцати, весьма похожий на пострадавшую… Мать? Возможно. Светло-русые волосы пыльного оттенка, серые глаза, выразительное лицо, но скользит в нем, как медуза под поверхностью воды, какая-то внутренняя вялость, безынициативность. И как радужный взблеск из-под поверхности проскальзывает в безвольном подбородке, в изгибе губ…

Стройная фигура уже начинает чуть оплывать в районе талии и бедер, но дорогая одежда удачно маскирует этот недостаток. А деньги на счету замаскируют его еще качественнее.

За ним шла дама из разряда «дам, как не дам?». Эту можно было классифицировать без всякой неопределенности. Платье-«презерватив» красного цвета, щедро осветленные волосы, на которые не пожалели перекиси, полкило краски на лице, дорогие и довольно безвкусные украшения на всех доступных местах и даже маленькая татуировка на щиколотке. Изображавшая амурчика, пробивающего стрелой сердце цвета артериальной крови.

Третьим шел светловолосый мужчина лет сорока. И вот о нем Софья могла сказать, что это действительно мужчина. Можно даже с большой буквы.

Такие не будут сажать даму поперек чумазой лошади и увозить в светлое будущее с тараканами и крысами в фамильной халупе. Такие сначала обеспечат всем необходимым своих родных, а потом уже… нет, потом они тоже не отправятся геройствовать. Ибо незачем. Им и в обычной жизни подвигов хватает. И не они за принцессами ездят, а принцессы за ними, еще и бога благодарят потом за таких спутников жизни.

Софья Романовна тоже приоткрыла глаза. И Софья Петровна едва не присвистнула самым вульгарным и простонародным образом.

Чтобы вот так преображаться в один миг?

Это уметь нужно…

Только что женщина на кровати была разбитой и сломленной, усталой и измученной головной болью, она просто разваливалась на части, не в силах взять себя в руки. Сейчас же перед вошедшими предстала железная леди, рядом с которой даже Маргарет Тэтчер выглядела бы бледновато – благо обе выковали себя самостоятельно и силой духа не уступали иным мужчинам.

В карих глазах блеснула сталь, улыбка стала откровенно ехидной.

– Сынок! Максим. Рада вас видеть, мальчики.

Девица была проигнорирована с истинно королевской непринужденностью. Софья Петровна даже позавидовала. Ей так никогда не удавалось.

– Мама…

Блондин постарался улыбнуться, но удалось ему это из рук вон плохо.

– Да, это, безусловно, я. И я пока жива.

– Никто в этом и не сомневался. – Второй блондин сделал шаг к кровати, подхватил руку лежащей и запечатлел на широкой, явно рабоче-крестьянской кисти изысканный поцелуй. Действительно поцеловал, а не притворился. – Я всегда был уверен, что вас так просто не убить.

– Вы не пытались, Максим.

Орлов, а это был именно он, усмехнулся в ответ на попытку пошутить.

– Вы так в этом уверены, Софья?

– Было бы уверено УВД, – усмехнулась женщина.

– Мам, мы тебя отсюда забираем…

Софья даже и не подумала сменить позу. Но столько льда проскользнуло в голосе…

– Мы?!

– Мы с Мариной…

– И куда же вы меня забираете?

– Д-домой…

– Надо полагать, ко мне? Нет уж, сынок, – слова звучали откровенно издевательски. – Уволь меня от общения с твоей… обожэ.

Девица вспыхнула.

– Софья Романовна, я понимаю, что вам не нравлюсь, но ради

Вадюши вы могли бы дать мне шанс.

– Любезнейшая, – Софья цедила слова с неприкрытой насмешкой, – я принадлежу к другому полу, отличаюсь натуральной ориентацией и в ваших услугах не нуждаюсь.

Девица топнула ногой. Лицо ее, что было заметно даже под слоем макияжа, постепенно сравнивалось цветом с платьем.

– Софья Романовна, вы можете издеваться сколько угодно, но…

– Сударыня, насколько я помню, вы пришли в мою компанию как специалист по связям с общественностью. Связывались вы с общественностью часто, работали с огоньком и энтузиазмом, причем как вне, так и внутри компании, защитных средств не использовали, а в результате моя компания была вынуждена оплатить порядка восьми счетов из клиники, где лечились пострадавшие сотрудники. Я уж молчу про их жен. Вы хотите сказать, что если я дам вам шанс – вы будете осторожнее? Или перейдете на оральный секс?

Девица стала вовсе уж красной и вылетела вон, оглушительно хлопнув дверью. Наверное, только Соня заметила, как тень пробежала по лицу Софьи Романовны. Шум был мучителен для женщины.

– Мама! – страдальчески возопил Вадюша. – Я понимаю, что ты не любишь Марину…

– Вадим, – оборвала его женщина. – С собранной информацией о твоей псевдодевушке ты можешь ознакомиться в СБ компании. А сейчас покинь меня, будь любезен. Максим, вы останетесь ненадолго?

– Как прикажете, Софья Романовна.

Вадим, пыхтя, как подходящий к станции паровоз, вылетел вслед за своей дамой.

– Униженные и оскорбленные, – усмехнулся Максим.

– Вот-вот. Максим, вас не затруднит примерно за четыре дня организовать мне сиделку? Раньше я отсюда все равно не выйду, а потом дома мне нужен будет грамотный специалист.

– Одно ваше слово – и я перевезу вас в другую клинику…

Губы женщины тронула кривая улыбка.

– Максим, я не вижу принципиальной разницы между тем и этим. Что мне могут предоставить там, чего нет здесь? Паркетные полы? Кашу на мейсенском фарфоре? Отнюдь. Капельницы, уколы, обследования – везде одинаковы. Работать я все равно не смогу, а врачи, возможно, здесь и опытнее, чем в платных клиниках. По крайней мере, они сразу определили мою болезнь и не стали это скрывать.

– Как пожелаете. Но охрану я поставлю?

– Не стану вас отговаривать. Приятно видеть, что вы так печетесь о больной старухе…

– Будь я лет на пятнадцать постарше, Софья Романовна, мы бы еще поговорили о нашем возрасте, – прищурился мужчина.

Софья пожала плечами.

– Вы не возражаете, если я буду иногда звонить и интересоваться процессом смены власти в компании? Лежать бревном довольно скучно…

– Буду счастлив, – Орлов изобразил легкий полупоклон. – Разрешите откланяться?

– Кланяйтесь. И униженных с собой заберите.

Мужчина действительно изобразил легкий поклон – и улетучился из палаты. Две Софьи переглянулись.

– Может быть, позвать вам врача?

– Не стоит, – Софья Романовна коснулась рукой лба. – Вас не затруднит чуть-чуть со мной побеседовать? Нужно успокоиться…

– Хотите, я расскажу вам о своей семье?

– Буду очень признательна…

Соня коснулась руки соседки. Пульс действительно частил. И она заговорила.

Две Софьи оказались еще и почти ровесницами. Но к Сонечке жизнь была благосклонна. Родилась в этом городе, рано вышла замуж – лет в семнадцать – за парня старше ее на четыре года. Скоро они будут справлять сорокалетие брака. Хорошая крепкая семья, он – архитектор от бога, она – портниха, так что даже самые тяжелые годы пережили более-менее спокойно, не голодали и бутылки по помойкам не собирали. За длинным рублем тоже не рвались, просто были всем довольны – и получили свою награду. Домик за городом, роскошный сад на двенадцати сотках, четверо детей, уже шесть внуков – пятеро мальчишек и девочка… Одним словом, сплошное счастье. Единственный минус – Софья последнее время постоянно попадала в мелкие неприятности. А так… счастье оно и есть счастье.

Софья Романовна слушала, поддакивала и постепенно успокаивалась. А потом решила рассказать и о себе.

Ее судьба оказалась иной.

Девочка Софья родилась в деревне с лирическим названием Гадюкино-второе. Да, было и первое – две деревеньки рядом с болотом. И гадюк там было немерено.

Видимо, чему-то Софья у них научилась. Кусаться ядовитыми зубами, сбрасывать шкуру, проползать всюду, куда пожелает, и это немало помогло ей в жизни.

Шестнадцати лет от роду девочка уехала из родимого села

поступать в университет. За спиной оставила выпивающего отца, безуспешно бьющуюся с огородом и хозяйством мать, двух братьев и сестру. И никогда о них не вспоминала. Да и те не искали родственницу. Уехала – так уехала, умерла – так умерла.

В городе она благополучно провалилась на выбранный факультет. Еще бы, конкурс на физмат был бешеный. До десяти человек на место. И деревенщине среди них места не было.

Впрочем, Софья не расстроилась. Отлично понимая, что возвращаться ей и некуда, и незачем, она начала искать работу и нашла ее. На стройке.

Каково это для женщины?

Адски и каторжно тяжело. Стройка – мужское дело и мужское место. Но Софья стиснула зубы. Неожиданно для нее самой, ей понравилось…

Не ворочать кирпичи и клеить обои, нет. Ей понравилось, как из чертежей на бумаге возникают дворцы. И на следующий год она уже подавала документы в архитектурно-строительный. С большим практическим знанием предмета.

Но и поступив, Софья не стала расслабляться. Она продолжала работать, училась, а вскоре и вышла замуж.

Избранником ее стал не симпатичный плотник Миша, по которому сохла половина девушек стройки, и не дюжий прораб Виталик, по которому сохла вторая половина, нет. Софья выбрала скучноватого бухгалтера Володю, на которого девушки и не глядели. Невысок, сутуловат, хлипковат, не пьет, на гитаре не играет – кому такой нужен? Да еще и живет с мамой! Фу!

Но Софья не прогадала.

Супруги создали отличный тандем. Володя жил в мире цифр, а у Софьи обнаружилась недюжинная деловая хватка. Она сколотила несколько бригад, которые подрабатывали в обход закона и порядка, и принялась зарабатывать деньги. Супруги вступили в кооператив, а лет через семь после свадьбы родился и сын. Вадик.

Любимый и заранее обласканный. Увы – не матерью. Бабушкой со стороны отца и нянькой. На дворе стояла середина восьмидесятых, нос Софьи ощущал запах жареного – и она твердо понимала, что скоро что-то грянет. А значит – надо действовать, пока есть возможность.

Перестройку Софья и Владимир встретили во всеоружии, с неплохими подкожными запасами и желанием дальше делать деньги. И тут проявился талант Володи.

В период приватизации мужчина умудрился наложить лапу на лесопилку и на заводик по производству кирпича. Софья прикинула хвост к носу, стряхнула пыль со своего диплома,

обзвонила однокурсников, выбрала тех, кто готов был работать и желал зарабатывать – и принялась строить дома. Под заказ, из своего кирпича и своих досок, с полной отделкой и предварительной оплатой, а то как же!

Времена стояли шальные, деньги крутились дикие – и Софья делала все, чтобы те не пролетели мимо рук ее мужа. Стройку она знала досконально, а что делать с прибылью – знал Владимир. И супруги принялись постепенно приумножать свое благосостояние.

Любовь? Сложный вопрос. Они были союзниками, соратниками, супругами, которые понимали друг друга с полумысли. Вряд ли это то, что поэты изволят описывать в стихах. Это неизмеримо большее – делить на двоих все, вплоть до последней мысли.

Тандем разрушился в конце девяностых, когда Володю настигла шальная пуля. Ну, совсем шальной она не была, и Софье потребовалось около двух месяцев, чтобы вычислить заказчика. Точнее ее службе безопасности, в которую уже тогда входило множество профессионалов из отставных милиционеров, да и не только милиционеров.

Месть – разрушающее чувство?

Как сказать… В данном случае оно было скорее созидающим.

Человек, виновный в заказе, прогуливался по стройке, чисто случайно упал в недоделанный подвал, да так неудачно, головой в мешок с цементом. Там и зарыли. Чтобы здание дольше стояло и не падало. Раньше, говорят, кого-нибудь под углом замка зарывали, ну вот и…

И Софья принялась строить империю дальше.

Сейчас она была владелицей заводов, газет, пароходов, обладательницей счетов, суммы на которых измерялись шестью и семью нулями…

Подлянку подкинул родной сыночек.

Занятые по уши собственным бизнесом, что Владимир, что Софья ребенком не занимались. Результат оказался печален.

Дитятко ходило в художественную школу, считало себя талантливым художником, хотя, по мнению Софьи, талант сына происходил, скорее, от слова «худо». О бизнесе мальчик – которому перевалило за четверть века! – говорить отказывался, а складывая двадцать пять и двадцать шесть, каждый раз получал разные результаты.

Софья честно попыталась пристроить сына к делу, в пиар-отдел. Увы, знать бы, где упасть…

Там Вадика и захомутала Марина. Да, та самая. Да, связь с общественностью. Да, благополучно выгнанная. Увы, Софья могла выгнать ее из фирмы, но не из постели Вадима. Наглая девица

крутила сыном как хотела, но, что печально, не изменяла ему. Не хотела получить пинок под копчик. А сейчас…

Сейчас она и вовсе подомнет этого рохлю.

Обидно…

Софье бы пожить подольше, она бы разобралась. Но времени уже почти не оставалось.

– Почему? – не поняла Сонечка.

– А я умираю, – Софья не видела смысла скрывать истину. – У меня неоперабельная опухоль мозга. Месяца три-четыре… Собственно, Максим Орловский, ну, вы его видели…

– Симпатичный мальчик…

– Вот он и станет моим преемником. Не хочу отдавать «Власа» в чужие руки.

– Власа?

– Моя компания. ВЛАдимир и Софья. Соединили и сократили до ВЛАСа.

– Ой…

Сонечка вспоминала, где она слышала об этой компании.

– У вас же моя внучка стажировку проходит!

– Как ее зовут?

– Андреева, Лидия…

– Ага, Лидия Константиновна. Знаю такую, умная девчушка. Если работы не побоится, лет через пять-семь у меня до начальника отдела дорастет… ох… Уже не у меня.

Сонечка смотрела с сочувствием.

– Мне так жаль…

– Знаете, мне тоже. Но сделать все равно ничего нельзя. Даже если бы придумали методику трансплантации, мне бы это уже не помогло. Мозг-то разрушается…

– Никогда бы не сказала, глядя на вас.

– Это пока. Вот месяца через три меня уже не будет. Лишь полубезумная старуха, воющая от боли. Чужой человек в моем теле. Совсем иной… хорошо, что я этого уже не увижу.

– То есть?

– Это ведь буду уже не я. Не совсем я. И это единственное, что утешает. Ну и ВЛАСа я пристроила в хорошие руки.

– А сын…

– Не пропадет. Завещание составлено не у нас, за бугром, там можно многое оговорить и даже фонд создать. Поживет сыночек на проценты от доходов, а руки в основной капитал не запустит ни он, ни его… бляндинка.

– А если…

– Он может получить всю сумму, но при одном условии. Что заработает не меньше, чем там есть.

– Думаете, это реально?

– У меня же получилось, чем он хуже? Или мои внуки? Почему я должна заранее не верить в их таланты?

Сонечка улыбнулась. Софья была чертовски своеобразным человеком, но общаться с ней было интересно. Хотя это наверняка потому, что не надо было ничего делить или делать вместе. Разве что лежать в одной палате и развлекать друг друга беседой. И им это вполне удавалось.

* * *

До вечера собеседницы вполне смогли оценить друг друга.

Сонечка была записана Софьей в разряд домашних клушек. Удобных, уютных, жизненно необходимых любому нормальному мужику, если он не ударен плейбоем по одному месту. Такие будут вести дом, рожать и воспитывать детей, виртуозно кроить семейный бюджет и извлекать из любой ситуации максимум выгоды для семьи.

Если мужчина женится на такой, он, конечно, может сходить погулять, но вернется всегда. Потому что нигде и никогда ему не будет лучше, спокойнее и уютнее, чем в родном доме.

Софья тоже была оценена Сонечкой и получила ярлык некормленой кобры. Но достаточно приличной. Да, врагов Софья и жрала и кусала без разбора, придерживая зубы и жало только в том случае, если промолчать сию минуту было выгоднее, а укусить потом – больнее.

Ну и что? Враги тоже не придерживались вегетарианской диеты, а за своих Софья готова была в огонь и в воду. Жаль только, что «своими» она числила исключительно фирму. Сын уже не дотягивал до высоких стандартов разочарованной женщины.

– Не знаю, как я смогла бы отказаться от родного ребенка? Что бы он ни натворил…

– Сонь, ну ты же умная женщина, – Софья чуть сморщила нос. – Хорошо, когда от твоего сыночка ничего не зависит, кроме его семьи. И то – с детьми и деньгами вы ведь любому своему ребенку поможете, ты сама говоришь, что вы их воспитывали в традициях взаимовыручки…

– Естественно! Кто может быть ближе и дороже родных?

– Деньги. Даю бесплатный совет, хотя подозреваю, что ты к нему не прислушаешься. Заранее распределите все наследство между детьми и сообщите им о своем решении. А еще объясни, что пересматриваться ничего не будет, хоть они на уши встанут и

ногами в воздухе задрыгают. Поняла?

Сонечка пожала плечами. Бесплатный совет, увы, потому и бесплатный, что никому на фиг не нужен и очень часто зря.

– Может быть, я так и сделаю…

Лицо Сонечки помрачнело.

– Ты что? – удивилась Софья. И заметила у двери в палату человека. Как он смог прийти, как сумел просочиться так бесшумно, что две чуткие женщины не услышали не то, что шагов, но и скрипа старой двери?

– Вам что угодно, любезнейший?

Мужчина окинул две кровати равнодушным взглядом мальчика на побегушках. А что, сказали бегать – он и будет бегать, а куда, зачем, для чего – это ему как раз безразлично, думать-то хозяин не приказывал…

– Софья Романова…

– Я слушаю?

Софья просто не расслышала после сотрясения мозга. Чего уж там, Романова – Романовна, отличие всего в одну букву…

– Меня просили передать вам эти книги и напомнить, что завтра полнолуние.

Софья хотела было как следует расспросить и отчитать зарвавшегося нахала, но…

Такие взгляды она кожей чувствовала. Сонечка буквально впилась в нее глазами, умоляя молчать – и женщина не смогла отказать соседке в этой просьбе.

– Сгрузите все на тумбочку, сударь. И можете быть свободны.

Пусть в жилах Софьи не текло ни капли дворянской крови, это не так важно. В любой династии всегда есть родоначальник, который пробился из низших слоев общества, растолкал локтями сэров и пэров и нагло заявил: «Мне предки не нужны, я сам – великий!» Уж что другое, а распоряжаться обслуживающим персоналом женщина научилась просто виртуозно, властности у нее на троих хватило бы. И мужчина повелся.

Сложил все на тумбочку рядом с кроватью, изобразил легкий поклон, пусть одним наклонением головы, но и то неплохо, и вышел вон. Софья помолчала минут пять, чтобы посетитель ушел подальше, а потом скосила глаза на соседку.

– Ну, рассказывай? Это что еще за явление хвоста народу?

Сонечка вздохнула – и заговорила.

– Софья, ты вот взрослый разумный человек…

Да уж хотелось бы надеяться, – мысленно прокомментировала Софья, но вслух говорить ничего не стала. Соседка и без того не особенно была адекватна.

Оставалось только внимательно слушать.

– Я вообще похожа на сумасшедшую?

– Вообще не похожа. А надо?

– Да ты понимаешь, тут такая идиотская история…

Как оказалось, за пару месяцев до сотрясения мозга к Сонечке на улице подошла женщина. Высокая, худощавая, зеленоглазая брюнетка в костюмчике, который стоил не дешевле иного «Мерседеса».

– Я не бог весть как разбираюсь в модных фирмах, но такие вещи отличить могу, да и какая женщина не сможет, если сама хоть чуть шьет? – рассказывала Сонечка.

Брюнетка назвалась Пелагеей, пожелала заказать шторы на окна и обещала прийти на следующий день, чтобы обсудить заказ.

Пришла. Шторы она заказала, а еще часа полтора расспрашивала Сонечку о ее семье, причем делала это так искусно, что та и сама не поняла, как все выложила. А вот когда явилась за заказом…

– Софья, вы знаете, что ваша фамилия не случайна?

– В каком смысле не случайна?

– Вы действительно Романова – по крови.

– И что?

Сонечка не меняла свою фамилию на фамилию мужа по вполне адекватной причине. Напротив, муж принял фамилию жены, потому что до брака носил звучное имя рода Козловых и уже лет двадцать как устал от шуточек типа «Командир взвода Козлов», «А вас, Козлов, попрошу остаться» и прочей гадости в меру фантазии приятелей.

– Софья, вы не поняли. Вы действительно Романова. Одна из потомков русских царей.

Сонечка даже пальцем у виска крутить не стала, все и так было понятно по ее глазам. Но Пелагею это не смутило.

– Настоящая Романова.

– И что с того?

– На самом деле вы происходите от Софьи Алексеевны Романовой и ее любимого мужчины Василия Голицына.

– Чушь какая-то…

Иначе Софья просто не могла среагировать. И Сонечка закивала.

– Вот и я так сказала. А эта женщина сообщила, что у Софьи был ребенок. Мальчик. Его якобы вывезли и спасли.

– От кого?

– Когда Петр Первый пришел к власти, он начал вырезать всех, кто поддерживал Софью…

– Ну это и сейчас не редкость. Правда, теперь чаще стреляют

или в бетон закатывают, – усмехнулась Софья.

– Вот. Якобы они эту ветвь проследили до наших дней – кого удалось. И во мне течет кровь Романовых.

– Так они, простите, не монахами жили. Начиная с того же Петра, кстати правда, что он померши от сифилиса?

– Не знаю. Вроде как от осложнения, полученного в процессе болезни. Но дело не в этом. Понимаешь, они уже были не Романовы.

– А кто?

– Ну, там как-то хитро кровь смешалась. Примерно с Екатерины – которая Вторая – там уже и крови настоящей не было, а значит, и концов не найти…

– Ага, а твоя якобы настоящая. И чем это грозит?

– А дальше начался вовсе уж непотребный бред. Якобы Россия нарушает мировое равновесие.

– Можно подумать, мы этого хотели…

– Не хотели. Но есть несколько ключевых точек, на которых Россию можно перенаправить на иной путь.

– Домкратом?

– Почти… ты термин «переселенец» слышала?

– Не-а…

Софья не лгала. Некогда ей было разбираться в фантастике. Некогда и неохота.

– У Рэя Брэдбери был рассказ – там человек раздавил бабочку, и из-за этого куча катаклизмов случилась.

– А, что-то такое мне сын рассказывал, – припомнила Софья. – И что? Срочно бежим давить бабочек?

– Угадала. Гость из будущего может развернуть историю. И в настоящем времени у нас окажется не Россия, а, например, Русь. Или Руси вообще не окажется…

– А от тебя какой вариант требуется?

Сонечка опустила глаза.

– Как я поняла – второе.

– Во-от как? А морда у них не треснет?

Патриоткой Софью назвать было сложно, но здесь ее сын, ее компания, могилы ее родных, наконец… Что за наглость? Не нравится вам Россия – так свалите в демократию! Меньше вони – больше места!

– Не знаю… А что я могу сделать?

Софья фыркнула. Звучало все это сюрреалистично, но чем-то же надо заниматься, пока голова болит?

– А что собираются сделать они?

– Как я поняла, в ближайшее полнолуние они собираются провести какой-то ритуал и переселить мою душу в тело одного

из моих предков. После этого она – то есть я, мы должны будем сделать все, чтобы Россия не сорвалась в очередной кризис. Это вкратце.

Для Софьи такие заявления всю жизнь были поводом вызвать психиатра. Бред собачий!

– Че-го?!

– Вот и я также была в шоке.

– Слушай, а тебе не кажется, что с таким вопросом им не к тебе, а к ближайшему психиатру?

Сонечка тяжело вздохнула. Опустила глаза.

– Я их и послала. А они сказали… Сонь, у меня дети, внуки…

– Еще и шантаж? Сонечка, по ним тюрьма плачет. Давай я дам приказ своим эсбэшникам?

– Приказ ты дать можешь. А много они сделать успеют? Век же они меня охранять не будут… И моих родных тоже…

Софья вздохнула. Задумалась.

– Вообще, тут проблема. Понимаешь, проще размотать клубок, чем кого-то охранять. Я могла бы за тебя вписаться, но мне жить осталось пару месяцев, а мой преемник шевелиться не станет, пока не получит полной информации. А тебе это время легче и лучше никак не будет…

– Вот именно.

– Так что они от тебя требуют?

– Чтобы я пришла в полнолуние на ритуал.

– И когда это?

– Через два дня.

Софья прикусила губу.

– Значит, ты идешь на какой-то ритуал, с нехилым шансом распроститься с жизнью, и все ради того, чтобы не тронули твоих родных?

Комментарии, как говорится, были излишни.

Софья вздохнула.

– Сонь, а им обязательна – ты?!

– Видимо, да.

– А если тебя кто-то заменит?

Две женщины переглянулись. Медленно, очень медленно возникало понимание.

– Софья, ты хочешь…

– Ну, как-то да. А что? Мы ведь похожи…

Действительно, между женщинами было много общего. Обе среднего роста, обе с чуть оплывшими в период климакса фигурами. Софья более ухоженная, Сонечка более домашняя, у первой дорогая укладка, волосы темно-русого цвета, у второй светло-каштановые, у одной глаза карие, у второй голубые…

– Так, ну волосы мы покрасим. Плюс повязка на голову. Лица… вроде неплохо. Ни родинок, ни шрамов, чуток грима нанести – и будем копиями. Может, пару гримерских накладок сделать?

– Ты это всерьез?

– Более чем. Сейчас своему стиляге позвоню…

– Кому?

– Стилисту.

Сонечка улыбнулась.

– И что он сделает?

– Виталик? О, в этом плане он волшебник. Чего он только не может сделать с человеком. Надо его в день перед полнолунием пригласить и пусть поработает.

– Софья, а зачем тебе это нужно?

Софья вздохнула.

– Сонь, я ведь умираю. Месяцем больше, месяцем меньше… ну и есть разница?

Сонечка вздохнула.

– Знаешь, я бы не удивилась, окажись ты истинной Романовой. Это так благородно…

– Сонь, я же сказала – я умираю. Покончить с собой у меня духу не хватит. Длить агонию – тоже тошно, так что остается? Только рискнуть собой…

– Софья…

– Все, завязали. Зачем тебе притащили эту… – Софья пробежала глазами по корешкам книг и поморщилась. Даже три строчки вызвали тошноту, – псевдоисторическую галиматью?

– Чтобы после переселения души я бы знала хоть что-то… вот ты много знаешь по истории России?

Софья задумалась. Вообще-то ее знания исчерпывались малым.

Был Петр Первый, который лез в Европу через окно. Видимо, потому к России до сих пор в Европе так и относились. И Софья их могла понять. К вам бы кто через окно полез – вы бы его сначала табуреткой, а потом в милицию – или поговорить попытались бы? Вот то-то и оно…

Была Екатерина, которая гуляла со всеми Орловыми, а потом померла.

Был Николай Второй, который про… какал все войны, которые вел. И помер в доме какого-то купца от несварения желудка. Свинцовые пилюли, ага?[1]

В принципе, это и все, о чем Софья и сообщила.

Сонечка вздохнула.

– Вот и я не больше. Позор…

– Не то слово, – поддакнула Софья, хотя никакого позора за собой не знала, на то историки есть – пусть у них голова и болит. И вообще, лично она в прошлом не была, так что верить никому не собиралась. Историю всегда пишут победители – и под себя. Генетика – продажная девка капитализма? Уж как историю прогибали и в каких позах – генетике и не снилось.

– А если это увенчается успехом? Если… Это правда?

Софья покрутила пальцем у виска.

– Сонечка, лапочка, одумайся! Если бы все было правдой, эти типы давно бы миром правили!

– А если они не могут? Ну, как масоны…

Софья фыркнула.

– Сонь, править или хотят или не хотят. При наличии таких возможностей, как манипуляция прошлым – и, соответственно, будущим, эти типы должны быть… ну, тут одно из двух. Либо у них мегавозможности. Либо – крыша, которая съехала вместе с фундаментом.

– А одно с другим не сочетается?

– Не-а… При наличии мегаглупости мегавозможности довольно быстро скатываются до мини-возможностей.

Сонечка фыркнула.

– Софья, ты невероятная.

– Знаю.

И она действительно знала. Девяностые годы лишили страну многих талантов, уничтожили половину поколения, но те, кто смог выжить и пробиться из своего слоя в новый определенно были личностями. Хорошими ли, плохими… да тут не определишь. Но – личностями.

– А может, тебе все-таки что-то почитать?

– Сонь, ну чему это поможет?

– Мало ли…

– Обещаю. Если попаду в прошлое, буду десятками давить бабочек. Чтоб вымерли все демократы, – усмехнулась Софья. – А если серьезно… у тебя как с теорией относительности?

– Плохо.

– Вот и у меня тоже. Но варианты я могу прикинуть. Первый – это розыгрыш и мистификация. Второй – местные сатанисты. Третий – это реальность. После того, как один мой знакомый лечил геморрой Кашпировским, прикладывая голый зад к телевизору, можно и не в такое поверить…

– Серьезно?

– Он же поверил. Правда, пришлось уволить. Мне бухгалтер с таким сдвигом в мозгах не нужен.

Сонечка фыркнула.

– Вот, если это реальность…

– Не верю я в это. А если… там и будем посмотреть.

– Может, я тебе хоть расскажу, что сама успела прочитать из истории?

Софья вздохнула. Но лежать было еще долго, читать больно…

– Рассказывай.

* * *

Виталик оказался весьма симпатичным молодым человеком с выкрашенными в шесть разных цветов светлыми волосами и гламурными манерами. Которые отставил в угол сразу же после неодобрительного взгляда Софьи.

– Понял, уже исправляюсь, простите, въедается…

Куда что и делось? Серьезнее стало лицо, строже глаза, собраннее движения – теперь диссонирующим элементом казались разноцветные волосы и гламурная одежда. А так, стилист по серьезности мог бы дать фору какому-нибудь шахматисту.

– Знаю.

– Софья Романовна, какая задача?

– Сделать из нас копии. Точнее из меня – копию Сонечки. – Софья указала на ошарашенную превращением стилиста соседку. И усмехнулась при виде ошеломленного лица.

– Сонечка, выдохни. Витя – нормальный парень. Просто сейчас мода на гей-парад.

– Ага, у меня и парень есть.

– Знаю я твоих парней, – Софья поморщилась, когда стилист принялся избавлять ее от повязки на голове. – Ты представляешь, этот герой подбирает мальчишек после детдома, дает им профессию, учит, выводит в жизнь… оплату берет натурой. Живут в одной квартире и притворяются парой.

– Притворяются?

Виктор скривился.

– Простите…

– Сонечка.

– Тоже?

– Не отвлекайся.

– А я все равно не любитель зады повторять, – фыркнул мужчина. – Вот будь вы, Софья Романовна, лет на десять постарше…

– Был бы ты, Витя, лет на десять помладше, – привычно отозвалась Софья. – Я б тебя усыновила и не парилась бы с

имиджем.

– Но вы уверены, что надо портить такие волосы?

– Вить, сделай, а?

Этого оказалось достаточно, чтобы стилист принялся за дело. И вечером – вечером друг на друга смотрели две копии Сонечки. Одинаковые волосы, одинаковые черты лица, глаза (контактные линзы), улыбки, жесты, даже фигуры…

Шок – да и только.

Сонечка вульгарно присвистнула, глядя в зеркало.

– С ума сойти.

– Вот уж не надо. Завтра Витя нас еще навестит с утра и будем готовиться. Кроватями поменяемся на всякий случай…

– Как скажешь…

Софья вздохнула. Всю жизнь все делали, как говорила она. Исключением был только Володя, любимый муж, но там было другое. И он, и она совместно разрабатывали стратегию, тактику, совместно работали, строили, любили, воевали… они и были одним целым! А иногда хотелось побыть слабой. Иногда… раз в пять-шесть лет.

Не чаще.

Ну и пусть. Скоро все равно все закончится.

Софья не льстила себе и не рисовала радужных перспектив. Скорее всего, Сонечку собираются убить. Кто, зачем – черт их знает. Князю она позвонила, попросила, если что, приглядеть за соседкой по палате и за ее внучкой тоже. Сын?

Сына видеть не хотелось.

Ее единственный крах. Хуже дефолта и перестройки – из тех-то она вылезла. А вот сын…

Обидно до слез, но ведь частая картина, когда у детей только что птичьего молока нет – и мозгов. А вот богатые родители есть.

Чадушко привыкло к безнаказанности, оно просто не понимает, что можно жить месяц на три тысячи, можно подкладывать прокладки в дырявые сапоги и лопать одну овсянку, лишь бы пробиться… Что самое печальное – не ради тупого накопления капитала. Если спросить любого, кто пашет на износ в бизнесе, то, скорее всего, ответ будет «чтобы мои дети жили лучше меня».

Вот дети и живут – растениями. Лучше родителей, кто б спорил. Но им и в голову не придет, что бриллиантовое колье – не показатель качества жизни, а сороковая шубка или тачка – это, в общем-то, глупо. Ты же их не наденешь одновременно? Да и не надо…

Сонечка смотрела с сочувствием. Она все это тоже понимала – и что самое приятное, не было в ней этакой бабской зависти.

Вообще не было. У нее-то и дети, и внуки получились отличные.

Как же много мы упускаем…

Так люди ведь, люди, не боги!

* * *

А следующим вечером за Софьей пришли. Точнее, за Сонечкой.

Софья дружески попрощалась с соседкой, позволила подхватить себя под локоток, закутать в легчайшую и очень теплую шубу – между прочим, норка и качественная, не из кусочков, – осторожно спустить вниз и усадить в здоровущий «Лексус» одной из последних моделей. Точнее Софья не разбиралась, просто знала, что вроде такая форма фар – она из новых.

Не дороговат ли розыгрыш получается для сатанистов?

На такие бабки можно церковь построить.

Да и вообще – из осторожных расспросов становилось ясно, что денег у Сонечки шиш да маленько. Зачем крутить ее в такой комбинации? Дядюшка-миллиардер в Штатах откинулся и внучке пару триллионов оставил?

Простите – бред. Это в детективах хорошо, а в реальной жизни никак не катит. На большие деньги всегда есть наследники поближе.

Софья откинулась на подушки «Лексуса» и прищуренными глазами – контактные линзы – гадость! – смотрела в окно.

Сопровождающие молчали, она тоже молчала. Шестерок она узнавала сразу – сказался нелегкий жизненный опыт, а стало быть, и говорить с ними не о чем. Только очки потеряешь. Вот к хозяину привезут, там и побазарим за жизнь, там и перетрем…

Впервые Софья удивленно вскинула брови, когда они остановились перед Залучинской[2] церковью.

Залучинская церковь была единственной, в которую Софья ходила, хотя и очень редко, примерно раз в полгода. Единственная, на ремонт которой она перечисляла деньги, а то делала и проще – направляла туда бригады рабочих на недельку-другую с ведома местного батюшки.

Нравилось ей здесь.

Когда рванула перестройка, Софья попробовала ходить в церковь. Ну, вроде как все ходят, а вдруг что-то в этом есть, какие-то таинства и Бог на небе…

Ага, щаз!

Разочаровалась она в церкви тогда же, в девяностые, после

беспошлинной торговли алкоголем. Бросила ходить по храмам, гоняла из конторы попов и на все вопросы отвечала, что с Богом сама разберется. А вы в наш с ним интим не лезьте, а то в Швецию пошлю…

А в Залучинскую церковь Софья вообще попала чисто случайно. Ехала с турбазы, проколола колесо неподалеку и кое-как доползла до села. Местный очаг культуры, то есть пивнушку, она искать не стала, церковь была ближе, и там наверняка нашлось бы хоть два-три мужика. На религиозную ориентацию Софья внимания обращать не собиралась, умели бы колеса менять…

Церковь казалась слишком большой для Залучинска, таких и в городе не было. С высоким сводчатым потолком, рассчитанная человек на триста, со старыми иконами и неожиданно свежим воздухом. Софья привыкла к тому, что в церквях не продохнешь, а тут ладан скорее оттенял прохладу и запах старых камней…

В церкви был всего один человек – лет тридцати – тридцати пяти, вполне светский, в джинсах и старой рубашке, он протирал тряпочкой что-то блестящее и тихо напевал себе под нос. Софья вполне вежливо поинтересовалась, не найдется ли героя, способного поменять колесо у машины. Мужчина предложил посмотреть.

Колесо он поменял, а попутно они разговорились. Оказалось, что это местный батюшка. Ему, кстати, и удалось примирить Софью с верой в Христа, хотя за некоторые высказывания его бы точно попы из своих рядов поперли да еще и ногами бы побили. Он, например, считал, что надо не молиться каждый день, а жить согласно заповедям. Что лучше не делать подлостей, чем за них каяться. Что вера вечна, а патриархи преходящи, да и вообще – если пара подлецов и затесалась, так не все же плохи? Ну и прочее в том же духе.

Вот и оказался заслан в Залучинск с населением из восьми бабок да вечно пьяного тракториста Федьки. А ведь церковь там была уникальная, еще восемнадцатого века… реставрировать бы!

В завещании, впрочем, Софья отказала батюшке определенную сумму с указанием жить на проценты. А то кто их, патриархов, знает…

– Залучинск?

– Прошу вас. – Вместо ответа ей помогли выйти из машины.

Софья выпрямилась, проигнорировав предложенную руку, и вошла в церковь сама. Каблуки звонко простучали по каменному полу.

– Софья, здравствуйте. Мы ждем вас. Петр, за дверь…

Провожатого как ветром сдуло, а Софья принялась

рассматривать «хозяев». Их было ровно тринадцать. Слева направо помещались черноволосая женщина с вороной на плече, двое мужчин вполне европейского облика, индус, рыжеволосая красотка, явный японец, два китайца, блондин скандинавского типа, двое мальчишек лет восемнадцати на вид, вроде как европеоиды, один тип с примесью явно индейской крови и один альбинос.

– Пелагея, добрый вечер, – Софья усмехнулась уже в своем стиле. – Скажите, это у вас ворон или ворона? Не гадит? А то у птиц, вроде как, недержание?

Брюнетка подскочила, будто ее шилом в попу ткнули, но ругаться не стала. Судя по сдержанным улыбкам на лицах ее коллег, Софья попала в точку – и начни дама отругиваться, дело затянулось бы надолго.

– Софья Петровна, мы рады, что вы себя хорошо чувствуете, – вмешался один из европейцев.

– Я тоже рада себя чувствовать… живой, – усмехнулась Софья. Сильно она не боялась. Спустя два часа после ее отъезда Сонечка позвонит в милицию – и поднимется шум на всю область.

ВЛАС – градообразующее предприятие, эту компанию по кустам размотают. А она…

Так все равно ж умирать…

– Вам и дальше ничего не грозит, – пожал плечами альбинос. – Вы просто заснете здесь и проснетесь уже там. И будете жить дальше. На самом деле, вам бы еще многие позавидовали – получить новую жизнь, ничего не давая взамен.

– Так-таки и ничего, – усмехнулась Софья. – Давайте посчитаем на пальцах? Я оказываюсь в теле одного из моих далеких предков-Романовых, так?

Кивок альбиноса.

– Буду в нем жить и радоваться жизни. И чье это будет тело?

– Мы сами пока не знаем. На что у нас хватит энергии, то и будет.

– А если ни на что не хватит?

– Скорее всего, вы умрете. А мы определенно погибнем. Так часто бывает, если браться за дело не по своим силам. Эфир ошибок не прощает.

– Эфир?

– Это вам ни к чему.

– А что – к чему?

– Когда вы окажетесь в прошлом… скажите, вы любите свою родину?

– Это не тема для обсуждений.

Софья чуть скривила губы. Представьте себе, она родилась в

то время, когда родину было принято любить и ценить. И уважать, и восхищаться, и знать, что она о тебе позаботится. Пусть потом все рухнуло, но то, что было вбито в детстве, оно и осталось. И Софья глубоко в душе знала, что готова на все ради своей страны.

Только вот что она могла сделать?

Против лома не попрешь.

– Лю-убите, – усмехнулась Пелагея. – Вот и решите, что для нее будет лучше. Власть-то у вас будет.

– Власть?

– Романовы всегда были при власти – начиная с Михаила. Думайте, что вы сможете сделать – и делайте. Не оглядывайтесь, все равно просчитать вы ничего не сможете.

– И никаких спецзаданий?

– Сонечка, а как мы сможем проконтролировать их выполнение? – усмехнулся японец. – Тут дело в другом. Будущее – понятие нестабильное. Здесь и сейчас мы не можем видеть развилки, мы осознаем их, только когда поворачивать поздно. Если в результате ваших действий ветка будущего, на которой вы будете находиться, станет более устойчивой, то наша рано или поздно сольется с ней. И мы сможем переступить порог, совместной энергии на это хватит.

– А хватит ли вашей энергии, чтобы отправить меня туда, не знаю куда?

Софья била наугад и вопросы задавала – лишь бы спросить, но… Сейчас она видела, что дело тут не в кучке придурков, о нет. Одни сережки в ушах рыженькой девушки стоили сумасшедших денег, таким бриллиантам место было в Эрмитаже, а не в частных руках.

Все было серьезно, а значит – и отнестись к вопросу надо было по-деловому.

– Вполне, – индиец чуть поклонился. – Госпожа София, эта церковь стоит на старом месте силы. Тут когда-то служили древним богам, а потом христиане стали приносить жертвы… мы воспользуемся накопленным.

Софья кивнула.

– Ладно. Суть я примерно поняла. Посмотреть, в ком я окажусь, а там – не фиг думать, прыгать надо.

Люди переглянулись. Судя по всему, она угадала. Инструкций ей не давали потому, что сами не представляли всей цепочки событий. Окажешься там – и валяй, гуляй!

Чтоб вас… крышей накрыло!

– Тогда давайте, запускайте машинку, – распорядилась Софья. – Нечего тянуть.

Компания заулыбалась и расступилась. Софья сглотнула неожиданно вязкую слюну. Посреди церкви стоял старый даже на вид каменный алтарь. Черная плита выглядела бешено древней.

– Раздевайтесь и ложитесь.

Женщина посмотрела на Пелагею, на остальных… все были смертельно серьезны.

– А шубу подстелить можно?

– Зачем?

– Так камень же, холодно, – огрызнулась Софья. – Вы мне почки и недержание лечить будете?

Судя по взглядам, такие мелочи ее уже беспокоить были не должны.

Уроды…

Софья мрачно скинула шубу прямо на пол, разулась, встала на мех и принялась раздеваться без малейшего стеснения. А что? Пусть им будет стыдно!

Последними на пол полетели лифчик и трусы, и женщина направилась к алтарю. Кое-как влезла, заложила руки за голову, закинула ногу на ногу…

– Извините…

Японец мягко, но непреклонно помог женщине принять позу жертвенной овцы. Привязывать ее не стали, колоть и таблетки предлагать – тоже, это внушало надежды. Ладно.

Даже если она что и застудит, все равно это не трагично. Месяца три-четыре…

Вся гоп-компания ненадолго исчезла, а потом они появились вновь. Все в белых балахонах, из-под которых торчали босые ноги. Все со свечками в руках. Не церковными, нет. Это были свечи-аристократы, явно сделанные не конвейером, из белого воска…

Интересно, они их зажигалкой поджигать будут или трением огонек добудут?

Ирония оставалась последним барьером Софьи на пути истерики, и женщина использовала ее по полной программе. Но зажигалка не понадобилась.

Альбинос вытянул вперед руки, прищелкнул пальцами – и…

Свечи загорелись сами. Софья поежилась.

Мужчины и женщины окружили алтарь, вытянули руки вперед – и заговорили.

Медленно, мерно, монотонно, в унисон, не замолкая ни на минуту, на каком-то странном языке…

Это определенно был язык, просто Софья его не знала. Но… что-то было в этом далекое от шутовства.

Они говорили – и Софье казалось, что где-то раскручивается стальная пружина. Где-то в неведомой дали чудовище открывало

глаза, присматривалось к ней, пробовало на вкус… страшно… очень страшно.

* * *

Пелагея нервничала, хотя и не могла понять, что не так.

Софья?

Да что может эта курица?! Хотя… говорила она странно. И держалась – тоже. Но может, она просто нервничает? В такой момент многие женщины – стервы.

Неладное Пелагея почувствовала, когда они начали заклинание. Все было просчитано заранее, и сила, вложенная ими, и сила, полученная от места… но когда заклинание начало раскручиваться – все пошло не так!

Пелагея не ощутила момента, когда из ведущих они стали ведомыми.

Страшная сила подхватила их, понесла, и остановиться, выйти, разорвать заклинание уже не смог бы никто. Она видела удивленное лицо Джиневры, побелевшие от страха глаза Шона, понимала, что все идет не так – но КАК?!

Тело женщины на алтаре начинало светиться. Сначала по нему просто пробегали световые волны, потом Софья засветилась целиком – и от ее тела начало отделяться нечто… прозрачное… душа.

Уже никто не мог говорить, Джиневра и Михаил упали на колени – заклинание тянуло силы из своих творцов, и оставалось только молиться, чтобы их хватило. А то ведь и жизнь высосет…

Страшно…

* * *

Софья уже не чувствовала ни боли, ни холода.

Что бы с ней ни происходило – это было восхитительно. Она ощущала себя молодой, здоровой, сильной, ее переполняла энергия, хотелось смеяться, летать, петь, но встать она почему-то не могла.

Попробовала и вдруг с ужасом поняла, что… отделяется от тела.

На алтаре лежала оболочка. Пустая, неинтересная, старая. Софья расхохоталась, глядя на людишек вокруг. Теперь она все понимала, теперь она *знала*.

Они хотели отделить душу от тела и направить в прошлое – у

них это получится, хотя и не так, как планировалось.

Получилось бы с Сонечкой, но она-то не Романова! Заклинание пошло не так – и теперь оно пило силы из своих творцов, набирая их достаточно, чтобы перебросить Софью – куда?!

А, неважно. Будем надеяться, у того тела не будет опухоли в мозгу. А эти тринадцать… а их не жалко!

Любой, кто берет на себя ответственность за чужие судьбы, тем более судьбы миров, должен быть готов за это заплатить. И заплатить дорого.

Кровью, жизнью, судьбой… Софья знала, что когда заклинание завершит свою работу, эти люди будут стерты из мира. Земля брала свою плату – и плата эта была высока. Жалость? Сострадание? Но от нее уже ничего не зависело.

Она, наконец, увидела перед собой светящуюся арку и рванулась вперед что есть силы. И оказалась – в темноте.

Вокруг была ночь. Глухая, страшноватая, беспросветная. Софья подалась чуть вперед – и вдруг в темноте начали загораться звездочки.

Побледнее и поярче, разных цветов и оттенков, покалывающие острыми лучами и ласкающие взгляд… Софья смотрела на них.

Откуда-то она знала, что ей надо выбрать одну из звезд. Коснуться…

Но выбор был так велик.

Она устала висеть в этой темноте. Попробовала пройти немного вперед – и получилось, хотя ни ног, ни тела она не ощущала. Просто звезды стали ближе.

И одна, светло-желтенькая, чем-то ей приглянулась.

Совсем маленькая, ярко брызгающая искорками в разные стороны, очень теплая и уютная, чем-то похожая на электрическую лампочку… Софья потянулась к ней.

Звездочка не отшатнулась, но дотянуться до нее Софья не могла. Словно пленка облепила, с каждым шагом все сильнее задерживая движения. Кто-то сдался бы, но если Софья что и умела, так это бороться.

Она рвалась вперед с упорством кабана, ломящегося сквозь камыши, – и так же поддавалось пространство. Последним усилием она протянула руки, вцепилась в звездочку и ощутила, как по телу разливается огонь.

Боль накрыла женщину с головой, заставив забыть обо всем.

Кажется, она еще смогла застонать…

* * *

Джиневра закричала, чувствуя, что в заклинание уходит сама ее сущность – и ей ответили такие же крики. Совет Тринадцати попал в ловушку – и выбраться из нее не представлялось возможным.

Первой, как ни странно, упала Пелагея. Вскрикнул под куполом ее ворон, не в силах помочь хозяйке.

Они падали один за другим, с почти одинаковым выражением на лицах. Недоумение, злость, ярость, жажда жизни…

Увы…

За взятые без спроса полномочия приходится платить. А ребенок, дорвавшийся до спичек, вполне может спалить дом. Только вот мама с папой отшлепают, а Земля…

Кара настигла тех, кто думал, что может распоряжаться людскими судьбами.

Последним ушел Миягино-сан.

Он так и не понял, где они ошиблись, но надеялся, что мир не будет слишком жесток к Софье. И это было зачтено. Его душа единственная не была выпита до дна, уйдя на следующий круг перерождения.

* * *

На следующий день отец Степан, придя в храм, застал там жутковатую картину. Четырнадцать трупов в разных позах – и одну из мертвых женщин он даже знал. Степан снял с алтаря тело Софьи, отнес его в ризную, прикрыл своей рясой и вызвал полицию.

За нарушение места преступления ему досталось, но не сильно. Его даже не было в числе подозреваемых – эту ночь он провел в городе, заночевав в семинарии. Расследовали долго, расследовали безрезультатно… и концов в итоге не нашли.

Софью Романовну похоронили на Залучинском кладбище. Сонечка, которую больше никто не тронул, с милицией своими подозрениями не делилась, но за могилой Софьи ездила ухаживать, как за родной. Возила ее внучка, та самая, которая стала-таки работать во ВЛАСе, а иногда приезжала и сама по себе.

Там, на могиле, она и познакомилась с Вадимом Ромашкиным, который таки нашел в себе силы расстаться с Мариной. Хотя немалую роль в этом сыграл Князь, дав жадной щучке надежду, поматросив и бросив.

Семьи Романовых и Ромашкиных все-таки породнились, и Сонечка утешала себя мыслью, что Софье это бы понравилось.

Хотя слабое это утешение для тех, у кого ушли в вечность родные и близкие…

1660 год

Раньше Софья думала, что знает о боли все. Ан нет.

Эта боль была какой-то особенно жестокой. Было полное ощущение, что каждую клеточку тела протыкают раскаленной иголкой, а потом еще солью посыпают. Бо-о-о-о-ольно….

Не выдержав, Софья взвыла волчицей.

Увы… взвыла бы. Горло пересохло, и из него вырвался то ли писк, то ли хрип.

На лоб легла чья-то ласковая рука.

– Тише, тише, Сонюшка, вот, испей…

Губ коснулся краешек какой-то посуды, и Софья сделала пару глотков… чего?

На воду это было не похоже. Что-то густое, сладковатое, странного вкуса…

Боль чуть-чуть попустила. Теперь все воспринималось иначе. Ощущения были, словно все тело отлежала. Разом.

Софья вдохнула. Выдохнула. Потом еще раз и еще… стало чуть спокойнее. Женщина сидела рядом и пока молчала. Вдалеке слышались какие-то шумы – пока Софья не старалась их разобрать. Она вспоминала.

Что последнее она помнила?

Звезды.

Темнота.

Боль.

Негусто, однако. А предпоследнее?

А вот это вспоминалось четко. Компания придурков, церковь, алтарь… наверное, ее спасли. А почему так больно? И кто с ней разговаривает? И откуда были звезды?

Хотя ответ прост. Наверняка она либо чего-то нанюхалась, либо получила галлюциноген иным путем – сейчас такие методы есть, что и не заметишь, а наркоманом станешь. А болевые ощущения… ну а что тут удивительного? Вот, если бы их не было, было бы странно. Вас бы в шестьдесят… ладно, пятьдесят с хвостиком так потрепали – что бы вы ощущали? Явно не восторг.

Софья попробовала открыть глаза. Получилось.

А в следующий миг она впала в шок.

Вот что она могла ожидать? Правильно – палату реанимации, на худой конец, приличную больницу. С беленым потолком, капельницей и медсестрой.

Вместо этого…

Софья никогда не была во дворце. Даже посещения родными Эрмитажа и Кремля проходили без нее – неинтересно, некогда,

неохота. Но сейчас…

Она лежала в небольшой комнатке, полутемной и тесноватой. Обитые чем-то красно-золотым стены, расписной потолок, на котором были изображены солнце и что-то еще непонятное, окна, забранные цветным стеклом, иконы в углу с лампадкой перед ними, сильный запах ладана…

Господи…

Софья перевела взгляд поближе.

Как называется это… в чем она лежит? Если кровать – то подозрительно маленькая и качается почему-то? Рядом с кроватью сидит женщина в наряде, который вызывал у Софьи ассоциации с пушкинскими сказками – там когда-то она видела похожие одежды. И под конец взгляд Софьи опустился до нее самой.

Тело под периной определенно принадлежало девочке лет трех-четырех, не больше. Измученный мозг не выдержал слишком крутых поворотов реальности.

Софья мягко ушла обратно в глубокий обморок.

* * *

Второй раз она очнулась, когда было темно. И теперь уже орать не стала. Лежала, думала, благо, тело хоть и ощущалось не своим, онемелым, но сильно уже не болело, так что можно было стиснуть зубы и перетерпеть.

Софья смотрела в темноту и думала.

Согласно женской логике, либо она переселилась в другое тело – либо не переселилась. Что говорит в пользу первого предположения?

Боль. Это определенно. Если б у нее так в реальности болело… хотя, может, и болит – в реальности, в реанимации? А тут она просто глюки ловит?

Ой ли… Софья себя знала. Она даже исторических романов не читала, предпочитая отвлекаться детективами. А тут вдруг такие подробности из жизни неясно пока кого? Верилось с трудом. Разум человека может выдать только то, что в нем уже было. Если ты в жизни не видел, допустим, Эрмитажа, так тебя ни в каких галлюцинациях на его посещение и не проймет. Ты просто его не знаешь…

Логично?

Вроде бы логично.

Но галлюцинации отметать нельзя. И все же…

Можно обмануть зрение и слух. Можно. Но обоняние?

Осязание? Вкусовые ощущения? Откуда?

Хотя что она знает о человеческом мозге? Ее собственный разум разрушается опухолью. Вполне допускается гипотеза, что разрушение какой-то группы клеток и вызвало эту картину.

Возможно, что и так. А как она будет действовать?

Глупый вопрос. Жить она будет, просто жить! И по полной программе получать от этого удовольствие!

Что тут можно еще сделать? Просто принять, как аксиому, две истины.

Если это бред, надо получить побольше радостей, пока не сдохнет.

Если реальность – а время в этом убедиться еще будет, тем более надо жить на полную катушку. Если те идиоты подарили ей вторую жизнь, то глупо выбрасывать подарок в унитаз. Что в этой жизни делать, она еще определится. Возможно, в новой жизни она опять станет строителем. Или выйдет замуж? Или найдет себе еще какое-нибудь занятие. Или… да вариантов масса. Судя по внешности, этому телу года три… ну или чуть больше? Может, и так. Вся жизнь впереди, только радуйся.

Хм-м…

А вот радоваться рановато.

Штирлицу определенно было легче, а вот ты, Сонька, пока об этом теле ничего не знаешь. Хотя нет…

«Сонюшка, вот, испей…»

Тело зовут Софья. Это хорошо, на имени уже не спалимся. А вот что осталось в мозгу после подселения? Если так прикинуть – душа исчезнуть может, а вот память? Человеческий мозг – это ведь как кассета. Могли эту кассету полностью потереть перед ее заселением?

А кто ж его знает…

Проверить это можно было только опытным путем. Софья лежала и пыталась вспомнить хоть что-то. Получалось откровенно плохо. Нет, свою-то жизнь она помнила как никогда ярко. Вспоминалось все. Вплоть до школьных уроков ненавистной литературы. Даже стихи, которые она тогда учила, вспоминались объемно и ярко. А вот из воспоминаний девочки Сонюшки…

Выплывали лица, имена, шепотки…

Когда виски начало не по-детски ломить, Софья плюнула (мысленно) и бросила это гиблое занятие. К чертям свинячьим! Что вы хотите от ребенка до пяти лет? Имя бы свое вспомнил и то слава богу!

Есть, конечно, исключения, вундеркинды и прочие радости жизни, но приютившая ее душу девочка, похоже, к таковым не относилась.

Софья лежала и составляла план действий.

Первым делом надо узнать, где она, какое у нее положение. Потом все возможное о своих родных. Ну а дальше…

Сложно планировать, когда ничего не знаешь.

Сначала выздоровеем, а там по обстоятельствам. С этим лозунгом Софья и заснула. И ей снились красивые цветные сны.

* * *

Нас утро встречает прохладой, нам свежестью веет река…

Песню Софья помнила. Но в реальности все обстояло иначе. Утро ее встретило болью во всем теле, к тому же ей просто захотелось в туалет, и она заворочалась, пискнула…

– Сонюшка…

Над Софьей склонилась та же женщина, что и в прошлый раз. Но если тогда было не до удовлетворения любопытства, то сейчас Софья могла здраво рассуждать. Девочка рассматривала ее внимательным серьезным взглядом. Так… одета достаточно богато, хотя пока и неясно, что именно на ней, этакая капуста – сто одежек. Голова покрыта, волос не видно. Лицо умное, живое, темные глаза смотрят ласково… кто бы эта женщина ни была – она явно хорошо относится к девочке. Возраст… от тридцати до сорока пяти. Есть морщины, нету части зубов… хотя хорошие стоматологи и в двадцать первом веке – редкость. А уж раньше-то…

Зато лицо набелено чем-то типа известки (мел? белила?) и нарумянено в нужных местах. Брови явно подчернены.

А еще…

Это было не воспоминание Софьи, нет. Скорее ощущение. Эту женщину хотелось обнять, прижаться, потереться щекой, она ассоциировалась с любовью, заботой, теплом.

Мать?

Вариантов масса: тетка, нянька, бабушка… а ошибиться и нельзя. Так что никаких обращений… милый Штирлиц, как я тебя понимаю…

– Больно…

То есть сказать хотелось именно это слово, а получилось «боно…». Невнятно, но главное – дошло.

Софья впервые попробовала свой голос и едва не чертыхнулась. Половина букв не выговаривается, во рту словно каша… логопеда мне! И упражнения!

– Опамятовалась, красавица моя? – Женщина расплылась в улыбке. – Слава боженьке нашему, а мы-то уж молились,

молились за тебя, матушка твоя вечор заходила…

Ага. Значит, точно не мать. Уже легче. А кто?

Она говорила, а руки тем временем подхватывали девочку, усаживали ее на горшок – изукрашенный так, что даже обидно было в него дела делать, – гладили по волосам…

Из мягкого, «окающего» потока речи Софья вылавливала крупицы ценных сведений.

Несколько дней назад девочка свалилась с горячкой. Кормилицу позвали за ней ухаживать. Доктора уверяли, что девочка выживет, но позавчера ей стало неожиданно худо. Лежала, как мертвая, и даже не пищала… матушка пришла, хотела попрощаться с девочкой, но поскольку она была в тягости, ее к ребенку не пустили. Не дай бог, на нерожденного перекинется. Тут Софья опустила ресницы, соглашаясь со своими мыслями. Действительно, краснуха была бы не в тему. Дети-то ей болеют, а вот беременным женщинам лучше не…

Был батюшка, хотел соборовать и причастить ребенка. Но девочка все дышала и дышала, так что начинать он не решился, а ночью Софья пришла в себя и даже киселька попила…

Одним словом, умирание откладывалось.

А сегодня с утра девочка пришла в себя, и по этому поводу все очень рады.

В радость Софья откровенно не поверила, за отсутствием радующихся. Что-то никто тут с воплями «УРА!!! Она выжила!!!» не бегал и чепчики в воздух не бросал. А и не надо, мы не гордые, но и бедными не будем. Дайте время и знания…

Софья закончила свои дела и попросила покушать. Хоть бы и киселька…

Женщина, растрогавшись, унеслась за дверь, а девочка… да-да, именно девочка, кое-как откинула одеяло и оглядела себя.

Ребенок и ребенок, что тут скажешь?

Косица системы «крысиный хвост» из невыразительно темных волос, ручки-веточки, ножки-палочки. Все. Шрамов вроде как нет, но под одеялом она лежит в рубашке. Кстати – ткань явно дорогая. И с вышивкой, даже чуть с золотыми нитями. Явно она тут не последняя личность. Или…

Мысли упорно не складывались.

Она из небедной семьи, но незаметно, чтобы вокруг нее народ суетился. Нет, пока еще рано делать выводы, вот соберет информации побольше…

В комнату вошла девушка – и внимание Софьи сосредоточилось уже на ней. Одета… кажется, это рубаха и сверху сарафан. Только красивый, вышитый, коса толстенная, в руку… А в руках поднос с посудой. И если Софье не отказали глаза –

никакой нержавейки и никеля. Дерево, серебро… все красивое, с любовью сделанное.

Девушка подошла и принялась умело кормить ребенка с ложечки. Кстати – ложка была очень красивая, костяная, но слишком крупная… чайных ложечек тут нету, что ли?

К концу кормления вернулась и первая женщина, с богато расшитым полотенцем, которым вытерла девочке рот и лицо.

После стакана киселя детское тело потянуло в сон – и Софья свернулась клубочком, отпихнув в сторону мешавшую подушку и неразборчиво пробормотав няньке:

– Скаськy…

Нянька поняла и принялась нудить что-то из жития святых, про какую-то тетку, которую то ли зарезали, то ли сожгли… Софье было все равно. Главным было другое.

Разговор, слова, обороты…

Она старалась впитать сколько успеет, прежде чем провалилась в сон. И последней мыслью было: *«Надо учиться говорить по-местному, иначе спалюсь, как туалетная бумага в камине».*

* * *

Следующие три дня Софья активно выполняла свою программу. Училась, училась и еще раз училась.

Тело девочки выздоравливало достаточно медленно – и многого она сделать не могла. Легко ли быть взрослой в теле трехлетки?

Отнюдь.

Хочешь ты многое, а вот можешь… да ничего ты почти не можешь! Ничего! Даже мелкая моторика пальцев пока еще недостаточно развита, чтобы одеться. Пришлось Софье хитрить. Отсылать няньку за едой и тренировать пальцы, потом выбираться из постели, делать хоть какие-то упражнения… такое ощущение, что ребенка вообще физически не развивали. Растет – и ладно!

Жуть!

Тело так быстро уставало, что день Софьи сократился до трех-четырех часов, остальное время она попросту спала. А пока не спала, обследовала свою комнату. Познакомилась поближе с доброй теткой.

Это оказалась ее кормилица, Марфа. Софья называла ее то Мафа, то Мася, но тетку это не расстраивало. Лишь бы ребенок был жив-здоров. А уж это Софья готова была ей гарантировать.

Еще выяснилось, что сейчас сентябрь месяц и у нее недавно были именины. Семнадцатого числа. А спустя пять дней она и слегла.

А еще – что матушка, тетушки и сестрички молятся за ее здоровье.

Кстати – самой Софье тоже пришлось молиться. Причем каждый день и по нескольку раз. Женщина тут же отметила в уме, что место это религиозное, но молитвы твердила как попугай Кеша. Незнание законов не освобождает от ответственности, а вот знание – как раз наоборот. Будешь обладать знанием – выкрутишься при любых властях и любой погоде. Кодексы, конечно, ребенку никто не даст, но вот молитвенник…

Псалтырь.

Эта книга появилась в покоях Софьи через день после выздоровления, и девочка сразу же потянула к ней руки.

– Осю…

То есть – хочу.

Разумеется, книга была предоставлена. Кстати, судя по изукрашенному переплету – одного жемчуга было не меньше чем на три тысячи долларов, а еще тонко выделанная кожа, золотые уголки, голубые камушки…

Явно дорогая игрушка. И то, что ее так легко дают ребенку, который может и порвать, и что угодно сделать…

Но – не стоило с самого начала так поступать с ценной вещью.

Софья открыла книгу и уставилась в нее, как баран на новые ворота. И игры в этом почти не было.

Кто не верит – открываем книгу на старославянском и читаем от всей души. Бегло так, весело, живенько… одно написание букв доставило Софье несколько часов жестокой головной боли. Но постепенно глаз приноровился выхватывать из нелепицы отдельные буквы, составлять из них слова, а там и складывать их в нечто осмысленное.

Перевод пока удавался не очень, но смиряться девочка не собиралась. На самом деле между фразами: «*К сублизингу применимо общее правило о субаренде, согласно которому арендатор вправе возобновлять договор субаренды в пределах срока аренды без дополнительного разрешения арендодателя, если последний дал согласие на субаренду, но не оговорил ее предельного срока*» и «*сесвята́я Тро́ице, Бо́же и Соде́телю всего́ ми́ра, поспеши́ и напра́ви се́рдце мое́, нача́ти с ра́зумом и конча́ти де́лы благи́ми богодухнове́нныя сия́ кни́ги, я́же Святы́й Дух усты́ Дави́довы отры́гну, и́хже ны́не хощу́ глаго́лати аз, недосто́йный, разуме́я же свое́ неве́жество, припа́дая молю́ся Ти, и е́же от Тебе́ по́мощи*

прося»[3] имеют много общего. Сначала это может казаться бредом, но потом смысл таки находится. И часто затраченное время впоследствии окупается трижды.

А еще Софья старалась успокоиться. И это было совсем не лишним.

Легко сказать – я взрослый человек в теле трехлетнего ребенка. Да-да, трехлетнего, теперь Софья это знала, нянька пару раз упомянула ее третьи именины. А вот жить?

Говорить внятно ты не можешь. И половину звуков просто не выговариваешь.

Моторика пока еще как следует не развита. Да и вообще, судя по усталости, девочка активного образа жизни не вела. Не мышцы, а сопли. Кисель. И это нужно было срочно исправлять. За второй шанс спасибочки, но ведь такое тело болеть будет не переставая. А этим Софья была уже сыта по горло.

Кроме того, иногда накатывали дикие головные боли, от которых девочка просто лежала в своей кровати и плакала. Ощущение было такое, словно голову гвоздями пробивали со всех сторон. И не пожалуешься толком.

Почему так?

Мысль у Софьи была. Разум взрослого, подсаженный в тело трехлетней малышки, пытался развивать привычную активность, а ребенок-то пока к этому не привык! Можно поставить мотор от «Ягуара» на «Запорожец», но привыкать к такому «миксу» придется долго.

Ничего, она справится. Всегда справлялась.

А еще есть привычки, вкусы, характер.

Когда последние тридцать лет ты командуешь людьми, тебя слушаются беспрекословно, твои приказы выполняются, стоит только пискнуть – ты к этому очень быстро привыкаешь. А сейчас твое мнение никого не интересует. Ты – просто живая кукла.

Тебя любят, заботятся, тетешкают, тискают, выполняют твои желания в меру разумения – но и только. А вот серьезно слушаться… Софья быстро поняла, что единственный доступный ей метод воздействия сейчас – слезы. Не истерика, нет. Истеричных детей в любые времена сначала шлепают, а потом слушают. А вот именно что тихие горькие слезы…

Кстати – это тоже был плюс и немалый, – у этого тела получалось красиво плакать. Раньше Софья в жизни не рыдала еще и потому, что чревато было долгими последствиями. Опухало лицо, надолго краснели глаза, в носу зверски хлюпало еще сутки… В этом теле так не было. И можно плакать вволю, когда ничего не распухает, только слезинки бегут по щекам. И Софья уже этим пару раз воспользовалась – когда требовала Псалтырь и

когда нянька застала ее прыгающей на месте и попыталась уложить. Тогда Софья отвоевала себе свернутый в жгут платок – на скакалку – и продолжила занятия. И еще через пару часов, снова и снова.

Пока еще плана у нее не было. А что можно планировать из таких мелочей, которые прорываются?

Хотя пару раз…

Царь-батюшка твой на охоту поехал, царица-матушка глаза проглядела, ожидаючи, в тягости она, сынка родить мечтает…

Интересно, у этой девочки правда отец – царь?

Выкристаллизовывалось много интересного.

Первое – она в России. Или на Руси, один черт.

Второе – она достаточно высоко на иерархической лестнице. Если и правда – царевна. Хоть гусей пасти не придется.

Третье – информации катастрофически мало, а выкачать ее сложно, в основном из-за сопливого возраста реципиента. Сомневаетесь? Попробуйте придумать ситуацию, в которой вы серьезно и вдумчиво объясняете трехлетнему ребенку политику партии и правительства, о курсе доллара поговорите, да серьезно так, вдумчиво… Не получается? А вдруг поймет?

То-то и оно. Будь ты хоть семи пядей во лбу, но пока говорить не научишься, всерьез тебя не примут, да и потом помолчать придется. Судя по языку, по одежде, по письменности – Софья сейчас была где-то глубоко в русской истории. Уж точно до европейского платья, то есть – до Петра.

А как тут будут объяснять неожиданную гениальность ребенка?

Вариантов два. Или дьявол – или Бог. И лучше второе. Вот если откровение снизошло или Богородица чихнула…

А если нет?

Инквизиция, которая вроде как сжигала всех или топила?[4] Или просто в монастырь запрут? Ни тот, ни другой вариант Софью не устраивал.

Значит, нужно бойко и смело тараторить молитвы. В любой момент и при любой погоде. Учим, девочка, учим, а заодно пытаемся не рехнуться с тоски в условиях жесточайшего информационного голода, пока сидим в карантине.

* * *

Интересное случилось на четвертый день. В комнату вошла женщина лет тридцати пяти – сорока, богато одетая – поверх того же сарафана, который был явно сшит из более дорогой ткани, чем

у Марфы, на ней было нечто вроде длинного красного…

Софья даже не знала, как обозвать эту одежду. Потом она уже узнала, что это опашень и душегрея, потом. А пока она просто впитывала весь облик женщины. Явно напоказ богатые здоровущие пуговицы, закрытые волосы, белый платок, круглая шапка на голове, расшитая чем-то вроде жемчуга и отороченная мехом, длинная одежда…

А еще лицо, набеленное и нарумяненное так, что Марфа показалась недокрашенной. Косметикой тут явно не пренебрегали. Темные глаза женщины смотрели пристально, накрашенные губы ласково улыбались, но Софья чувствовала под этим что-то… гниловатое. Как будто под зеленым лужком скрывалась глубокая трясина, и не самая лучшая при этом. Ну и возраст. Женщина была явно старше Марфы и смотрела на ту сверху вниз. Поздоровалась, даже чуть поклонилась – Софье, не Марфе. Девочка не преминула отметить этот нюанс, но сама кланяться не стала. Она – ребенок, это первое, она не знает, надо или нет, – это второе. Если она царевна, то вроде как кланяться не должна, нет? Да и тетка бы поправила, так что Софья булькнула нечто вроде «Дасть!», в переводе на русский – здрасьте и опять уткнулась в Псалтырь.

Марфа тоже поклонилась, только низко. Тетка оглядела няньку с ног до головы, выдержала паузу и заговорила. Софья тут же насторожила ушки и принялась впитывать, с грустью отмечая, что говорить ей пока еще рано. Филолог бы отметил многое. Обороты, построение предложений, фразеологизмы, неологизмы и прочие «измы». Софья же выделила для себя главное. Плавность и темп.

В бытность свою бизнес-леди, Софья говорила абсолютно по-другому. Какие там красивости? Какие там перекаты? Какие там «вокруг» да «около»?

Двадцать первый век бешено ускорил темп жизни, и темп речи подстроился под него.

«*Эй ты, шевелись, подними зад, какого ты икса тут делаешь… ЖИВО!!!*»

Если сейчас Софья заговорила бы, как привыкла…

Были, были в состоянии трехлетки и свои плюсы. С ребенка даже лет пяти-шести можно бы уже спрашивать, требовать, а вот с нее взятки гладки. «*Не зня-я-я-я, я иссе ма-а-а-а-енькая…*» Какие претензии?

Но прислушиваться Софья не забывала.

Вежливость – первое оружие вора?

А информация – первое оружие любого бизнесмена.

* * *

Анна Никифоровна Лобанова-Ростовская была довольна. Царевна Софья выздоравливала, медленно, но уверенно. И это было хорошо.

Да, царевна – не царевич, но к чему царице лишние переживания сейчас, когда она в тягости? И так царь-батюшка на нее чуть сердит…

Наследника долго родить не могла, был царевич Дмитрий, да помер, годика малышу еще не сравнялось. А потом начала рожать, да все дочерей. Пока царевича Алексея родила – двух девок принесла, да потом еще двух. Сейчас опять в тягости, и бабки сказывают, что мальчик должен быть, да только Анне это сомнительно.

Мальчики, они от крепкой мужской любви рождаются, а откуда тут взяться любви-то этой?

Чай, всем известно, любил Алексей Михайлович девицу, да только не ту, на которой женился. Приглянулась ему Ефимия Всеволжская, дочь помещика Федора. И хороша собой девица была чрезвычайно. Глаза – что васильки, коса – сноп золотой, да вот не приглянулась она царскому воспитателю, всесильному тогда боярину Борису Морозову. Приказал он так затянуть бедной девушке косу, что та упала прямо перед женихом, обвинил в падучей болезни и сослал бедняжку от двора. Уж года три, как умерла она.

Царь был безутешен несколько дней, но потом хитрый воспитатель нашел, как его развеять. А там и взошла в верхние хоромы дочь боярина Милославского – Мария Ильинична. Всем хороша – и бела, и румяна, и умна, да вот только не любил ее молодой царь.

Вот и не рождались у них дети. А еще шептались в тереме, что знает царица про свой грех перед Ефимией, замаливает его усердно, да только не простила ее оболганная красавица. За боль ее, за муки, будет рожать царица одних девок, недаром в год смерти Ефимии родилась у царицы дочь – царевна Софья.

Слухи ходили, что молилась тогда царица, и если бы родился мальчик, знала бы – простили ее. Ан нет. Родилась царевна Софья и за то царица любила ее меньше прочих детей.

За свои разбитые надежды.

А ведь известно же, что на чужой беде своей радости не построишь…

Вот и когда девочка упала в горячке, ухаживала за ней только кормилица да постельница Груня. Но, кажется, девочка выправляется, а это хорошо.

Царь-батюшка, хоть и милостив, но деточек своих любит, и ежели покажется ему, что недоглядели за доченькой, лучше бы тут на свет и не родиться. Хорошо, если со двора сгонят, а могут ведь и в монастырь сослать, и вся семья в немилость впадет…

Подробно расспросив кормилицу, что да как с девочкой, княгиня решила, что лучше бы продержать малышку еще дней пять в комнате. Мало ли что.

Попробовала погладить Софьюшку по головке, но малышка увернулась и топнула ножкой.

– Неть!

Княгиня так и ахнула. Протянула руку взять девочку за ручку, но удостоилась еще одного злого:

– Неть!

Кормилица, тоже слегка ошалевшая, опомнилась и быстренько заслонила девочку, объясняя, что Софьюшка, чай, устала, и вообще, спать ей пора, так что…

Княгиня хмыкнула, подозревая кормилицу в самом худшем – а именно, в настраивании против нее царского чадушка, но задерживаться не стала и вышла вон. А кормилице на миг показалось, что Софьюшка смотрит княгине вслед острым нехорошим взглядом… Да нет, глупости все это.

Какой там взгляд у трехлетнего ребенка?

Свет так блеснул, вот и почудилось…

И Марфа захлопотала вокруг своей девочки. Софьюшка принимала все заботы с улыбкой, даже пыталась благодарить… Да, видно, почудилось. Просто дети ведь чуют, кто любит их, кто не любит… вот и не пошла малышка к княгине.

Бывает такое…

* * *

Софья понимала, что зря так поступает, но и поделать с собой ничего не могла.

Детская реакция была однозначной – тетя хорошая. А вот реакция самой Софьи… нет, тут все было не так просто. Было в княгине второе и третье дно, было… и иметь с ней дело не хотелось. Во всяком случае, подпускать близко к себе.

Не всегда хорош тот, кто угощает вас плюшками. Княгиня явно завоевывала детские симпатии, а вот с какой целью она это делала? Чтобы остаться при дворе? Что-то получить для себя? Протолкнуть какую-то идею? Неизвестно… И пока известно не станет – лучше с теткой не связываться. Если бы Софья знала про данайцев, дары приносящих, она бы употребила эту фразу. Но с

классикой она также не дружила.

А вот Марфа… женщина явно была привязана к Сонечке. И ухаживала за ней со всей душой. Если бы получилось ее оставить при себе личной прислугой? И ту девочку, которая помогала ей ухаживать?

Надо бы подумать.

Софья отлично знала, что любое дело начинается с двух вещей.

Идеи и команды. И если первой у нее еще не было, то вторую она уже начинала подбирать. Свои люди пригодятся везде, чем бы она ни занялась.

А она займется, в этом сомнений у Софьи не было, но пока пришлось провести взаперти еще пять дней.

Молиться и листать Псалтырь, привыкая к незнакомым буквам и удивляя Марфу своим бережным отношением к священной книге. Заниматься физкультурой и слушать сказки, раскручивая Марфу на рассказы о батюшке и матушке.

И собирать информацию.

А еще – сожалеть, что ничего не знает по истории родной страны. Так, что-то намоталось по дороге, но мало, мало, мало!!!

И радоваться, что она «жаворонок». Будь она «совой» – давно бы загнулась от такого режима. Кто не верит – пусть попробует вставать с первыми петухами и ложиться с закатом. Керосина тут еще не изобрели, а портить зрение при свечах Софья не собиралась. До ближайших окулистов было невесть сколько лет, так что придется себя беречь.

А именно – глаза, зубы, волосы, кожу…

В этот раз Софья намеревалась жить и радоваться жизни. И лучше начинать следить за собой с детства.

* * *

Ровно неделя.

Ровно одна клятая неделя понадобилась Софье, чтобы серьезно задуматься – как жить?

Ее таки выпустили из карантина, и она поняла, что задыхается. Софья просто умирала в душной атмосфере терема. Душной, кстати, в обоих смыслах. И окна, в которые с большим искусством были вставлены мелкие разноцветные стеклышки, почти не открывались – не дай бог кого-то простудить. И сама атмосфера, пронизанная строгим распорядком и миллионами правил, давила на свободолюбивую женщину. И это еще было мягко сказано.

Из терема женщинам хода не было. Исключений было два. На кладбище и в церковь. Кстати, домашнюю – не дай бог на улицу выйти! Страшное случится! Метеорит упадет, ворона нападет!.. Так что либо церковь Спаса Нерукотворного, либо церковь Воскресения Словущего, либо Великомученицы Екатерины. На выбор…

Привыкшая к тому, что за день можно намотать не один десяток километров по городу, а то и съездить в несколько городов или стран, Софья просто задыхалась в ограниченном пространстве. И ведь остальным ничего не было нужно! Они так жили, еще и радовались…

Тосклива была жизнь теремных затворниц. Каждое утро начиналось с молитвы и каждый вечер заканчивался ею же. Всем кагалом – иного слова Софья уже подобрать не могла – бабы направлялись в крестовую или в молельную, причем царицу ставили за специальной занавесью – и молилась она там отдельно от всех. Туда же запихивали и царских детей с няньками.

Две молитвы в день были еще развлекушками. Вот в праздничные и выходные дни молились три раза в день и уже не в домашней крестовой, а шли для этого в храм. Опять-таки, царицу, да и детей для этого важного дела отгораживали от народа так, что даже ветер не долетал. Софье казалось, что если бы окружающие могли – они бы запихнули всю царскую семью в коробку и вытряхивали только по торжественным случаям.

Шли в раз и навсегда установленном порядке – впереди топала важная боярыня, за ней крайчая, потом четыре девицы-боярышни с восковыми свечами, для освещения пути, за ними – сама царица с посохом в руке, в сопровождении двух боярышень, и одна из девчонок несла над царицей здоровущий солнечник, он же – зонт обыкновенный. Завершала весь этот бутерброд еще одна дворовая боярыня.

Это еще не считая всякой мелочи, которую несли следом, типа подножия (царица ж не может на пол встать, только на что-то еще), опахала и еще какой-то гадости – Софья не вникала, что именно еще таскали в церковь без малейшей пользы для дела.

А что касается царских детей – им даже не позволяли ходить самостоятельно. Софью все время порывалась носить кормилица, а потом и княгиня Анна, но Софья была неумолима.

Слово «Нет» удавалось ей с каждым разом все лучше и лучше. И она решительно не желала, чтобы к ней прикасалась Анна Никифоровна. Пусть, вон, других чадушек таскает… мымра!

Сама же девочка…

Ноги развивать надо! Почему дети и мерли как мухи – тепличные условия еще никому пользы не приносили. А детей

было…

Первой и лучшей Софья считала себя. А почему бы и нет? Еще одна переселенка тут вряд ли найдется. Да, нескромно. Но скромной Софья никогда и не была.

Была царевна Евдокия – вялая девочка десяти лет, крупная и полная, но медлительная и не слишком подвижная. Была царевна Марфа – копия матери, темноволосая и яркая, чуть более живая и проявляющая интерес к Софье.

Был старший брат Алексей – слегка заторможенный шестилетний мальчишка с воспитателем Федором Михайловичем Ртищевым. И старшая сестра Анна. Пятилетка, в которой Софья пока не видела ни талантов, ни задатков.

Справедливости ради, не видела она их и в царевне Екатерине, которая родилась годом позже нее и пока еще даже ходить толком не могла. Откуда-то из прежней жизни Софья помнила, что девочки развиваются быстрее мальчиков, так что ей это резко не нравилось. А про царевну Марию, родившуюся в январе 1660 года, рано было и думать. Так, кулек с ушками… лежит и мяукает. Что в ней интересного?

Софья положила себе поближе познакомиться со всеми детьми, но пока это плохо удавалось.

После молитвы приходили от царя справляться о самочувствии царицы. Как правило, государыня-матушка (Софье приходилось делать над собой явственное усилие, но выбора не предоставляли, мать – значит, мать) отвечала, что здорова и молится о наследнике. Сам царь, конечно, не являлся.

Не положено.

Отмолившись с утра, трапезничали. Вот что касается стола – тут Софья не могла пожаловаться. Кормили много, вкусно, хотя и не похоже на бессмертного «Ивана Васильевича», но действительно, ни черная, ни красная икра за деликатес не считались. Так что девочка с удовольствием наворачивала их полной ложкой. Но за своим питанием строго следила. Чистить зубы тут было не принято, но Софья полоскала рот и старалась хоть как-то следить за гигиеной.

Позавтракав, царица и ее свита отправлялись в светлицу. Шить, вышивать, расшивать, а чем еще бабе заниматься?

Немногому жену мне надо научить. Меня любить, молиться, прясть и шить. Не читать же? Не писать, не считать… Женщине вредно много читать – потом она начинает думать.

А женщине вредно много думать, потому что потом мужчина не кажется ей властелином мира. Тьфу!

Патрррриархат!

Хочу к амазонкам! Лучше без трусов на лошадь, чем в тереме

в шести одежках!

Увы, выбора не предоставлялось. Бабье царство правило бал. Казначеем была женщина, слугами были женщины, мужчин допускали считаные единицы и в таких годах, что женщины их уже не интересовали в принципе. Как дядя Федя – учитель Алексея. Как священники с холодными рыбьими глазами, заискивающие перед царицей и называющие ее государыней-матушкой.

Потом шла обедня. После обеда царица отдыхала какое-то время, а потом либо шла в светлицу, либо разбирала челобитные, занималась делами, принимала гостей, разговаривала с другими женщинами… и так изо дня в день, изо дня в день… рехнуться можно!

Софья тосковала о свободе!

А про любимый и нежно обожаемый «Мерседес» «макс» и вспоминать не хотелось. Слезы на глаза наворачивались. Но кто сказал, что нельзя извернуться и здесь? Машину ей, конечно, не построить. Но не сидеть же постоянно в тереме?

* * *

Даже если вас съели – у вас есть два выхода. А можно ведь еще и устроить слопавшему язву с прободением…

Вариантов оказалось два.

Первый и самый легкий – ты, Сонечка, живешь кактусом в тереме и радуешься жизни. Жива – это плюс. В минусе то, что царских дочерей замуж, оказывается, не выдают. В монастырь можно, а вот замуж – никак-с… Ибо все, кто не цари, – те холопы, а за холопа царевну выдавать низзя. Небеса на землю рухнут. А тот скромный факт, что царям Романовым два поколения, никак на дело не влияет, да. Хотя возможно, что цари не роднятся в своей стране еще и поэтому. Бунт в России – незабываем, на Руси и никак иначе! – почти национальная традиция, а если у кого-то из бояр появится возможность претендовать на трон для сы́ночки – деточки царской сестры или тетки… Как говорила Софьина знакомая из Одессы: «*И таки шо, вы верите, шо они не потянут руки к короне? Ну-ну…*»

А на сватовство из Европ рассчитывать не приходится. Вот, к папашиной сестре сватался царевич… Вольдемар, кажется. Споткнулись на религии. Не хотел мужик идти в православие. А девчонку не собирались отдавать католику. В итоге – сопли и слезы плюс расстроенная свадьба и союз. Тетка Ирина до сих пор на всех волком смотрит. И где гарантия, что это не повторится?

Или что посватаются к Софье?

Неубедительно.

Значит, сидим на попе ровно и получаем неудовлетворенность жизнью во всех смыслах. Умственно, духовно и физически. Но – жива.

Второй, и наиболее тяжелый, – ты, Сонечка, берешь собственную судьбу в свои руки и начинаешь постепенно ломать устоявшееся мировоззрение. В плюсе тут только перспективы. То есть если бы, да кабы, да еще бы и грибы. Пока у тебя ничего нет, только желание действовать. Что тебя ждет на этом пути – тоже неясно. Знаний истории ноль, возможностей ноль, даже разговаривать пока получается откровенно плохо, так что… обидно, да?

Знала бы – попросила бы соседку по палате хоть что-то рассказать. Но кто же мог подумать, что это не бред сивой кобылы?

Одним словом, на втором пути в активе только желание. Даже шишки, которые можно огрести, пока еще не просматриваются – за недостатком информации. Все остальное в пассиве. И что же выбрать?

Естественно, Софья выбрала второй путь, здраво рассудив, что сесть ровно на попу она всегда успеет. До пяти лет она, по-любому, ребенок, так что может многое – и с нее не спросишь. И надо в этот период успеть… ох, надо.

Третий вариант Софья даже не рассматривала.

Нет, чисто умозрительно, она могла бы извернуться, сгрести в карман побольше золотишка и удрать. Думаете, не потянула бы? Это вы плохо о ней думаете. Софья и не такое смогла бы. Но!

Здесь она царевна. В любом другом месте – просто девчонка. И с ней могут сделать что угодно в рамках сегодняшнего мировоззрения. Это в кино про мушкетеров Мари де Шеврез могла разъезжать по полям и лесам с одной служанкой, а вот в России… Софья сильно подозревала, что до первой же шайки на дорогах ее квест и продлится. Ведьмой она не стала, молниями швыряться не может, автомат Калашникова с ней не переместился, так что – упс.

Нет, бежать глупо. В другом месте лучше не будет. А вот улучшить это место – запросто. Ну, не совсем уж, но поработать с этим вопросом можно и нужно.

Итак, с чего начинается любая кампания? Наполеон говорил, что для победы ему нужны три вещи. Деньги, деньги и еще раз деньги. За что и поплатился. Софье для победы нужна была информация, информация и еще раз информация. А деньги будут. Добудем… но надо *знать*.

Как можно получить информацию в царском тереме?

Наблюдением и ушками на макушке. И вопросами верной кормилице, которая не отходила от девочки.

За кормилицу Софье пришлось выдержать первое сражение намного раньше, чем она намечала.

Как только малышка выздоровела, и Марфу, и Груню попытались удалить от девочки. Сначала – днем. Официально и под предлогом «дорогие гости, не надоели ли вам хозяева…». Куда там… вцепилась – и в слезы. «*Неть, не осю… не усю…*»

То есть «Нет, не хочу, не пущу»… и даже смертельное оружие «*Бяка!! Кака!!!*» и пальцем в сторону княгини Анны потыкать…

Естественно, номер не прошел. Марфу попытались убрать. И Софья устроила маленький локальный Армагеддон, отлично понимая, что возвращенная Марфа и приближенная Груня будут ей благодарны. А вот те, кого к ней приставят сейчас, будут благодарны только Анне Никифоровне.

Когда в ее покои вошли несколько совершенно посторонних девиц, Софья попыталась потребовать Марфу и Груню. Девушки не обратили внимания, продолжая сюсюкать и умывать малышку. И Софья поняла, что надо действовать. Ее слуг явно удалили, а откуда эти? Лобанова-Ростовская подсуетилась? И где они были, когда девочка болела?

Нет, ей такие не нужны, ей нужны верные…

Сначала-то Софья пыталась понять, кто и где, а вот потом, когда одна из девушек обмолвилась, что может, не стоило так-то, убирать кормилицу от ребенка, не слишком ли Анна Никифоровна…

Вот тут Софья взбеленилась по-настоящему.

Значит, так? Не хотел ребенок по-хорошему, будет по ее? Не много ли княгиня на себя взяла? Ур-р-р-рою!

Какое оружие доступно ребенку? Да самое простое. Софья отказалась одеваться, умываться, идти в церковь, сидела и плакала.

Увещевания княгини Анны привели только к словам «*Бяка! Злая!!!*» в ее сторону. И метко запущенному сафьяновому мячику. Сколько там сил у трехлетнего ребенка? Даже синяка не будет. Но в лицо он таки попал, только бубенчики внутри звякнули. А что, аналог пощечины. В итоге ребенка одели насильно и потащили в церковь.

Торжественный выход Софья не испортила, не дали. Хотела было поговорить с матерью, но не подпустили – княгиня явно рассчитывала, что ребенок переключится, забудет обо всем, а там и смирится. Ага, хвост тебе об стенку! Первое сражение Софья проигрывать не собиралась и ехала до церкви на руках у дебелой

боярыни, в плане страшной мести общипывая ей воротник и кидая жемчужинки и золотое шитье на пол. Заречешься, зараза, меня руками хватать!

А вот в церкви Софья устроила рев. Сначала шумный, чтобы мать внимание обратила еще до начала богослужения. А когда к девочке обернулись четыре женщины, явно главные тут, принялась реветь тише и требовать Марфу и Груню.

Естественно, замолчать инцидент уже не получилось. Соня все рассчитала правильно. В любом тереме – не без подводных течений, и не может Анна Никифоровна всем нравиться. Кто-то да не упустит возможность подпустить ей шпильку.

Это оказалась симпатичная светловолосая женщина, лет тридцати на вид, которая, явно поняв, чего требует ребенок, приказала Лобановой-Ростовской вернуть девочке кормилицу, а пока привести постельницу, чтобы ребенок не ревел в церкви. Пусть успокаивает.

Анна Никифоровна скривилась, как от лимона, но кого-то послала за Груней, явно рассчитывая, что истерика продолжится и можно будет прислужницу потом убрать.

Куда там!

Стоило Софье увидеть Груню, как девочка тут же усилием воли прекратила слезоразлив, влезла на руки, прижалась, расцвела улыбкой и позволила себя покормить.

Девчонке – той еще и пятнадцати не было – тут же повелели остаться при царевне.

За столом Софья вела себя замечательно, но только когда Груня была рядом. А стоило появиться Марфе, как вообще засияла ясным солнышком и вцепилась в обеих женщин так, что оторвать бы сразу и не получилось.

Остальное прекрасно сделала Марфа. Тетка была умна, просто раньше у нее зацепиться возможности не было. Отработала кормилицей три года – и свободна за ненадобностью. С шубой, с деньгами, с почестями, но уже не при царевне. А тут она принялась работать переводчиком при Софье, объясняя, что девочка-де хочет ее в нянюшки, а Груню в служанки, потому как ухаживали во время болезни, заботились, да и вообще, дети чувствуют, кто их больше любит…

Оставили. А Марфа уже повыгоняла из покоев Софьи всех лишних девиц, оставив только ту, проговорившуюся. И то с позволения Софьи.

Да, ребенок. Но царевна. И это уже не так мало.

А вот теперь, когда есть база, когда можно не ждать предательства в собственной спальне и спокойно тренироваться, читать Псалтырь, все больше осваивая алфавит и развивать

доставшееся тело, вот теперь и информацию об окружающем мире можно собирать. И девочка принялась за работу.

Спустя еще две недели Софья выделила для себя ключевых обитательниц терема.

Царица Мария Ильинична, в девичестве Милославская.

Мать. Высокая темноволосая и темноглазая женщина, красивая, статная, спокойная, в очередной раз беременная…

Дочь она не любила, это видно было. Уж самой Софье – точно, а значит, и остальным. Но, как часто случается, старалась этого не показать – оттого и разрешала малышке больше, чем остальным. Дарила подарки, делала послабления… Если бы Софья была ребенком, она бы, может, и расстроилась. Как же, мама не любит. Но она ведь взрослая. Она – вообще левый человек в этом теле, а потому… Ну и фиг с тобой, не люби. Переживем, перекусаем. Главное, что девочка была более-менее свободна. Да и подарки были достаточно ценные, чтобы, когда будет нужно, наградить своих людей за верную службу. Хорошо служат те, кому много и вовремя платят.

Сестра Марии – Анна. Боярыня Морозова. Тут была некрасивая история; насколько поняла Софья, у ее отца был воспитатель – Борис Морозов. Сам по себе мужик неплохой, только вор и властолюбец. Ну, так у власти все такие, традиция, однако.

Так вот, понимая, что любовь монарха преходяща и что царь, став самостоятельным, скоро пошлет воспитателя далеко и надолго, он сделал финт ушами. Подставил царю двух сестер Милославских. Царь выбрал себе Марию, а боярин Морозов женился на Анне и лихо породнился с царем. Впрочем, от опалы это не спасло, народ поднял бунт, и Борис Морозов получил все основания опасаться за свою жизнь. Его чуть не прибили, дом разграбили, еще бы и жену прибили, да та закричала, что сестра царицы, ну и тем спаслась. Повезло…

Пришлось царю отправлять воспитателя туда, где он ни властвовать, ни воровать не мог, а именно в монастырь. Не монахом, не на постриг, нет. Просто пожить, чтобы все забылось.

А если честно, Софья бы его тоже отставила по причине слабоумия. Это ж надо – жениться на девчонке, на тридцать с хвостом лет тебя моложе, да еще и ревновать и плетью ее бить. Вот как такого назовешь? У Софьи печатных слов не находилось.

Ладно еще, когда такая разница в возрасте у жен олигархов с мужьями. Но там-то все ясно, нормальная сделка «товар – деньги». Я тебе молодость и красоту, а также неустанную гимнастику в постели. Ты мне денежку и побольше, побольше… Все законно.

В данном случае бедняга Анна послужила просто связью с царем, а вот дальше для девчонки начался откровенный кошмар.

Ну, деньги, ну наряды, так ведь в постели-то с боярином можно было только… Псалтырь читать. Сексуально тут девчонок не просвещали, максимум, что можно было услышать: «бери ты меня за руки белые, целуй в уста сахарные» – и то порнография! Обалдеть! Естественно, гармонии не получалось, а мужику хотелось наследника… Увы[5].

Не давалось.

В результате Анна ездила к сестре и плакалась ей на свою нелегкую жизнь. А заодно тискала племянников и племянниц. Софья быстро поняла, что к ней можно подластиться и получить подарочки. Тоже плюс. Не из жадности, нет. Но… плохо затевать предприятие, не имея никаких финансовых средств. Хоть бы и спасибо сказать в денежном эквиваленте. Нет, конечно, была у царицы своя казначейша, но вот царских детей она спонсировать не собиралась. Пока…

На эту тему у Софьи были свои идеи.

В очередной визит царица шуганула всех, собираясь в одиночестве пошептаться с сестрой в горнице, но Софья вцепилась в Анну и пустила слезы. Женщина растрогалась и прижала девочку к себе.

– Пусть со мной посидит, Машенька. Маленькая она, не помешает…

Царица недоверчиво оглядела чадо, но видя, что громкого рева нет, просто девочка не хочет расставаться с теткой, махнула рукой.

– Ладно уж…

Вот и сейчас, будучи потискана Анной, Софья устроилась у нее в ногах играть с книгой. То есть она читала, переворачивая страницу, и выглядело это так умилительно, что Анна погладила племянницу по голове.

– Как будто и правда читает, ты посмотри, Машенька…

– Да, кормилица ее мне сказывала, что Сонюшка книгу со слезами требует, но ни одной странички не порвала, все осторожно, аккуратно так…

– Умненькая она у тебя…

– Ох, Нюша, да что в этом толку? Хоть и умная, а девка ведь! Так и засохнет… Дите у меня сейчас под сердцем – каждый день молюсь, дал бы мне Боже мальчика. Наследника еще одного.

– Ради Алексея?

Уголки губ матери опустились. И не царицу в роскошных нарядах и жемчугах видела перед собой сейчас Софья, нет. Обычную женщину, не слишком-то счастливую в браке. Не

любимую мужем и потому боящуюся за свое положение, за своих детей…

– Ох, Аннушка, сама ты понимаешь,… сыновья мне нужны. Димушка и года не прожил…

– Анна, не гневи бога. Алешенька у тебя замечательный. А девочки… дал бы мне бог детей – я бы так благодарна была! Я уж и молюсь, и пощусь, да только грешна я. Знаю, грешна. Не люблю я Бориса Ивановича…

– Многое он для нас сделал…

– А счастья все равно нет, как и не было…

Женщина вытерла слезинку. Только вот рука ее в роскошном рукаве сгибалась не слишком хорошо. Царица заметила это и вскинула брови. Вопрос не прозвучал, в теремах и у стен есть уши, но Софья поняла его без слов.

– *Бьет?*

– *Лютует…*

Софья молчала, слушая, как жалуется Анна. О, она бы могла посоветовать многое, но кто прислушается к словам трехлетнего ребенка? Хотя и зря. Вариантов была прорва, начиная с самого простого. Родить мужу ребенка от конюха. Или от свинопаса, ибо лучшего не заслужил. Ничтожество потому как. Бить женщину, если она тебе ничего не сделала, – подло. Увы… Анне это в голову не приходило – и зря.

Потом принялась жаловаться Мария – и тут уже дела были поинтереснее.

Строго говоря, терем оказался поделен на четыре партии. Первая – партия собственно царицы. И еще три – трех золовок. Анны, Ирины и Татьяны Михайловны. Ирина, старшая сестра царя, и была как раз той самой, которую неудачно не выдали замуж. Естественно, у нее было тайное свидание с принцем Вольдемаром, и так же естественно, что девчонка влюбилась по уши. О своей великой любви она могла говорить без перерыва на сон и еду. Но властолюбия и дури у нее хватало, так что проблем она царице доставляла немало. Анна Михайловна была обычной серенькой овечкой. Конечно, у нее имелись свои присные и свои заскоки, но в остальном – жила как кактус. Смирилась и хоть не пакостила. Постилась, молилась, одним словом – мозг выносила только себе.

Самой противной была Татьяна Михайловна.

Одаренная художница-портретистка, она была по уши влюблена в патриарха Никона.

Тут-то Софья и навострила уши. Никон? Ага…

Про него она кое-что знала, кстати, от отца Федора. Тот рассказывал, что большей глупости, чем раскол, церковь и не

придумала. Бог един, а они, идиоты, занялись, чем не надо бы.

Да какая отцу разница, как ему ребенок крестится? Было бы чадо здорово, да умно, да поступками добродетельно, а остальное – от лукавого.

А сколько людей из-за этого погибло? Сколько самосожглось? Сколько… да до сих пор этот раскол аукается. А все потому что Никон тянул в одну сторону, да слишком себя вознес, а в другую потянул потоп… протоп… вот! Протопоп… а как же его? Вот тут Софья и пожалела, что слушала вполуха. Да не до попов было, когда контракты горели и сделки миллионные заключались. Имя у него еще было такое…[6]

– А боярыня Феодосия все протопопа Аввакума слушает…

Софья едва не взвизгнула: «Бинго!!!» И принялась слушать еще внимательнее. Феодосия Морозова оказалась замужем за братом Бориса Морозова – Глебом. Была она также моложе супруга чуть не на тридцать лет, но ей повезло больше. Хотя бы раз супруг попал в цель, потому как у Феодосии имелся сын Иван. И если Татьяна Михайловна была полностью загружена Никоном, то эта – Аввакумом. Естественно, будучи в оппозиции, Феодосия больше во дворец не ходила, зато давила на жену брата. Анна отпихивалась руками и ногами от всех старообрядческих веяний, но дури (простите, религиозности) у боярыни хватало, так что девчонке доставалось и с этой стороны.

Ну, тетка попала…

Царица утешала сестру, как могла, но та только вздыхала. Своих детей у них с боярином не было, так что после смерти Бориса Морозова – а тот все чаще хворал и чем больше болел, тем лютее становился, – все состояние должно было перейти сыну Феодосии – Ивану. Так что Анна оставалась еще и почти нищей. Ну ладно, не нищей, да и сестра не даст пропасть, но все-таки…

Тоскливо было на душе у царицы.

Софья же, перелистнув для вида страницу, сделала себе мысленную пометочку. Это для местных религия есть священная корова. Для нее же… инструмент типа топора. И она будет тесать своего Буратино любыми методами. А почему – нет? Просто – почему?!

Есть вера. И аксиома то, что Творец есть. Или кто-то сомневается? Не стоит. Он есть, он существует, вот только что непонятно было Софье – на каком основании кто-то считает, что он и только он знает, как правильно верить? Истинная вера христианство? А может, индуизм? Или ислам? Простите, вот лично Софье Бог на эту тему ничего не сообщал. Поэтому довольно трех простых убеждений.

Бог – есть.

Не стоит множить в мире горести и злобу.

Не делай другим того, чего не желаешь себе.

Если подумать, то уже немало. А остальное… да какая Богу разница, какой рукой и в какую сторону ты крестишься, на каком языке молишься и во что одет? Самаритянин оказался добрее левитов… а ведь самаритянин…

Поэтому Софья собиралась использовать раскольников в своих целях. В каких?

Сложный вопрос. Да хоть бы и из терема вырваться и замуж за границу выйти. А почему нет? А там посмотрим…

Без мужа, без семьи Софья в том времени не обошлась и в этом не собиралась. Может же найтись такой, как ее Володька? Который принял ее, как равную, с которым они поделили дело и постель – и работали вместе, весело и с огоньком. И строили, и любили друг друга, и сына родили… в этом времени она своих детей воспитает по полной. Чтобы не были размазнями и слюнтяями! Вот!

Но за размышлениями Софья не переставала впитывать информацию.

Никона Собор снял. Собор – это вроде Госдумы?

Патриарх ждет, что его позовут назад, царевна Татьяна тоже того же ждет, а потому совершенно невыносима. Выедает царице мозг, чтобы та на мужа повлияла, ну и ее сестрам достается. А как царица повлияет? У нее самой номер десятый…

Но на обстановку это все равно влияет. А кому разгребать конфликты и проблемы? Да царице. А она еще, как нарочно, рожает одних девок – и муж шипит гадюкой.

Софья не удержалась. Подобралась поближе, положила матери руку на колено.

– Се бует холосе, мама…

Перевод женщинам не потребовался. Мария вздохнула, вытерла слезинку. Хоть и не любила она Софью, но… тут и от ребенка ласковое слово приятно услышать.

Вскоре женщины разошлись, а Софья отправилась к себе. Сидела, думала, жалела, что нет бумаги. Ей бы сейчас хоть заметочки написать… все равно никто не поймет, о чем она… Хотя – цыц!

Не стоит думать, что тут все идиоты. Она же разобралась со старославянским? Разбирается, во всяком случае. Значит, и на ее записи умники найдутся, невелика проблема.

И начнется. Языческие письмена или сатанизм, что тут больше на слуху… нет уж. Тренируй память, мелочь с ушами.

* * *

Уже ночью, лежа у себя, Софья пыталась вспомнить все, что знала о расколе.

Однозначно, был протопоп Аввакум и боярыня Морозова. И ее то ли сожгли, то ли в монастырь заточили – хвост ее помнит. В памяти только картина, где полностью озверевшая тетка воздела вверх два пальца, а вокруг толпа народа.

Но вроде как… Софья изо всех сил напрягала память, вспоминая, что говорили на уроках. Было ведь, было… однозначно – судил Морозову царь Алексей Романов. И его еще уговаривали пощадить тетку, мол, баба-дура, но он отмахивался. Мол, хоть она и дура, это понятно, но достала она меня до последней крайности. Вот и пусть огребет.

И был этот Алексей отцом Петра, которому и оставил в наследство раскол. Софья кусала губы. А ведь из глубины памяти и кое-что другое выплывало.

А именно – роман Толстого «Петр Первый». Читать женщина не любила, но… кто бы нас спрашивал? Пришлось в свое время одолеть, и она помнила, что у Петра были контры со старшей сестрой. Софьей, ептр!

Пальцем тыкать надо – или сама догадаешься?

Кажется, она наконец определилась, где и когда. Но если кто-то скажет, что это доставило женщине удовольствие, – плюньте ему в наглую рыжую морду. Два раза. Софья смотрела в цветные стеклышки окна – и в голове мерно отщелкивали невидимые костяшки четок.

Я – Софья Алексеевна.

У меня будет брат Петр, с которым я буду бороться за власть.

Он победит и меня убьет. Или заточит в монастырь? Я не помню сейчас, не помню… Помню только, как он рубил боярам бороды и как воровал Меншиков. Но вот что стало со мной в том мире?

Что стало со мной в будущем, и как мне поступать, чтобы этого избежать?

Не знаю, ничего не знаю, и не спросишь, не прочтешь…

Приступ отчаяния длился недолго, слишком уж нехарактерно это состояние было для женщины. Пусть тело детское – разум в нем вовсе не маленький. Вскоре Софья успокоилась, вытерла противные слезы – надоедливая реакция на любой стресс, видимо, это очень эмоциональный ребенок… был, и принялась составлять план действий.

Что в плюсе? Она уже родилась, Петр еще не родился. Время на ее стороне.

Что в минусе? Отсутствие знаний. Она еще не одну ночь проведет, припоминая все, что знает из истории, но сейчас уже

понимает, что прорех в ткани знания больше, чем собственно нитей.

Софью прежнюю на трон посадили стрельцы, но она там не усидела. Кажется, так… Петр победил стрельцов потешными полками и разогнал или повесил. А еще… если Софья была у власти – у нее была команда. Разве нет? Обязана была быть.

Но про команду ничего не вспоминалось, зато все чаще выплывал толстовский Петр. Кажется, у Софьи был любовник – как-то на «гэ»… и какой-то поп… имен Софья, хоть убивайте, пока не припоминала. Да, память ее идеально подчинялась хозяйке, но не вспомнишь же ты, какого цвета были штаны на ректоре на торжественной линейке? Для тебя это не имело никакого значения – вот память и не озаботилась. Или просто убрала эти сведения так далеко, что придется перерывать весь чердак воспоминаний и растребушить все коробки. Сейчас ей ничего не припоминается, потом, возможно, что-то всплывет. И все же, все же… нет у нее ощущения, что у Софьи было много своих людей. Почему так?

Почему?

Потому что царевны заперты в тереме и слово «свобода» по отношению к ним можно даже не применять?

Потому что Софья-первая была ограничена своим временем?

Или были еще какие-то причины?

Не знаю, не знаю… Чер-р-р-рт!

Девочка вскочила и нервно заходила по комнате. Полы холодили пятки. Хорошо хоть она убрала из своей горницы служанок. Со слезами, со скандалом, но убрала. Теперь никто не сопел над ухом, никто не видел, что царевна ночью вместо сна отжимается, прыгает через самодельную скакалку или ходит по комнате, бормоча себе под нос странные заклинания «еж твою медь», «расплетай», «песец» или что-то в этом духе.

Итак, что надо делать?

Первое – команда. Свои люди, которые ценнее золота. Вот они с Володей были друг у друга, но они сразу подбирали себе и бригады, и управленцев, по институтам ездили… откуда тут институты?

Нет… и не будет еще долго. А уж про женское образование молчим. Старшая сестрица Евдокия… оценила Софья ту коровушку. Десять лет девке, шить умеет, а буквы едва выучила. Читать до сих пор по буквам пробуем. Аз да рцы – ар да буки – арб или абр?..

Не-ет, на родственников полагаться можно, но не нужно. Не тот народ… или тот? Если попробовать обработать кого-то из младших? Алексея, например?

Кстати, а тот ли это Алексей?

Или уже у ее брата родится сын Петр?

Черт его знает…

Ладно. Будем исходить из худшего. Но своя команда нужна в любом случае. И… летучий эскадрон?

Софья остановилась. Мозги заработали на полную мощность. «Летучий эскадрон» Екатерины Медичи, компания баб, которые в постелях могли выведать любую информацию… пройдет ли это здесь?

А почему нет? Только не в той форме, в которой их продвигала Катька. Придворные проститутки на Руси не нужны, а вот женщины, которые желают лучшего для своих детей… ведь голод, бунты, кровь затрагивают всех… на что готова женщина, чтобы обеспечить своей кровиночке сытое будущее, качественное образование и хорошую работу – гарантию сытой и спокойной жизни?

Можно не отвечать.

А ведь еще можно то же самое и с парнями продвинуть. Жаль, что на Руси нет культа прекрасной дамы. Хотя местные красотки… м-дя…

Лицо белим в три слоя, поверх рисуем брови, губы и щеки, зубы вообще зачернить, чтобы лицо белее казалось, – полный абзац. И травятся красотки совершенно самостоятельно. Составляющими данных косметических радостей. Еще и свинцовые расчески, а кое-где и посуда… красотень!

Радости времен Медичи и Борджиа – травить никого не надо, сами передохнут…

Софья нервно заходила по комнате. Вырисовывалась интересная картина, которую она вполне сможет сложить. Но!

На такие радости нужно согласие нескольких человек. И начать надо с братца Лешеньки и его воспитателя. Если получится ломануть этих, то потом можно будет добраться до папы и коллективом выканючить то, что ей нужно.

Да-да, именно ей. Не принято тут как-то о финансах и политике думать в возрасте до пяти лет – и нигде не принято. А вот она – думает, да и кто б не думал, в сочетании с перспективой просидеть в заключении в тереме весь остаток жизни?

Итак – план действий прост. С завтрашнего дня беремся за братика Лешу и его воспитателя дядю Федю Ртищева. Хм-м, Дядя Федор, Пес и Кот весело идут в народ? А идея… Если получится приручить этих двоих, то и с остальными можно будет попробовать. Хорошо и то, что отец пока в отъезде, лучше на всякий случай подготовить программу полностью. Софья еще не знала, что собой представляет Алексей Михайлович Романов, но

лучше ориентироваться на худшее – то есть дубовость и патриархальность. И проводить свою линию развития. А вот как?

Ничего, кое-какие наметки есть, с остальным разберемся.

Если бы кто-то увидел сейчас девочку, то сильно поразился бы коварной, вовсе не детской ухмылке на нежных розовых губах. Но Софью никто не видел. Вот и не надо, ни к чему это…

Рано, пока еще рано…

Софья заснула с довольной улыбкой, чтобы проснуться и идти в церковь.

* * *

Идти – это и значило идти. Примерно половину пути Софья проделывала на своих ногах. Да, не слишком быстро, да Груне приходилось тяжко, потому что девочка то просилась на ручки, то требовала идти самой, ну да ладно, потерпит. Нельзя, чтобы ее везде на руках таскали и тетешкали. Так и ноги атрофируются за ненадобностью.

Молитва закончилась, потом возвращение в покои, завтрак, а потом…

Чем можно заинтересовать ребенка?

Игрой. А маленького? Простой игрой. Алексей сидел на руках у няньки и слушал сказку – что-то ужасно занудное из жизни богатырей. Раз махнет – улочка, отмахнется – переулочек… комитета градостроительства на такого богатыря не было, факт. Они б ему прописали и улочку, и закоулочек…

Самая простая игра. Наперстки. Три наперстка кручу, бусину найти хочу… матчасть обеспечила Марфа. Откуда она что взяла – неважно, важно было другое. Заинтересовать…

Смешно, но вот эту игру Софья знала. В общаге когда-то научилась, и как в нее разводят – тоже. И играла с Груней, которая неотлучно находилась при царевне, то угадывая, то промахиваясь, но рядом с Алексеем, поглядывая на него краем глаза. И – заинтересовался.

Софья едва не взвизгнула от восторга, когда Алексей почти перестал слушать няньку. А потом и выдрался из цепких ручек, и встал рядом.

– Тут.

Проиграл, естественно. И попробовал еще раз. И еще…

Дальше Софья умело чередовала проигрыши и выигрыши, так, что забавы хватило часа на два. Потом взялась учить братца, правда, поддаваясь – и так они продурачились до обеда. Инвентарь – наперстки с бусиной остался у Софьи, так что на

следующий день Алексей опять попробовал поиграть с сестренкой. Софья, недолго думая, научила его еще и старинной игре «камень, ножницы, бумага, грифель, пламя и вода…».

Отлично получилось, кстати…

На очереди были классики и резиночки. «Казаки-разбойники» все-таки пока перебор. А то, что резинок пока нет, – тоже не беда. И тесемками обходились, когда надо было…

Софья приручала ребенка и мрачно думала, что это ей наказание свыше. Со своим сыном не возилась? С чужими детьми будешь заниматься! Да не по принципу «продержаться до прихода родителей и спихнуть дитятко», а с чувством, с толком, с расстановкой, чтобы ребенок к тебе привязался и полюбил. Не нравится? Ты бы лучше шесть раз смету на строительство торгового центра пересчитала? А выбора нет… не дают…

Пришлось ломать себя через колено и заниматься с мальчишкой. Играть, соревноваться, учить…

Одним словом, через неделю царевич был вполне ручным и с удовольствием то сам приходил к сестренке, то отказывался с ней расставаться. Какой главный ключ детей?

Интерес.

А с Софьей ему было интересно, вот и весь сказ. Былины надоедали, дядька, который пытался учить, – тоже, няньки – злили, а девочка была источником новых забав.

Скакалочка. Несложно? А вот вы попробуйте то так, то этак, с перехлестом, с поворотом… это Софья уже могла. Алексей пока не мог, но уступать пигалице?

Царица, к счастью, принемогла. Беременность протекала тяжело, оно и неудивительно. Каждый год по ребенку – тут лошадь загнется, не то что женщина, а без нее никто к детям не лез.

Анна сидела с сестрой, когда приезжала, царевны Михайловны тоже, к везению девочки, занимались своими делами – они вообще поделили сестер, и Татьяна опекала Марфу, а Ирина – Евдокию. Старших Софья собиралась им оставить, лишь бы не лезли, младшими занималась Анна Никифоровна, а вот они с Алексеем пока осваивали общество друг друга.

А потом, постепенно, Софья смогла и переключиться на дядю Федора.

Произошло это случайно, ну, как… почти закономерно, что если царевич и царевна много времени проводят вместе, то дядька, позвав учиться одного, наткнется на умоляющие глазки другой.

– Дяенька… мона?

И глазки кота из Шрека состроить, даром, что ли, у Софьи в

свое время такая заставка висела? Нагляделась… с секретаршей-кошатницей.

Что предполагал боярин Федор, Софья не знала, хотя и догадывалась. Впрямую царских отпрысков посылать не рекомендуется, даже более того – их надо слушать. Просто мелочь – она глупая и ее можно уболтать, подкупить сладостями, игрушками, погремушками… а если Софья уже не ребенок – она и действует не по-детски. И княгине Лобановой-Ростовской уже нет входа в ее покои, ибо чадушко каждый раз такой рев устраивает, что стены дрожат. А выходит княгиня – и тут же тишь, да гладь, да царевна улыбается солнышком… вот она и не заходит, чтобы не нарваться. И шпионок своих хоть и пытается подсунуть, но очень осторожно.

Так что Федор Михайлович собирался взять Софью с собой, а когда ей будет скучно и она поднимет рев или начнет шалить, – выставить ее с полным правом. И впредь уже разводить руками – мала царевна, глупа. Что с ребенка взять, рано ей учиться… щаз…

Софья с удовольствием осмотрела классную комнату. Интересные изукрашенные доспехи в углу, карта мира на стене, столик с книгами и удобным стульчиком, несколько полочек, лавку…

Туда Софья вмиг и залезла, заслужив первый одобрительный взгляд боярина. Как же – усаживать не пришлось.

А вот обучение местной азбуке заставило женщину изрядно загрустить. Каждой буквице соответствовала такая витиеватая картинка, что часто узнать ее потом в тексте было сложно, к каждой букве прилагался какой-либо поучительный стих на тему христианства древних времен… тоска…

Азбука Бурцова девочку порадовала гравюрой – изображением ученика, которого пороли розгами. Букварь Ивана Федорова заставил призадуматься – и она взялась за учебу.

Да, Псалтырь кое в чем помог ей. Но ведь не во всем, далеко не во всем…

Некоторые буквы как оставались ей неизвестны, так и… м-да, надо бы поработать…

И Софья принялась вслед за Алексеем достаточно четко произносить буквы, а потом на слух и учебные стишки. Картавила, конечно, безбожно, ну, так никто ж толком не развивал. Это все еще впереди…

Сначала мальчишка косился, да и воспитатель тоже, но потом включился соревновательный элемент – и занятия пошли куда как веселее. Два часа промелькнули как один, и когда пришла пора царским чадам полдничать – Софья сама подошла к боярину.

– Моня завтья? Есе моня?

Колебания боярина были вполне ощутимыми. Но через пару минут он… кивнул!

Софья потерла руки – мысленно, исключительно мысленно! – и предложила Алексею:

– Напейгонки?

Дождалась кивка и выдала уже вполне знакомое Алексею:

– Пьиготовись! Собьайся!! Бегом!!!

Бегать в длинном платье было неудобно, ну так юбку и подхватить можно. Главное – другое. Чтобы Алексей начал воспринимать ее как подругу, сестру, необходимый элемент декора… да хоть кого, лишь бы не выставили!

Потому что в углу классной комнаты Софья увидела очень знакомый предмет. Нечто, похожее на шахматную доску… и вот тут-то начал складываться коварный план.

Так получилось – в детстве Софья виртуозно играла в карты. А вот выйдя замуж… Володя карты терпеть не мог. Зато обожал шашки, шахматы, нарды… пришлось им заключить первое супружеское соглашение и начать учиться друг у друга.

Карты Володя освоил сразу. И даже начал уважать преферанс, немного. Софье же пришлось куда хуже. Сквозь шахматные премудрости она продиралась, как медведь через кусты – оставляя на каждой иголке лоскутки кожи – времени, и клочья меха – самомнения, но выучилась. Идеальной ее игру назвать было нельзя, но в припадке вдохновения она составила бы проблему даже для опытного шахматиста.

Поэтому дня четыре Софья сидела смирно, завоевывая сердце дяди Федора. Ну а заодно и осваивая азбуку, которая с ее помощью намного веселее пошла и у царевича. Чего стоило одно предложение – мол, я букву изображаю, а ты попробуй угадать. А потом наоборот?

А еще…

Нет, всех игрушек своего времени Софья не помнила. Но вот про кубики с буквами знала. И здесь их не было, а зря. Виселица, эрудит… хорошие ведь игрушки, разве нет?

Намек дяде Федору пришлось подавать три раза. Первый – Софья нарисовала каждую букву на отдельном листе бумаги и принялась их двигать и складывать. Потом загрустила – мол, неудобно. Стола не хватает. Вот, были б они поменьше…

Дядя Федор, не будь дурак, оценил идею – и помог детям нарисовать поменьше.

Расположились уже на ковре с таким густым ворсом, что в нем нога по щиколотку тонула. Но хватило идеи на день-полтора. Потом Софья опять стала страдать, что рвутся…

А вот если бы на дереве…

Сами-то буквицы из дерева вырезать тяжко, а вот если на дереве, да покрасить…

Примерно через пять дней у ребят был полный набор буковок, а потом и второй. Заказать плотнику кубики было несложно, а раскрашивали вместе, перемазавшись в краске по уши. Отмывались потом тоже вместе, в здоровущей царской мыльне. Брызгались, смеялись, кстати, тут было мыло – и Софья научила брата пускать мыльные пузыри через соломинку. За солому спасибо той же Груне.

Алексей был в восторге.

Федор Ртищев тоже был доволен. Ребенок учится, на уроках дурака не валяет, азбуку осваивает быстро и весело, а что вместе с царевной, так что б и нет? Царь-батюшка небось против не будет, когда узнает. Не дурочкой дочь растет…

Кстати, надо б еще и с цифирями такие ж кубики заказать, да побольше… а можно и подарить на именины…

Довольна была и Софья. Брат приручался, недалеко то время, когда он вообще без Софьи жить не сможет.

Довольна была ее кормилица Марфа. И при деточке, и деточка довольна, и власти над ней почти нет – ребенок на ее защиту соколенком бросается. Чуть что – крики, плач, возмущение, так что притеснять ее и не пытаются.

Довольна и Груня. Была постельницей, каких много по терему бегает, стала личной служанкой царевны. Была Груня – стала Аграфена Тихоновна.

Справедливости ради, были и недовольные.

Например, княгиня Лобанова-Ростовская, которая хоть и не лезла, но шипела гадюкой. Софье на это было начихать два раза. Разберемся. Вот будет создавать проблемы, тогда и перебеседуем.

Недовольны были девки, которых княгиня хотела пристроить к Софье, но потерпела поражение на всех фронтах. И Софья понимала, что ей придется как-то это нивелировать, но потом, позднее. Пока еще не та степень недовольства, чтобы дойти до взрыва.

Пока надо крепить свои позиции…

* * *

Эта игра называлась *тавлеи*.

С шахматами она имела общего разве что клеточки, а в остальном…

Доска была больше. Не восемь на восемь, а девять на девять –

это маленькая и девятнадцать на девятнадцать – большая. Черные и белые фишки, в центре доски находится один Князь-камень. Дальше варианты различны. Для 9х9 его берегут восемь черных защитников, а нападают шестнадцать белых. Для семнадцатиклеточного квадрата число увеличивалось – защитников было уже двадцать четыре, а нападающих сорок восемь. Двигались фишки по принципу ладьи. Исключение составлял Князь, которого надо было вывести из окружения, разгромив превосходящего противника.

Естественно, когда Софья проявила интерес к игрушке, боярин Федор покачал головой, мол, не поймешь. И не играют женщины на Руси в шашки-шахматы золоченые…

Софья хлопнула ресницами. А как же басня про Василису Микулишну? И принялась ныть с удвоенной силой, пока боярин не сдался. Когда заниматься?

А вот вместо послеобеденного сна… ну пожалуйста, пожалуйста, пожа-а-а-а-алуйста…

Ртищев только рукой махнул. Ладно. Пару раз с ней сыграть, не поймет да и отвяжется…

Потому от первого визита в покои царевны он многого и не ожидал. Уж точно не того, что будет усажен, как дорогой гость, что служанки будут суетиться вокруг, а Софья будет слушать с вниманием, достойным не трехлетнего ребенка, а скорее, боярской думы.

А потом еще и повторять за ним. И требовать разъяснений там, где непонятно. А потом еще и играть пробную партию.

К концу второго часа с боярина пот ручьями хлестал. С Софьи, впрочем, тоже. Но расстались они взаимно довольные. Софье надо было научиться. Боярину же…

Приятно учить, когда тебя понимают, внимательно слушают, оценивают по достоинству… одним словом – на следующий день встреча повторилась. И еще через день, и еще…

Нельзя сказать, что Софья стала мастером тавлей. О нет. Но чувствовала она себя более-менее свободно, оставалась практика. А еще – соединение знаний, которые были, с новыми. И вот это дало совершенно неожиданные результаты.

Сицилианская защита и французская система, гамбиты Мора и Таля, ферзевый гамбит и Каро-Канн… применимы были, дай бог, процентов двадцать из ее опыта. Но там, где можно было их соединить, – результаты были совершенно невероятные. Боярин удивлялся, ужасался, ахал… и восхищался ученицей. Ему пока позволял выигрывать опыт, но подозрение, что это ненадолго, тоже было.

Но ведь ребенок же…

Шахматы о возрасте игрока не знали. Они с одинаковой охотой повиновались как руке трехлетней девочки, так и руке боярина, разменявшего шестой десяток. И очень быстро послеобеденная партия стала привычной для Софьи и боярина Федора. А там и для второго царевичева дядьки, Ивана Петровича Пронского.

Сначала-то мужчина и слышать не хотел про Софью Алексеевну, но потом, когда Алексей Алексеевич решительно отказался обучаться без сестренки, призадумался.

Обычно не возникает такой близкой дружбы между мальчиками и девочками, между шестилетним мальчишкой и трехлетней малявкой. Нет общих точек соприкосновения. Но тут они нашлись.

Так что, решив почитать Алексею книгу о пушках, Иван Петрович столкнулся с сопротивлением. Царевич потребовал позвать Софью, после чего повторилось то же, что и с Федором Михайловичем. Сначала – пусть сидит, потом выгоню. Потом – нет, не выгоню, при ней царевич лучше слушает…

Хотя о пушках Софье было откровенно неинтересно. Ладно бы хоть оружие было. А то… заряжать ее – и то десять минут.

Пушка, мортира, бомбы, гранаты, ядра…

Софья мрачно думала, что ей здесь жить. А потому и знать надо, что да как… ну и брата приучать к себе. Так что вопросы сыпались из нее десятками – и она начинала уважать воспитателей царевича. Неглупые, серьезные мужики. Каким бы ни был Алексей Михайлович, но учителей он сыну подобрал правильно. Знания они в голову вложат, потому что сами и пороха понюхали, и кровь проливали. М-да, с таким оружием и Русь ведь выстояла. Гордость берет за своих предков.

Эх-х-х, тяжко жить на белом свете, когда тебя не волнует военное дело. А надо. Если не знаешь, чем и как защищаться, то тебя сожрут…

Самое забавное началось, когда Иван Петрович ради смеха решил сыграть с Софьей в тавлеи. Умный мужик с самого начала внял предупреждению Федора Михайловича и отнесся к игре серьезно. Но Софье это не помешало разгромить его в длительной и жестокой борьбе. Вторую партию проиграла уже она. В третьей получилась боевая ничья, но игроки остались довольны друг другом. И играли теперь регулярно. Глядя на них, стал интересоваться и царевич Алексей.

Получалось у него плохо, но тут главное – упорство и желание, а мальчишка был способный. Софья даже иногда вздыхала. Был бы ее сын таким… или мог бы стать, займись она ребенком, а не бизнесом?

А, что толку плакать над пролитым молоком. Теперь она живет здесь – и здесь будет устраиваться.

* * *

Идиллию Софьи нарушила Татьяна Михайловна. Не со зла, нет. Так получилось. Татьяна Михайловна опекала царевну Марфу, но та была не слишком подвижна и активна. Этакая сонная черепашка. Оно и неудивительно.

Софья знала о пользе движения, проветривания, влажной уборки – и у нее в покоях все это исполнялось. А вот другие царевны были обычными детьми. Много может ребенок против компании взрослых, точно знающих, как ему лучше?

Да ничего не может.

Поэтому Марфа едва знала буквы, читать и не пыталась, кое-как начинала вышивать в светлице, а рисовать… Каля-маля – это лучшее определение ее творчества.

Сама Татьяна Михайловна рисовала отлично, будь они в XXI веке, Софья тут же предложила бы ей должность в дизайнерском отделе, но здесь…

Замуж – нельзя, гулять – нельзя; нет, оранжерея, конечно, есть, но там ведь напряжение не сбросишь, а куда оно переходит?

Мужчины в таком случае бьют морду. Женщины – стервят. И в данном случае…

У каждой царевны были свои покои. Небольшие, но личные. Старшие царевны, то есть сестры ныне правящего царя, жили в своих теремах. Личных и индивидуальных. Но в гости к царице приходили. А тут явилась Татьяна Михайловна к царице, напомнить еще раз, мол, царь-батюшка скоро возвращается, так ты походатайствуй перед ним за Никона. Ведь свет земли русской, веры православной в ссылку сослал…

Царица, будучи в состоянии нестояния – еще бы, на сносях, плюс перепады погоды и плохое настроение – ответила достаточно резко. Царь-де и сам знает, кого куда посылать и ссылать. Нет, все было вежливо, корректно, но лучше бы уж матом послали, как выразился один из прорабов, вылетая от Софьи после разноса. А теперь картина маслом: женщина после вежливого посыла ко всем чертям вылетает от царицы, идет к крестнице Марфе, но по дороге встречает княгиню Анну Никифоровну. И та начинает «понимать и сочувствовать», как это умеют только очень стервозные бабы. Мол, я вся на вашей стороне, вы завсегда правы, да, ваша крестница, Марфинька, ну такое чудушко, такая лапочка, такая умница… вот царевна Софья

– та, конечно, не иначе, как в свою мать, а Марфинька – ангел небесный, добрая, умная, послушная, не то, что Софья, змеюка и гадюка…

Естественно, к чести Татьяны Михайловны, она не поверила сразу. Решила проверить. И наткнулась у Софьи на картинку. Сидят маленькая девочка, два бородатых боярина и учат малявку играть в тавлеи. Точнее – со всем усердием разбирают уже сыгранную партию. Тут же кормилица, тут же служанки, а Софья слушает с полным вниманием и прилежанием.

Грянул скандал.

И о его причине Софье долго догадываться не пришлось, как-никак Анна Никифоровна царевну провожала до покоев племяшки. Одного взгляда хватило.

Женщины на Руси не играют. И вообще игрища – от беса, и ни к чему они… одним словом – если бабе надо пар спустить, так она такого кобеля спустит, что собака Баскервилей мопсиком покажется…

Бояре сбежали первыми, и Софья их понимала. Вообще, шахматы были запрещены уж лет как сто, но по принципу «сухого закона». Водки нет, но если хочется, то еще как будет. Так же и со скоморохами, хоть Никон их и гонял, но ни музыку, ни народных юмористов извести не мог. В городах-то – да, могли и покритиковать, а в деревнях, в селах – там они ездили и работали.

Алексей Михайлович и сам играл, и достаточно неплохо, но объяснять косноязычным лексиконом трехлетней девочки стареющей тетке в приступе озверения, что она не права? Сами попробуйте…

Софья выдержала разнос с максимально смиренным видом и вскинулась, только когда Татьяна попробовала наказать ее служанок.

Гнать их поганой метлой из терема за допущение такого кощунства в отношении царевны и никак не меньше…

Вот тут Софья уперлась и сама пошла на тетку.

Гнать? Не дам! Мои слуги – мои слова. Моя вина – мой ответ. Говорила девочка по возможности более коротко, чтобы было понятно, но из ее слов Татьяна отчетливо уяснила главное.

Слуги делают то, что им царевна приказывает. Если она виновата – наказывать надо ее. И наказывать будет отец, а не тетка. Вот если царь-батюшка приказать или запретить изволит – тут Софья сразу же подчинится, а у царевны Татьяны тут таких прав нет. Она – не царица.

Так что служанок не трогать!

Сказано было максимально вежливо и корректно, но

симпатий между двумя царевнами не прибавилось. Так что вылетела Татьяна как ошпаренная. Вопрос был сложным.

С одной стороны, она – царевна и вроде как старшая. С другой – она только сестра царя, а Софья дочь. Любимая сестра – Ирина, номер Татьяны – последний. Софью, конечно, он тоже не слишком любит, но на Татьяну вообще рассержен за мозговынос насчет Никона.

Одним словом – все зависело от того, кто первый накляузничает царю. Выпроводив тетку, Софья уселась на кровати в позу лотоса – не надо про медитацию, просто удобно, да и гибкость так лучше развивать – и принялась размышлять. Тут многое зависело от отца. В каком настроении приедет, что, как…

А мы все равно попытаемся все развернуть в свою сторону, в конце концов, пока Сонечка – симпатичный ребенок, а таланты еще ни одному чадушке не мешали. Главное, намекнуть, что все именно от папы, а то ж…

А тетке и княгине Анне надо бы гадостей сделать, да побольше, побольше… ничего, свои люди – сочтемся.

* * *

Софье повезло. Можно сказать – до невероятности.

Татьяна Михайловна действительно собралась проучить племяшку – для ее же блага, разумеется, ну куда ребенку в тавлеи играть? Лучше б молиться училась да шелками шить. И с этой целью подстерегала брата, чтобы первой поймать его по возвращении в Москву с охоты.

И – нарвалась.

Охота не удалась, и это еще мягко сказано. Кроме того, пришло письмо о капитуляции армии Шереметева под Чудновом – войска терпели поражение. Так что во дворец царь вернулся не в лучшем настроении.

А тут еще царица недомогает, лежит в попытках сохранить ребенка и ладаном ее так окуривают, что чихать хочется, любимая сестра Ирина тоже недомогает. Правда, по другой причине – простудилась, бедолага, на два вдоха – три чиха. Зато Татьяна брата видеть очень сильно желает.

Увидела… на свою голову.

Хоть и прозван был в истории царь Тишайшим, но вот беда – к его характеру это особого отношения не имело. Прозвище – и только. А в остальном был Алексей Михайлович достаточно вспыльчив, жесток, но отходчив и как все слабые характером люди винил в своих бедах окружающих, а потому Татьяна

пришлась совершенно не ко времени.

Нет, сначала-то все было прилично и тихо.

Чинный визит в царевнины палаты, не менее чинное чаепитие и похвала новым рисункам. А вот потом Татьяна плавно перешла к племяннице.

Мол, Марфинька умница, а вот Софья… ИГРАЕТ В ТАВЛЕИ!!!

Естественно, царь не поверил. А кто б на его месте сразу же согласился? И не положено девочкам, и возраст не тот, и вообще… одним словом – царь сестру поднял на смех – и вот тут Татьяна Михайловна допустила ошибку. Принялась сначала убеждать, что Софья не играла с фишками, а именно, что играла с учителями царевича.

Что это распущенность во дворце виновата. И вообще – ужас и кошмар. Был бы здесь собинный друг государя, патриарх Никон, никогда б такого позора не было… Зря царь от него отрекся и умных советов более не слушает…

И вот тут влипла по полной программе.

Потому как разлад со старым другом Никоном давил на душу царя, хотелось и справедливость соблюсти, и, опять же, царское достоинство не уронить, да и кто взамен него патриархом будет, тоже еще вопрос…

Царевне было выдано про бабий – читай – куриный! – ум, про недопустимость лезть, куда не надо, и не просят, и не приглашают, про…

Одним словом – вспыльчивость у Романовых была фамильная, но поскольку царь всегда прав…

Татьяна осталась глотать слезы, а царь решил-таки наведаться и к родному ребенку. Заодно наследника повидать, благо пока он еще жил с матерью…

Софья о визите царя узнала почти сразу – Марфа примчалась и заахала, мол, царь-батюшка идет. План сложился мгновенно. И когда дверь распахнулась перед царем, какую же картину он увидел?

Софью.

В одной рубашонке стоящую на коленях перед иконами и картаво, но очень тщательно выговаривающую слова молитвы.

Гнев погас, как и не бывало. Софья это затылком почувствовала. Дверь открывалась резко: явно человек, стоящий за ней, был рассержен. Но такая картина…

Софья продолжала проговаривать слова, затылком чувствуя взгляд. Потом произнесла заключительное «аминь» и повернулась. И с воплем «Тятя!!!» бросилась мужчине на шею.

Алексей Михайлович Романов подхватил дочь на руки. Поцеловал в нос.

– Здравствуй, малышка…

Был Романов достаточно высок ростом, голубоглаз, откровенно толстоват, лицо окаймляла подстриженная и ухоженная темно-русая бородка, в уголках глаз прятались морщинки, но цвет лица у него был не слишком здоровым. Печень или почки? Вроде отеков нет, скорее печень…

– Тятенька… я скусяла…

Отцы и дети в чем-то ужасно одинаковы, сколько бы веков ни прошло и какое бы положение ни занимали первые. Софья была осмотрена со всех сторон и вынесен вердикт: «ты так подросла…»

Отец тоже был осмотрен со всех сторон, и ему было нагло заявлено «тятя, я тебя любью»…

На том бы встреча и кончилась, но тавлеи…

Которые, кстати, не особо спрятанные, лежали на столике в горнице.

Естественно, как и любой отец, Алексей Михайлович поинтересовался – умеешь? Софья гордо закивала и принялась расставлять фигурки из мрамора. Потом зажала две в кулачках и вытянула вперед, предлагая отцу выбирать…

Ей выпало защищаться.

Первая партия прошла с разгромным счетом в пользу Софьи. Естественно, потому что от трехлетнего ребенка такой прыти не ожидаешь – и получаешь по полной программе.

Вторую Алексей Михайлович свел вничью. Третью выиграл и посмотрел на девочку уже другими глазами. Талант…

Романов был вспыльчив, но отходчив и мог каяться. Сорвался он на Татьяне, и сложись все в покоях дочери иначе, Софье досталось бы тоже по полной программе. Но младшей царевне повезло. Сначала молитва… а учитывая религиозность мужчины, она сыграла роль успокаивающей мантры, потом умиление и любовь… одним словом, вся отходчивость, которой бы пролиться на Татьяну, досталась Софье.

– Да ты у меня умница…

– Мафа говоить в тятю…

Получалось невнятно, но похвала – она любому отцу приятна. Естественно, что все положительные качества у ребенка только от отца. Ну, может, глаза или там уши от матери, а все остальное – от папы, это каждый отец знает…

– А кто тебя научил?

Говорить пока получалось невнятно, но Софья вкратце рассказала, что училась вместе с Алешенькой и тут же умоляюще сложила ручки.

Тятенька, можно мне учиться вместе с братиком, пожалуйста, пожалуйста, пожа-а-а-алуйста.

Я буду очень хорошей, буду молиться и поститься, буду кушать кашу и надевать шерстяные носки – опять-таки, список не сильно меняется с течением времени и женские методы тоже.

Алексей Михайлович только рукой махнул. Мол, если дитятко просит – ну, поучись пока… скажу я Алешиным учителям, а о братике ты что скажешь?

Братик хороший, как папа…

А чему тебя еще научили, кроме тавлей? Молитвам? О Боженьке рассказали? А чему бы ты научиться хотела?

Языки знать? Чтобы со всяким человеком поговорить можно было? Вроде как и незачем, но если ребенок так уж просит…

Одним словом, встреча закончилась в пользу Софьи. Но то, что Татьяна Михайловна затаит злобу и постарается отыграться, Софья даже не подвергала сомнению. А кто бы на ее месте остался благородным?

* * *

Теперь уроки Алексея Софья посещала со всем возможным правом. И училась прилежно.

Глядя на такое старание, за ней тянулся и царевич, а его дядьки только головами качали. Коллективом всегда усваивать материал проще и интереснее, Софья умудрялась помогать брату – и в результате, когда спустя месяц царь решил узнать, как там учатся дети, он оказался приятно изумлен. Нет, он отлично понимал, что детей хвалить принято, что царских детей ругать не станут никогда и даже если царевич носит гордое прозвище «барана», ему так категорично никто ничего не скажет. Но и таких похвал…

Дети освоили букварь и занялись чистописанием.

Дети бойко считают до ста.

Дети интересуются латинским, польским и франкским языками. Почему два последних? Так вдруг воевать придется?

Царевич просто гениален, весь в отца.

Царевна? Тоже в отца, определенно. Удивительно живой ум, ей бы мальчиком родиться…

Алексей Михайлович покачал головой, но спорить не стал. Распорядился попробовать учить других царевен, но благое дело заглохло не развившись. Царевны учиться просто не хотели. А зачем бабе учение? Умела б вышивать да молиться…

Разве что младшую сестру Софья пыталась приучить, но получалось плохо. Что поделать, все невеликие педагогические таланты Софьи уходили на брата и на остальных просто ничего

не оставалось.

Также стоит отметить, что очень тяжело Софье не было.

На ней не лежали домашние заботы, ей не надо было работать – хотя это и было непривычно – с нее вообще по малолетству никакого спроса не было. Насколько тяжело для человека четыре-пять часов в день проводить с ребенком, за которым не надо ухаживать, с которым надо просто играть?

Не настолько и сложно.

Правда, иногда ее настигали приступы страшной головной боли, но она так рассудила, что это просто перегрузка. Все-таки обычно трехлетних детей так не нагружают, а она себя перегружала. Ну и ладно! Прорвемся!

Учеба давалась Софье легко. И она могла интересоваться тем, что было важно.

С кем граничит Русь? С кем воюет? Мирится? Договаривается? Торгует?

Вопросов была прорва, ответов намного меньше. Но вскорости дядьки царевича привыкли, что Софья не совсем обычный ребенок и может понять, о чем с ней разговаривают, и перестали сюсюкать. Теперь ей объясняли внятно.

Софья медленно складывала картинку из кусочков – и та была печальна.

На данный момент на юге Русь имела Прикавказье и набеги татар. Обстановка на Кавказе, конечно, была не великолепная – вековые традиции? – но по крайней мере войны там не было, а Грузия так и откровенно пыталась присоединиться. Во всяком случае, русский царь именовался еще Иверским и Карталинским, Грузинским и Кабардинским[7]. Хотя толку с того было – чуть. Название звучное – и только-то.

На востоке – Сибирь и Китай. Там пока ничего не ясно.

На юге – Речь Посполитая и Османская империя.

Гадость жуткая. Война за войной – за границы и территорию. Одним словом, звание почетного геморроя Российской империи им можно было присваивать. Одно на двоих, ага…

Украина, кстати говоря…

Софья честно расспрашивала, что и как, и выяснилась печальная истина. Великой Украины, несмотря на все крики националистов, не имелось. Увы…

Правобережная Украина, Левобережная Украина, Запорожская Сечь и Слободская Украина – вот таков полный список. Территория – минимальна, навыки владения оружием – максимальны. Жить-то хочется, а от турок-османов – получать постоянно оплеухи – вовсе даже нет…

Воевали?

Да, собственно, и воюем. С Речью Посполитой. И ведь наших бьют!

Даром, что ли, папаша такой недовольный. Вообще конец 1660 года ознаменовался чередой поражений в русско-польской войне, и царь гневался. Сильно и метко.

Подходить к Тишайшему стало попросту опасно. От него доставалось всем, включая царицу и детей. Сестры и не подходили. И под это дело Софья решила провернуть свой личный план.

Какая проблема у всех российских государей?

Да опереться не на кого. А поддержка нужна. Свои люди нужны, кузница кадров – и как это обеспечить?

Только школой. А пробить эту школу можно было только через царя. Только вот никто Софье не дал бы реализовать ее идею, даже отец. Хоть упросись. Инерция мышления.

А вот Алексею, наследнику и любимцу…

На настройку брата и правильный подбор аргументов, на вложение их в разум царевича и объяснение всей замечательности и восхитительности идеи у Софьи ушло несколько недель. Но в целом женщина не жалела.

Брат становился все более ручным и управляемым. Некрасиво? Простите, это не вас собираются запереть на всю жизнь в тереме с перспективой монашества. В такой ситуации своя шкура ближе к телу и дорога хозяину. Хозяйке.

И потом, если так посмотреть, а что она плохого делает?

Она зла брату желает?

Вовсе нет… Она желает добра себе. А попутно продвигает свои цели.

Начиналось все с крохотных капелек. И в некоторые игры надо играть втроем, а то и впятером. И вот если бы несколько их было, нельзя ли сестриц учиться заставить?

Предложение было отвергнуто царевичем с негодованием. Сестры казались ему безнадежно скучными. То ли дело – Софья! Которая и новую игру придумает, и сказку перескажет, и учиться с ней намного веселее, это и дядьки царские заметили…

Они, конечно, удивлялись способностям царевны, но тут уж и Софья не терялась. Подойти, похлопать ресницами, сказать что-то вроде «дядя, позяуйста! Ты так хоосе объясняесь…». И кто и когда не велся на восхваление своих педагогических талантов?

Да и что страшного в уме царевны? Чай, не из рода глупцов произошла, прабабка, мать царя Михаила Романова, великая старица Марфа, говорят, вообще недюжинного ума женщина была. Почему б и царевне такой не быть?

И учат ведь! Развивают!

Недаром говорят – ребенка учат, пока он поперек лавки лежит.

Так что Софья прочно заняла место фаворитки царевича. Ей не запрещали проходить в его покои в любое время, учиться вместе с ним, единственное, что запрещалось девочке, – выходить из терема. Церковь и садик – все, что было ей доступно. Мало, слишком мало… Алексей был свободнее в своих передвижениях. Ну да ладно, извернуться можно было всегда. Но пока были проблемы.

На улицу – нельзя. Если и разрешат, то так все обставят – не продохнешь от бояр и слуг. Переодеться в мужское платье тоже нельзя. Наказание такое, что потом на попу неделю не сядешь. Ладно, пороть царевну не принято, но шлепать – вполне. И каяться долго придется.

Вывод был прост. Выбивать у царя субсидии на создание школы рядом с теремом. Пусть здесь строят, здесь селят – или в том же Коломенском! Софья его не помнила как таковое, но ведь жили они там летом?… Просто тогда она была еще трехлетним ребенком, который и не подозревал, что в него переселится чужая душа.

Но об этом – молчок, не то объявят одержимой.

Софья постепенно понимала, какую громадную роль тут играет религия и все ее обряды. Доходило до того, что царь клал до тысячи двухсот поклонов в день, во все посты не ел ничего по понедельникам, средам и пятницам, а в Великий и Успенский посты в остальные дни недели ел только раз в день.

С точки зрения Софьи, это было ненормально, но кто б ее спрашивал.

Детям таких строгих ограничений не устанавливали – и слава богу. У них организм молодой, растущий, вот если только патриарх наложит трехдневный пост на всех – тогда и детей не пожалеют. Но это когда война, беда, чума, мор…

Одним словом, если она хотела прижиться в Риме, она должна была стать римлянкой.

И девочка послушно ходила в церковь, под руководством царского духовника Лукиана Кириллова вызубрила все молитвы, которые нашла. Мужчина, конечно, был безумно занят, но время для царевны и царевича находить ему пришлось. Софья расспрашивала… хорошо быть трехлетним ребенком. Никто не удивится твоим вопросам: «Почему?», «Зачем?», «Когда?», «Как?». Никто не покрутит пальцем у виска, никто не поймает на нестыковках или странностях поведения… трехлетние дети – они что угодно отколоть могут.

Софья до сих пор помнила, как пришла в гости к знакомой.

Та продемонстрировала ей свое чадушко, а мальчик бодренько продекламировал поэму о Василии Теркине. «Переправа, переправа, берег левый, берег правый…» Софья и половины не запомнила, а знакомая еще смеялась. Ребенок, мол, радио слушал, а там ее крутили регулярно, дело-то еще в советское время было. Вот и…

Ребенку было три года[8].

Наконец, на новогодние праздники Софья пришла к выводу, что пора. Царевич был накручен до нужного уровня, реплики продуманы, к тому же на Рождество Алексей Михайлович размякал душой, как и на все остальные христианские праздники.

Торжественное богослужение, пир, вся положенная торжественная часть, а вот потом, когда царь и его семья остались одни… а все равно царем завладели остальные царевны. Пробиться сквозь них у Софьи с Алексеем не вышло бы, даже и пробовать не стали. Вместо этого сели тихонько в уголке, как две сиротинушки, и принялись играть в морской бой.

И тактика принесла свои плоды.

Алексей Михайлович, обнаружив, что два чадушка – ладно бы Софья, а то ведь наследник! – сидят в уголке и не думают заверять его в своей любви, участвовать в суматохе и просить подарков, сам обратил на них внимание.

Подошел, встал рядом, пригляделся…

– А что у вас за значки странные?

Объяснять Софья и не пыталась. Алексей сам рассказал, что это – морской бой. Вот – поле, на нем надо назвать клетку… правила знают все. Единственное отличие было в том, что цифры здесь писались буквами с титлами. Сначала кажется сложно, но потом, зная счет и арабскими цифрами, и такими, приноравливаешься быстро.

Алексей Михайлович вытащил из-за столика Софью, усадил к себе на коленки и попробовал сам разгромить сына.

Не получилось. Оно и понятно, царь эту игру увидел первый раз в жизни, а сынок в нее играл уже два месяца и кое-какие хитрости освоил.

Тишайший, впрочем, не огорчился. Порадовался за сына, потрепал по волосам, умница, наследник, герой… и перешел к самому важному.

– А тебе чего хочется, сынок? А то все кругом просят, просят, а вы с Сонюшкой молчите…

Отношение Тишайшего к Софье чуть потеплело за последние месяцы. Когда хвалят твоего ребенка, всегда приятно, хочется расправить грудь и заявить: «Да, чадо все в меня!»

И вот тут Алексей выдал такую лихую фразу, что Софья

мысленно завопила «ДА!!!!!». И для себя тоже. Она ведь ее вложила в голову брату, она старалась – и посмейте сказать, что она не права в своих стремлениях!

– Батюшка, могу ли я что просить, когда на Руси столько детей без отцов и крова…

А ведь это она, она вкладывала мысль, что где война, там и кровь, там и безотцовщина… и она же…

Алексей Михайлович только вздохнул, услышав такое от ребенка.

– Разумен ты, сынок, не по годам. Да только что тут поделаешь?

И вот тут наступило время второй заготовки.

– Тятенька, а ты можешь ведь собрать их всех, дом для них построить…

– Да собрать-то можно…

Ага, идея пока проходила по ведомству утопии. А теперь практическая польза.

– А потом учить их воинскому делу, чтобы были у тебя, а потом и у меня свои полки, верные да преданные…

А вот теперь и Софья могла вставить свои пять копеек.

– Тятя, а Алешины полки меня будут защищать? А маму с сестричками?

Она, наконец, научилась разговаривать практически не картавя и вовсю этим пользовалась. Хотя иногда непослушное горло еще корежило некоторые звуки. Ну да ладно, разработаем…

Алексей Михайлович подумал. Потер лоб.

Идея явно заслуживала рассмотрения. Рядом со стрелецкой вольницей, которую ничем не приструнить, идея вырастить своих вояк показалась Алексею Михайловичу любопытной. Стрельцы-то своевольны, как их ни обласкай, а все довольны не бывают. Но требовала обдумывания. Софья и не торопилась.

Пусть чуть подумает. Главное – ежа подбросили, теперь надо сделать второй шаг.

Какой?

Так бизнес-план, разумеется.

Ладно, все и идеально посчитать Софья не могла. А вот пофантазировать с Алексеем на тему будущей школы, какая она должна быть, чем там дети должны заниматься, как жить, да еще и дядек Алексея привлечь…

Это для мужиков фантазии. А Софья твердо намеревалась обеспечить брату свои войска. А потом и себе тоже, случись что.

Как говорил товарищ Сталин: «Ватикан – сильное государство? А сколько у него дивизий?»

За дословность цитаты она не ручалась, но… ведь у них сейчас и одной дивизии нету! А если с первым годом набора хорошо пойдет? Там можно и второй, и третий, и вообще – янычар так в Турции и растили, нет?

Только там детей забирали насильно, а они возьмут тех, кто крадет на улицах, холодает, голодает, кто лишился родителей… такие за подаренную им сытую и надежную жизнь кому угодно горло перегрызут.

Только организовать все правильно. Скажем, десять лет выслуги – собственный дом плюс премия. Она где-то читала, что раньше чуть не по сорок лет служили, или вообще бессрочно, нет, такого нам не надо. Десятка – и хватит. Можно жениться, детей завести, осесть в деревне. А захочешь остаться в войсках – никто препятствий чинить не будет, наоборот, устроить так, чтобы на жалованье можно было семью содержать в достатке… это еще надо обдумать. Тщательно, серьезно, чтобы служить в армии стало престижно, чтобы в эту школу бояре рвались своих детей отдавать…

Армия – хребет державы! В любое время!

А еще мощный инструмент воздействия на сознание. И на политику.

Одним словом, первый вброс информации прошел успешно. Разговор опять свернул на морской бой, Алексей-младший вовремя сообщил отцу, что Русь должна встать на морях вровень с Англией, царь порадовался, Софья добавила, чтобы смягчить – жаль, что девочкам на корабль нельзя…

И!

Алексей Михайлович пообещал для нее построить кораблик. Не сразу, но как будет время и возможность.

Софья тут же замотала головой и указала на брата.

– Алеше. А я ему помогать буду! Чем смогу!

Выглядело это умилительно, так, что даже мать соизволила посмеяться и ребенка по головке потрепать. Остальные царевны, конечно, надувались лягушками, но Софья пока на них внимания не обращала. Сейчас ей надо пробиться самой, потом она и девчонок протащит! А что?!

Была же Анна Ярославна французской королевой! Точно, такая книга у нее на полке стояла![9]

Володя читать любил, в отличие от жены. В мире цифр и букв ему было спокойно. Так что выходили наши девчонки замуж в Европы, и там еще благодарны были за русских королев. Почему бы и сейчас так не поступить?

Разбавим кровь разных Бурбонов и Стюартов.

И все затихло дней на десять.

Потянулись праздники, Софья бесилась от бесполезной траты времени на всякие глупости, но выбора не было.

А потом Алексей Михайлович опять пришел в покои царевича, когда Алексей-младший занимался латинским языком. Пока еще неуклюже, медленно, с трудом, но…

В свое время Софья поняла, что любой язык – это алфавит, грамматика и словарный запас слов так в тысячу. В обиходе нормальный человек и меньшим пользуется, и все его понимают. Так они с Алексеем и учились.

В планах было не меньше пяти языков. А чем тут еще заниматься?!

Одним словом, пришел Алексей Михайлович в тот момент, когда дети переводили считалочку – в изначальном варианте – стихи Маршака про Кота и про цифры – на несколько языков. Конечно, спорили и хохотали до слез.

Софье повезло с великолепной памятью еще в той жизни, а в этой она еще улучшилась. И вспомнить считалочки и стишки своего детства она могла без особых усилий. Не все подходили к ситуации, но кое-что – идеально. Чуть адаптировать – и вперед.

Дядька царевича наблюдал за этим процессом с отеческой улыбкой, подсказывая нужные слова.

Первым отца заметила Софья, но поскольку он стоял в тени и никак о себе не извещал, обращать внимания не стала. Потом царевичев дядька, который хотел было поклониться, но был остановлен движением царственной шуйцы. Доперевели считалочку на польский, а там и Алексей-младший заметил, что кто-то лишний есть в классе. И бросился отцу на шею.

Софья чуть приотстала, но второй подошла, поцеловала отца в щеку и присела в реверансе, или хотя бы в его подобии.

– Тятя, а правда, что в Европах так королей приветствуют?

Алексей Михайлович ответил, что, конечно же, правда. И Софья тут же воспользовалась случаем – попросила учителя европейских манер. Алексей Алексеевич присоединился, уже привыкнув, что сестра плохого не посоветует. И царь согласился.

Софья готова была прыгать на месте от радости. Да кого б ни дали – все равно лучше, чем ничего! Это не значило, что она полностью за импортные манеры и одежду, нет. Вот эту реформу Петра она считала откровенно неумной.

Люди носили то, что подходило по климату и удобству, так сложилось. Во Франции мороз в минус десять – страх божий, у нас – минус тридцать повод погулять. И вообще – Мороз-воевода!

А уж про идиотские моды на корсеты и блохоловки – бэ-э-э, гадость!..

Поди, переплющи себе все кишки этим пыточным

сооружением – небось при первых же родах загнешься. А парики, этот рассадник вшей?

Нет уж, не нужны на Руси такие пакости. Пусть катятся в Евросоюз, их не жалко!

А потом царь заговорил о том, о чем хотели и дети.

– Тятя, а ты думал, помнишь, я про бездомных детей говорил?…

– Помню, сынок. А ты еще что-то измыслил?

– Да, тятенька! – Алексей отца не боялся. Это кому другому он грозный государь, а ему любимый отец. – Мы с Сонюшкой тут все думали, как ее лучше обустроить и вот что решили!

Проект Софья, недолго думая, нарисовала сама. Ну как – сама? С Алексеем вместе, с постоянным повторением то вопросов, то классического: «Алеша, какой ты умный! Ты молодец, братик! А давай тут вот так, а тут этак? А как ты правильно придумал…» Одним словом, к концу проектирования Алексей был уверен, что все придумал он. А Софья просто помогала.

Почти по ГОСТу на листах бумаги была нарисована общага барачного типа, по четыре комнаты на этаже. Два этажа, больше закладывать смысла не было, не терем. Софья могла бы и пятиэтажку посчитать, но зачем? Каждая комната на два десятка человек. Кухня не предусмотрена, на первом этаже столовая, там же и готовить, а заодно от печей обогревать здание.

Рядом большая баня.

Школа – пока небольшой проект. Классы на сорок человек каждый. Лавки, столы, доски с грифелями. Пока классов немного – всего шесть. И спортивный зал. Большой и маленький.

Софья была готова, что первый набор будет небольшим, всего человек сто. Проверить идею, посмотреть, подумать… Но ведь строить надо с запасом! Сто в этом году, сто в следующем, так к шестнадцатилетию у Алешки и тысяча человек наберется. Подготовленных, умных, преданных. А то и поболее.

Спортивная площадка, конюшня, подсобное хозяйство в виде курятника и свинарника.

– А это вам зачем? Неужто воины будут за свиньями ухаживать?

– Будут, тятенька. – Алексей, обсуждавший эту проблему с Софьей, даже и не смутился. – Ежели дисциплину нарушат или честь учебную запятнают. Еще как будут!

– Так розгами-то оно вернее будет?

Алексей Михайлович явно подшучивал над сыном, но в каждой шутке…

– Так одно другому и не мешает, тятенька…

Алексей Михайлович собрал листы бумаги.

– Дорого это обойдется, сыне…

– Тятенька, так лучше мне ничего не дари… нам с Сонюшкой! Лучше в дерюге ходить, но души детские спасти от холода и голода…

Софья закивала, с такой надеждой глядя на отца, что Тишайший только вздохнул. Дети, иначе и не скажешь. И ведь не о себе думают, о детях… таких же, которые без отцов-матерей остались.

Наследник растет.

Опора и надежда. И идея эта очень неплоха. Да и денег не так чтобы много потребуется.

– А ты сам бы, сынок, учиться в такой школе хотел?

– Так ежели эту школу в Коломенском или где рядом изладить, то лучшего и пожелать бы нельзя!

Алексей загорелся сразу же. Еще бы, если Софья эту идею подкидывала планомерно и целенаправленно. Может, потом он и перегорит. А может, и нет, если все пойдет как надо.

– Тогда придется тебе там круглый год жить… не тяжело будет?

– Так я домой часто приезжать буду, да и… ты же со мной Сонюшку отпустишь? Правда?

– В школу?!

Идея явно не прижилась. Дети дружно замотали головами. Конечно, не в школу! Просто жить в Коломенском!

Алексей Михайлович задумался.

– Посмотрим…

Теперь оставалось только сжимать кулачки на счастье. Ну и планомерно капать на мозги окружающим. А заодно налаживать контакты и искать кандидатуру на роль надсмотрщика. Чтобы и в авторитете была – и управляема. Идеальным вариантом оказалась царевна Анна Михайловна. Та самая темная лошадка.

Она смирилась со всем, не бунтовала, ничего не требовала и тихо жила в своем тереме, угасая день ото дня. А Софье как раз такая и нужна была. Одну ее в Коломенское не отпустят, факт, а вот под присмотром старшей царевны – могут. Вопрос – кого выбрать?

Татьяна Михайловна не годилась. Она покамест племяшку не трогала, но пакость подстроить могла, дай только волю. Ой как могла…

Ирина Михайловна? Ей и тут неплохо, при брате.

Мать, естественно, не поедет. Оставалась царевна Анна. Оставалось решить, как познакомиться поближе. Но Audaces fortuna juvat, как говорил умный дяденька Вергилий. Кто это такой, Софья не помнила, а вот с принципом была согласна

полностью. Смелому судьба поможет?

Да всегда и с полным нашим удовольствием!

* * *

После очередного воскресного богослужения Софья и отловила царевну Анну. Специально ждала в коридоре, сбежав от служанок. Бросала мячик об стену, прыгала, а когда появилась царевна Анна, мячик совершенно случайно отскочил не туда, Софья подпрыгнула, но платье оказалось неудобным – и девочка упала. И заплакала, конечно…

И сердце женщины не выдержало.

Девочку подхватили на руки, слезки вытерли, утешили, а дальше Софья сама отказалась расставаться с доброй тетей. И попросила сказку.

Выслушала какую-то ахинею об очередной замученной святой, попила у царевны чаю – и таки получила приглашение заходить.

Несколько дней она ходила к Анне Михайловне одна. Приручала, успокаивала, влезала в душу, осторожно, исподволь выясняя, в чем причина изоляции. Все оказалось просто.

Анна сама по себе была довольно замкнута. И родилась не самым любимым ребенком. С матерью не сблизилась, с братом – тоже, честно слушалась старших, молилась, вышивала, опять молилась… И безропотно подчинялась этому однообразию. Понимала, что ни семьи, ни детей у нее никогда не будет, тосковала, ездила на богомолья, ждала смерти…

Софья ударила именно в то место, где помещалась нерастраченная материнская нежность. И вся любовь пролилась на нее и на царевича Алексея. Хотя на Софью – больше. Девочка специально старалась так устроить и вины за собой не чувствовала.

Да, она все делала специально. Да, она лезла в душу, буквально заставляя женщину выйти из спячки и полюбить себя и Алексея. А с другой стороны – разве от этого кому-то стало хуже?

Уж точно не ей и не Анне.

Тем более что царь-батюшка начал строительство школы неподалеку от Коломенского. Не так чтобы очень далеко от царской резиденции – минут тридцать верхом. Вот и отлично, Алексей сможет ездить туда-сюда, это полезно для здоровья. А для себя… для себя Софья тоже кое-что планировала. Дайте время, дайте только время…

Царевич Алексей сначала отнесся к тетке настороженно, но

потихоньку принял ее и раскрылся. Теперь часть времени дети проводили в тереме Анны Михайловны. Учились, играли, им было хорошо в своем маленьком мире.

А за стенами теремов простирался мир, большой и вовсе не дружелюбный к детям.

1661 год

Васька закашлялся и сплюнул наземь комок мокроты.

Слава богу, без крови. Хотя зимой чахотка ко многим цепляется, из десяти детей двое ее переживают, а то, на улице жизнь не мед с вареньицем…

Да, была у Васьки когда-то и другая жизнь. Жил он с тятенькой и маменькой в деревне, были у него братья и сестренки. Только беда одна не приходит. Во время мора полегли все родные, в землю ушли, как и не было. А он вот остался. Пять лет ему тогда было, всего пять лет. Сейчас уже десятый год потянул, а что он прошел за это время…

После мора Ваську взял к себе местный мельник. Взял, считай, за харчи и место на лавке, пожалел сироту. Или себя пожалел?

Гонял он мальца в хвост и в гриву, батрачил на него Васька с зари до зари, света белого не видя, да только куда денешься?

Что тогда мог мальчишка?

Постоянный голод, плюхи, пинки, зуботычины, тяжелая работа, но Васька оказался крепок и силен. И хитер к тому же. Привык и смог уворачиваться от самой тяжелой работы.

Привык и смог подглядеть, куда мельник кубышку прячет. А как пошел ему девятый годок, случилось такое, что бежать пришлось без оглядки. Пал у мельника конек, который мешки возил, а в сене обнаружилось несколько стебельков болиголова. Вот только обнаружил их не Васька, а старший сын мельника, Мишка, та еще пакость, соплей перешибить можно, но злобы и спеси на пятерых хватит. И раскричался, что приемыш-де лошадь отравил. А там и до отца с матерью доберется.

Мельник и поверил.

Васька, который это все подслушивал по старой привычке, едва ноги унести успел. И решил сбежать. Дождался ночи, выкопал мельникову ухоронку и дал деру.

Куда?

Вестимо, в Москву. Там-то куда как сытнее, чем в деревнях. Да и что ему делать по дорогам? Милостыню просить?

Нет уж.

Был Васька – и не стало его. Зато в Москве прибавилось одним уличным волчонком.

Денег он в первый же месяц лишился – обокрали. Ну да, где уж мальцу против столичного ворья? Поплакал, а потом принялся устраиваться, как мог. Прибился к шайке уличных мальчишек, которые по улицам промышляли, стал помогать, жил с ними,

прятался, чтобы не поймали. Кормили, правда, плохо, а то могли и по шее дать, но все ж легче было, чем у мельника. Там-то ему и веревкой доставалось, и кнутом, и мешки ворочать приходилось…

На Москве работа была не в пример легче.

Пьяных мальчишки раздевали, ежели уснул кто под забором, не дойдя до дома. Не так, чтобы до смерти замерзли, но шапки, сапоги, зимние дохи стягивали. Могли пьяницу и оглушить, наваливались втроем-вчетвером, хватали, что под руку подвернется – это по вечерам.

По утрам на рынке промышляли. Васька – нет, у него такого таланту не было, руки к воровству не приспособлены. А вот другие ребята могли и кошелек потырить, и ножку кому подставить…

Васька тоже с ними ходил, на побегушках был. Пироги там подхватить, когда торговке кто ногу подставит, заорать «держи вора!!!» и в другой конец рынка кинуться, слепого изобразить али там припадочного…

Плохая, конечно, это была жизнь. Несытая, тревожная, опасная.

За воровство били кнутом и тому, кто попался на первый раз, отсекали ухо. На второй раз отсекали другое и ссылали в Сибирь.

Васька понимал, что рано или поздно его ждет именно это, но и выбраться из воровской жизни не чаял. Некуда.

Затянуло его на дно, и возврата не было. Только и оставалось ждать, когда поймают…

Поймали Ваську, когда уже зима на убыль шла. Схватили за руку, когда Прошка подставил подножку торговцу пирогами. Все похватали по паре и разбежались, а Ваське не повезло. Налетел прямо на стрельца и съежился, когда на запястье сомкнулись железные пальцы.

Не уберегся. Не успел…

Но вместо того, чтобы волочь его в башню, а то и на правеж, стрелец потащил его куда-то в другое место.

На двор боярина Ивана Федоровича Стрешнева.

* * *

За зиму Софья по-новому оценила своего отца.

С одной стороны – набожность и закостенелость. С другой – выбора у человека не было. Романовы – династия новая, если захотели удержаться, надо показывать, что все идет, как от дедов заповедано. И ломать эти обычаи нельзя.

С одной стороны – мягкий и добрый отец.

С другой – достаточно жестокий человек, которому под руку в горячке не попадайся…

А впрочем, люди по природе своей являются монетками с двумя сторонами. Иначе и не бывает. Софья же оценила другое. Приняв решение, Алексей Михайлович последовательно претворял его в жизнь. И поручил выполнение окольничему Ивану Федоровичу Стрешневу.

Софья пару раз видела Стрешнева – и впечатление он произвел хорошее. Темные умные глаза, седые волосы, прямой взгляд, но о своей выгоде всегда подумает. К тому же двоюродный брат царицы Евдокии Лукьяновны, можно сказать – двоюродный дед. Кому, как не ему, потеху для внуков устраивать?

И чудо, что проморгал эту потеху Илья Данилович Милославский, дед со стороны матери. Но занят был, старался подгрести под себя иноземный приказ.

Стрешнев же использовал полученную возможность на полную катушку. И закипела работа. Неподалеку от Коломенского, в селе Дьяковское, недалеко от окраины строился целый комплекс.

Как же обидно было Софье, что нельзя ей выехать на место, посмотреть, пощупать все своими руками. Нельзя. Не по чину…

И на том спасибо, что позволил ей царь ехать вместе с Алешей в Коломенское, как только все построят, и разрешил поехать с ними сестрице Анне Михайловне.

Но тут еще сыграла роль и репутация царевны. Царь был твердо уверен, что бесчестия она не допустит… и совершенно забывал о силе материнской любви.

А царевна полюбила двоих детей со всей силой души. Ради Алешеньки и Сонечки она бы в лепешку расшиблась, не то что в Коломенское переехала.

Свою роль сыграло еще и то, что у царицы родился сын. Федор Алексеевич.

Микропедиатром Софья не была никогда. Но впервые увидев царевича, смогла только головой покачать.

Вялый, дохлый, не шевелится почти… нет, что-то неладно с ребенком. Вроде как не даун, но…

А впрочем, это не ее забота. Ей же пока хотелось уехать из Кремля и подальше, подальше… с недавних пор она готова была сесть на голодную диету во дворце и зарасти грязью по уши, лишь бы не употреблять отравленную воду.

Специально-то ее никто не травил, конечно. Но Москва недаром была названа Третьим Римом. До Кремля добрался

свинцовый водопровод, построенный еще в 1633 году. Некто Христофор Гэллоуэй устроил водоподъемную башню и… свинцовые трубы, чтоб его в свинцовом гробу и похоронили!!!

Естественно, дети болели.

Естественно, болели все взрослые, которые потребляли эту дрянь.

Царское семейство выезжало в Коломенское, царь ходил в походы, так что шансы не отравиться сразу у них были, но…

Рассказала об этом Софье, кстати, Анна Михайловна. Водопровод-то был почти ее ровесником, может, года на три помладше. Вот она и решила девочку потешить рассказами о чудесах… Потешила. Софью просто корежило от одной мысли, что она каждый день себя добровольно травит. И ведь никак этого не исправить. Вот что может в данной ситуации сделать трехлетка, даже если она приближается к четырем годам? Заорать: «Не пейте, вы себя травите»?! Ну да, как же, послушали одну такую…

Сейчас ей уже было чуть полегче. К ее уму просто привыкли, как привыкают к говорящим попугаям и дрессированным медведям, да и в дружбе с наследником не видели ничего странного. И все равно девочка шла как по минному полю.

Если сказать про отравления – надо пояснять, откуда она это узнала. А как?! Как тут поможешь и объяснишь? Нет в этом времени таких знаний, никто не понимает, что свинец откладывается в костях, губит почки, печень, вызывает уродства плода – не из-за него ли таким родился братик Федя? Не из-за того ли болеют остальные?

Диверсия, однако. И от того, что по незнанию, – не легче.

Софья никак не могла придумать, что сделать с водопроводом, и потому становилось все противнее на душе. Помог случай.

* * *

Алексей Михайлович был человеком богомольным и попов во всяких видах уважал и ценил. Соответственно, затевая такое дело, как строительство школы для детей, не мог не посоветоваться… а с кем?

Никон далеко, да и не факт, что одобрил бы. Если Софья правильно поняла, для Никона власть была и папа, и мама, и подушка любимая. И конечно, он пользовался любым шансом для давления на царя. Дарил богатые подарки, чтобы показать свою состоятельность, говорил о каре божьей к месту и не к месту.

Софья невольно порадовалась, что сейчас его сплавили куда подальше. Если б они оказались рядом, обязательно сцепились бы, если это можно так назвать.

Просто Никон, как манипулятор, наверняка использовал бы Софью, а девочке в любой жизни это не нравилось. А у кого больше авторитета?

То-то… гореть не хотелось.

И так начинания любимого наследника, за которым хвостиком ходила младшая сестра, не могли не тревожить. Что предпринял царь-батюшка?

Разумеется, повез и первого, и вторую, и заодно сестру Анну в Николо-Угрешский монастырь. Почему туда?

А нравилось там мужчине. Алексею Михайловичу было там хорошо, спокойно, уютно, к тому же…

А с кем поговорить в Кремле?

С местоблюстителем патриаршего престола?

Можно, можно… и не тянет. До сих пор больно было Алексею Михайловичу вспоминать Никона. Умные темные глаза, тонкие пальцы, голос, змеей вползающий в душу, – патриарх. Все для веры… или для своей власти?

Больно.

Потому и не разговаривал больше необходимого с Павлом, потому и не тянуло его в Чудов монастырь… тяжко.

Можно бы поговорить с Лукианом Кирилловым, да приболел святой отец. Все мы под богом ходим. И проехаться хотелось, развеяться…

Почему бы и не игумен Дионисий?

Умный муж, серьезный, Алексей Михайлович давно его знал – почему бы и нет? Глядишь, он чего и подскажет, со стороны-то виднее…

Раньше Софья из Москвы не выезжала и сейчас понимала, что так и не хочется. Привыкнув к бешеным скоростям своего века, она чуть с ума не сошла от тряски в карете. Если бы не царевна Анна, которая успокаивала, уговаривала и кое-как приводила в чувство – точно бы впала в истерику и попыталась всех убить. Ей-ей, Софья чувствовала себя, как доктор Лектер. Если его так люди раздражали – понятно, почему он маньяком стал.

Сама бы, да кто ж даст…

Именно в этом путешествии она оценила по достоинству царевну Анну. А вы попробуйте повыносить целый день ребенка, которого то тошнит, то мутит, то его поить надо, то разговаривать… Софья искренне старалась не срываться, но пару раз у нее это не получалось. Царевна выносила это с похвальной стойкостью, успокаивала девочку, гладила по голове, путь

продолжался.

Мужчинам было легче. Они ездили верхом, у них была карета, хотя трясло, честно говоря, везде безжалостно. Софья тоже напросилась бы верхом, но – нельзя.

Царский выезд – это ведь не три человека. Это порядка четырехсот человек. Хорошо хоть, Николо-Угрешский монастырь находился недалеко, примерно в тридцати километрах от Москвы… в двадцатом веке до него добирались за пару часов. Сейчас же – два дня![10]

Два! Дня!

И это еще не торжественный выезд, не всей семьей, без патриаршего письма, просто – на выезд в монастырь, помолиться, мысли в порядок привести!

Процессия растянулась так, что Софья только за голову хваталась.

Впереди везли – и далеко не на одной тележке, нет, в нескольких возках! – столовую казну и шатерную, вели царских лошадей – на кой черт царю и царевичу штук пятьдесят коней, чтобы проехать тридцать километров, Софье никто не объяснял. А она молчала, боясь сорваться уж вовсе в откровенное издевательство. Ничего, потом Лешке мозги почистим.

За конями следовали запасная казна – там первой бы хватило Москву купить – всякая всячина из разряда «а вдруг понадобится», оружие и даже намоленные царским семейством образа!

Вот на кой ехать в монастырь со своими образами?

Еще бы купаться на речку со своей водой ходили!

И в конце этого обоза – естественно, под охраной – ехала телега для вещей, которые будут преподносить царю-батюшке в пути благодарные подданные.

Здесь же крутился челобитенный дьяк. А то ж! Чтобы видеть начальство, да не пожаловаться?

Не бывать на Руси такому позору! Обязательно кляуз накидают, хорошо хоть в письменном виде.

А ведь их принимать надо, останавливаться… и так тащимся со скоростью очень печальной черепахи.

И это еще не все.

После всего этого склада барахла едет собственно царь. Весь народ, который сопровождал царскую карету, Софья даже отдаленно не знала. Конюшие, бояре, окольничие, стольники, постельники… да леший их разберет! Вся эта масса сверкала самоцветами, лязгала оружием, звенела сбруей коней, выхвалялась друг перед другом…

Венец кошмара – царская карета. Этакое здоровущее

сооружение, раззолоченное до беспредела. Зато окна едва видны, чтобы никто зловредный царевича не углядел и порчу не наслал. Или от солнца прячутся… А в саму карету запрягли аж восемь лошадей, хотя больше четверки так и так – нерентабельно.

Софья понимала, что большие окна в карете – не для отечественной ранней весны, но шипеть не переставала.

Сейчас внутри находились два пассажира – сам царь и его наследник.

А во второй, не менее сильно раззолоченной карете, ехали Софья и Анна. Кстати, со своими служанками. Нет, служанок разместили в обозе, с остальными слугами – не сама ж эта орава за собой ухаживать будет – но Софья была рада, что ни кормилицу, ни Груню, ни Арину (ту самую девчушку, которую удалось переманить из стана Лобановой-Ростовской) не надо оставлять в Кремле. И потравятся поменьше, и пока ее нет – на них не смогут отыграться.

Царевна Анна, кстати, одобряла Софьину заботу о своих людях. Воспринимала ее как игру, но одобряла.

Учитывая, что путь аж в тридцать километров занял два дня и предполагал ночевку на природе, было отведено и время на отдых в пути. И Софья по достоинству оценила здоровущие шатры из алой ткани. Уютный и удобный, такой шатер ставился не сразу на землю, а на специальное основание, прогревался переносными жаровнями и разгораживался внутри с помощью занавесей на небольшие комнатки.

У царя с царевичем был свой шатер, у дам – свой, но вечером царевич все равно сбежал к сестре.

Там их, уже спящими, и нашел Алексей Михайлович.

Полюбовался на картину – два ребенка спали, обнявшись, Софья обхватила брата за шею, а тот, словно защищая сестру, придерживал ее за талию. Рядом бдели служанки – и царь решил навестить царевну Анну.

Хоть и не любил он сестру, но все ж родная кровь…

Царевна поклонилась брату, предложила горячего сбитня, присесть, захлопотала вокруг сама… Алексей Михайлович махнул рукой, мол, хватит, присядь рядом. Хотя ему и было приятно.

– Что думаешь, Аннушка?

– О чем, государь?

– Брат ведь я тебе, Аннушка…

Царевна опустила глаза. Да, брат. По вине которого она навсегда останется без семьи, без детей, безжизненная, бесплодная, никому не нужная…

Но за тонкой перегородкой сопела Софья – и ругаться как-то не очень хотелось.

– Так о чем мне говорить, братец?

Алексей Михайлович задумался. А потом мысленно махнул рукой. Не с врагом ведь говорит – с самой тихой и безответной из сестер.

– Знаешь ведь, что не просто так мы едем…

– Знаю. Алешенька сказал. Разумники они у тебя.

– Они?

– Они с Софьюшкой неразлучны. Знаешь, братец любимый, смотрю на них – и сердце поет. Любят они друг друга, заботятся, они не одни…

– Да разве мы когда одни были?

Алексей Михайлович и сам услышал фальшь в своих словах, нахмурился. Царь всегда один, увы… С сестрами душевной близости нет, у него огромный мир, у них узкий. Любовь есть, а вот понимания, помощи, плеча подставленного – нету. То же и с женой.

Любовь – она любви рознь.

Есть любовь, когда заботишься ты, за все отвечаешь ты, во всем виноват – ты. А есть – когда тебе тоже подставляют плечо и ни в чем не винят, ты ведь не Бог, а человек. Анна сейчас говорила о втором, он – о первом.

А окружающие…

Приближенных много, а близких… с кровью из сердца рвал и Бориса Морозова, и Никона, понимая, что не его любят и ценят, а ту власть, которую получили через него. И знает, что с любым так будет, но больно же, больно!

Один, всегда один. Дети малы, родители ушли, сестры не понимают до конца; кто сказал, что корона – не терновый венец? Анна чуть кивнула, словно соглашаясь с мыслями брата… угадала?

– Как и что дальше будет – одному Богу известно, а они уже друг друга понимают, поддерживают…

– Учиться хотят. И других детей учить.

– Разве плохо это, братец?

Алексей Михайлович пожал плечами.

– Да не плохо. А не до́лжно им об этом думать. Они мне сказали, что пусть-де они с дерева есть станут, только чтобы другие дети на Руси не голодали.

– Они и со мной про то говорили, братец. И сказали, что раз Бог о них позаботился, то они о других должны позаботиться.

– А мы о том в их возрасте думали?

– Так разве плохо, что понимают они больше нашего?

– Под такой ношей и более крепкие плечи гнутся.

– Вот и не разлучай их пока, братец. Вдвоем все вынести

легче, чем поодиночке.

– Алексей просится школу устраивать, Софью за собой тянет, а ведь не бывало такого ранее. Как бы не прокляли…

– Да кто решится, братец?

– И не по чину это Софье…

Анна вдруг упала на колени перед царем. По лицу побежали слезинки.

– Братец! Христом-богом прошу! Смилуйся!

Как ни грозен бывал Тишайший царь, но перед женскими слезами устоять не сумел. Тем более просили не жена и не сестрица Татьяна, а самая тихая и безропотная Анна. Сердце не каменное…

Царь поднял сестрицу с колен, вытер ей слезы…

– Знаю, о чем попросить хочешь.

– Не в школу ж она рвется, ей рядом с Алешей быть хочется! Я с ней бы поехала, приглядела, чтобы все было по чину…

– Посмотрю, что старец скажет, подумаю…

Но видела, видела Анна – чуть дрогнул царь. Не за себя ведь просила, за племянницу. Под пыткой бы женщина не призналась, но иногда казалось ей, что Софья – живой веселый огонек. Который горит ясно и ровно. Дунешь – погубишь. И еще она понимала, что у нее так никогда не было. Она жила, как в полусне, с рождения и до того дня, как малышка вцепилась в нее и посмотрела в глаза.

Вот у сестрицы Ирины такое было, когда к ней королевич сватался. Загорелась, да потом и потухла, зола осталась. Татьяна сейчас горит, но пламя это дурное, нехорошее. Неправильное.

А Софью она погасить не даст. Понадобится – в ноги старцу кинется. Понадобится – на коленях от Москвы до монастыря проползет. Потому что впервые за невесть сколько лет живой себя почувствовала.

Живой и счастливой…

– Не плачь, сестренка…

Алексей Михайлович ласково утирал катившиеся по лицу женщины слезы и думал, что, может, и не стоит рушить детскую дружбу. До Бога высоко, до Дьяковского далеко, авось и можно разрешить маленькую вольность?

Пусть дети подольше не расстаются. Эвон они до чего вместе додумались. А он приезжать будет, приглядывать… да и не одних ведь отправит! С сестрицей Анной. Пусть пару лет поразвлекутся, почему нет?

Уж ему-то лучше всех остальных известно, сколь богата запретами и ограничениями царская жизнь.

* * *

Сам монастырь Софье понравился. В той жизни она, конечно, в нем не бывала, с брезгливостью относясь к тем, кто гадил в жизни и ханжествовал в церкви. А иначе и не скажешь. Можно подумать, что покаяние отменяет сделанную гадость! Ан нет! Подлости тебе Бог не простит, что бы там попы ни пели. Она на весь род твой ляжет…

Ну да это ушло в прошлое, а сейчас она смотрела на белокаменные здания и думала, что они красивы.

Есть у русских чувство стиля и гармонии. И ни одно другое здание так не вписалось бы в эти холмы, в это синее небо… блестят на солнце золотые купола, и невольно хочется улыбнуться. Мир – прекрасен, разве нет?

Разумеется, появление женщин в мужском монастыре было обставлено ужасно церемонно, но Софья все стерпела. И коридор из монахов, которые держали нечто вроде тряпок, и перегородку в храме, за которой пришлось прятаться… все ради одной встречи.

Игумен Дионисий. Настоятель монастыря.

Какой он?

Длинные седые волосы и борода, черные брови, высокий лоб, черная ряса, делающая его кусочком монастырского сумрака – и неожиданно яркие и умные серые глаза. Такие… рентгеновские.

Первым изобрел рентген русский приказный Иван Пушков. Согласно летописи, он говаривал своей жене Марфе: «Я тебя, стерва, насквозь вижу!»

Анекдот всплыл неожиданно, Софья моргнула и весело и искренне улыбнулась игумену.

– Доблый день, батюска…

Она искренне старалась исправлять картавость, но сейчас не видела смысла стараться. Она – трехлетний ребенок, так ее и воспринимайте.

И ответом на ее улыбку стала такая же теплая и сияющая улыбка мужчины.

– Добрый день, дитятко. Поздорову ли?

Софья кивнула. Мол, жива-здорова, чего и всем желаю. Дальше разговор пошел в русле светской беседы, хотя Софье все время приходилось напоминать себе – ей три года! Не пятьдесят! Цыц!

Поинтересовался уроками – перевела все стрелки на Алексея.

Поинтересовался верой – честно ответила, что Бог – есть. А остальное… молитвы знаю, чего еще надо? Я женщина, существо априори глупое, вот!

Номер не удался. Разговор длился порядка десяти минут, когда игумен кивнул каким-то своим мыслям и поманил Софью к иконам.

– Повторяй за мной…

Молитвы Софья знала, и эту в том числе. И следующую. Картавила, но старалась… После третьей старец еще раз поглядел на нее.

– Вижу, зла в тебе нет. Но есть нечто, мне непонятное. Ты мне ни о чем поведать не желаешь?

Софья едва не фыркнула. Так это живо напомнило допрос в прокуратуре, да-да, и такое было в ее практике – отвертелась, хоть и была со всех сторон виновата. Сейчас, так и раскололась…

Хотя подходящий вариант у нее был. Такая своеобразная заготовка…

– Я болела…

Софья коряво и картаво поведала о своем видении. Мол, лежала она в горячке, а потом к ней спустилась тетя. Красивая, вот почти как та, на иконе Божьей Матери, и глаза такие же добрые, только та была в белом платочке, а не в красном, погладила по головке и сказала, что все будет хорошо. А еще сказала что-то непонятное.

Что дети ее огорчают, потому что спорят и кровь льют, а она ведь будет хорошей? И будет во всем помогать братику Алешеньке? Я спросила, кто ее дети, а она заплакала и ушла. Я, наверное, ее обидела…

Вот так. И никаких вбросов информации, самой мало. К тому же о чем она может рассказать? Историческими анекдотами поделиться?

Игумен выслушал с непроницаемым лицом – его бы в покер играть научить, плакали бы все казино Лас-Вегаса! – погладил девочку по голове.

– Ну, если тебе так сказали – будь рядом с братиком. Это дело хорошее… а про бездомных детей кто из вас подумал?

– Вместе…

– Молодцы вы с братиком. Приедешь еще ко мне?

Софья активно закивала. Приедет, а то ж! Это из тех приглашений, от которых не получается отказаться. Факт.

О чем старец беседовал с братом, она узнала позднее. Расспрашивал про учебу, про саму Софью, про школу, Алексей, отличающийся недюжинным умом для шестилетки, рассказывал все как есть. Да, думали. Да, придумали. Детей жалко потому как.

Солдат из них растить?

Так почему бы и нет? Им дело в жизни, царю – верные люди, всем хорошо…

Почему именно детей с улицы? Не боярских, не стольников-постельников, не дружек, которых царевичу по традиции подсовывают?

Так этим ничего не нужно, только за царевича зацепиться. А вот дети с улицы, которые отлично понимают, что жить им год-два осталось…

Да и жалко их!

Дети же… такие же, только не царевичи.

С царевной Анной вообще было просто. Племяшек она любила и ради них готова была на все. Старец это понял за две минуты и еще час утешал женщину. Да, радости материнства тебе не дали, но вот тебе дети, которые любят тебя и которых любишь ты. Заботься! Греха в этом нет.

Последним на беседу отправился Алексей Михайлович. И получил напутствие и благословение. Дети, мол, верно все понимают. А что казна пуста, так шуба густа. Правильно они говорят, лучше с дерева есть, чем чужие смерти на совесть принять. Душой вы очерствели, за деревьями леса не видите, за сиюминутными делами – царствия небесного…

А я буду рад обоих детей видеть, когда бы ни приехали.

После таких заявок Алексей Михайлович решил не спорить – и школа начала строиться. А набором занялся Иван Федорович Стрешнев – мужик умный и с характером. Умеющий и вежливо отсеять ненужных – и разглядеть жемчужины в куче навоза.

Вообще, все дети, подобранные на улице, делились на несколько категорий.

Первая – достаточно обширная – те, кто имел физические увечья. Кем им быть в войске? Так обозниками. Хороший обоз – это великая вещь! Обозник – он и готовит, и лечит, и добычу сбережет, и за скотиной приглядит, и за орудиями, а стрелять из пушек, кстати, отсутствие ушей или там, одной ноги не мешает, как и писать, как и собирать информацию – тут можно многое придумать. Война – это не только сабли, это еще и снабжение, и если каждый будет грамотно заниматься своим делом – потери в войсках заметно сократятся.

Вторая – собственно будущие воины.

Ребята, которые оказались на улице случайно, поняли, что им не выжить, и готовы на все, лишь бы вылезти из этой клоаки. Такие за свой шанс зубами держаться будут. На улице у них перспектив – сдохнуть за пару лет, а вот в воинской школе… да, война – это часто смерть, но кто из детей об этом думает?

И третья категория.

Софья для себя их окрестила волчатами.

Самая сложная, самая серьезная. Это те, кто оказался на

улице и выжил, чтобы со временем стать московскими ночными татями. Грабителями, убийцами…

Что делать с ними – пока никто не представлял. С одной стороны – дети, не убивать ведь их, с другой – переломить их уже вряд ли получится, а в школу взять, так они и там начнут уличные порядки устанавливать…

Софья готова была взбелениться от несправедливости жизни. Проект – ее, а ее из терема не выпускают! Сиди на попе и жди, пока Алексей вернется! А потом выслушивай все, что он хотел сказать, утешай, настраивай на нужный лад…

Брат, конечно, умен, но ему только шесть лет, всего шесть… скоро семь, но ведь мало! С другой стороны, кто сказал, что, сидя в тереме, нельзя влиять на обстоятельства? Когда Софья узнала о таком разделении на группы – она его горячо одобрила, но вот когда речь зашла о «волчатах» – задумалась. В советские времена и не таких волчат перевоспитывали, но это нужен определенный опыт, силы, знания… она бы справилась?

Не факт. Постараться было бы интересно, но заниматься этим некогда. А вот куда и кому на шею перевесить этот камень… идея оказалась неожиданно проста.

А заодно – избавляла казну от лишних расходов. И так война с Речью Посполитой высасывала деньги из казны не хуже пылесоса. Алексей Михайлович распорядился чеканить медные деньги, но к хорошему это привести не могло. Надо было повышать не количество оборотных средств, а уровень жизни, товарооборот, занятость, снижать цены, но не чеканить дурацкие медяшки и не приказывать принимать их за серебро. Не говоря уж о том, что казна эти медяки не принимала ни под каким видом. Узнав о таком, Софья только что пальцем у виска не повертела. Козе понятно, что от такого инфляция начнется, а там и до революции недалеко. Или хотя бы до грабежей, разбоя… нет, это не дело. Вон, в Италии в свое время с бумажными деньгами так же доигрались…

Но кому об этом скажешь? Отцу? Ага, так он ребенка и послушал! Брату? Мал тот еще для таких материй. Тете Анне? Эх-х-х, вот ведь где засада – знаешь, что делать, знаешь, как делать – и ничего сделать не можешь! Возраста и авторитета не хватает.

* * *

Алексей Михайлович Романов с некоторого времени, а точнее с поездки к святому старцу, полюбил приходить в гости к сестрице Анне. Царица сейчас все силы и время отдавала ребенку.

Федор родился откровенно болезненным[11]. Эх, вот женился бы он на Фимушке, глядишь, и дети были бы другие, и сыновей больше было бы. Хотя ему и так грех жаловаться. Алешенька, наследник любимый, и грамоту и счет осваивает, языки учит прилежно, наставники нахвалиться не могут. О государстве задумался. Самому Алексею в его возрасте и в голову такие мысли не приходили. Как детей учить, свои войска создавать, что ж, пусть попробует. Дело-то нужное…

Да и дочери дочерям рознь.

При мысли о Софье Алексей Михайлович только вздохнул. Да, дочь его удивила – и это мягко сказано. Как-то никогда он не задумывался, что царевнам и плохо, и больно… знать – знал, но вот когда это его ребенка коснулось – по-другому взглянул.

Не хотелось ему запирать девочку в тереме, ой как не хотелось. А лучшим выходом как раз будет отправить ее вместе с сестрицей в Дьяковское. Пусть там живет, даже если что и нарушит, чай не так строго глядеть будут, как если бы в Москве… Опять же и сестрица Татьяна меньше жаловаться на племянницу будет, с глаз долой, из сердца вон. И царица…

Он угадал верно. Оба его ребенка были у Анны Михайловны. Все втроем играли в какую-то сложную игру. На полу лежал расстеленным большой лист бумаги, склеенный из нескольких, на нем было начерчено что-то непонятное, а все втроем – и дети и Анна по очереди бросали кости и передвигали фигурки, время от времени то радостно, то разочарованно вскрикивая.

– Тятенька!!!

Дети заметили его первыми и повисли на шее. Точнее, Алексей допрыгнул повыше, а Софья уцепилась за ногу. Анна Михайловна чинно поднялась и поклонилась.

– Поздорову ли, братец милый?

Алексей Михайлович чинно поклонился в ответ и кивнул на лист.

– А чем это вы тут балуетесь?

– Пригласим тятеньку в игру? – предложил всем Алексей.

Царь не стал отказываться. Это в думе боярской он царь-батюшка, а дома иногда и просто батюшкой побыть хочется. Любимым и родным.

Игра оказалась простой, но веселой. Весь лист изображал неплохо срисованную карту мира, по которой вилась длинная змея красной нити с кружочками, над каждым из которых была изображена своя цифра. Задача проста – обойти весь мир и вернуться домой. Надо было бросать кости и передвигать фишку на определенное число кружочков вперед. А еще можно было попасть в шторм и пропустить ход, упустить караван и вернуться

на несколько клеток назад, найти перо жар-птицы и пройти на несколько кружочков вперед, попасть в темницу и найти союзников…

Царь и сам не заметил, как увлекся, начал улыбаться, глядя, как его дети бойко считают и читают, как светятся ребячьи лица, а уж когда Анна Михайловна вышла победительницей, и вовсе не смог удержаться от улыбки. И снял с руки перстень с большим лалом.

– Ну, раз так – победителю и подарок. Потешила ты меня, сестрица.

– А это не я. Это Алешенька с Софьюшкой придумали.

– Правда?

Дети закивали головами, признаваясь в своей идее. И придумали сами, и рисовали сами, и… интересно же? Правда?

Софья усмехалась про себя. Еще б не интересно. Сюда еще «Монополию», но это потом, позднее. Алексей, конечно, большого участия не принимал, но она сделала большую часть и смогла заинтересовать брата.

Постепенно разговор зашел и о школе. И о так называемых «волчатах».

– …и что с ними делать… и на улицу не выкинешь, и не убьешь…

– А вот игумен Дионисий смог бы их воспитать, – протянула Софья.

– А монахи?

И чего Софья так негативно относилась раньше к царевне Анне? Умная тетка.

– А ведь и верно. – Дураком царь точно не был. – Разбросать их по монастырям, по два-три человека – и монахи спасибо скажут, и не в тягость будет…

– Тятенька, а там только мальчики?

Вопрос попал в болевую точку. Действительно, изредка бродяжили и девочки, хоть и в мужской одежде. А вот что с ними делать… по монастырям тоже?

Алексей Михайлович наткнулся на умоляющий взгляд своего ребенка. Покачал головой. Потом покачал головой намного более обреченно.

– Сонюшка, патриарх проклянет…

– За что это меня будет патриарх проклинать? – вскинула высокую бровь царевна Анна. – Или нельзя мне новых служанок взять?

– Так ведь не с улицы же…

– Мой грех. – Сдаваться царевна не собиралась. – Отмолю, что должна, а только больший грех – невинную душу на произвол

судьбы бросать.

– В монастырь…

– Так ведь не все ж монашками рождены. Призвание должно быть к такой судьбе…

Алексей Михайлович только вздохнул. Алеша молчал, но смотрел так…

Не был царь глупцом, и замкнутым на обычаях ретроградом тоже не был. Борис-то Морозов его и в немецкое платье одевал, и повидал Алексей Михайлович много всего, просто – положено так. Правильно это – когда древнее благочестие. Чинно.

Вот и приросла маска к лицу, а детские глаза глядят за нее, в душу – неужели ты не позволишь? Мы ведь не для зла, мы хотим сделать что-то доброе, помоги нам…

Так оно и решилось…

* * *

Софья осматривала стоящих перед ней девочек спокойным серьезным взглядом. Разные. Очень они разные. По возрасту – от семи лет до пятнадцати, по росту, по характеру, только вот выражение глаз у них одно. Они умереть готовы, но добычей не станут. Сама отбирала.

Тех, кто был сломан, кто искал только мира и покоя, она попросила отправить в монастыри. Поживут там прислужницами, потом для себя сами решат, замуж ли выйти, Богу ли служить… Софье такие не нужны, ей те нужны, кто огнем горит, кто не поддался, не сломался, кто себя ногтями и зубами отстаивал – таких набралось только пятнадцать девчонок. А было больше, намного больше. Отсеялись.

А вот те, кто остался…

Сначала с ними говорила царевна Анна. Недолго, по делу. Мол, взяли вас служить мне, а служить вы будете царевне Софье. Кто откажется – монастыри всегда открыты. Кто согласен – чтобы ни одного нарекания от царевны не слышала. Иначе – тот же монастырь.

Отказавшихся не оказалось. И Софья смотрела на девочек. Если получится – будет у нее своя гвардия. Не самая большая, но видит бог, начинать с чего-то надо. Что женщина знает? А вот что мужу ведомо, о том и знает, а которая и больше. Кто-то из девочек замуж выйдет, кто-то с Софьей останется, но служить все будут, потому что и голод, и холод не забываются. Никогда… И те, кто от них спас, – тоже. Есть неблагодарные твари, но поводок рано или поздно найдется на каждую.

– Назовите себя. Как тебя зовут? – остановилась перед самой старшей.

– Катерина.

– Марфа.

– Устинья, – сверкает темными глазами невысокая смуглянка.

– Ефросинья. – К этой девочке Софья приглядывается внимательнее. Светленькая, с синими глазами, удивительно красивая…

– Авдотья…

– Софья…

Пятнадцать девочек, пятнадцать историй. О жизни Софья еще расспросит их, всех вместе и каждую по отдельности. Ей еще предстоит превратить эту компанию в команду. А пока она просто кивает на стол, где стоят подносы с различной снедью.

– Девочки, угощайтесь. Это для вас принесли…

И смотрит, как жадно, едва не давясь, поглощают пищу девчонки. Да, учить их и учить. Работы предстоит много, но главное – чтобы работа оказалась благодарной.

Ей нельзя в школу, поэтому она создаст ее на дому. А там…

Девочки будут уходить, выходить замуж, она их пристроит, даст приданое… разберемся.

А вечером, когда девочки засыпают, она отдается в ласковые руки кормилицы. С утра ей вести все это стадо на молитву, потом завтрак, потом мыльня… пусть привыкают. Чистота – наше все.

Хотя с мыльней сейчас сложно. Но…

Софья довольно улыбнулась. Случай помог, случай. И на кой черт им свинцовый водопровод?

Что нужно для войны?

А вот то и надобно. Порох. Пушки. А еще – пули. А это – свинец. Легче легкого было рассказать об этом братику, а потом посетовать. Мол, деревянный водопровод не хуже свинцового, а вот бы свинец заменить да на нужды войны отдать?

Алексей, недолго думая, и сказал об этом отцу.

Царь-батюшка подумал над этим вопросом…

Да, строить выходило дорого, ну так ведь уже построено. Надо только повторить. А деревянные трубы… а почему нет? Если так подумать – ведь можно их изготовить и дерево есть подходящее, корабельное, заменять их постепенно – никто и неудобств не почувствует. Ежели летом, когда царь в Коломенском жить изволит, – вообще великолепно.

А пока мастера осматривали водопровод, бак, где копилась за ночь вода – обшит свинцом изнутри!!! – измеряли, прикидывали, как заменить…

Софья была довольна. Даже если замена займет не один год –

ее пока так и так в Кремле не будет, зато остальные будут меньше страдать и болеть. Эх, ее бы к мастерам! Она бы и про насосы поговорила, и про водонапорную башню, и про…

Нельзя. Ничего нельзя.

Остается только воспитывать девчонок… пока.

* * *

Поздно лег спать и царевич Алексей.

Был мальчик неглуп и понимал, что их с Софьей затея ему вельми полезна. Именно ему.

Он сбегает из терема, где постоянно няньки и мамки, где не дают ступить и шага, где приходится носить безумно роскошные и такие же неудобные одежды, где к нему постоянно пытаются пролезть боярские дети…

Софья откровенно таких высмеивала.

Посмотри, братик, это Анне Никифоровне боярин Хованский денежку малую сунул, чтобы своего сынка тебе представили. Он человек гордый, год как боярином сделался, а свербит. Хочется ему род свой продвинуть, если не через батюшку, то через тебя. Вдруг да подружишься ты с Андреем Хованским…

Откуда она все это знает?

Невдомек было мальчику, что Софья расспрашивала, просила узнать кое-что свою кормилицу, прислушивалась к малейшим словам, искала зацепки, а в остальном – излом веков стоял за ней. Стык двадцатого и двадцать первого веков с их жестокостью, звериной хищностью, коварством…

Когда в каждом видишь врага, а за спиной не оставляешь никого, потому что предают всегда свои. Всегда те, кому ты доверяешь. У чужих-то шансов на предательство нет.

Алексей лежал в постели, смотрел на звезды и мечтал, как он поедет в Дьяковское, как будет жить с Сонюшкой и тетушкой, как будет учиться… конечно, он будет первым, он же царевич! Иначе ему никак нельзя…

И папа будет им гордиться…

* * *

Алексей Михайлович Романов тоже думал о наследнике. И думал, что расставаться с ним не хочется. А с другой стороны – все в воле божьей. Если судьба захочет – и на печи не убережешься, а если все будет в божьей воле, то станет его сынок

еще и королем в Речи Посполитой. Если войну им удастся выиграть…

И для такого дела никаких денег не жалко.

Да и сынок у него, хоть и мал летами, да разумник какой!

Про свинец подсказал. А еще…

Алексей Алексеевич и знать не знал, *что именно* ляпнул, когда протянул – мол, раз писать челобитные все равно будут, так почему бы не продавать бумагу для них? С орлом царским, по копейке за лист? Софья подсказала, когда они с братом друг другу письма писали.

Точнее, сначала они писали – ради смеха, потом Софья сказала – вот бы специальная бумага была, царская, с орлом, а потом между делом обмолвилась – на ней бы челобитные все и писали. А казна б ее продавала и тем дела поправила. Слово там, слово тут – и царевич Алексей был свято уверен, что он это сам придумал.

А его отец это оценил – и высоко. Ребенку – седьмой год, а он о таком думает… неужто смилостивился господь за все его страдания – и станет Алешенька гордостью земли русской, православной?

Господи, не за себя прошу, за сына своего…

Молитвенный порыв бросает царя на колени перед иконами.

Горит лампадка перед киотом, сладко пахнет ладаном, катятся по щекам полного русоволосого человека медленные слезы…

* * *

Иван Федорович Стрешнев тоже не спал. Он прикидывал свои выгоды. А в последнее время надо было этим озаботиться, ой как надо.

Иван Федорович приходился двоюродным братом царице Евдокии Лукьяновне. Но ушла царица – и забыли о его семействе. Место близ трона заняли Милославские. Иван Милославский – хитрый, злобный, хищный, оттирал от царя всех, кто мог как-то повлиять или конкурировать с ним за царские милости. А и то…

Бог шельму метит.

Уже единожды он едва уберегся во время бунта, хотели было стрельцы и его убить. А Бориска Морозов и того паче… царь за него народ просил, чтобы не разодрали дядьку в клочья…

Ворье проклятое.

А у него семьи нет, детей нет, не для себя старается – для государства, да только не ценит этого царь-батюшка.

Или… ценит, только не так, как хочется ему?

Ведь близость к наследнику – она многое дает. Как-никак будущий царь. Сумеет Иван ему угодить – сумеет и в милость войти. А ведь не стар он еще, может и послужить, и пожить… почему нет?

И никто за ними в Дьяковское не потащится – побоятся место близ царя утерять. И выскочки Милославские, и Морозов, и…

Боярин потер ладони и тоже степенно направился к образам – помолиться. Пусть даст господь ему удачи…

1662 год

– А ну, прибавь! Васька, давай, не раскисай, я все вижу!!!

Голос казака словно плетью прибавил прыти. Васька рванулся, повис на канате, подтянулся к узлу, к следующему, перелез через стену, упираясь ногами, спрыгнул с другой стороны, больно ушибив пятки, и рванулся напрямик по бревну. Босые ноги держали цепко, не позволяя упасть в грязную лужу.

– Есть!

Казак посмотрел на песочные часы.

– Уложился.

И переключил внимание на следующего.

Васька перевел дух и растянулся прямо на земле, за что тут же получил пяткой под ребра от соседа Тишки. Не сильно, чуть-чуть, только чтобы внимание к себе привлечь.

– А ну встать с земли! Застудишься, на солому ляг!

Ишь ты, дежурный – вот и зверствует. А и то – быть дежурным по школе почетно и ответственно. Ежели все сделано как положено, то потом сам царевич тебе благоволение выражает и что-нибудь приятное дарит. Сладость какую, али пирог, али петушков на палочке, и как-то всегда угадывает, кому что больше нравится, а довольный дежурный потом делится с товарищами по отряду. Жаль только, что дежурить удается так редко. Всего-то по три денька в год и приходится на дежурство – и уж тут не оплошай.

Васька перевернулся на спину, посмотрел в летнее небо, по которому бежали белые облачка, чуть поежился и поглубже зарылся в копну соломы – ветерок холодил разгоряченное тело.

А начиналось-то все как страшно…

Тогда, зимой, его приволокли на двор к боярину Стрешневу и недолго думая, заперли в одном из сараев. Там же были и другие дети, человек двадцать, а то и больше. Васька влетел внутрь, едва не расшибив себе нос, и натолкнулся на какого-то паренька.

– Тише ты, скаженный, – проворчал тот.

Васька кое-как отлепился от мальчишки, и отполз в угол.

Страх буквально скручивал тощее тело. Что теперь с ним сделают? Зачем поймали?

Железо? Плеть? Клейма? Урал?

Ничего такого с ним не происходило – и через несколько часов детское тело взяло свое. Захотелось кушать, пить, да и по нужде… г-хм…

Васька направился было в угол, но его перехватили по дороге и показали на большую деревянную колоду, мол, до ветру – туда.

А ежели кто в углу нагадит, так тем же и вытрут…

Вечером принесли большой горшок с пшенной кашей и принялись раздавать всем ложки и миски с молоком. Кормили всех в присутствии слуг – и любой из мальчишек, кто покушался на чужую порцию, мог тут же получить крепкий подзатыльник, а то и несколько пинков. Васька же и счастью своему не поверил, получив в руки сначала молоко, которое выхлебал за пару секунд, едва не подавившись, а потом в ту же миску плюхнули столько каши, что он едва-едва управился с ней. И сыто икая, свернулся на соломе возле стены. Ежели здесь не бьют, а кормить будут, – жить можно.

Может, и не убьют?

То же повторилось с утра – и Васька решил заговорить с кем-нибудь из ребят. Выбор его пал на рыжеволосого парня, сидевшего неподалеку. Того звали Митрофаном, был он на пару лет старше Васьки – точнее и сам не знал и бродяжил уже лет пять.

Он и рассказал, что собирают их сюда со всей Москвы, зачем – пока никому не известно, но тех, у кого есть физические увечья – уводят и назад они не возвращаются.

Васька поневоле перекрестился. А ведь предлагал ему Фимка-юродивый оттяпать ногу – и просить с ним милостыньку на паперти… не согласился Васька – да и слава богу.

Что-то с ним бы сейчас сделали?

Тогда мальчишкам было и невдомек, что уводят их не на казнь, а просто – по монастырям разошлют. Учить будут… по двое, по трое – приживутся мальчишки не в монастыре, так рядом с ним, женятся, все лучше, чем по дорогам шататься.

Сам Митроха сидел тут уже три дня, но сказать мог мало. Кормили от пуза два раза в день, следили строго; тех, кто пытался затеять драку или что-то сотворить с соседями, выводили тут же, и назад они тоже не возвращались.

Эва, позавчера попал сюда парень – аж рубаха на плечах лопалась, волчара с улицы. И захотел портами поменяться с одним мальчишкой. Тот и не пискнул, а дворовые углядели. Выволокли, всыпали розог прямо во дворе и куда-то увели. Обратно парняга так и не пришел.

Мальчишки уговорились держаться вместе, но страшно было – до крика.

О своей судьбе они узнали через пару дней, когда сарай переполнился ребятами. Их принялись выводить по пять человек и вели в жарко натопленную мыльню, где терли чуть ли не докрасна, срезали волосы на теле, изничтожали злых платяных зверей…[12]

Тряпье не вернули, раздав каждому порты, рубаху и онучи, а также новенькие валенки. Пусть Васькины все норовили соскочить с ноги – расстаться с ними он не решился бы и за все золото мира. Слишком памятны ему были холода…

После этого их опять приводили в сарай, но уже в другой, приказывали садиться на солому вдоль стен и ждать. А потом, когда привели последних, в сарай зашел старик в роскошной шубе. Васька его тогда не знал, потом сказали, что это боярин Стрешнев.

Осмотрел всех надменным взором – и заговорил. Негромко, но вполне внятно. Ребята притихли – и каждое слово громом отдавалось в детских ушах.

А говорил боярин такое, что и поверить было страшно.

А верить хотелось.

Царь-батюшка в милости своей не может допустить, чтобы дети голодали и холодали, а потому решил учредить воинскую школу. Руководить ей будет царевич Алексей. Дети там проучатся четыре года, а потом из них будет постепенно составляться полк, личный, самого царевича. Кто хочет учиться – будет. Кто не хочет – отправят в монастырь, там всегда рабочие руки нужны. На улицу не выгонят, но найдут, как к делу приставить.

Ребята слушали, кивали…

Васька тогда еще удивлялся, зачем босоту с улиц собирать, а потом и понял. Дети стрельцов стрельцами и станут. Дети вояк… их еще собрать надо. Да и попробовать на ком-то сначала, как учить, чему учить…

И все равно лучше места, чем воинская школа, не было.

Они жили в большом здании, по двадцать человек в большой комнате – и таких комнат было несколько, отделенных друг от друга перегородками. У каждого своя кровать и свой ларь, хотя хранить в нем было особо и нечего. Была установлена очередность – и каждая комната в свой черед все отмывала и отчищала. Раз в неделю все ходили в мыльню, но можно было и чаще.

Кроме собственно жилища, которое мастера называли казармой, на территории школы размещалась сама школа – большая изба, уставленная лавками, с грифельной доской и разными замысловатыми приспособлениями.

Замоченные в лохани розги, впрочем, там тоже были, но использовались редко.

Федор Иванович оказался отличным психологом и выбирал тех, кто действительно мечтал о другой жизни. Вот и учились ребята, зубами вцепляясь во все важное.

К тому же, многое было и не в тягость.

Учили их счету, письму, чтению, молитвам, учили еще иным языкам, но пока мало, говорили, что сначала свой родной освоить надобно. И – осваивали.

Васька сам лично сидел над букварем день и ночь. Книг пока не хватало, по три-четыре на комнату были – и то ладно, и друзья его, Митроха, Тришка и Петруха, учили вместе с ним. Вчетвером и учеба легче спорилась, Васька и не порот был ни разу за неусердие. Вот за неуспевание на спортивной площадке его «награждали» дополнительными занятиями, это верно. Но ведь стоило оно того, стоило, да и не розги это, видели ведь наставники, что старается парнишка, гоняли его, конечно, но не ругались.

Зато тот, кто становился лучшим в неделю, честь по чести вел всю компанию в храм, отдавал там команды – хоть и под присмотром учителей – ему выдавалась специальная красная повязка на руку с красиво вышитыми буквицами «ЛУЧШИЙ», а царевич лично дарил копейку. А копейка – это ж деньги, на них можно в Дьяковском чего-нить купить. Жаль, что Васька только один раз лучшим и побыл, а так ему борьба плохо дается, вечно он по ней в последних…

Хотя что там покупать, и так все есть.

Кормят от пуза, порты сменные с рубахой выдали, обувка тоже есть, так чего еще? Сладостями – и то балуют.

Издалека донесся заливистый девичий смех. Васька насторожился.

– Из терема вышли… гуляют, – сообщил кто-то.

Васька перевернулся на живот, вгляделся…

Так и есть. Царевны Анны служанки. То есть царевны Софьи.

Кроме школы, спортивной площадки и казармы на территории школы еще помещалось и роскошное здание царевниного терема, ажно в три этажа. Красиво – жуть! Расписное, сияющее, чай, не хуже церкви.

Церквушку тоже со временем обещались, но пока ограничились образами, а на воскресную молитву шли в село. Там на учеников поглядывали с интересом… а сами парни поглядывали на девушек из царевниного терема.

Царевен они, конечно, еще ни разу не видели, куда там! Не по рылу! Но точно знали, что приехала сюда царевна Анна, а при ней племянники – царевич Алексей и царевна Софья. И будто бы царевич сестренку безумно любит, обо всем с ней разговаривает, а та не по возрасту умна.

Вот для царевен и взяли в прислуги девочек из бедноты, таких же, как и они сами, – и те, поверив в свое счастье, расцвели. А и то верно, с улицы взяли в богатые покои, замуж обещают

пристроить со временем, приданое дать, это ж мечта…

А пока… Пока девочки выходили из терема то поиграть, то к колодцу, то на кухню, пока еще одну общую для всех, то еще куда – и сталкивались с ребятами. Краснели, закрывались платками, но глаза поблескивали задорно и весело…

Ваське еще никто не нравился, да и возраст не тот. Вот будет ему лет пятнадцать, тогда можно будет и о женитьбе подумать. А лучше лет двадцать пять.

Царевич всем объявил, что те, кто десять лет в войсках прослужит, смогут домом обзавестись. Казна поможет…

– Так, а ну встали! Бегом, марш! На канаты!

Васька сначала взлетел с земли, а потом понял, о чем идет речь, и вздохнул.

Эх-х, не его это – по канатам, как заморский зверь обезьян, лазить. Не его…

* * *

– Сонюшка, какая же ты умница!

– Алешенька, ты сам молодец, если бы ты это не придумал, я бы в жизнь не догадалась!

Царевич Алексей довольно улыбнулся. Свою лепту внесла и царевна Анна, погладившая его по светлым вихрам.

– Царь растет…

Царевна была довольна детьми. Здесь, вдали от Кремля, они стали намного веселее и живее. У Алешеньки прекратились недомогания, Сонюшка росла не по дням, а по часам, оба пили парное молочко и выглядели замечательно.

– Анюшка, правда Алешенька здорово придумал?

Анна кивнула. Сонечка в свое время сложила ее имя – Анюшка из Аннушки и тетушки – и ей это было по душе. А если обнять девочку и на миг закрыть глаза, можно представить, что это ее дети. А и то, мать не рожает, мать растит…

А за Сонечкой и Алешенька так ее называть начал, хорошие они… дети.

Алексей улыбнулся.

– Действительно, устроить соревнования в школе – и победителю разрешить погулять по ярмарке… денег выдать немного, почему нет?

– Согласится ли боярин Стрешнев?

– Согласится. – Алексей улыбался. Софья только покачала головой. М-да, наплачутся от него девки в свое время. Но идея соревнований была в тему. Детям нужны и хлеб, и зрелища. А

какие?

Скоморохи тут под запретом. Театр? Театр актеров требует, пьес, кто их писать будет, если сама Софья откровенно спала в театре?

Шекспира сплагиатить, так это помнить надо хоть одну пьесу, а она всю жизнь театр воспринимала как возможность выспаться после работы… Интересно, а драматург хоть родился или умер уже?

Надо бы порасспросить осторожно. А пока обойдемся тем, что есть. И так пока в школе все утряслось – семь потов сошло. Самое страшное – ты знаешь, что надо сделать, знаешь, как и где, но ничего не можешь, потому что тебя в расчет не принимают.

Но в итоге все удалось.

Устроили школу, завезли детей, и встал вопрос с учителями. И вот тут-то приключилась интересная история.

Софья отлично знала, что такое промышленный шпионаж, сама во времена оны разбиралась с такими кадрами достаточно жесткими методами, а вот здесь едва не проморгала. Но все складывалось так… обыкновенно.

Учителей удалось найти достаточно быстро. Детей собирались учить чтению и письму – тут хватило шести монахов. Не царевичеву же учителю детям грамоту объяснять?

Вот еще не хватало…

А для азов – хватит.

Но это школа. А как насчет физического развития?

Дети должны уметь воевать. То есть – начальная строевая подготовка, бег, прыжки, борьба, потом меч, ножи, огнестрел – все, что тут принято. Вплоть до бердышей и копий. Не говоря уж о вольной борьбе!

И кто?

Тут царь-батюшка опять проявил милость. И выписал для детей казаков – мол, вам ничего не жалко!

Не стрельцов, нет. А именно донских казаков, которые с турками резались, что ни три дня. Приехали десять человек, и одним из них оказался – вот тут Софья не то что ушки торчком поставила, она вообще едва не запрыгала от радости – Фролка Разин.

Внимание – младший брат Ивана и Степана Разиных.

Историю Софья, конечно, видела в белых тапках, был грех, но про Стеньку Разина слышала. Много ли, мало ли, но слышала. И как он бунт поднял, и как казаки за ним пошли… вот только не знала, когда это было. Но ежели сейчас не бунтует, так, может, потом для нее поработает?

Софья пока еще ничего не знала, но полезные связи уже

собирала в копилку.

Да, ей нельзя. А вот царевичу…

Алексей получил в подарок казацкую саблю под его рост, обрадовался и два дня только что не спал с этой игрушкой. А для себя Софья заинтересовалась кое-чем другим. Ее оружие – ножи и яды. Царевна с саблей – оксюморон.

Другое дело – отравленные шпильки или там нож в сапожке…

И вот тут Турция давала теремным затворницам сто очков вперед. Чего только их гаремы стоили…

Софья подумала и принялась просить, чтобы их учили турецкому языку. Царевич подумал, почесал затылок и попросил Фрола, чтобы ему прислали с Дона кого-нибудь из пленных турок. А то и парочку, посмышленее. Пусть учат языку.

Разин тоже был не лыком шит и про Софью немного разузнал. А потому спустя два месяца в распоряжении Софьи и Алексея оказались два человека.

Евнух Али и турецкая красавица Лейла. Оба предназначались какому-то важному паше, оба были перехвачены в одном из рейдов казаками, но в этот раз по просьбе Фрола турок не утопили, а отправили в Дьяковское.

И вот тут Софья только что не заплясала от радости.

Али оказался греком, до полного отрезания его звали Ибрагимом, и он отлично владел несколькими языками. Турецкий, персидский, греческий, немного латыни, куча стихов, много знаний о мире… одним словом – бери и пользуйся.

Почему бы и нет?

Даже царевна Анна возражать не стала. С одной стороны – Али, конечно, турок, с другой – он вроде как уже и не мужчина, так что в терем его можно допускать спокойно. В крайнем случае – запирать на ночь.

Но Али и царевну скоро сумел убедить, что от него больше пользы, чем вреда. Рассуждал он, как образованный человек. Назад, в Турцию, ему дороги не было, хоть он все царское семейство вырежет ночью, а здесь устраиваться как-то надо. Почему бы и не учителем при молодом царевиче и его сестре? Место не из худших…

Лейла тоже сильно не сопротивлялась. Из достоверного источника – Али – стало известно, что паша, к которому она направлялась, был стар и толст. К тому же имел четыре жены, и на взлет по карьерной лестнице сильно рассчитывать не приходилось, хоть тройню роди. Самой Лейле же еще не исполнилось пятнадцати, и провести остаток жизни, ублажая старика, у нее не было никакого желания. Зато было множество

талантов.

Лейла, как и все дорогие невольницы, знала несколько языков, танцевала, музицировала на нескольких инструментах, умела слагать стихи, могла развлечь господина беседой, да и не только. Про искусство ублажать мужчин и говорить не приходилось – девочке его преподавали всесторонне, разве что без практического применения. Когда налетели казаки, Лейла попрощалась было с жизнью, а потом, когда поняла, что ее отправляют в далекую Московию, где круглый год лежит снег, сильно испугалась. Но рядом был Али, девчонку никто не обижал, а уже на месте с ней смогла найти общий язык Софья. Она объяснила на ломаной пока еще, но внятной латыни, что обижать никто никого не собирается, пусть живет, учит всех, чему ее учили, а потом, приглянется кто, так и замуж выдадим, и приданое дадим… живи – не хочу.

Лейла подумала – и согласилась. И принялась за обучение девичьего батальона, как в насмешку именовала девчонок-служанок Софья. Сначала, конечно, были трения. Еще бы, Лейлу учили быть изящной и очаровательной, и уличные девицы, путающиеся в сарафанах и ежеминутно поправляющие то одно, то другое, казались ей неуклюжими коровами. Девушка принималась фыркать, служанки шипели в ответ змеями, и не вмешивайся вовремя Софья – конфликта было бы не миновать, и не единожды. Но спустя некоторое время все сработались. Уличные девчонки как никто другой могли оценить Лейлины способности в манипулировании мужчинами, а Лейла могла их показать. К тому же, поняв, что она сама может выбрать себе мужа и судьбу, девушка заметно оживилась. В гарем ей не очень-то и хотелось, а тут… учи девчонок тому, что сама умеешь, получай денежку за труд, приглядывайся к мужчинам – ну и чего еще желать?

Даже лицо закрывать не надо.

А уж восточные танцы учили все. Отдельно Софьины «служанки», отдельно – сами Софья с Анной. Девочка убедила.

Она не читала лекций про пользу для здоровья, нет. Она просто попросила Анюшку позаниматься вместе – и та не смогла отказать. А когда заметила, что чувствует себя получше – и благодаря тому, что тело чистилось от свинца, и благодаря самим танцам, – то перестала отлынивать и с удовольствием занялась тренировками.

На воле, кстати, выяснилось, что царевна Анна – женщина вполне симпатичная. От зловредной косметики избавила Софья, от излишней скованности сама Анна – и оказалось, что у нее голубые глаза, толстенная русая коса и статная фигура, которую

даже терем не попортил. Пост, как первая женская диета? В двадцать первом веке за ней бы мужики строем бегали… да и здесь тоже, но ведь не отдадут. А взять в любовницы царевну…

Софья, мучая ночами свой мозг, вспомнила, что такое вроде как однажды было. То ли Володя ей рассказывал, то ли сын, но что-то такое было. Какой-то Веников или Голиков – пес его вспомнит, а царевна – родственница Петра Первого[13]. Кажется, так. Вспомнить что-то еще она была решительно не в состоянии, хотя всю школьную алгебру, интегралы, дифференциалы и даже часть таблиц Брадиса выдала бы по первому требованию.

Не сохраняется в памяти то, что туда не вкладывали, увы…

Одним словом – компания в тереме подбиралась весьма разношерстная – и если бы не Марфа, держать всех в узде было бы сложновато. Но кормилица умудрялась построить любую заупрямившуюся даму, да так, что только перья летели. Софья тоже могла бы, но возраст, возраст…

А еще она обзавелась собственным шпионом.

Шпиона звали Симеон Полоцкий, и работал он не для Софьи, нет.

Товарищ Самуил Емельянович, увы, ни разу не Маршак, а вовсе даже Петровский-Ситнианович, приехал в Москву как раз с тайной миссией – шпионить. По мнению Софьи.

А разве нет?

Мужчина, по рождению литвин, по обучению иезуит, по жизни – та еще лиса с хвостом, приезжает в Россию и начинает сильно обаять царя. Алексей Михайлович ведь неглуп, вот Симеон и втирается в доверие, читает ему для начала свои стихи, намекает, что это счастье – служить такому благородному государю. Ну-ну…

Даже не совсем так. Сначала-то товарищ жил в Полоцке, а потом, когда туда вошли наши войска, понял, что надо подлизываться к победителю – и встретил царя стихами, прославляющими его мудрость и доблесть. Было это еще до рождения самой Софьи. Ну и потом старался из виду не теряться… неясно, на что надеялся товарищ, может, на оставление его царем при своей особе, но пролет у него получился знатный.

Царь подумал, вспомнил, что дети – наше будущее, и отослал товарища учить царевича латыни. А уж Софья рассмотрела попа подробнее.

С Алексеем у него контакт не получился сразу, когда Самуил предложил удалить с уроков Софью, мол, женщинам латынь ни к чему, им молитвы знать нужно…

Алексей тут же надулся и разочаровал Самуила по полной

программе, заявив, что ежели на уроках Софьи не будет, то и ему там делать нечего. И вообще – это в Европе принято женщин дурами растить, а у нас мужчины умные, им и пара нужна достойная.

Получив отпор, священник не стал настаивать на своем, а покорно согласился проводить уроки для двоих. И вот тут-то у Софьи в сознании тревожной сигнализацией взвыло: «Опасность!!!»

Поп был слишком медовым. Как сахарный пряник с медовой начинкой, облитый белым шоколадом и посыпанный сверху сахаром. Слишком приторным.

Всем видом показывал, что он обожает детей и готов просиживать с ними сколько понадобится, но проскальзывало в нем что-то такое…

«А чему вы собираетесь учить детей?»

«Стоит ли царевичу встревать в грубые забавы всякого быдла?»

«Царь стоит выше других, и ни одно его решение не может быть неправильным…»

Когда Софья собрала воедино и проанализировала все, что ее тревожило, картина получилась печальная. Товарищ мягко отсекал царевича от остальных, пресекал все его попытки побольше узнать о народе, которым Алексей собирался править, убеждал мальчишку в его гениальности и идеальности, ну и информацию качал до кучи.

А куча вырастала большая и вонючая…

При ином раскладе, не окажись рядом Софьи, остался бы этот тип при дворе и влез бы к царю… да хоть в селезенку. Такие без мыла и через то самое место куда хошь влезут! Но даже если ему обломали все планы, товарищ не растерялся. Дети – наше будущее? Вот и столбим местечко при будущем наследнике.

Если оставить его без присмотра, то через пять-шесть лет он станет любимым наставником царевича, а Алешка будет полным гов… человеком нехорошим. Типичным мальчиком-мажором.

Такие вот расклады.

И как это обозвать, если не агент влияния?

Более того, «умник» уверял, что важнее церковной реформы нет ничего и все, кто ей противится, есть враги коварные и подлые. А это, к гадалке не ходи, могло привести к гражданской войне.

Что делать с поганцем, Софья представляла. Но вот как…

А потом вспомнила про свою заметочку.

Протоп, говорите? Аввакум?

Оставалось только потереть руки и уговорить царевну Анну.

Почему бы и не съездить в Москву одним днем? Царевич с батюшкой и матушкой повидается, Софья, разумеется, тоже. А заодно и еще кое с кем…

* * *

День у Феодосии Морозовой не заладился. С утра-то все было хорошо. Молитва, она душу умиротворяет. А вот потом…

Муж прихварывал и ругался на всех почем свет стоит.

Девки как очумели. Подали в пост – рыбное, как будто неизвестно им, что дала она обет – не есть рыбу в посты, а вкушать только каши и пироги постные. Оправдывались потом, что, мол, для боярина готовили да попутали, но – поздно было. Уже укусила пирог, хоть и выплюнула, да тело глупое все равно осквернилось…

Сыночек любимый, Иванушка, тако же прибаливал. Да и братец мужа, Борис, чувствовал себя плохо, а Анна Морозова… эх, не благочестива она, не готова душой.

Тремя перстами креститься готова, кукишем, не иначе. А ведь известно всем, кто в кукише сидит!

Поэтому, когда в ворота застучали, громко и весело, озлилась Феодосия еще больше. Но узнав, кто пожаловал, только глаза распахнула и закричала на дворню, чтобы пошевеливались живее!

Царевич Алексей Алексеевич пожаловал, да с ним царевны Анна и Софья! Как не принять гостей дорогих…

А в глубине души еще мыслишка крутится. Алексей Алексеевич мальчик еще. А у нее – Иванушка, сынок любимый. Чем не товарищ для государя? А еще ежели рядом они были бы, глядишь, и вернулся бы Алексей Алексеевич в свое время к древнему чину…

Теперь принять бы их со всем почтением и смирением…

Только напрасно тревожилась Феодосия. Гости дорогие приехали потихоньку и с порога попросили шума не поднимать! Царевна Анна – веселая, красивая, без похабной краски румяная, раскрасневшаяся с дороги, лично отослала всех слуг да дворовых, помогла раздеться племяннику, а Софья подошла к боярыне.

– Тетенька, помоги?

Говорила малышка пока еще не совсем чисто, но взгляд из-под пухового платка был не по-детски серьезным и умным. Феодосию даже дрожь пробрала, но тут моргнула девочка – и нет ничего. Стоит ребенок лет четырех, улыбается, помощи доверчиво ждет… поблазнилось, не иначе.

Феодосия гостей за стол пригласила, за мужа извинилась,

мол, болен Глебушка, не по силам ему вниз сойти, да и дохтур не велит больного тревожить… царевна Анна только головой покачала – не тревожь, не надо, мы сами поднимемся, как переговорим.

– Да мы и не к боярину, мы к тебе, Феодосьюшка.

Мысли выпугнутыми птицами заметались. Узнали что? Или…

– Не пугайся так, хорошее дело мы хотим сделать. Ты ведь протопопу Аввакуму дочь духовная?

– Воистину. – Феодосия отрицать и не стала. Что правду таить? Да и не боится она за себя отвечать, за веру свою старинную, от предков…

– Сейчас протопоп в ссылке, в Сибири. Хотим мы царю в ноги упасть, чтобы вернул его. И просьба у нас есть к протопопу, чтобы приехал царевича наставлять… а еще, коли дочь ты духовная ему, то можно бы и Ванятку отпускать к нам в Дьяково, приглядели бы за мальчиком, да и ты бы к нему наезжала почаще…

У Феодосии в душе райские птицы запели. О чем и мечтать не чаяла – все сбывалось, как во сне диковинном. Ни жива, ни мертва встала, хотела царевне в ноги броситься – Алексей Алексеевич вовремя за руку удержал.

– Не смей, боярыня! Человеку только пред богом надлежит ниц падать, но не перед другим человеком. Ибо все мы пред ним равны, а друг пред другом выхваляться – гордыня это, грех…

Софья только улыбнулась про себя. А ведь ее работа, ее… Она подсказала царевне Анне, она научила Алексея – и ведь интересно получается, когда не ты сама, с шашкой и на лихом коне, как она ранее всю жизнь. Надо бы и искусство интриги осваивать.

А и неплохо получается, вон, боярыня прослезилась, к образам бросилась, молитву забормотала. Гости подумали – и присоединились. И крестились, как и сама хозяйка, двумя перстами. От такого у Феодосии еще больше слезы хлынули – и пришлось царевне Анне утешать хозяйку. Хоть и начинался день плохо, да продолжился более чем хорошо. Гости не погнушались и угощением, специально оговорили, что в пост им скоромного не подавать, и к боярину поднялись, утешили Глебушку. Царевич его пригласил приезжать в Дьяково, как будет возможность, а пока заботиться о себе и дохтура слушать. Боярин даже прослезился, какой царевич разумный и говорит по-взрослому. Вот Ванечка, сын любимый, хоть и старше, а все ж дитя во многом…

И к Ванечке гости тоже зашли.

Алексей не побрезговал, на край кровати больного присел, расспросил, чему мальчик учится, узнал, что иноземным языкам, да чтению, да цифири, задумался и спросил:

– А пять умножить на семь, сколько будет?

Ванечка минут пять соображал, потом ответил, что тридцать пять. Софья про себя фыркнула. Счету он учится. Десять лет парню, кабы не больше, а по знаниям на уровне пятилетнего ребенка. Зато теперь молитвы все знает. И мать его наверняка постами и праведной жизнью заморила. Нет, надо мальчишку забирать. Опять же, Алексею будет, чем перед отцом оправдываться. Не голь безродная, Иван Морозов в товарищах. Да и бояре примолкнут. Кстати, можно им и идейку подбросить, что вот когда до смирения Феодосии дорастете, тогда и детей начнете в дружки царевичу подсовывать. А то чему они научить могут? Как пятки лизать да воровать?

Сами справимся, благодарю покорно.

Гости побыли еще немного и откланялись. А Феодосия, проводив их и успокоив домашних – Ванечке пришлось пообещать, что как только он оправится, так и в Дьяково сразу же поедет, – села писать письмо протопопу. И душа ее впервые за долгое время была спокойна.

Ежели царевич старой верой не брезгует, может, и не одолеет антихрист Русь-матушку?

* * *

С двуперстием и троеперстием идея была Софьина. Она вообще последнее время заинтересовалась этим вопросом, а то ж… Раскол в любом деле – штука такая, ненужная, а уж в религии…

Это в двадцать первом веке хоть коли религию, хоть не коли, там процент верующих еще меньше процента думающих и действующих. А здесь, когда каждый твердо знает, что Бог есть – ой, е, шире вселенной горе мое…

Любой раскол будет аукаться еще не одно десятилетие, а то и столетие. И вы мне скажите, кому это таки выгодно? Однозначно – не России.

Нет, теорию Великого Заговора мы пока выводить не будем, информации не хватает. Но подозрения всегда при нас. А вдруг? Кругом враги!

Софья даже и не задумалась – не страдает ли она манией преследования. Не страдает. Наслаждается.

А боярыня Морозова была необходима. Во-первых, если одна баба упорно держалась против государства несколько лет, значит, грех ее талант расходовать попусту. Она и на службе Отечеству себе врагов найдет и бороться будет уже с ними, а не с родным

царем. Во-вторых, важно было, чтобы протопоп не просто приехал, а уже соответственно подготовленный. А тоже – нечего бороться с государством!

Бороться данный протопоп будет исключительно с теми, на кого Софья укажет. В крайнем случае – Алешку попросим указкой поводить, а то ж…

Если его просто так вызвать, царским указом – наверняка приедет в боевой форме бешеного дикобраза. Как же, официальная власть, утеснители, никонианцы, антихристы…

А вот если ему духовная дочь отпишет, да еще покрасивее…

Софье очень хотелось, чтобы сладилось.

Лучшее, что может быть у бизнесмена, – это его команда. А дальше… дураки собирают подчиненных, умные – соратников. Дело за малым – сделать из протопопа соратника.

Справимся?

Попробуем… Софья улыбнулась и затеяла в карете игру в «камень, ножницы, бумага…» на троих. Царевна Анна улыбалась, участвуя в детской игре.

Да, она уже давно подметила, что Софья умнее, чем старается казаться. И что?

Трагедии в этом она не усматривала. Дети бывают разные, если Сонюшка умнее других – так что теперь? А ничего. Молчать, опекать ребенка и помогать в ее замыслах, пока ведь она ничего страшного не совершает, просто вырвалась из терема, Алешу утянула, ее вот – и насколько ж в Дьяково дышится легче. Анна себя впервые за тридцать лет живой почувствовала! Ничего плохого девочка не делает, а что тесно ей в рамках – так и всем тесно. Пусть живет, а Анна постарается хоть бы и ей помочь. Раз уж у нее не вышло расправить крылья, пусть девочка радуется жизни.

* * *

Алексея Михайловича, то есть родного отца, Софья уже больше месяца не видела, и показался он еще более одутловатым и усталым. Увы…

Русско-польская война высасывала из царя все силы, но чем пока помочь – Софья и отдаленно не представляла. А потому предоставила играть первую скрипку Алексею, и мальчишка не подвел. Умничка он!

Ей бы такого сына в свое время – они бы и Америку нагнули… и мерзким шепотком в глубине души: «*А воспитывать ты не пыталась? Глядишь, и вырос бы не хуже…*»

Так, не будем о грустном. Пусть Вадик будет счастлив, а она будет все менять здесь. Постепенно, тихой сапой…

– А еще мы хотим просить тебя, батюшка!

– О чем, сыне?

Царь был более чем доволен. Ребенок продемонстрировал нехилое знание математики, бойко потрещал с отцом на латыни и на польском, произнес несколько фраз по-турецки, показал свои прописи – и Алексей Михайлович почувствовал искреннее умиление при виде аккуратных буквиц. У него в этом возрасте так ловко не выходило. Наследник растет, царь…

Попутно наследник поблагодарил его за Симеона, мол, такой разумник, эт-то что-то… но иронизировала только Софья, Алексей благодарил вполне серьезно. Девочка считала, что пока не надо разубеждать братца, хватит минимизации воздействия. Вот приедет протопоп – и пусть воюют. Она уж постарается…

– Тятенька, разреши, чтобы к нам протопоп Аввакум приехал?

Вот тут Алексей Михайлович и опешил, но Алеша смотрел такими ясными чистыми глазами…

– Да зачем он тебе, сынок?

– Батюшка, раскол нашу землю надвое рвет. А ежели будет главный смутьян при царской школе…

– Так чему он научит-то, сынок?

– А на то, чтобы учить, у меня Симеон есть. Неужто он протопопа не переубедит?

Алексей Михайлович задумался. С одной стороны – нужен ли ему протопоп здесь? С другой стороны – почему бы и нет? Ему мученики за старую веру не нужны, да и Алеша верно сказал – ни к чему раскол. Ежели протопоп страдалец, то тут его многие поддержат. А ежели он при школе состоит и царем обласкан?

Не случится ли так, что его как неблагодарного воспримут? А это уж как подать…

Царь поцеловал сына в румяную щечку.

– Будь по-твоему. Верну я тебе протопопа и прикажу ему в Дьякове находиться неотлучно…

– Да ни к чему это, Алешенька, – вмешалась царевна Анна. – Пусть ездит куда пожелает, только сам он никуда уйти не захочет.

Царь посмотрел на сестру. И только головой покачал. Анна раньше была словно рисунок водой на белой стене, а сейчас проявились краски, улыбка… из нее жизнь показалась! И сейчас царевна была красавицей, несмотря на свой почтенный возраст[14].

– Ты расцвела, сестрица… пора сватов ждать, не иначе?

Спросил шуткой, сам знал, что не так. Анна Михайловна

только рассмеялась.

– Ох, братец… Если б ты знал, как легко на воле дышится после терема!

– Если б знал, давно бы тебя отправил в Дьяково. А то и Танюшу с Ариной. Примете?

Софья едва не взвыла в голос. Вот этих двоих им точно не хватало! Но Анна Михайловна засмеялась, покачала головой – и царь даже глаза прикрыл.

– Аннушка, как же ты на матушку похожа…

– Я родителей частенько вспоминаю, братик. Да и сейчас… Если б не Сонюшка с Алешенькой – до сей поры не жила бы… А как Машенька? Феденька? Девочки как?

– Болеют и Марьюшка, и сынок – вздохнул Алексей Михайлович, – вот лето будет, вывезу их в Коломенское, там, на просторе, и оживеют, бог даст… а девочки благополучны.

– Все в руке божьей. – Анна перекрестилась, дети подхватили. Софья мысленно смирилась с приездом Ирины и Татьяны и прикинула, что они будут нагрузкой. Как раньше к Дюма шел какой-нибудь Васечкин с культовой повестью «Спасение голодных». Ладно. Если к Дьяково в нагрузку пойдут две тетки вполне рабочего возраста – она на них протопопа натравит. Особенно на Татьяну, то-то радости будет даме!

Найдем, чем их занять, никуда не денутся, особенно Ирину Михайловну. Она тетка дельная, лишь бы Анне не мешала…

Софья обняла тетку за шею.

– Анюша, ты лучшая.

Получилось коряво: «Анюся, ты лусяя…», но Анна обняла девочку и опять расцвела улыбкой. Алексей Михайлович головой покачал.

– Своих бы тебе…

Анна горько улыбнулась. Софья обняла ее покрепче, пусть знает, что не одна.

– Своих мне уже не видеть, Алешенька. Ты лучше о дочках поразмысли, неужто им нашу судьбу повторять? Есть же принцы в чужих странах…

– Да не православные они…

– Муж да спасется женою своей, а жена – мужем своим. Подумай, братец родненький. Сонюшка, вон, какая разумница. Век ли ей в девках куковать?

– Ку-ку. Ку-ку. Ку-ку…

Алексей Михайлович искренне рассмеялся над Софьей, которая на слово «куковать» смешно растопырила ручки и надула щеки.

– Подумаю я, Аннушка.

Софья мысленно перевела дух. Вот еще импортных женихов нам не хватало! Пф-ф-ф!

Перебьемся! Пусть сначала до бани додумаются, а то рассказывал ей один приятель, что в просвещенной Европе были приняты «туалетные визиты». Он другое слово называл, но суть в том, что посетителей принимали, сидя на ночных горшках[15]. И мы еще на порнуху в XXI веке ругаемся?

Нет уж, пусть сначала сами цивилизуются.

А вообще – Алексей Михайлович оказался умным товарищем. Свинцовый водопровод уже разбирался, передавался на нужды Отечества и заменялся вполне себе симпатичными трубами из лиственницы. Отчего царь заметил, что вода стала приятнее пахнуть. Софья могла бы добавить, что не только пахнуть, но и пользы будет больше, но пока было нельзя. Начали продавать орленую бумагу для прошений, отчего казне был прибыток. Но…

Про медные деньги шептались. Служанки и кормилица пересказывали все Софье – и она понимала, что если так пойдет дальше, то взрыва не избежать. Что бывает во время взрыва?

Правильно, отсутствие финансирования бюджетников, к которым сейчас относятся и она, и ее школа.

А значит, надо обзаводиться своим производством. Хоть бы каким. Только вот что она может предложить в качестве товара?

Лекции по франчайзингу?

Архитектурно-планировочное решение застройки пригорода Москвы?

Ну-ну…

Но то, что пришло ей в голову, было намного проще.

Косметика. То, чем пользовались и будут пользоваться миллионы лет все женщины. Не для мужа, так для любовника. К тому же здесь она производилась из мегаядовитых элементов. Свинец, сурьма, карминовая (читай – киноварная) краска – не угодно ли? С таким набором красоты семейству Борджиа можно было и не стараться травить врагов. Сами перемрут. Целуешь жену ежедневно в щечку – получаешь дозу свинцовых белил. В губы – ртути. А ведь эти радости накапливаются в организме…

А Софья могла предложить более-менее приличную рецептуру. Откуда?

Так в свое время она и косметикой занималась. Не как химик, вовсе нет! Просто торговала и заодно слушала своих работников. Был у них такой Пал Саныч Водолеев, который каждому желающему был готов в красках рассказывать о своей работе. С рецептами, историческими примерами, чуть ли не демонстрациями. Да, срок годности у ее теней, туши и прочих радостей будет минимален. Но… когда это останавливало

женщин, желающих быть красивыми?

Это был пункт первый.

Ну а уж если развернуть рекламную кампанию, красиво оформить, правильно подать – тут у нее конкурентов не будет.

Второй – чем может похвалиться любая женщина, даже бизнес-леди?

Да кухонная утварь разных видов. Найти нескольких кузнецов, объяснить – и прибыль пополам. А то капусту рубят сечкой в большой кадушке, терок пока еще нет, про пароварки молчим…

Кстати – можно бы по поводу цемента с бетоном подумать. А еще узнать, что там с Баку – и застолбить местечко. Бакинская нефть – штука хорошая. Легкие фракции – бензин, тяжелые – асфальт, а дороги в России в любом веке кошмарны. Но это пока было лирикой.

С тем же успехом можно было мечтать об освоении Урала. Да не таком, как сейчас, с деревнями, а с шахтами, серьезными и качественными заводами, плавильными печами, кузницами, штамповкой и все это – в промышленных масштабах.

Казна пока не потянет.

Пока…

Сейчас Софья прикидывала и набрасывала бизнес-планы на косметику, утварь и нефть. И единственное, что ее утешало, – это отсутствие курса доллара, индекса Доу Джонса и фондовой биржи. Чтоб им всем полинять два раза!

А осуществлять будем чуть позже… но обязательно будем.

Пока же – встреча в верхах прошла отлично, Алексей Михайлович был доволен и сыном-умником, и вполне здоровой дочерью, и обещал протопопа. Что еще надо?

Между прочим, на Феодосию Морозову Софья не просто так нацелилась. У дамы было такое состояние – братцы Морозовы воровали, как дышали – что грех его было не прибрать к рукам. Ладно, пока еще не у дамы, но шептались, что братья Борис с Глебом долго не протянут, наследник после них Иван, а над ним – мамаша, которая любого подомнет не хуже «Т-34». Если Феодосия будет уверена, что это на благо старой веры, она все до копейки отдаст, а Софье, хоть убейся, нужны были независимые инвесторы. И так слишком много за ней странностей для маленького ребенка.

Была и еще одна встреча, но вот тут Софье и Алексею не повезло.

Царица была… не в настроении – это не то слово. Федора нельзя было успокоить никакими средствами, болел он каждые два дня, не понос, так золотуха – и в результате Мария выглядела

откровенно измотанной.

Мамки, няньки, это все хорошо, но ведь царевич. Игрок со скамейки запасных, если что с Алексеем случится, а тут неясно, доживет ли он хоть до года. Муж тоже не радует, поскольку у него своих проблем хватает. Сестра плачется, золовки кусаются, дети – наследник и тот удрал из дворца, и царь ему позволил. Опять же, теремные интриги никто не отменял, но сколько они сил и времени отнимают – врагу бы весь этот курятник подарить.

Так что царица и рада бы пообщаться с детьми, но куда там…

Софье искренне было жалко симпатичную, но уж очень замотанную женщину, которая выглядела лет на десять старше своего возраста. Морозов, гад, интриги плел, а расплачиваться Марии. Но и сделать для нее царевна пока ничего не могла.

Мать?

Да, наверное. Но Софья ее как мать не воспринимала. Не было у нее нежных чувств к родителям в том мире, не появилось и в этом. Человека не переделаешь…

Месяц спустя

Татьяна Михайловна неодобрительно покосилась на деревеньку, появившуюся вдали.

Дьяково.

Дыра беспросветная. Конечно, именно так она не думала, но мысли были нерадостными. И когда в очередной раз она бросилась братцу в ноги, умоляя его вернуть Никона, у того лопнуло терпение. Татьяна была отлаяна вдоль и поперек – орал самодержец так, что на соборе Василия Блаженного с куполов позолота облетала – и брат ушел, хлопнув дверью. А на следующий день известили царевну, что ехать ей либо в Дьяково, либо в женский монастырь погостить на пару месяцев, пока царь не остынет.

Татьяна хотела выбрать монастырь, поближе к тому, куда Никона заточили, но тут уж Ирина за голову схватилась.

– Да в своем уме ли ты, сестрица? Тебя ж брат вообще в келье на всю жизнь запрет!

Аргумент был признан весомым – и Татьяна для начала выбрала Дьяково. В монастырь-то она всегда успеет, их на Руси много, и никуда сии заведения не денутся. А Дьяково…

Царевну еще во многом вело любопытство. Что ж там такое, что сестрицу Анну и калачом обратно не заманишь? А ведь самая тихая, самая скромная…

Село, впрочем, радовало глаз новой церковью и ярмаркой за околицей. А неподалеку находилось и то место, куда надлежало ехать ей. За невысокой оградкой – курице перескочить, почти плетень, новенькие терема и какие-то достаточно несуразные здания – казарм царевна ни разу не видела, иначе опознала бы сразу. Четыре здания готовы, еще почти десяток строится. Опять-таки, царевне и в голову не приходило, что это – на вырост. Для следующих поколений учеников. Потому и ограду пока серьезную не делали – вот утвердят окончательно план, тогда можно будет.

Ведь следующей осенью будет еще набор – и детей надо будет куда-то селить. Опять же, нужно расширять столовую, нужно организовать мастерские, да и все остальное – почему бы нет?

Несколько производств прямо на базе школы, кузницу самую лучшую, потом кузнеца найти, скотный двор расширить…

Надо – все. Вот сделать сразу все не получалось, поэтому сначала обошлись жизненным минимумом, а сейчас под чутким руководством царевича Алексея строили и остальное, что ему подсказывала Софья. Татьяна, понятно, об этом не знала и сейчас разглядывала все издали с недовольным видом. Потом разрешила

трогаться дальше.

И стоило ей сюда ехать?

Удивляться всерьез она начала у ворот, когда ее не пустили внутрь. Охрана на полном серьезе скрестила бердыши и поинтересовалась:

– Откуда, кто, зачем?

– А ну с дороги, холоп! – рявкнул боярин Ртищев. Начальник царской Мастеровой Палаты, Григорий Иванович, прекословия не терпел и, честно говоря, с царской сестрой в поездку не рвался. Но царь приказал – и боярин поехал.

Стоящие охранники даже не дрогнули.

– Осади, боярин, – примирительно проговорил один из них. – Сейчас царевич в отъезде, приедет, тогда и пропустим.

– Да я тебя на конюшне запорю, холоп! – Ртищев и правда замахнулся плетью, но был остановлен повелительным окриком.

– А ну, осади!

К воротам подлетала процессия из шести всадников. Четверо взрослых и двое ребят лет семи-десяти. Татьяна пригляделась из окошка, не откидывая сильно занавеси – нельзя. Позор какой будет – царской дочери как чернавке в щелку подглядывать…

Одного из ребят она узнала, хотя и не сразу.

Алешенька, племянник любимый. Но как же он изменился!

Вместо бледного благочинного мальчика, которого в Кремле было не видно и не слышно, на коне сидел загорелый крепыш с недобрым прищуром. Конь гарцевал, намекая хозяину, что хорошо бы еще поскакать, но слушался всадника – и если бы Татьяна разбиралась в конских статях, она бы восхитилась вороным аргамаком. Рядом с ним спокойно стоял второй конь соловой масти. Сидевший на нем мальчик лет восьми-десяти Татьяне не был знаком, и неудивительно. Ванечка Морозов вообще редко из дома выходил. Это в Дьякове, избавленный от неустанной опеки властной матери, он начал постепенно осваиваться. Да и отношение здесь было другое.

Дома все выглядело так. Лошадка? Да никогда! Она тебя сбросит, ты обязательно убьешься, нельзя, пойдем лучше помолимся о всеобщем благе.

Здесь же…

Лошадка? Хорошо, завтра подберем тебе конька посмирнее и начнем учиться. Царевич учится – и тебе не зазорно. Сбросит? А мы такого подберем, чтобы не сбросил. Только и обихаживать конька сам будешь. Не умеешь? Научишься. Царевич же научился, а ты чем хуже?

Казаки вообще были народом не особо отягощенным чинопочитанием. На Дону с этим было проще, а уж Фролка Разин,

у которого было два брата-атамана, тем более прогибаться не умел. Родни-то надо быть достойным…

С царем у них бы конфликт случился в первый же час – и свободны. Но с царевичем, которого постоянно настраивала Софья…

Непочтительны? Так казаки же люди грубые, их дело турок рубить, а не ножкой по паркету шаркать. Вот, бояре все льстивы, как один, – они тебе больше по нраву? Нет? Тогда потерпи пока, уважение тоже надо заслужить.

Чем? А работой… Да нет, турок убивать не нужно, Ибрагим вроде бы ни в чем не виноват, но вот если ты попросишь тебя научить – да, так и будет. Тебя начнут уважать, если ты не сломаешься и не дрогнешь. А учитывая фамильный романовский характер – достаточно упрямый и жесткий, которым Алексея природа наделила в полной мере, мальчишка уперся. Ему хотелось, чтобы его уважали, и он намерен был этого добиваться всеми способами.

И упорно учился вместе со всеми, хотя и чуть поодаль. Так же, как и остальные, держал тяжелые палки в вытянутых руках, развивая мышцы, так же отжимался, так же лазил по канату и так же чистил лошадь. И получал от этого искреннее удовольствие.

Запретить-то было некому.

Учителя слушались царевну Анну, воспитатели царевича качали неодобрительно головами, но будучи мужчинами умными, ничего не запрещали, только поддерживали. Понимали, что положение безвыходное. Царю накляузничаешь – царевич обидится, да так лихо, что ласточкой со двора полетишь. Даже если и не сразу – злопамятность также романовское фамильное качество. А вот если ему потакать – глядишь, наиграется да забудет обо всем, как о старых солдатиках.

Ан нет, интерес царевича все больше разгорался. Ему интересно было его маленькое хозяйство, где можно было строить не в учебной комнате, а на приволье, где все было настоящим и серьезным. Так ребенка привлекает не яркий детский доспех, а взрослая сабля, уже попробовавшая крови, – и оттянуть Алексея от его занятий за уши нельзя было. Оставалось только мириться до поры до времени. Если б хоть Алексей Михайлович не одобрял, но его-то увлечение сына как раз порадовало, и о воинских упражнениях он читал с умиленной улыбкой.

Сейчас же царевич ездил в деревню – договориться и кое-чего прикупить. Софья настояла. Точнее, с хитрой улыбкой подкинула идею, что ежели не знать, что сколько стоит, воровать обязательно будут, и вот это еще нужно, и то, и другое – что ж, все на казначея скидывать? Сам съездил бы, развеялся, Ванечку с

собой взял, на людей посмотрел, себя показал… А там, глядишь, и понравится?

И ведь понравилось.

Сейчас Алексей возвращался обратно – договаривался со старшим на селе, чтобы купить холстины и из нее сразу в деревне рубах с портами пошить. Да, не царевичево это дело, но Софья планировала постепенно подключить на этот пост Ваньку Морозова. Если воровать не будет, то лучше никого и не найти. А пока пусть посмотрит, что да как…

И застал у ворот такие радости жизни.

Механизм включился сразу.

Его людей бьют!

Алексей отлично осознавал происходящее и сильно удивлялся себе. Раньше ему и в голову бы не пришло повысить голос на боярина, но сейчас он не раздумывая дернул Фрола за рукав, а тот уже рявкнул во всю мощь легких.

Его людям угрожают!

Рука сама потянулась к плети. Именно в этот момент и начал в мальчишке просыпаться царевич. Раньше-то повода не было, он и так знал, что все по его будет, и гнев его был скорее детским, повалиться на пол – и кричать, пока игрушку не дадут. Он ведь ни за кого не отвечал, от него никто не зависел, а сейчас…

Кто смеет распоряжаться на моей земле?!

Боярин чуть осадил назад. Одно дело – с казаками лаяться, другое – с царевичем. Но дурная кровь требовала выхода.

– Государь-царевич…

– Я хочу знать, что здесь происходит, – процедил Алексей тоном, которого никак нельзя было ждать от семилетнего мальчишки. Но…

Исподволь, изо дня в день рядом с ним была Софья. Рассказывала сказки, играла, учила… и в нужный момент заложенное вышло наружу. Как рефлекс, сработавший быстрее разума.

Боярин натолкнулся, как на саблю, на взгляд холодных синих глаз. За царевичем поигрывали плетками казаки, а они одним ударом могли покалечить… и тоже выглядели недружелюбными. Растерянным и испуганным был только Ванечка, но от него-то ничего и не зависело.

Алексей ждал, насмешливо разглядывая боярина. Не суетясь, не повторяя вопрос – он в своем праве. Это – его холоп.

И Григорий Иванович сдался. Одно дело – собачиться с казаками, другое – с царевичем. Тут и царь не заступится.

– Государь-царевич, меня батюшка твой послал…

– Моим людям угрожать?

Голос мальчика был спокоен, интонация почти ровной. Ни ярости, ни злости. Только легкий интерес – и это было похуже крика. Но Григорий Иванович пока не осознавал всей опасности. А меж тем Алексей действительно разозлился. Кровь…

– Не угрожал я, государь-царевич. Холопы твои пропускать меня отказывались…

– А почему они должны были мой приказ нарушать? Это моя воля – никого на территорию школы не пропускать. Ты, боярин, решил ее оспорить?

Вот тут Ртищев и рухнул в ловушку со всего размаха.

– Не спорил я, государь-царевич…

– Иван?

Алексей – опять-таки с подачи сестры – старался запомнить всех своих людей по именам. Сначала – по подсказке, потом уже осознанно, понимая, что это дает блестящие результаты. Понимая, что они известны самому царевичу, люди поневоле начинали вести себя иначе. Одно дело, когда ты один из многих, серая масса. И другое, когда тебя выделяют и знают.

– Обещал, государь, что на конюшне запорет, – сообщил стражник.

Алексей вскинул бровь с таким выражением, что Софья бы в ладоши захлопала.

– Вот как? Моего человека? Не много ли ты на себя берешь, боярин?

Ртищев явственно побледнел, понимая, что дело принимает нехороший оборот, и принялся заметать хвостом.

– Государь-царевич, да я ж не со зла! Пошутил я так…

– А люди твои тоже пошутили бы? Почто приехал, боярин?

Григорий Иванович замешкался на миг, но царевич смотрел холодно и зло, убедить его не представлялось возможным, и боярин выбрал меньшее из зол.

– Повелел мне царь-батюшка проводить к тебе в гости государыню-царевну Татьяну.

Алексей перевел взгляд на возок, на телеги со всякими разностями… ностальгически вспомнил, как они с Анной и Софьей ездят в Москву – минимум необходимого, чтобы в пути не задерживаться, и кивнул.

– Царевна здесь и останется. А ты можешь ехать обратно. Я же еще отпишу батюшке о твоем самоуправстве.

– Нет моей вины в наказании за дерзость. – Григорий Иванович держался молодцом. Будь Алексей чуть постарше, мог бы и дрогнуть боярин, но пока… возраст. Однако мальчишка справился на «отлично», Софья могла бы им гордиться. Недаром она цитировала ребенку Уголовный кодекс на тему: «намерение,

если оно не осуществилось по не зависящим от преступника обстоятельствам, – это почти что действие, и снисхождения быть не может». Это у Алексея и всплыло.

– Есть твоя вина в самодурстве и упрямстве, боярин. Не своей волей тебе Иван дорогу закрывал, а ты прислушаться не захотел. Вот из-за таких, как ты, и гибнут люди православные. Грех на тебе, и большой грех. Если б не случилось рядом меня, попытался бы ты силой свое намерение осуществить, а люди мои тому воспротивились бы, и кровь бы полилась. И это в тяжкое время, когда мы с ляхами воюем… Не хочу я тебя видеть в своем доме, пока не поймешь ты, что пред богом все равны и нет ни казака, ни боярина. Фрол, распорядись тут, чтобы царевна со свитой проехали, а остальные пусть в Москву воротятся. Да проследить направь, чтобы в Дьякове не остановились на ночь. А то больно боярин на руку скор, в его-то года, нет бы на разум… Поехали, Ванюша.

Мальчишки проехали мимо казаков, тут же наново скрестивших бердыши, Фрол повернулся к боярину, и как бы ни хотелось Григорию Ивановичу плюнуть на землю и гордо уехать, пришлось ему отделять свою свиту от царевниной, сгружать вещи с повозок…

К вечеру, когда все закончилось, он вообще был в самом мрачном настроении. Как-то так получалось, что выходил он кругом не прав. Казак ему ведь слова дурного не сказал, а он лаяться начал. Нет, боярина понять можно, он с дороги, он уставший, он царский ближник, не привыкший к препонам, но…

Царя, а не царевича. А ведь следующим на престол должен Алексей Алексеевич сесть. Ой, не забудет он боярину такого промаха, как есть – не забудет.

А значит, уезжать никак нельзя, надобно царевича улещивать. Вот только как это сделать, когда внутрь не пускают?

Невесело было боярину.

Зато в тереме царевны Анны сейчас было весело и интересно. Анне и Софье пришлось выдержать свое сражение.

* * *

Царевна Татьяна кротостью никогда не отличалась, а уж сейчас, грубо выставленная из Москвы, да после дороги…

Сначала она держалась.

Когда Алешенька поприветствовал ее и умчался по своим делам.

Когда Аннушка, сестрица младшая, вышла гостью встречать,

а с ней Софья, племянница…

Когда слуги засуетились, устраивая царевну поудобнее и испрашивая, не угодно ли ей чего…

Сначала. А вот потом все рухнуло снежным комом. Нечаянно. Царевна выразила желание с дороги кисельку испить – и одна из девушек метнулась на поварню. А кисель-то сразу готов не был, как ни торопи, а время пройдет. Татьяна и так нервничала, а тут еще ждать пришлось, и доброты душевной ей это не прибавило.

Принесла девушка киселек, подала, как положено, с поклоном, да то ли недостаточно низко, то ли еще что – топнула царевна ногой. А у девочки рука-то и дрогнула. И киселек, хоть и немного, выплеснулся на богатое платье.

И вот тут поднялся лай.

Татьяна орала и приказывала выпороть наглую девку, которая попортила ей платье. Девчонка от неожиданности расплакалась. Анна попыталась успокоить сестру, но куда там…

Положение выправила Софья, молча показавшая служанке на кувшин с колодезной водой на столе. Та взяла, посмотрела на царевну…

Софья вздохнула. Эх, почему ей еще и четырех нет? Сейчас бы окатить истеричку с ног до головы, а потом еще и за косу потаскать, опять же пощечины хорошее средство…

Пришлось ограничиться меньшим. И как следует грохнуть кувшин об пол.

Получилось громко, душевно так – даром, что глиняный. Все замерли – и Софья воспользовалась паузой.

– Девочки – вышли. Анюся, может, тетке валерьянки налить?

Татьяна в этот момент напомнила Соне рыбу-сома. Только что усов не хватало, а так все признаки. Щеки толстые, рот открыт и глазами – луп-луп-луп!

Девочки удрали быстро и беззвучно – жизнь на улице приучила. Татьяна попыталась что-то сказать, но тут ведь сразу и не поймешь, что ляпнуть надо!

– Да ты…

– Это не по-хлистиански. Луша не найочно…

Получилось картаво и коряво, но Анна поняла и тут же перешла в наступление.

– Вот, сестрица, дожили. Дети малые уму-разуму учить будут – и ведь заслуженно. Девочки действительно еще ничего не умеют, их учить надобно, а не розгами сечь за оплошность. Они не по злому умыслу, так уж прости неловкую. Пойдем, я тебя сегодня в своих покоях устрою, а к завтрему и твои комнаты в нужный вид приведут. Не ждали мы тебя, вот и встретить не можем, как подобает.

После такого и ругаться было ни к чему – только хамкой себя выставить. Татьяна позволила себя увести, а Софья отправилась искать Лушку.

Оплошавшая девочка нашлась внизу, в сенях, где рыдала в полотенце. Еще двое пытались ее успокоить.

– Чего сырость развели? В реке воды мало?

Сейчас Софья разговаривала, как нормальный человек. Она уже выговаривала все буквы, просто при взрослых старалась не показывать своих талантов.

Лушка подняла от полотенца красные глаза.

– Не гоните, царевна!!!

И бросилась Софье в ноги. Девочка вздрогнула, но осталась на месте. М-да, сложно к такому привыкнуть. В том мире бывало всякое, но в ногах у нее не валялись, а тут это в порядке вещей.

Софья вздохнула.

– Встань. Не погоню.

– Не гневайтесь…

Лушка даже не слышала. Софья кивнула двум другим девочкам – Аксинье и Прасковье.

– Девочки, поднимите ее.

Водруженная на ноги Лушка стояла неровно и пошатывалась, живо напоминая Софье колокольню, которую построили в ее родном городе. Та тоже пошатывалась, поскольку проект делали откровенные халтурщики и с благословения церкви – т.е. денег им не заплатили.

– Луша, тебя никто не гонит. Все хорошо.

На этот раз дошло, и девочка, уже почти девушка, – пару лет и замуж можно – уставилась на Софью. Чего уж там, девчонки, попавшие из грязи в палаты, дико боялись отсюда вылететь, с ума сходили от страха. Такие шансы два раза не предоставляются.

Девчонка утерла сопливый нос рукавом. Софья откровенно поморщилась.

– Луша, у тебя носовой платок где?

Платок тут же нашелся за рукавом рубахи.

– Вот им нос и вытирай. Не крестьянка, чай, царской дочери служишь.

– Да, гос-сударыня-царевна…

Софья топнула ногой.

– Вспоминай! Училась!

– Д-да, ва… ше высочество.

– Вот. За проступок – наказание. Будешь седьмицу на стол подавать бессменно. Мало ли кто приедет – что ж, у тебя при всех руки так дрожать будут?

– Слушаюсь, ваше высочество.

– И сегодня еще три страницы из Псалтыря прочтешь.

Вот это наказание было посерьезнее. Не спать девчонке до полуночи, а то и больше, но жалости Софья не испытывала. Наказание соответствует проступку – это раз, учиться надо всегда – это два, она и так счастлива, что не выгоняют, – это три.

– Да умойся поди. Час тебе отдыха, чтобы себя в порядок привела. Девочки, помогите ей.

Софья отпустила всех троих взмахом тонкой руки и развернулась обратно, к царевне Анне.

И вот там-то узнала про сегодняшний подвиг Алексея. Четыре человека – две царевны, царевич и его дружок, частенько теперь собирались по вечерам, разговаривали, обсуждали… здесь Софья могла почти не таиться. Почти. Иван Морозов все-таки оставался не то чтобы черным ящиком, но если за себя, Алексея и Анну Софья была спокойна, то Иван мог еще расколоться. Или просто по-детски разболтать то, что ему доверено.

Хотя шила в мешке не утаишь и в определенной степени рисковать приходилось. Увы…

Но сейчас… Сейчас Софья была безумно горда собой. Это ж надо так воспитать, что за несколько месяцев у ребенка зубки прорезались?

Более того, он кусаться начал! Хотя раньше наверняка и головы бы не поднял – скушал бы любой боярский наезд и только понурился. А тут!

– Лешенька, ты гений! Я тебя обожаю!!!

Софья принялась активно захваливать братца, подключилась царевна Анна, Иван тоже вставил свои пять копеек, за что получил прочувствованный поцелуй в щеку от старшей царевны – мол, умничка, с такими друзьями и враги не страшны, сама Софья в это время тискала брата, хотя тот и отмахивался. Но отмахивался-то он, отмахивался, а приятно ему было, определенно. Во имя принципов дедушки Дурова – хвалите вашего воспитанника, и почаще. Еще ни одно животное не было воспитано палкой.

Так что вся четверка была довольна.

А чуть позже вечером осталось всего три человека. Анна, Алексей, Софья. И теперь разговор пошел уже иначе.

– Как вы думаете, боярин утрется – или?..

У Софьи было слишком мало данных для анализа, у Алексея – тоже, поэтому две пары глаз обратились на Анну. Царевна задумалась…

– Либо он поедет братцу жаловаться. – Дети кивнули, давая понять, что братец ясен, уточнять не надо. – Либо обиду проглотит, поймет, что не прав был, и кланяться придет.

– А это возможно?

Анна пожала плечами.

– При дворе быть, да кланяться не научиться? Чай, не холоп его отчитывал – царевич.

Может, и так. Софья вздохнула.

– А что мы можем сказать, если царь-батюшка огневается?

Теперь задумался и Алексей. Общими усилиями были выведены несколько простых правил.

Если боярин помчится жаловаться – наехать в ответ. Или даже голубя послать, благо есть несколько штук. Так и так, приехал, хамил, наезжал, охранника выпороть угрожал – это что ж такое творится, если бояре на территории царевича произвол творят? Дальше-то что? Бунт? Уж разберись, царь-батюшка…

Если жалоб не будет – на тормозах все равно не спускать. Компромисс, как известно, равен разнице двух компроматов. И лишняя бумажка на боярина не помешает. Намекнуть ему со временем, что так и так, за плохой характер надо хорошо платить. Но тут все зыбко… как карта ляжет.

И самый лучший вариант – если боярин поймет, что вчера себя подставил, и придет извиняться. Тогда можно у него аккуратно что-то да попросить. А вот что?

И вот тут Софья потерла руки. Она собиралась разводить еще и скот. А почему, собственно, нет? На базе Дьяково, с привлечением местных жителей в качестве пастухов и подпасков, выписать сюда… какие там коровы лучшие в настоящий момент? Голландские?

Этот вопрос надо было еще проработать, но выписать обязательно не местную дохлятину, у которой из поколения в поколение отрицательный отбор, а вот именно что молочных коров, завести свое стадо, выписать элитных овец и заняться шерстью. Софья вообще собиралась со временем развернуть все другой стороной.

Сколько она сейчас ни смотрела, сколько ни расспрашивала, а вывод был один. России упорно не давали развивать свое производство. Она устраивала всех как сырьевая база, в крайнем случае – перекупщики, но и не более того. А вот производители…

А вот не надо вам, медведям, из болота лезть! И неважно, что медведи в болоте не водятся! Сиди и не рыпайся!

К примеру, ни к чему вам канаты делать, мы пеньку скупим. И паруса ткать тоже незачем. Лен покупаем по дешевке, а вам продукцию втридорога отдадим…

А чтоб вы уж точно не удумали, у любого, кто ситуацию изменить попытается, мы покупать ничего не станем. Пусть на складах сгниет… или вообще сгорит. Со вторым и помочь

можно…

Одним словом, купцов банкротили весело и со вкусом. А вот ее, если за ней вся мощь государства? Рискнете здоровьем?

Несколько раз иностранцев на Москве уже били, чтобы не продавали русским людям табак да водку, можем и повторить…

Да-да, Софья искренне удивилась, когда узнала, что водка – дьявольское зелье. А табак вообще мерзость богопротивная. Да какая скотина русский народ представляет вечно пьяным?! В… думающий орган бы им заколотить те учебники!

Одним словом – надо развивать промышленность. Строить мануфактуры, а для того наводить справки, где такое есть, что делать с той же шерстью, где выгоднее разводить овец… Англия? Хм-м…

Кто нам мешает, тот нам поможет!

Кто у нас посол в Англии? Наверняка есть такой, вот и пусть найдет людей, которые разбираются в овцах и в мануфактуре, но из дела вылетели. Капиталисты везде зверюги те еще, наверняка есть какие-то банкроты, вот и пригласить их сюда для организации производства. Тут-то конкурентов пока нет, важна не коммерция, а организация процесса производства. Но при определенном условии. Чтобы обязательно русские рабочие и обязательно учили их…

Кстати, под это дело можно ребят из школы потренировать в языках, пусть переводчиками пашут…

Идеи были оценены по достоинству. Точнее – выслушаны и приняты к сведению. А в остальном – пусть Софья думает, у нее голова большая.

Анна была просто счастлива со своими – пусть она их и не рожала, но… – детьми, а Алексей вовсю играл с новой игрушкой, и ему не было дела ни до чего иного. Ему хватало школы, интересных дел, свободы… да и здоровье на приволье сильно поправилось – чай, каждый день свинцом не травится. Так что… ты решай, Сонюшка, а там поможем…

Софья и решила. И объяснив Алексею, чего требовать от боярина и зачем, тоже ушла спать. Встают тут с петухами, а хвостатые сволочи совершенно не понимают, что приличной царевне и до десяти утра иногда поспать хочется. Днем-то спать совершенно некогда…

* * *

Боярин Ртищев действительно никуда не уехал. Ожидал царевича с раннего утра, за оградой, о чем донесли казаки, и

Алексей распорядился пригласить боярина к себе. Благо тот спрашивал, как бы ему царевича еще раз увидеть. Ни к чему его унижать еще больше разборками при слугах. Он и с глазу на глаз сумеет все сказать, а боярин благодарнее будет да податливее, лицо-от он сохранил, чего еще надобно?

Ртищев оценил по-своему. И решил, что царевич, посоветовавшись со старшими, собрался пойти на мировую. Ведь обидел он боярина?

Обидел, да еще как! И главное – за что?! За казака-охранника, вчерашнего крестьянина, холопа, мразь, на которую плюнуть-то порядочному человеку зазорно! Всем известно, что казаки – те еще нехристи, от турок нахватавшиеся невесть чего…

По палатам шел боярин гоголем, в светлицу вплывал жирным лебедем, а увидев происходящее – застыл белой статуей. Красивой такой…

Хотя ничего удивительного не происходило. Просто царевич изволил уравнения решать. Сидел за массивным, недавно только сделанным столом, писал перышком… Но если для Софьи решать даже интегралы в уме сложности не составляло, то Алексей пока еще сбивался на самом простом, вроде: «7 = 15–2X», и решать приходилось в двух вариантах. Со старыми цифрами, с титлами, красиво выписанными – и с арабскими, которые Софья объяснила Алексею достаточно быстро. В первых она и сама путалась, во вторых же – ничуть.

Алексей отложил в сторону свиток с решениями и поднял глаза на боярина. Сам он разговор начинать не собирался, и Григорий Иванович поклонился первым.

– Поздорову ли, царевич-государь?

– Благодарение Богу, не жалуемся. – Алексей смотрел спокойно, и лишь на дне глаз затаилась насмешка. – Ты меня видеть пожелал, боярин?

– Да, государь-царевич.

– Вот я перед тобой. Что сказать мне желаешь?

Боярин с трудом проглотил все заготовки. Ребенок перед ним был слишком спокоен. Слишком уверен в себе. Слишком…

Да будь ты хоть трижды царевич и семи пядей во лбу, а все-таки ребенок интуитивно робеет перед взрослыми, старшими… это вколачивается поколениями. А он…

Смотрит так, что это боярину сробеть стоит – да и колени сами собой подкашиваются. И срывается с языка нерешительное:

– Н-не изволь гневаться за вчерашнее, государь…

– Не у меня тебе прощения просить надо, а у казака моего. Не предо мной ты грешен, а перед ним.

Боярина аж придавило. А царевич только головой покачал.

– Вижу, не по нутру это тебе. Грех гордыни тебя тяжко придавил, боярин. Ой, тяжко…

– Не гневайся, государь!

– Мне на тебя гневаться вроде и не за что. Пусть батюшка решает, чего ты достоин. Ему интересно будет, почему ты на царского человека голос поднял, мой приказ нарушить пытался… сам ли или подучил кто…

Вот теперь боярин действительно рухнул на колени. Алексей Михайлович – это вам не Алексей Алексеевич. Если сын еще в покое оставит, то отец сошлет куда-нито подальше и не задумается. Это – в лучшем случае. А в худшем – и бояр на дыбе вздергивали, было дело…

– Государь!

– А с другой стороны – ты моему отцу полезен…

Алексей смотрел на человека в дорогой шубе, который потел от страха и нестерпимо вонял на всю горницу. Опять сестренка права. Людьми управлять несложно. Это как маятник. Напугать – отпустить. Напугать – отпустить. И так, пока человек не поймет, чего ты от него хочешь…

Но боярин оказался сообразительным.

– Я и тебе могу быть полезен, государь. Испытай!

Алексей вздохнул. Повертел в пальцах перо.

– Что ж… Кто желает служить Отчизне, тому преград нет. Будет у меня для тебя задание, боярин. Есть ли у тебя человек, который по-аглицки говорить умеет? Да хорошо говорить, чтобы поехать в далекую страну и вернуться?

Григорий Иванович задумался. А потом кивнул.

– Есть у меня такой человек. Отец у него англичанин, вот и Иван по-аглицки разумеет дюже хорошо.

– Грамотен ли он?

– Да, государь.

– Привезешь его ко мне – для одной службы. Сделает он свое дело и к тебе вернется. А я заплачу ему, не обижу.

Григорий Иванович почтительно поклонился. Не хотелось ему Ивашку отпускать – дюже толков да сметлив, но государю лучше не прекословить.

– На пятый день от сегодняшнего ждать тебя буду, боярин.

– Слушаюсь, государь-царевич.

– Иди…

Боярин было уж и к двери попятился, но что-то заставило царевича вскинуть руку.

– Да… говоришь, отец у него англичанин?

– Да, царевич…

– Отца тоже попроси приехать ко мне. Да вежливо попроси,

понял?

Синие глаза блеснули так, что боярин аж шарахнулся. Потом поклонился почтительно и получил жест, разрешающий уйти. Вылетел за дверь, перевел дух, но по-настоящему успокоиться смог, только когда за воротами оказался.

Волчонок растет, ой, волчонок…

Смилуйся, Господи, над рабом твоим Григорием!

* * *

Алексей проследил, как за боярином закрылась дверь, и заглянул под стол.

– Вылезай, можно!

– Точно?

– Ушел… Сонь, а зачем нам его отец?

– Чтобы знать, что в Англии творится. Вдруг нам что полезно будет?

Алексей кивнул. Действительно, про Англию они знали только то, что она существует. Что там, кто там, как там – пес его знает. Правда, Софья вполне прилично говорила на английском, но лучше об этом умолчать, потому что вряд ли ее кто-то поймет в Англии. Консалтинги, договоры, лизинги и франчайзинги – за такие злобные заклинания и на костре сжечь могут. Да и диалект двадцать первого века разительно отличался от диалекта семнадцатого.

Софья кое-как выползла из-под стола, откинула в сторону бересту с корявыми каракулями и потянулась.

– День-то хороший какой! Леша, тебе проехаться не хочется?

Алексей посмотрел в окно. Действительно, хотелось.

– А мы же заниматься хотели?

– Тетка Татьяна не даст.

При упоминании старшей родственницы лицо Алексея вытянулось.

– Действительно…

– А так ты бы поездил, посмотрел, где тут хорошие пастбища…

– И Ваньку с собой возьму, нечего ему сидеть в тереме…

Софья одарила брата улыбкой. Правильно. Верхом ездить – не нравоучения выслушивать, а они от Татьяны будут наверняка. За что?

А просто так.

С какой целью бабы закатывают скандалы? Да чтобы утвердить свое главенство где-либо. Или чтобы с ними не

связывались. Территорию помечают, вот.

И мужикам присутствовать при этом не обязательно. Вовсе даже ни к чему. Вот Анна может при поддержке Софьи сцепиться с милой сестричкой, но посторонним эти разборки видеть не обязательно.

Алексей, просияв, умчался. Софья еще раз потянулась и отправилась на занятия. А то как же?

Обнаружив, что в этом теле мозг работает на порядок лучше, она стала искать, чем его загрузить. И нашла.

Языки.

Сейчас было время занятий турецким. Как это выглядело?

Спасибо Лейле. Девчонка оказалась умной и серьезной, поняла, что сможет заработать и обеспечить себе теплое место, и стала сама разрабатывать планы уроков, на ходу подхватывая то, что предлагала Софья. На кухне они уже несколько раз были, готовили турецкие блюда. Одевались в турецкие одежды, правда, чтобы никто не увидел. Проводили уроки поэзии, стараясь перевести турецкие вирши на русский. Получалось откровенно коряво, но… а как?

О грамматике и сама Лейла имела весьма смутное представление, поэтому хотя бы разговорный турецкий и письменный. Сегодня же намечался урок танцев. И параллельно урок турецкого. Шаг назад, шаг вперед, поворот, верти бедрами, раз-два-три… Сколько можно преподать во время урока танцев?

Много…

Тем более что Лейла старалась. И девочки тоже. Ровно до тех пор, пока в горницу не явилась проспавшая Татьяна, весьма недовольная этим фактом.

– Что тут происходит?

Софья обернулась.

Что-что, учимся мы тут.

– Тетя, доброе утро. Я рада тебя видеть.

Девочки, как по команде, развернулись и склонились в поклонах. Лейла изящно опустила голову. Али, наигрывавший на маленькой флейте, оборвал музыку и поклонился на восточный манер.

Татьяна хлопнула глазами, но сказать ничего не успела. На помощь подоспела кавалерия в лице царевны Анны.

– Сестрица, милая, доброе утро. Как почивалось?

Подхватила Татьяну под руку и повлекла за собой. Софья вздохнула и кивнула Лейле.

– Занимайтесь. Я скоро вернусь.

И направилась вслед за тетками. Девушки проводили ее взглядами, исполненными облегчения. Да, они уважали Софью,

но иногда этот ребенок казался им слишком страшным. Умна не по возрасту – был общий вердикт. И взгляд у нее нехороший.

Но дальше сплетен в опочивальнях это не шло. Будь Софья хоть и чертихой с рогами – она давала им возможность вырваться из замкнутого круга. Не станет ее – не станет и их, кому они там будут нужны? Так что Софья все рассчитала правильно – девочки за нее кому угодно бы горло перегрызли. И после ее ухода занимались не менее усердно, чем с ней.

А Софья тем временем догнала двух царевен.

– …зачем это? Грех ведь?

– Какой грех в том, что девочки османский язык изучают?

– Они же язычники!

– И что с того?

– Они бы еще по-собачьи лаять научились!

– Понадобится – и по-собачьи научимся. Братец наш сколько языков знает? А ведь что франки, что османы…

– Франки в господа нашего Иисуса Христа веруют!

– А как ты османам об истинной вере расскажешь, если двух слов связать не можешь?

Татьяна насупилась. Крыть было нечем, и тут влезла Софья.

– Тетя Таня, а правда, что ты хорошо рисуешь?

Что было, то было. Татьяна вообще была одаренной личностью – будь она портретисткой, цены бы ее картинам не было. Сейчас же ее талант растрачивался зря – она писала иконы, но женщина ведь иконописцем быть не может – грех это. И глупость, так что слова Софьи упали на благодатную почву.

– Хорошо…

Софья внутренне усмехнулась.

– А ты нас не поучишь?

– Кого это – нас?

– Девочек, конечно…

– Иконы писать?

– Да нет, парсуны, цветы, травы – что тебе в голову взбредет! Они ж и не пробовали никогда…

– Мне что – заняться нечем? – вознегодовала Татьяна, но как-то очень неубедительно. Мы можем злиться, ругаться, шипеть, фыркать, но когда речь идет о любимом, о твоем деле, занимаясь которым ты чувствуешь, как поет душа… тут сложно остаться злым и равнодушным. Татьяна и не смогла. – Не хватало мне еще всякое отродье учить!

Только вот убедительности в ее голосе не хватало.

– Так и меня тоже, тетушка…

Софья смотрела чуть лукаво, и так же смотрела Анна. Кажется, она поняла план племянницы. Сначала учить девочек, а

потом и всех, кого понадобится. А изобразительное искусство, оно никому не лишнее. Анна подмигнула девочке и продолжила уговаривать Татьяну, отмахиваясь от заявлений вроде «грех», «невместно мне» и «не бывало на Руси такого…».

Не бывало – станет.

И Анна и Софья понимали, что Татьяна согласится. Молиться целый день да склочничать? Этим она и дома в тереме занималась. А тут вот… если есть возможность попробовать что-то еще – разве не стоит этого сделать? Страшная штука – желание реализовать себя.

* * *

По приезде в Москву Григорий Иванович тут же приказал привести к себе Ивана. Молодой человек явился пред боярские очи и тут же был озадачен – чтоб собираться срочно в Дьяково, к государю-царевичу. Да службу тому сослужить, какую он прикажет. А уж боярин Ивана не забудет, ежели царевич его за это приветит. И деньгами поможет, и хлебом…

Иван, которого дома звали Джонни с простой английской фамилией Томсон, переделанной дикими русскими варварами в «Томский», ломаться не стал. Оно как-то на Руси не принято ломаться, когда член царской фамилии приехать повелевает, а то ведь могут и иначе попросить – и головы не сбережешь.

Да и отец говорил, что ехать надо. От греха…

Помолились, матери все деньги, которые были, оставили и отправились с боярином в путь-дорогу. Отец Ивана, когда-то бывший английским баронетом Ричардом Томсоном, решил, что выхода нет, и они поехали, не зная, чего ожидать.

Ехал – боялся, что царевичу от него понадобилось, но встреча превзошла все его ожидания. Сначала пред царевичевы очи допустили боярина Григория. Но ненадолго.

Царевич сидел там же и так же смотрел спокойно и серьезно, чуть улыбался.

– Поздорову ли, боярин?

Григорий Иванович низко поклонился.

– Государь-царевич, доставил я тебе англичан.

– Благодарю за службу, боярин. Подожди пока, я с ними побеседую…

– Повинуюсь, государь-царевич.

И спокойный взгляд синих глаз, от которого ноги сами к двери несут.

Романовых кровь…

* * *

Вылетел из кабинета боярин быстро, отдуваясь как тюлень и вытирая пот со лба. И кивнул Ивану с Ричардом – мол, заходите.

Те пару шагов сделали внутрь, в поклонах согнулись – и только дверь хлопнула.

– Ваше высочество, – заговорил, как привык, Ричард. – Я счастлив лицезреть…

– Поднимите головы. – Голос был детским, но властным. Англичане послушались.

За столом сидел мальчишка. Самый обычный. Светлые волосы, синие глаза, простая белая рубашка, красный кафтан… необычным было выражение его лица. Спокойное и сосредоточенное.

– Как вас звали в Англии?

– Ричард Томсон, баронет, ваше высочество.

– Джон Томсон, ваше высочество.

– Почему вы уехали из Англии, Ричард?

И вот тут Софья едва не взвыла под столом. Твою же ж!!!

Баронет уехал, когда *казнили короля Карла*!

Да, Софья забила на историю большой гвоздь, но этот факт, благодаря некоему мсье Дюма, был известен всем! И как его казнили, и как в Англии спустя где-то лет десять-двенадцать реставрировалась монархия, и как оттуда бежали все, кому не лень.

Когда казнили Карла?

Одиннадцать лет назад. В тысяча шестьсот сорок девятом году[16].

Из прочитанного когда-то Дюма – пересказанного мужем, сыном, просмотренного в кино – Софья смутно помнила, что Кромвель продержался лет десять, а потом опять восстановили монархию.

«Кромвель умер?!»

Алексей бросил быстрый взгляд вниз и озвучил вопрос, подсказанный сестрой.

Англичане переглянулись, поклонились и сообщили, что да – умер. Не желают ли они вернуться домой?

Желали бы, ваше высочество, но понимают, что возвращаться некуда. Когда-то у них на родине было богатство. Пришлось бежать. Поместье теперь давно в других руках, и концов не найти. Они с королем не были в изгнании, титулу их и тридцати лет нету, так что цена им там невелика. Здесь же кое-какое имущество, привыкли, вросли…

Это в Англии думают, что здесь одни дикари на Руси живут, а

вот как окажешься в Москве златоглавой, как приглядишься – совсем иное оказывается…

Вросли.

Чем занимались?

Да всем помаленьку. Дед вот овцами, шерстью, у отца Ричарда своя мануфактура была, надеялись, что Ричард ее унаследует, а тут вот стало возможным купить титул и клочок земли, много денег туда ушло, потом казнь Карла Стюарта…

Софья не верила своему счастью. Хотя не верила – недолго.

Как ни странно, наверное, это подмечают все, кто что-то делает самостоятельно. Стоит человеку что-то решить и начать да хотя бы просто звонить по объявлениям, как находится все потребное. Лучше всего это выразил Леонид Соловьев в бессмертном «Ходже Насреддине»[17].

Дорогу осилит идущий или хотя бы тот, кто начал делать первые шаги – и тогда она сама уляжется ему под ноги. Вселенная обязательно поможет тому, кто искренне чего-то желает.

Многого ожидали бывшие англичане, но предложение Алексея стало для них неожиданностью.

Царевич желал разводить овец и заниматься шерстью, устраивать мануфактуру и предлагал Ричарду предварительно посмотреть и посчитать, сколько для этого надо, а Ивану, то есть Джону – отправиться ненадолго на родину, закупить там все потребное и вернуться.

А помимо того – навербовать мастеров, которые захотят приехать жить на Руси, работать на царевича – не за спасибо, нет, за хорошие деньги. И если пожелают – пусть едут с семьями. Наверняка ведь найдутся те, что и смогут и захотят…

Деньги?

Дадим.

Казаков с тобой отправим, четыре человека в сопровождение. Семье поможем – ежели пожелаете, можно в Дьяково переехать, почему нет, в Москве-то беспокойно ныне…

И не надо отвечать сразу. Времени у вас – до завтра. Обдумать, решить, переговорить – идите.

Когда дверь плотно закрылась, Алексей выглянул, приказал казакам никого не впускать – и заглянул под стол. Извлек оттуда сестру и принялся помогать ей – у девочки сильно затекла нога, и теперь она ожесточенно ее массировала, чтобы быстрее восстановился кровоток. А вы посидите минут сорок, двигая только рукой с угольком!

– Сонь, а не грех ли это?

– О чем ты, братец?

– Они короля своего свергли, казнили, а мы будем с ними

дело иметь?

Софья сморщила нос.

– Братик, нам специалисты нужны. Мы овец в жизни не разводили, тем более с мануфактурами не имели дело…

– А зачем они нам?

– Шерсть – она всегда полезна. А овца – это и шерсть, и мясо, пасется везде, неприхотлива, глуповата, ну да ладно, нам их не за ум любить. А шерсть – это войска, наши ученики, простые люди…

Алексей пожал плечами.

– Думаешь, от них добру быть? Они на короля руку подняли…

– Ричард ее не поднимал, сам бежал, чтобы не убили… а остальные – Бог им судья, братик.

Алексей наморщил лоб.

– Бог-то Бог…

– Алеша, – Софья смотрела ласково и мягко, – в чем виноват Ричард? Он же там лично не был. Он свою семью спасал. А мы сейчас собираемся помочь простым людям. Знаешь ли, страшно жить во времена перемен. Хоть кого расспроси – помнят время семибоярщины, как нечто кошмарное. Помнят Лжедмитриев, Смуту… ты слышал о них?

Алексей кивнул.

Еще бы ему да не знать, в результате чего Романовы на троне оказались. Рассказывали воспитатели. Только в их изложении это звучало немного иначе – а ведь тоже страшное время было.

Жуткое…

Может, и права сестрица, давая хоть кому приют на Руси? И все же…

– Царское ли это дело – с мануфактурой возиться?

– А со школой, Алешенька? Вот как государем будешь – так и бросишь али отдашь кому. А пока – неужто тебе самому не интересно?

– Теперь их завтра к себе позвать?

– Ага… А чем дальше займемся?

– У меня урок через час…

– Мне тоже скоро к Лейле надо будет. – Софья перевернула большие песочные часы, – Алеша, сыграем пока в слова?

– А давай сыграем…

Кто не знает «виселицу» и «эрудита»? И кто сказал, что в них нельзя играть до реформ письменности?

Очень даже можно. Во всяком случае, Софья с Алексеем играли с огромным удовольствием.

А спустя час получили и согласие от Ричарда и Джона. Не дотерпели англичане до следующего дня – и то сказать, два раза

такое предложение не делают. Отец оставался в Дьякове и принимался за предварительные подсчеты. Джон же отправлялся в Англию. Сначала в Швецию, а уж оттуда, водным путем…

А Софья еще раз задумалась, что нужен России выход к морю, нужен…

Даешь Санкт-Петербург?

Или Санкт-Алексий? Только вот столицу там делать не надо, климат ей никогда не нравился… Вот порт-курорт – другое дело. Белые ночи, луна, озон, романтика, но жить рядом с тектоническим разломом – тяжко.

А еще надо продумать, что дать Джону с собой, как поступить… Он криво ли, косо ли, а будет первым представителем Руси в Англии за несколько лет, так что опозориться не должен.

А еще надо поговорить на эту тему с отцом.

* * *

Алексей Михайлович, как всегда, был рад видеть и сына, и дочь, и сестру.

Татьяна Михайловна не поехала. Во-первых, понимала, что они с братом только поссорятся, во-вторых, ей понравилось остаться старшей на время отъезда.

Ну как старшей… номинально. Титул при ней, но главным все равно оставался Фрол Разин.

Софья сначала недоумевала – почему казаки? Что, никого поближе найти нельзя было? А вот потом до нее дошло.

Бывшие беспризорники были народом своеобразным, и, чтобы справиться с ними, нужны были такие же волки. Казаки как раз такими и были. Но это не главное. Можно, можно было придать Алексею-младшему стрельцов. Но…

Стрельцы были слишком неустойчивой опорой.

Они уже почувствовали вкус царской крови. Опираясь на их копья, всходили на трон, они уже знали, как бунтовать. А еще были слишком тесно завязаны на свое хозяйство, слишком дорожили имеющимся у них, слишком легко боярам было переманить их на свою сторону…

Ох, не просто так Иван Грозный заводил себе опричников. Ему нужна была независимая сила, на которую мог опираться только он. Почему царь поддержал идею сына? Да именно потому, что почуял в ней потенциал. А вот сейчас…

Англия Алексею Михайловичу не нравилась. И именно по той самой причине, которую озвучил царевич. Скажем честно –

Романовы Рюриковичами не были. Больше всего их родство подходило под определение «нашему плотнику троюродный забор». И власть их была пока еще новенькой, блестящей, как фальшивая монетка. Поэтому и любое покушение на царскую или там, королевскую, власть вызывало у Алексея Михайловича неприязнь – и это еще мягко сказано.

– Сын, зачем тебе это нужно?

– Хочу овец разводить.

– Неужто наши в овцах не разберутся?

– А еще, батюшка, англичане корабелы хорошие. Сейчас есть возможность сманить кое-кого…

– Невместно нам говорить с людьми, которые своего короля предали и казнили…

– А мы и не говорим, так, батюшка? Ты вообще о моем самовольстве не знаешь. – Алексей очаровательно улыбался, но сейчас это почти не действовало на отца.

– Ты мой наследник. Соответственно, все, что делаешь ты, делаю и я. Нет моего одобрения.

На контакт с Англией и ввоз оттуда овец и овцеводов, а заодно и специалистов Алексея Михайловича уломать не удалось. Зато и хорошая весть была.

Протопопа Аввакума нашли, и где-то через месяц он со всем семейством будет в Москве, а оттуда и в Дьякове.

Софья порадовалась хотя бы этому. А что до Англии?

Не пускаете в лоб? Все нормальные герои, кто идет, – идут в обход.

* * *

Феодосия Морозова была рада видеть сыночка.

– А оздоровел-то как! Окреп!

Восхищаться было от чего! Уехавший и приехавший ребенок различались, как ночь и день. Уезжал бледный, заморенный молитвами и постами мальчик, вернулся здоровый крепыш.

– Матушка! А как батюшка?

После активного тисканья выяснилось, что батюшка болеет, а брат его, Морозов Борис, царский воспитатель, вообще очень, очень плохо себя чувствует. Анна молится за его здоровье, но, видимо, плохо молится, потому как господь не слышит, а боярин еле дышит.

А еще отец будет рад видеть сыночка…

Глеб Морозов действительно рад был видеть сына. Веселого, красивого, к тому же царевичева друга, что тоже немаловажно. На

такой должности, хоть она и не официальна, взлететь можно высоко, так что Глеб все одобрял. И поощрял сына.

Почто приехал?

Да вот, Алексей решил отца навестить, ну и Ваня решил тоже…

Надолго ли?

Да нет, завтра, как царевна Анна из Кремля поедет, она обещала и сюда за мной заехать…

Это сообщение вызвало панику по дому – и боярыня помчалась готовить все к торжественному приему, оставив сына наедине с отцом, получать мудрые наставления.

Так что на следующий день дорогих гостей приняли со всем блеском и радостью. Феодосия чуть ли не в ноги кланялась, дворня выстроилась, Глеб Иванович потребовал, чтобы его вниз перенесли ради такого случая, Иван и рад уж не был, что сказал, почитай все в доме ночь не спали.

Царевна Анна все это приняла как должное, поблагодарила и сообщила весть, от которой Феодосия и вовсе солнышком засветилась.

Протопоп Аввакум возвращается. И поедет в Дьяково…

Это боярыню порадовало. А вот потом Алексей Алексеевич на полном серьезе поинтересовался у боярина, не желает ли тот помочь доброму делу.

Какому?

Да вот, собираемся на базе Дьяково мануфактуру устроить. Работников, овец и прочее хотим выписать из Англии… не хотите ли в долю?

Хотел ли боярин?

Да не то слово! Только не сам, а сынок Ванечка! Царевич хочет себе игрушку пополам с Ванюшей? Поддержим! Еще как поддержим! И поможем! А кто-то сомневался?

Впрочем, когда перед боярином на стол лег договор, составленный пусть не по всем правилам семнадцатого века, но ничуть не менее закрученный, чем в двадцать первом…

По договору, Алексею принадлежало шестьдесят процентов предприятия, Ивану сорок, с первой прибыли выплачивалось все, внесенное им, а потом уже все делилось, согласно распределению долей. Почему так? Потому что основной пакет акций всегда должен принадлежать государству. А вот управление… Софья вообще планировала со временем все это скинуть на Ивана. Глупо же только тащить деньги из бюджета и ничего туда не вкладывать! А то, что бояре Морозовы оттуда лихо потянули, Софья и не сомневалась. Вот и пусть пока…

Ивана они сами воспитают, воровать не будет! А если

таланты от отца унаследует… ну это мы посмотрим в дальнейшем. Глядишь, еще и министр финансов выйдет неплохой.

Проблема была только в одном.

Порт у Руси был один, совсем один. Архангельск. Не ближний свет. И рада бы Софья сманить из Англии корабелов, но куда их пока приткнуть?

Разве что на Волгу? Но тут тоже надо смотреть… Волга впадает в Каспийское море, но вот насколько она судоходна в это время? Ведь в двадцатом веке там много чего было – каналы, шлюзы… Голова шла кругом от того, сколько надо узнать.

А еще…

Простите, господа османы, но Крым я у вас оттяпаю. Нравится там, не нравится – это ворота в Россию. А потому – извините-подите. Куда?

А вот куда хотите, туда и…

Ладно!

Строить корабли дело долгое.

Сначала для них еще надо лес заготовить, верфи сделать… мало кто знает, что те самые ботики Петра Первого плавали отвратительно, а рассыпались на глазах, ибо сделаны были из сырого дерева. А где у нас лес?

А лесопилки?

А…

Ох, елки!

Дело выходило вовсе неподъемным, но начинать-то надо! А с Крымом что-нибудь еще придумаем.

Глеб Морозов подумал еще над договором, а потом подписал его. Оставалось собрать Джона Томсона в Англию.

* * *

Английский овцевод с простым именем Томас Смит посмотрел в окно. Тоскливо вздохнул.

Самое страшное – жить во времена перемен, а ему выпали именно такие. И дюжины лет не прошло, как казнили короля Карла, а жизнь с каждым днем все хуже. Кромвель с его «железноголовыми» взял власть, но удержать ее не смог. После смерти Оливера остался наследник – Ричард, но он слаб и глуп, а вот что теперь?

Опять вернутся короли?

Поговаривают и о таком. Только вот кто вернется? Карл Второй? Копия своего папаши, который тратил жизнь на гулянки

и пьянки? Который с подачи дружка Бэкингема, ненавидимого всей Англией, торговал титулами и даже ввел новый – баронет, купить который можно было за тысячу фунтов хоть бы и вчерашнему мусорщику?

При Кромвеле можно было спокойно торговать и работать. При Карле же…

Лучше не будет. Отощав за границей в изгнании, Карл постарается отожраться на английских хлебах, в том числе и на таких, как он сам…

Нет, спокойствия тут больше не будет. К тому же…

Томми хорошо работалось при Кромвеле, а Карл, когда придет, начнет задавать простые вопросы. Первый – где взять денег. Второй – почему вы меня не поддержали? И драть будет три шкуры… нет, не верил Томас в королевскую доброту, но и что поделать – не знал. Никак не знал.

Оттого и был грустен и задумчив.

Кто-то уже уехал из Англии, и Томас подозревал, что ему придется сделать то же самое. Сгрести, сколько в горсть поместится, – и деру. Но куда?

В колонии?

Вот уж спасибо, туда вся ссыльная шваль стекается, всю дрянь ссылают, индейцы дикие бегают – и он туда поедет?

Обойдемся.

А куда?

Проблема была в том, что нигде его особенно не ждали. Как ни крути, люди – животные стайные и чужаков нигде не жалуют. Куда ни подайся.

Он будет приезжим, и только внуки его, быть может, получат шанс на достойную жизнь. Даже и в колониях… но туда точно не хотелось.

А куда?

За этим тяжким размышлением и застало его письмо.

Джон, баронет Томсон.

С Джоном они были знакомы давно, очень давно, а точнее – с его отцом, Ричардом. Джонни тогда бегал в коротких штанишках, ну а когда началась вся эта свистопляска – Томсоны уехали. И куда?

В Московию, к этим дикарям! Там, говорят, так холодно, что зимой птицы на лету замерзают!

Ужас!

Но… судя по письму – Джон там не замерз.

Просит его принять? Почему бы и нет…

* * *

Протопоп Аввакум прибыл в Москву со всем семейством, к коему относились жена Анастасия Марковна, а также дети Иван, Агриппина, Прокопий, Корнилий и Аграфена. И отправился прямиком к царю. Точнее, слуги привезли пред царские очи, вот как был – грязным, с дороги, усталым…

Алексей Михайлович принял его добром, пожаловал деньгами и шубой с царского плеча – и отослал… к боярыне Морозовой. А уж оттуда в Дьяково.

Почему так?

А почему бы нет?

Сейчас, если протопоп начнет скандалить и ругаться, он уже в глазах всех будет виноват. Его царь добром принял, к детям своим даже допустил, а он, тварь неблагодарная… черный пиар – это изобретение еще каменного века. Вот пока Аввакум был в Сибири, он был мучеником и героем. А сейчас он приближен к царю, а уж как он себя в ответ покажет – большой вопрос.

Аввакум, не будучи дураком, тоже это понимал. Но шокировал его разговор с боярыней Феодосией.

Та клялась и божилась, что вызвали протопопа по просьбе царевича, что царевич за двуперстие, что он сам не одобряет Никона с его реформами. И вообще – пусть батюшка сам поедет да посмотрит.

Когда?

Да хоть и завтра. Но лучше через три-четыре денька, как отдохнет. Все-таки путь был тяжким. Вера помогает, да, но детей жалко. Пусть передохну́т?

Аввакум согласился. Он-то сам – да, но жену ему было жалко. Любил он свою Анастасию, любил…

Может быть, меньше своей веры, но больше всего остального.

* * *

Дьяково стало для протопопа шоком.

К такому он не привык и такого не ожидал.

Ни мальчишек, которые бодро гоняли по полосе препятствий, ни царевича, который разминался в сторонке, ожидая своей очереди, ни кучи девушек в тереме, ни ласкового приема от царевны Анны, ни неожиданно умных темных глаз четырехлетней Софьи.

Жестких, ярких, изучающих.

– Тетя, дядя хороший?

Картавая речь настолько не вязалась с этим взглядом, что протопоп даже слегка опешил. Царевна Анна улыбнулась девочке.

– Да, дядя хороший. Но он устал с дороги, ему надо в баньку, потом отдохнуть…

– А он ужинать с нами будет?

– Будет, – приняла решение царевна Анна. – Мы ждем вас сегодня вечером, с семьей, в большой горнице?

Аввакум поспешил согласиться, понимая, что происходит что-то неясное. Не ждал он такого, никак не ждал.

Ни любопытных, острых взглядов от девочек-служанок, ни жесткого, почти ненавидящего взгляда от встретившегося Симеона Полоцкого, ни неожиданно приветливой улыбки от царевны Татьяны. И тем более кучки девочек с кусками бересты и угольками, которые что-то рисовали под ее руководством, причем Татьяна, даже не сильно ругаясь, подходила к каждой и показывала что-то, что надо исправить…

Протопоп, конечно, вернулся бы посмотреть. Но… а как?

Не стоит лезть в женские дела, начнешь выяснять – дураком себя выставишь. Единственное, что ему оставалось, – следовать за ключницей в отведенные ему покои и ждать ужина. И пытаться расспросить женщину.

Но тут он наткнулся на жесткое противодействие.

Царевич?

Не мое дело царевича обсуждать, хороший он человек, добрый.

Царевны?

Не мое это дело – царевен обсуждать. Хорошие они люди. Добрые, ласковые, заботливые.

И – все. Весь набор информации. В баньку с дороги пойдете? Хорошо, тогда я сейчас распоряжусь, вы покамест дух переведите с дороги, а я к вам девочку пришлю, как все готово будет. И протопоп с семьей остались в большой горнице.

Аввакум огляделся по сторонам, посмотрел на свою любимую Настеньку…

– Странно тут все, батюшка…

– Очень странно, матушка. Но…

Выводы делать было еще рано, сначала надо хотя бы с царевичем увидеться.

* * *

Софья пыталась изобразить угольком на бересте поставленную Татьяной вазу и размышляла. Получалось у нее откровенно плохо, но зато ей никто не мешал думать. Она подлизывалась к тетке, заодно приглядывала за ней, показывала

своим девочкам, что она с ними, не мешала тетке Анне, которая сегодня разболелась – бывает такое у женщин, а заодно прикидывала приоритеты и была весьма довольна первым впечатлением.

Протопоп был мужчиной очень… своеобразным.

Фанатик?

Безусловно. Не просто верующий, а из тех, которые попросят его к кресту кверху ногами приколотить, чтобы Христа не оскорблять. За веру и в огонь, и в воду. Домашний тиран? Нет, тут такого слова просто нет. Тут принято, что в своей семье мужчина на земле – первый после Бога, для него абсолютное послушание домашних – норма жизни и обыденность. Так что с этой стороны все нормально. А умный?

Вот это еще предстояло установить, чего он больше хочет – стать мучеником за веру или добиться своего? Первое-то несложно, достаточно предоставить ему идти своим путем. А второе?

Софья еще по той жизни помнила староверов – и ведь ничего плохого в них не было! Да, народ своеобразный, да, тяжелый в общении, ну так а вы какими будете на их месте? Зато ни алкоголя, ни табака, ни любви к Европе. Тут определенно есть с чем поработать. И вообще – у России и без того хватает проблем, чтобы еще и междоусобицы начинать раньше времени.

Оставалось поговорить еще раз с Алексеем. Брата она настраивала с того момента, как речь впервые зашла о протопопе, и надеялась сейчас на хороший результат. Лешка был замечательным ребенком. Умный, активный, в меру серьезный и творчески развивающий ее идеи. И самое главное – способный свернуть горы, если ему будет интересно. А об этом уже заботилась она, расписывая прелести скотоводства. Сейчас отец ему впервые не дал получить новую игрушку – и он разозлился. И горы свернет, чтобы она у него была.

А протопоп… есть в нем харизма, а не только харя, как в двадцать первом веке у многих деятелей, есть! Если правильно стыковать его с братцем – это будет великий тандем. Не хуже, чем Никон в свое время с Алексеем Михайловичем. Но на чем погорел Никон – это на власто- и златолюбии. А у Аввакума семья есть. Если еще через них аккуратно влиять – получится очень неплохая комбинация. Тем более при финансовой поддержке боярыни Морозовой…

Взгляд в окно показал, что Алексей и его приятель Ванечка Морозов возвращаются в терем. Усталые, грязные как черти, но довольные.

Софья подняла руку, привлекая к себе внимание тетки

Татьяны, которая поспешила к ней.

– Что, Соня?

– Тетя, мне выйти надо? Можно?

– Конечно. Пусть тебя…

– Не надо меня провожать, я уже взрослая! Я сама справлюсь!

Заявлено было так гордо, что девочки невольно заулыбались. Не сдержала смешок и тетка Татьяна. Она была довольна собой. Будучи по натуре довольно властной, она нашла себя в преподавании – а почему бы нет? В душе каждой женщины живет учитель и воспитатель, просто одни готовы заучить всех окружающих, а другие находят, куда его спустить, – и тогда родня вздыхает с облегчением. Татьяна же сейчас получила почти два десятка девчонок, которых надо было научить рисовать, и ключевым словом тут было «научить». Сначала она пыталась сопротивляться, но чем еще заниматься в Дьяково?

За неделю ей надоели все занятия – и она попробовала сделать первый шаг. Тем более что Софья нагло лезла и спрашивала, когда тетя Таня с ними позанимается, так что вроде бы и поступаться гордостью не пришлось. Опять же Анна вроде бы и не пыталась давить, но сделала так, что Татьяне было совершенно нечем заняться – только молиться и рисовать. А на фоне жуткой занятости Анны ее безделье выглядело еще более утомительным. На фоне всеобщего почтения, с которым обращались к Анне, ласкового «матушка-царевна» в устах слуг, всеобщей любви и уважения.

Одним словом, Татьяна решилась сделать то, о чем ее просили, и сейчас с удивлением обнаруживала, что ей… нравится учить?

Особенно двоих девочек, Марфу и Ксению, которым требовался буквально один намек – и под их руками расцветали незаурядные рисунки. Надо отдать Татьяне должное – она была совершенно не завистлива к чужому таланту.

– Иди, Соня…

Софья выскочила за дверь, промчалась по коридорам, позабыв про всю степенность, и повисла на шее у брата.

– Лешенька!

Ненадолго оторвалась и так же повисла на шее у Ивана Морозова.

– Ванюша!

И с удовольствием оглядела результаты трудов своих. Стоят два крепыша, веселые, загорелые, а что чумазые – ну и что? Зато ничем не болеют, какое там свинцовое отравление! У обоих улыбки до ушей, оба рады ее видеть, Ваня аж светится.

– Сонюшка, случилось что?

– Протопоп Аввакум приехал! Вот!

Иван машинально перекрестился. Двумя перстами, как привык. Соня едва не фыркнула. Нет, боярыня Морозова, хоть и из лучших побуждений, совершенно замордовала мальчишку. Сколько еще усилий понадобится, чтобы он стал похож на человека?

– Я возок видел…

– Ну да. Лешенька, ты не очень занят?

– Мы сейчас к Симеону собирались…

Софья вцепилась в руку брата.

– Лешенька, пожалуйста… подождет Симеон!

– Ладно, Сонюшка. Вань, ты один сходишь?

– А с вами можно?

Софья прикусила губу, а потом кивнула. Почему бы нет? Двое лучше, чем один. Да и Симеон…

Товарищ Полоцкий беспокоил ее все больше, напоминая росянку. Большую такую, красивую…

Нет, детей-то он любил, безусловно. И талантлив был, стихи сам сочинял, хотя у привыкшей к краткости и конкретности Софьи они вызывали только нервный смешок и желание их спародировать. А вот в остальном…

Медленно, исподволь, он старался внушить Алексею чувство собственного превосходства, уверенность в своей непогрешимости. А еще – рассказывал о красотах Европы, о ее просвещенности, о том, как проигрывает рядом с ней Русь…

Ребенок это просчитать не смог бы. А вот Софья с позиций циничного века, привыкшего анализировать информацию, собирать ее по крупинкам, искать второе и третье дно – она видела. Но покамест молчала. Она отлично понимала свое положение. Если сейчас Симеон примется стучать на нее царю – как бы мерзко это ни звучало, – она может потерять все. Если царь удалит ее отсюда, все развалится, словно карточный домик, ведь только она знает, как и что надо делать. А ведь может, может… это просто неожиданность заставила отца дать разрешение. И тетка Анна. Но все держится на внешней благопристойности. А вот если пойдут слухи, а Симеон может, Алексей Михайлович им искренне восхищается… ну так ведь его и Морозов воспитывал в прозападном духе. А вот Софье требовался царь, который не будет оглядываться на «высококультурную» Европу, ей нужен был царь, который будет работать.

Почему так?

Она уже задавалась вопросом, зачем ей это надо. И ответ нашелся достаточно быстро.

Здесь у нее площадка для старта и реактивного взлета, в ее распоряжении громадные ресурсы, она может многое, если не споткнется. Где-то в другом месте она очутится за плинтусом и в роли таракана. Отсюда вывод. Алешка должен стать царем, о котором будут говорить с восхищением все русские. А она… а она станет при нем кардиналом Ришелье. Хотя пример и не совсем верен, в конце концов, Ришелье правил *вместо* Людовика, а она хотела править *вместе* с Алексеем.

И команду надо набирать уже сейчас.

– Идем, Ванечка…

А следующие два часа прошли в игре. А как еще заставить ребенка сделать то, что тебе надо?

Да только играя. Роль протопопа разыгрывали то Софья – уморительно важная в мантии из одеяла, то Ваня, то сам Алексей – и все чаще находились удачные фразы. Под конец все трое досмеялись до колик, но стратегия была разработана – и компания разошлась. Иван и Алексей к себе, мыться и переодеваться, Софья к тетке Татьяне, извиняться за свое отсутствие. А то как же?

Хочешь мира?

Прогнись в малом и отыграй свое в большом.

Татьяна, узнав о том, что Софья по дороге встретила Алексея и Ванечку, простила племянницу. Только погладила ее по темным волосам.

– Тяжко тебе будет, маленькая…

– Как тебе, да, тетя?

Татьяна только вздохнула. Она уже давно не сердилась на малявку. Это в тереме, когда некуда толкнуться, все события раздуваются до размеров слона. А когда у тебя куча дел, когда жизнь горит вокруг яркими красками – да разве тут вспомнишь такую мелочь, как детский скандал?

Да и не злопамятна она была…

– И мне тоже…

– Ты плидесь на узин?

– Приду, приду…

Софья улетучилась с довольной улыбкой.

Сейчас, до ужина, им надо переодеться, а еще… она будет раньше всех у Лешкиных покоев и внутри их. Ей надо отсечь Симеона, который, зараза, трется там так, словно ему медом намазано.

Попала она вовремя. Симеон столкнулся с ней в коридоре – и Софья тут же повисла у него на шее с радостным воплем. А то как же!

Хочешь помешать человеку – сделай это эффективно. Это в

американских боевичках проходят штучки вроде мадагаскарских тараканов в супе и хлопушек в трусах, в обычной жизни это глупости. Надо действовать аккуратно и с умом, а для того – быть как можно ближе к человеку. Софья тут же вцепилась в доброго дядю и потребовала сказку. И вообще – на ручки. А в идеале – и не отлепляться от него весь вечер. Может быть, в душе Симеон и ругался злыми словами, а может, и нет. Царевна ведь, к тому же брат ее любит. Растить прозападников из одного ребенка или из двух разница невелика, дети-то рядом. Тем более ребенок сам идет в сети… ну-ну.

Так что девочку перекрестили, благословили и даже взяли на ручки. И принялись рассказывать об очередной святой, о которой Софья слушала вполуха. Раздражали ее эти дамы и господа. Нет, некоторые-то святые, безусловно, полезные и правильные, но! Они – жили и при жизни делали много хорошего и полезного. А вот если человек при жизни просто был благочестив, а потом умер мученической смертью – много таких погибает в каждой войне. Начиная, кстати, с Архимеда. А его не причислили…

Софья, конечно, жалела об отсутствии жвачки – закатать товарищу в волосы, чтобы его наголо побрили, но слишком уж мелкая диверсия получается. Хотя… где-то она читала, как мудреца обрили, и стало ясно, что он – плут и сволочь, просто под бородой и чалмой прятался. Гримировался.

К Алексею попасть не удалось. Товарищ Полоцкий собирался было вместе с Софьей, но если ребенок требует, верещит и цепляется за тебя, к тому же он царской крови – пришлось плюнуть и смириться. И ужин, как ни странно, прошел спокойно.

Протопоп пока помалкивал, пытаясь определить, кто его окружает, жена и дети его тоже молчали, Симеон пытался что-то сказать, но Софья засыпала его вопросами быстрее, чем он успевал открыть рот для ответов. Алексей же на Симеона внимания не обращал. Не повезло товарищу. Если бы он появился в тереме, когда Алексей был там заперт, как в клетке, конечно, ему было бы легко. А тут – поди, приручи мальчишку, который то туда несется, то сюда бежит, да еще и дома его постоянно отвлекают.

Вот и сейчас Алексей свободно болтал то с царевной Анной, то с другом Ванюшей, вставляла свои пять копеек и царевна Татьяна – всем было хорошо. Основной спектакль начался вечером. Алексей отложил салфетку (да, Софья предложила ими пользоваться, и царевна Анна ее поддержала) и кивнул протопопу.

– Батюшка, вы не уделите мне немного вашего внимания?

Симеон было дернулся, но Софья тут же вцепилась в него с

какой-то ахинеей, а Аввакум, не обратив на него внимания, тоже вытер рот – и кивнул Алексею. Мол, все для вас, царевич. Ведите…

И они отправились в кабинет.

Софья дала бы остричь свой крысиный хвостик (зародыш будущей косы) под корень, лишь бы послушать, как все пройдет. Или вообще помочь, как с боярином. Но приходилось сидеть и ждать. Ладно, Лешка ребенок умный, умный, умный, я сказала!

* * *

В кабинете Алексей опустился в кресло, сделал протопопу приглашающий жест.

– Я рад вас видеть. Надеюсь, ваша дорога была не слишком тяжелой?

– Не след роптать на Бога за свой крест, – произнес мужчина значительно. Алексей кивнул. И перекрестился – двумя пальцами.

Аввакум воззрился на это, как баран на новые ворота. Но сказать ничего не успел. Тут было возможно несколько реакций, и чем угадывать все – проще было направить разговор в нужное русло.

– Крест нам посылается по мерке нашей, и наш удел не просто поднять его, но и понять.

Вот тут протопоп провис. Понимать кресты ему ранее не предлагали. А Алексей, творчески развивая домашнюю заготовку, выдержал паузу – и продолжил.

– Вот, например, тяжкий крест – мученичество принять за веру свою, почетный, великий, – Аввакум едва не принялся кивать при каждом слове, – но ежели при том другие будут ввергнуты в геенну огненную, не ты ли будешь за них в ответе?

Недоумение.

– Смерть не означает ни победы, ни поражения. И все же долг твой, как пастыря, не просто пострадать за веру свою, но указать правильный путь своей пастве, разве не так?

Полное согласие. И опять непонимание, вроде бы смерть – тоже путь, вон, Христа вспомнить – принял же он мученичество за всех людей. А тут-то что к чему?

Нет, если бы ребенок беседовал по-детски, Аввакум мог бы пропустить его слова мимо ушей или поспорить. Но то, что он говорил, было созвучно мыслям протопопа. А когда соглашаешься, спорить и ругаться уже ни к чему, когда с тобой согласны – проповедовать тоже не получается, а вот понять, чего от тебя хотят…

Так что, здоровый мужик, получается, глупее отрока, недавно из пеленок вылезшего? Даже с учетом богоданности царской власти – все равно неприятно чувствовать себя глупее или несдержаннее мальчишки.

– Ежели считаешь ты, что путь твой – терновый венец, я не буду удерживать тебя. Но коли хочешь ты помочь тем, кто без твоего путеводного огня свернет в трясину заблуждений и греха, ежели готов ты служить Богу по-настоящему, нет ли пути достойнее, хотя во много раз труднее он и грязнее? Поразмысли над этим.

И вот тут Аввакум окончательно выпал в осадок. Чтобы ребенок так говорил?

Летающие свиньи, синие козы и говорящие деревья – полностью альтернативная реальность. Ну НЕ БЫВАЕТ такого! НЕ БЫВАЕТ! А Алексей дружески кивнул мужчине.

– Я тебя оставлю покамест. Поразмысли. Живи в тереме, посмотри, что мы делаем и как все делается, но не спеши судить. Я надеюсь, что мы еще поговорим и постараемся вместе найти истину.

И вышел.

Протопоп его и задержать не пытался – куда там? Он был умен, безусловно и несомненно, но к чему он готовился?

Что его будут переубеждать, что будут давить, требовать, преследовать, но вместо этого ему предложили подумать. Согласились с его взглядами и попросили подумать не о себе, но о людях. И кто?

Ребенок!

Одним словом, бедняге так сильно сбили стереотипы и настройку, что ему предстояло подгружать их вновь – и не обязательно с тем же результатом. Уж об этом Софья собиралась позаботиться.

Да, фанатик, да одержимый, но не до конца ведь! И семья у него есть, дети, жена – есть рычаги воздействия. И пожалуйста, не надо про всякие шантажи и прочие грубые методы воздействия!

Просто аккуратное перепрограммирование, чтобы из мучеников получились достойные члены общества. Даже священник священнику рознь. Есть герои, которые от церкви водкой торгуют, а есть Феликс Войно-Ясенецкий. И ни один атеист не посмеет назвать последнего недостойным.

А царевич тем временем удрал обратно в столовую и на полдороге наткнулся на Софью, которая, прикинув нужное время, оставила порядком обслюнявленного Симеона – не удержалась от мелкой пакости! – и теперь двигалась к брату, поинтересоваться, что и как.

– Сонька, ты чудо!

Сияющие глаза брата сказали все лучше всяких слов. Если бы он выбился из образа, отошел от канвы – протопопа ему бы удивить не удалось. И не сиял бы он так.

Будем расспрашивать, хвалить, гладить и чесать за ушком, а то как же. Ей еще протопопа на священную войну настраивать.

Софья вообще злилась от невозможности действовать самостоятельно. Ей бы саблю, да коня, да на линию огня…[18]

А вместо этого иногда напоминаешь себе противную паучиху. Фу!

* * *

– Отрок, поди-ка сюда?

Васька как раз одолел страницу из Псалтыря и перевел дух. Учеба ему давалась сейчас легко, но заниматься ему все равно хотелось в одиночестве. Вот и удрал с книжкой за поленницу, чтобы никто не видел. А тут…

Мужчина, который его окликнул, был немолод, лет пятидесяти, а то и больше, бородат и волосат, но осанка у него была поистине царская, простая монашеская одежда ниспадала с его плеч подобно дорогой мантии, темные глаза горели двумя угольями.

– Слушаю тебя, отче?

Васька слез и предстал перед протопоповы очи без особой робости, но и с вежливостью. Это им в школе уже успели вдолбить, царевич лично сказал в первый же день, да и потом повторял.

Они – воины, будущие защитники Руси великой. Их долг врага грудью встретить, а долг остальных перед ними – уважать это право, раз уж сами кровь не льют. И ведь верили мальчишки. А как тут не поверить, когда то же и казаки твердили, и о порядках на Дону рассказывали, да и первого же холопа, кто осмелился сплетни заугольные распускать, тут же вышвырнули – остальные мигом приутихли. Васька подумал и чуть склонил голову.

– Благослови, отче.

И внутренне усмехнулся, когда его перекрестили двумя перстами. Вот оно как… ну, царевичу виднее. Васька шмыгнул носом и тоже перекрестился двоеперстно. Лицо мужчины помягчело.

– Что читаешь, отрок?

Васька предъявил Псалтырь, который мужчина осторожно

взял в руки.

– Ты грамоте учен?

– Так все мы тут грамоте учены. Воин, который грамоте не знает и за себя постоять не сумеет, его кто хошь вокруг пальца обведет. – Васька повторил слова царевича, и они явно пришлись мужчине по сердцу.

– А чему вас тут еще учат?

– Боевым хитростям разным, про оружие рассказывают, про разные страны. В игры играть учат, чтобы голова у нас лучше работала. Чтению-письму и счету, языкам иноземным.

– А в церковь ходите ли?

– Три раза в неделю. – Васька даже удивился такому вопросу. А то как же не ходить? – Все ходим, и царевич, и царевны ходят, только на них и глазом глянуть не удается. А говорят, они красавицы!

Аввакум чуть улыбнулся такому детскому рассуждению мальчишки.

– А креститесь вы все двумя перстами?

– Кто так, а кто и тремя. – Васька еще раз хлюпнул носом, достал платок и утер его. – Царевич тут никого не учит. Говорит, что у кажного… каждого… свой путь к Богу.

У мужика стало удивленное лицо, и Васька на миг задумался – правильно ли он об этом говорит. Но тем не менее.

– И не заставляют вас ересь никонианскую слушать?

Васька даже задумался, что это за ересь. Он-то от раскола был так же далек, как лягушка от квантовой химии – к чему ему? Но потом понял.

– Царевич добрый. У нас никого не заставляют, мы сами учимся. Это же нам нужно, не царевичу.

– А ты хочешь воином стать?

Васька пожал плечами. С некоторых пор он отчетливо понимал, что ему интереснее не война, а учеба. Вот книжки – это да, это интересно… языки, опять же, иноземные ему легко даются, но покамест ему ничего другого не предлагали – значит, будем служить. Опять же, казаки всю жизнь воюют и не жалуются, а ему и вовсе грех ругаться. Чай, не под забором зимой подыхать, а честно голову за Русь-матушку сложить.

Протопоп еще долго расспрашивал Ваську то об одном, то о другом, потом Васька узнал, что он и к другим мальчишкам так же подходил. Молчал, слушал…

А чего ему надо?

Зачем надо?

Бог его знает! Лично у Васьки были дела и поинтереснее, чем думать, что там у кого в голове варится! Вот математика – это да-

а-а-а…. сила!

* * *

Вторая беседа с протопопом состоялась еще через неделю – и к ней готовились уже и Алексей и Ванечка. Софья решила, что лучше пустить в атаку обоих мальчишек и все это время вкладывала им в голову свое видение ситуации. Но мальчишки ее радовали. Они развлекались, но проглядывало в них что-то такое, уже не совсем детское. Софья размышляла над этим какое-то время, а потом поняла, как одним прыжком в ледяную воду.

В двадцать первом веке хватает тех, кто взрослеет рано. Но хватает и тех, кто вообще не взрослеет. Создали родители тепличные условия чадушке, а потом удивляются – а чего это оно такое тупое да инфантильное выросло? Сплошные пьянки-гулянки на уме! А вот потому и…

Чего ему думать головой, когда за него все уже и подумали, и решили, и сделали, и коврик подстелили? Не понимают родители простой истины – они не вечны, а коврик рано или поздно свернут.

Вот и она совершила эту ошибку. Но сейчас она сделает все, чтобы ее не повторить. Софья наблюдала за бродящим по школе протопопом, который выглядел откровенно ушибленным и не пытался что-то обличать и воевать, и откровенно усмехалась. Она надавила на нужные клавиши. Умен мужик, что есть – то есть. И вечный бунтарь, знает она эту породу. Танки бы делать из этих людей – в мире не будет державы сильней. Увы, до технологии танков еще лет двести пятьдесят грести лапками. И помочь ей в этом должен как раз протопоп. Софья отлично знала, куда его надо приспособить.

Во-первых, у нее тут шляется иностранный засланец. Неважно, что он монах и поэт, говорят, такими делами и Шекспир не брезговал. А значит – с ним надо бороться.

Во-вторых, вспоминая лирический пример попа Гапона… Софья собиралась ввести новую касту – армейские священники. А почему нет? Безусловно, они ходят в походы, но сейчас – по призванию души, а вот если по работе? И заодно сформировать из его подопечных медкорпус. Не доросли тут до девочек-медсестер, да и не стоит так ломать стереотипы. А вот монахи, которые лечат раненого и параллельно молятся за него, а если что – то и боевой дух поднять смогут…

Почему бы не попробовать?

Аввакум – человек идеи; если он начнет что-то делать – он

всю душу в это вложит. А вот уговорить его делать – ее задача.

А еще…

Он отличный мужик, но подпускать его к высшим эшелонам власти нельзя. Никак. Пока не поумнеет хотя бы. Вопрос в том, что раскол Софью никак не устраивал.

Она сильно подозревала, что Богу параллельно, как к нему обращаются, но если уж люди из-за этого собачатся, грех не воспользоваться в своих интересах, верно?

Если найти нечто среднее… Никон, как Софья уже поняла, перекроил все под греческий канон. А надо ли нам туда? И кто канон-то кроил? Поименно перечислить?

Один грек Арсений, который шлялся то в Польше, то еще где и в том числе успел принять и мусульманство – чего стоил! С чего бы товарищу так воспылать к Руси, чтобы тут все правильно и чинно делать? Как Аввакума ни ругай, но он-то за Русь душой болеет. А за кого грек? Ох, не по Сеньке шапку дали! А Никон уперся бараном. Вопрос – что там направили-то? Не надо ли товарищам сделать карательную работу над ошибками?

Кто там еще?

Епифаний Славинецкий – клинический грекофил и человек, отрешенный от мирского, Арсений Сатановский, который по-гречески и алфавита-то не знал, Данила Птицын – вообще величина неизвестная. Ну и итог?[19]

Нельзя, нельзя подпускать таких отрешенных товарищей писать законы и правила. Жить-то им среди людей! И людям жить по их законам. А что там сказано про бумаги и овраги?

От благих намерений такого наворотят, что хоть в тот овраг кидайся…

Одним словом, Софья не одобряла и понимала, что если они не хотят раскола, то уже им с Алексеем что-то надо делать, а то как же? И поэтому им нужны сторонники в обоих враждующих лагерях. Нечего русским между собой грызться, внешних врагов хоть ложкой ешь!

И она не давила на Аввакума, она ждала – и была вознаграждена. Когда протопоп пришел опять в кабинет к царевичу, выглядел он задумчивым, а это при его нраве и характере было серьезно. Не обличать рвется – понять и подумать.

– Поздорову ли, государь-царевич? Ванюша?

Да, Ваня тоже был в кабинете, хотя в разговор и не лез, стоял за креслом.

– Благодарствую, все благополучно. А ты как, Аввакум Петрович? Как жена, детки?

– Благодарствую, Анастасия Марковна здорова, дети так же…

– Старший твой интересовался, нельзя ли ему вместе с остальными, – вставил свое Иван. – Но государь-царевич покамест ответил, что во всем твоя воля.

Это было чистой правдой. Интересовался Иван у одного из казаков, но тот сказал сначала поговорить с отцом, а уж потом…

– Благодарствую, государь.

Разговор затих. Алексей молчал, ожидая. Сейчас давить было нельзя, пусть сам раскроется. Хотя не так уж много было путей, которыми мог пойти разговор.

– Государь-царевич, походил я по школе, с людьми поговорил… уж не прогневайся. Вопрос задать хочу… зачем тебе это все?

Вот этот вопрос Софья предполагала – и ответ на него давно был готов. Алексей улыбнулся.

– Да на что ж тут гневаться? Твоя правда, не просто так я это затеял. Сам видишь, что в школе моей детей и воевать учат, и грамоте, и прочим наукам. Хочу я, чтобы никто не мог нас вкруг пальца обвести. Вот, как с книгами церковными… ведь перевернули все, что можно, в угоду тем, кому недолго жить осталось. Разве нет?

Вот тут Аввакум был полностью согласен. Нашли на кого равняться – на греков, которые уж невесть сколько под турок прогнуты! Тьфу, нехристи! На Византию, которая не то что с головы – она по всему периметру прогнила! И провонять успела!

– Не по нраву тебе это, государь?

– Отцу моему по нраву, а супротив него я никогда пойти не смогу. Это против всех законов божеских и человеческих.

Это Софья обязана была вставить. Дай только людям надежду, только ляпни намек – тут же не донесут, так народ поднимут! Нет уж, бунтовать – так по своей воле, а не по чужой дури!

Аввакум приуныл. Сам бунтарь по натуре и человек неистовый, он ожидал того же и от окружающих. Пусть подсознательно, но было же? А тут такое заявление, что отец приговорил…

И ведь не поспоришь, против отца идти – мерзко.

– А мне вот не по нраву. И поэтому долг мой – вырастить тех, кто сможет отсечь пораженные ветви и сохранить наш канон в истинном благочестии.

Вот тут протопопа как плетью стегнули. Выпрямился, посмотрел неверящими глазами. И Алексей добил, мило улыбаясь:

– И хотел бы я, чтобы ты их учил, как и детей своих. Легко принять мученический венец, но оставить тех, кто знает, как

правильно и как надо, кто разбирается и может осветить дорогу заблудшим, – тоже почетно. Или хотя бы посоветуй мне, кто сможет помочь на этом трудном пути, ежели ты его со мной разделить не захочешь.

Аввакум встрепенулся, но Алексей поднял руку.

– Не надо. И опять я прошу тебя не отвечать сейчас. Подумай, под силу ли это тебе, с Ванюшей вот поговори, решение ведь это не из легких, оно всю душу вырвет… Мы ведь апостолам благодарны не только за мученическую их смерть, но и за то, что они учили, писали для нас, за собой вели… Подумай. Не спеши. Это тяжкий крест…

Не отнесся бы протопоп серьезно к словам обычного мальчишки, никак не отнесся. Но видя пред собой школу, но видя на мальчишке венец царевича…

Это определенно придавало авторитета словам Алексея. А учитывая, как Софья спланировала вбросы информации…

Шансы удрать на мученический и бунтовской подвиг у него пока оставались. Но уже намного меньше, чем две недели назад.

* * *

Анастасия Марковна, любимая и любящая жена протопопа, также недолго оставалась вне зоны внимания Софьи. Не прошло и четырех дней, как к ней в гости явилась науськанная Марфа. А кого еще посылать? Царевен? Простите, не по чину. Вот станет приближенной или хотя бы какое-то доверие заслужит, тогда с ней можно и поговорить. А пока: «царевич умный, он лучше знает». Эта присказка и звучала, когда Анастасия пыталась что-либо выяснить. Все всё знали лучше, вот только говорить никто не спешил. Заниматься чем-то?

Простите, не велено.

Муж весь в раздумьях, ходит темнее тучи, мыслями пока не делится. Что ему такого сказал царевич – бог весть, а только тяжко оно на душу легло. Софья бы добавила, что ломка стереотипов у убежденного бобра-правдоруба даром не проходит. Дети же…

Да разве удержишь детей в горнице, когда кругом столько всего интересного? Когда такие же дети бегают и чем-то интересным занимаются, а их никто не принимает? Оставалось только молиться, поскольку даже к вышиванию бедную тетку никто не подпустил. Мол, вы тут гостья, так что сидите сложа ручки. А Анастасия в жизни так не сидела и не представляла, как это может выглядеть. И мысли в голову лезли тяжкие…

Поэтому визит Марфы пришелся ко двору. Ушлая кормилица привела с собой девушек, которые сноровисто расставили на столе чай с печеньем, захлопотали, собирая стол, а потом ушли. И Марфа приступила к расспросам.

Она была умна и видела, что происходит. Но в том-то и дело, что она изначально была – Софьина, а теперь и подавно. Будет царевна при царевиче и при царском благоволении, будет и у Марфы все хорошо. А нет… так на нет и добра нет.

Поэтому, когда царевна Анна попросила Марфу поговорить с женщиной, кормилица все поняла правильно и принялась действовать.

– Поздорову ли, матушка Анастасия?

– Благодарствую, все благополучно. А…

– Марфа я, Кузьмина. Софьюшки нашей, царевны, кормилица.

Анастасия робко улыбнулась. Что говорить, что спрашивать – она пока не знала и поэтому все в свои руки взяла Марфа. Разлила душистый чаек, захлопотала…[20]

– Тяжко вам, наверное, здесь…

– Я не ропщу, крест мой таков.

– Господу виднее, кто какой крест поднимет.

Женщины перекрестились, причем Анастасия двуперстно, а Марфа – троеперстно и, поймав осуждающий взгляд, покачала головой.

– Это здесь привольнее, а в царском-то тереме только попробуй хоть словечко противу Никона сказать али что еще – мигом за ворота вылетишь. А у меня семья, дети… слаб человек. Грешен.

– Дети?

Разговор тут же зашел на вечную тему. Кто, сколько, кто болел, кто умер, кто остался, у кого какие таланты – эти разговоры не менялись с тех пор, как был придуман институт материнства. И тут уж женщинам ничего не помешало – ни вера, ни статус, ни даже закончившийся чай.

Наконец, чуть наговорившись, Марфа перешла к делу.

– Я к чему говорю-то… останетесь вы здесь али нет? Не ясно пока?

– Как муж скажет…

– А то нам бы старших твоих к делу пристроить, что ж они слоняются без дела? Да и им бы читать-писать научиться, чай, негде было?

Анастасия Марковна только вздохнула.

А вы поживите с мужем-правдолюбом, да еще таким упертым. Тут крутишься с утра до ночи, а он то в подвале, то в ссылке, то еще где, а родня далеко, и денег нет… какое тут учение?

Были бы живы-здоровы!

– Вот. А тут – ходят они без дела, а это ни к чему. Не поговорила бы ты с мужем, матушка? Покамест вы здесь, пусть детям разрешит поучиться? Он ведь тоже приглядывается, что да как, знает, что ничему плохому мы не научим…

Анастасия Марковна вздохнула и согласилась. Поговорить-то можно, язык не отвалится.

И к ее удивлению, протопоп дал разрешение, а уж как счастливы были дети, включая и самых маленьких!

* * *

Аввакум молился.

Истово, вкладывая в это нехитрое действие всю душу.

– Отче наш, иже еси…

В душе протопопа царило нешуточное смятение.

Все было не так, все было неправильно, мир рушился у него

на глазах, и зацепиться за что-то не удавалось. Никак не удавалось…

То, что было раньше, – оно понятно.

Никон, друг заклятый, грекам поддался, веру кроить начал – страшно, да обыденно. И царь, который друга своего послушал – и его, протопопа, в ссылку загнал, – тоже все понятно.

И воевода, с которым были разногласия, да такие, что и вспоминать страшно, чудом тогда не умер, – тоже.

И даже возвращение из ссылки – все, все было понятно.

Но то, что происходило сейчас?!

Как?!

Эта… школа!

Царевич собрал с улицы детей, которым идти некуда, заботится о них, учит, да и сам с ними учится!

Где такое бывало?!

А зачем здесь он?!

Аввакум ждал многого, что его будут уговаривать, переубеждать, заставлять… он не ждал спокойных слов мальчишки «подумай… других за собой поведешь – куда?!». Он не знал, чего ждать дальше.

Он – не знал. И это было по-настоящему мучительно. Раньше-то все было просто. Черное – белое, друг – враг, вперед и с песней! А сейчас?

Разговор с царевичем, да и его нынешнее бытие ввергали мужчину в область полутонов, где все было размыто и не было ориентиров. И как жить в этом мире – он не знал. Молитва успокоения не приносила…

Наконец мужчина поднялся с колен и собрался уже было уходить, как…

– Тяжко…

В дверях стояла девочка.

Простая белая рубашка, темные волосы разметались по плечам, взгляд темных глаз непривычно серьезен. Она не спрашивала, она смотрела куда-то вглубь, Аввакум даже не сразу узнал ее.

– Государыня Софья?

Девочка вздохнула. Прошла в храм, чуть шлепая пятками по доскам, посмотрела на икону Божьей Матери.

– Она говорила, что тяжко будет, только я не думала, что так.

– Она?

– Она хорошая и добрая, просто грустная. И ей больно за нас всех. Правда, страшно, когда дети друг друга понять не могут?

Протопоп растерянно кивнул. Страшно? Еще как…

Только вот от этого разговора еще страшнее. Не будь они в

храме – нечистью бы посчитал царевну. Только вот стоит девочка пред иконой, смотрит, крестится двумя пальцами, как положено – и не развеивается с диким криком, не горит… Святой воды пальчиками касается – и спокойна.

– И матери от этого больно. Царь в одну сторону тянет, ты в другую потянешь, а понять друг друга и поговорить вы не можете, никак не можете. И за тобой люди пойти могут, и за ним людей поведут, а потом брат на брата встанет, а радости от этого только врагам прибудет.

– Государыня?

Темные глаза сверкнули так, что протопопу даже жарко стало.

– Никто тебя неволить не будет. Захочешь остаться – останешься. Нет – уйдешь, воля твоя. Только один ты в поле не воин. Здесь же есть у тебя возможность помощников себе вырастить. Тех, кто знамя твое поднимет, кто слово твое далее понесет. Цари не вечны, только Царь небесный пребудет вовеки. Думай, где ты больше пользы принесешь – в ссылке, в которую тебя царь вернет, али рядом с царевичем да и мальчишками, коих воспитать можно, объяснить, научить… Хорошо думай, Аввакум, потому что сейчас за тобой Русь стоит православная. Сам упадешь – не беда, беда, что других за собой потянешь…

Речь девочки становилась все бессвязнее, на губах появилась пена.

– …сто лет пройдет – за веру старую жечь будут. Двести лет пройдет – те, кто истинно верит, сами гореть будут. Триста лет пройдет – и веры не будет, забудут ее, как и не было. Четыреста лет пройдет – и приидет царствие антихристово, вера как лопата станет, будут ей души вскапывать да золотой урожай собирать, а о спасении тех душ и дела никому не будет… выбирай, отче. Сейчас выбирай, чтобы потом не случилось такого…

Глаза девочки расширились, по губам текла пена, она упала на колени, но что-то пыталась еще говорить…

– Огонь и кровь за тобой стоят. Куда ни пойдешь – за собой поведешь, только направо люди пойдут зрячими, а налево – слепыми. И кровь польется, алая, православная… НЕТ!!!!

Последний крик сотряс детское тело – и Софья упала на пол. Замерла там, как маленький зверек, съежилась.

Аввакум опустился рядом на колени, первым делом перекрестил царевну, но той, что крестное знамение, что гром небесный, сейчас были одинаковы.

– Нет, нет, нет…

Детское тело била крупная дрожь. Аввакум коснулся темных прядей, потом вздохнул и поднял девочку на руки. Взгляд темных

глаз был застывшим и невидящим.

– Нет, нет, нет…

Что же она сейчас видела?

Десять минут понадобилось протопопу, чтобы вломиться в царевнины покои, растолкать служанок и сдать девочку им с рук на руки. Сам же он остался за дверью, чтобы спустя двадцать минут услышать от девчонки-служанки:

– Горячим вином ее напоили, с травами. Уснула.

Аввакум кивнул и пошел к себе.

Ни на минуту он не усомнился в словах малолетней провидицы. Бывало такое, бывало – он сам слыхал.

Нечистый?

Нет, в храм ему доступа нет.

Значит, за ним выбор. А вот какой? Но почему-то казалось мужчине, что уйти он отсюда не сможет…

* * *

На следующий день Софья из светлицы не вышла. А Алексей Алексеевич, навестивший сестренку, сообщил Аввакуму, что все с ней в порядке. Отлежится – успокоится, не в первый раз. На просьбу же о встрече ответил согласием, но ближе к вечеру.

Вот после вечерни Аввакум и пошел к молодой царевне.

Девочка лежала в постели, водила пальчиком по строчкам Псалтыря.

– Читаешь, чадо?

– Да, отче.

– Как ты чувствуешь себя?

– Хорошо, благодарствую. Мне Марфа сказала, что вечор я в храме упала…

– А ты не помнишь?

Софья покачала головой.

– Ты в храм пришла, помолиться, верно, потом меня увидела…

Детские глаза были абсолютно прозрачны и невинны. Она просто не помнила. Аввакум бился с ней еще минут десять, но потом махнул рукой и отступился. Действительно, откуда ребенку помнить такое? Да и к лучшему, ежели не помнит.

Протопопу надо было серьезно обдумать свои дальнейшие шаги. Так что он попрощался с девочкой, благословил ее напоследок и ушел, думая о своих дальнейших планах.

Впрочем, если бы он увидел девочку спустя десять минут, его уверенность в себе точно поколебалась бы. Софья отложила

книгу, от души потянулась и вылезла из кровати. А потом спокойно, как была, прошлепала в покои к Алексею. А кому тут ее корить?

Слуги?

Те смолчат, коли жизнь дорога. Марфа разве что, но кормилица на сегодня отпросилась – и хорошо. Пусть погуляет.

– Все в порядке?

Царевич тоже не спал, ожидая сестру.

– Если он не попросит разрешения остаться – зови меня крокодилой, – ухмыльнулась Софья.

– А кто это?

– Зверь заморский. Рассказать?

– Расскажи…

– Ладно. А ты Аввакуму вот что скажи…

Софья рассказывала сказку, попутно объясняя Алексею, что надо сделать, и довольно улыбалась. Сыграть эпилептика она не смогла бы. Но чуть мыла в рот – гадость!!! – и чистая правда, сказанная ею, привела товарища в надлежащее состояние. Теперь еще раз объяснить все брату – и у нее появляется первый союзник.

Свою гвардию формировать надо. В том числе и идеологическую. А кого лучше взять? Не Симеона же… тьфу-тьфу, не поминаем к ночи!

Девочка еще довольнее улыбнулась.

Как хорошо, что она еще ребенок! Кто ждет от малявок такого изощренного коварства? Никто.

Вот и не ждите. Мы хорошие…

* * *

К третьему разговору Софья готовилась с момента окончания второго. И готовила брата. Этот разговор либо обеспечит их союзниками, а в перспективе и позволит повернуть все в свое русло, либо… Либо неудача. Чего бы девочка ни отдала, чтобы говорить самой, но, к сожалению, ее место было десятым.

Царевны тут права голоса особо не имели, уж тем более в глазах Аввакума. И факт ее провидчества не много изменил. Ребенок-с…

И вот настал знаменательный день. Аввакум попросился к царевичу на прием и был назначен на завтрашний день. Вечером Софья еще раз все прорепетировала с Алексеем и еще раз порадовалась за брата.

Алексей вовсе не был дураком. Умный, серьезный мальчишка, который отчетливо понимал прелести раскола. Уж

что-что, а ужастики Софья рассказывать умела. А что может быть страшнее, чем когда брат на брата, отец на сына?

Но на всякий случай под стол она спряталась и была сполна вознаграждена за свои старания. Аввакум вошел в кабинет, как полководец армии – не сломлен и не побежден, но готов обсудить условия перемирия – и с порога наткнулся на доброжелательную улыбку.

– Присаживайся, отче. Подобру ли, поздорову?

– Благодарствую, царевич, все слава богу. Живем у тебя, как у Христа за пазухой.

Алексей опять промолчал – и Аввакум продолжил первым. Софья молча переживала под столом. Была пара развилок, на которых он мог бы свернуть, но… опять же – все предсказуемо. Вопрос в другом – как воспользуется ее наработками Алексей?

– Только объясни мне, убогому, чего ты всем этим добиваешься? Уж не прогневайся, царевич, не могу я этого понять…

Ну, на этот вопрос Алексей и так бы ответил.

– Жил-был один великий полководец. Давно жил, уж кости его истлели. И когда его спросили, что ему надо, он так и ответил. Трава для коней, вода для людей, будущее для детей. Вот я такое будущее и строю. Где дети не будут по подворотням умирать, где будет войско, способное защитить Русь-матушку. Пусть мал я, да начало положено…

Аввакум кивнул.

– Да, и дети мои тоже учиться начали…

– Ежели против ты…

– Нет, царевич. По душе мне дела твои, вижу я, что это все от бога. Но о другом поговорить хочу. Ведаешь ведь ты, что Никон, пес смердящий…

Алексей вскинул руку. Этот момент Софья тоже предусмотрела. На самом деле у любой беседы не так много развилок, и их можно просчитать. Например, если вы встречаете на улице соседку, о чем пойдет разговор? Погода, здоровье, дети, соседи… где-то так? Но уж точно не об адронном коллайдере, если это не два физика-ядерщика.

И уж точно можно было предсказать хулу в адрес хоть какого-то священника. Хоть бы и Никона, которого с некоторых времен Аввакум сильно не любил. И с чего бы это?

– Отче, ведь Собор его признал патриархом. А говорят, каков поп, таков и приход… можем ли мы хулить человека за то, что заблуждался он? Один Бог всеведущ, а мы грешные…

Вот тут протопопа осекло и сильно. Ведь действительно – патриарх, сами выбирали, сами слушались, а теперь такое…

действительно, нехорошо как-то…

Нет, протопоп бы и покричал и поругался, но – на что?

На то, что Бог всеведущ? Что люди глупые? Что Собор… так и он ведь не последним человеком и был и есть. Да и глупцом себя перед Алексеем выставлять не хотелось. Успел уже протопоп оценить царевича, успел. Хотя и не подозревал, что оценивает его по совокупности с Софьей.

– И то верно, государь-царевич. А только и грех великий на нем. Старые книги он править взялся, ересь латинскую в них внес…

Протопоп еще перечислил несколько случаев той ереси и замолк, глядя на Алексея. Царевич выслушал, не особо вникая, и кивнул.

– Правда твоя, отче. А теперь скажи мне, что с этим делать надобно?

Ответ был прост и пространен. То есть слов-то было много, но суть одна и та же. Бороться с проклятой ересью, обличать и клеймить, разносить в пух и прах и еще потоптать ногами. А никониан презренных…

Алексей честно дослушал все до конца. Покивал. И уточнил:

– Братоубийственную войну развязать хочешь? Смуты нам мало было? Ведь брат на брата пойдет – и нигде не сказано, кто кого одолеет!

Аввакум высказался опять. Судя по его словам – добро обязано одолеть зло. Поставить его на колени и жестоко убить, а то как же!

Алексей выслушал и покивал. А потом задал простой вопрос.

– Скажи мне, протопоп, а учить всех лично ты станешь? Вот, одолеешь ты ересь, а какие книги людям-то дашь? По каким псалтырям и требникам читать будут, по каким канонам служить станут?

Упс…

Вот об этом товарищ точно не думал. А зачем? Главное, ребята, ломиться вперед, на боевом коне, а что там у коня под копытами – черт его знает. Алексей покивал и добил.

– Ведь каждый поп по-своему сейчас обучает. Хоть и неправильно Никон многое делал, а только разве единый образец не нужен?

С этим Аввакум и спорить не собирался. Нужен, но правильный. Где взять? А… э… ну, Моисею же Господь послал скрижали? Вот надо на Бога и надеяться, разве нет? Молиться буду – и Бог пошлет мне подходящие книги.

Алексей кивнул еще раз.

– Отче, так мы и ждать не будем. Я в Москву поеду, отцу в

ноги упаду. Скажу, что вера наша древняя и нельзя такое дело наспех делать, пусть еще раз все перепроверят. А только и ты не откажи уж в любезности. Я тебе дам людей, которые латынь да гречь[21] знают. Они для тебя будут книги переводить, а ты людей подберешь и будешь все расхождения записывать, а то как же иначе? Я тебе верю, человек ты честный и искренний, слова не исказишь, потому как кощунство это…

Аввакум закивал. Но Алексей опять поднял руку.

– Ты подумай, не бросайся головой в воду. Я от тебя многое требую. Ты буквы не исказишь, но что, если войдет она в противоречие с тем, как тебя учили? Всякое бывает, когда святое из уст в уста передается. Поэтому поразмысли, и ежели ты согласен будешь, брошусь я отцу в ноги и умолять буду. Потому как ежели я вымолю у отца это право, а ты меня подведешь…

Угрожать он не стал. К чему? Угрозы признак слабости, да и вообще – человек сам себе прекрасно дорисует все самое страшное. Как буку в темном шкафу. Может, это изначально вообще кот был, но страх ему такие рога и копыта подрисует…

Аввакум заверил, что не подведет, ни в коем разе, но царевич отослал его и вытащил из-под стола сестру.

– Ну что, заяц? Справились?

Софья крепко поцеловала брата в щеку и принялась хвалить. А разве не умница?

Да еще какой!

* * *

Давая протопопу время на размышления, она давала его и себе, на натаскивание брата. И на разработку стратегии. Софья собиралась провернуть с никонианами и староверами нечто вроде выборов. Сделать так, чтобы уступки были видны, но значительными они не были. Пока еще новый канон не установился, это можно сделать.

Алексей Михайлович далеко не дурак, если ему объяснить, к чему может раскол привести, он поймет. Аввакум сейчас, благодаря своему неистовству, стал знаменем недовольных, и ведь за ним пойдут. А дальше классика. Кровь мучеников – это семя церкви, и пошло. Старообрядцы, еретики…

А в конце… Католик с гугенотом опять сошлись в бою?

Вот еще… это пусть в просвещенной Европе собачатся, а мы постараемся этого не допустить.

А так…

Аввакум получит свой кусок мяса – и жирный. Книги и

переводчиков. Пусть ловит блох, оно и к лучшему. А как выловит – избрать нового патриарха, да и выпустить их на теологическую дискуссию, при всем честном народе. Пусть раз десять пособачатся, пока всем не надоест, а когда надоест, царь объявит, что благодаря слугам своим нашел истину (под кроватью валялась, со старыми носками) и внесет пару изменений в новый канон. И все будут счастливы, как же, они ведь сами решали…

Это как с выборами – козе понятно, что голосование и головынимание ничего не решат. Но народ чувствует себя причастным к чему-то и при деле, хотя все кресла – и президентское и возле президента уже лет на сорок вперед расписаны. Не стоит лишать барана иллюзии выбора бойни.

А все изменения Софья планировала проглядеть сама и выбрать нужные – то есть те, которые со временем помогут плодить не просто слуг божьих, а тех, кто будет все силы класть на пользу человечеству. Возвращаясь к тому же архиепископу Луке – ведь потрясающий человек был! Сколько всего сделал!

И волки будут сыты, и овцы целы, и патриарху надо будет подкинуть мысль о централизованном обучении всех попов.

Хоть и не любила Софья РПЦ, но ведь могут же и они пользу приносить, а не только водкой торговать, как в девяностые? Навозом и тем поля удобряют, неужели для церкви применения не найдем?

Одним словом, по расчетам Софьи, жених был готов, осталось уговорить эмира.

Сложно?

Так царь-то не дурак… наверное…

* * *

Пары недель Аввакуму хватило для размышлений – и наконец он согласился. Тем временем произошло и кое-что приятное. Софья получила письмо от своего конфидента в Англии.

Джон писал, что нашел порядка двухсот человек, которые готовы переехать на Русь, при условии, что их не заставят отказаться от их веры и будут платить деньги. Тут были не просто мануфактурщики, но и корабелы, плотники, моряки…

А еще, что приятно, прикупил семян, о которых царевна говорила. Всяких, самых экзотических.

Софья попала в нужный момент, когда Кромвеля уже не стало – и все, кто его поддерживал, отчетливо поняли, что ловить больше нечего. Зато когда придет Карл – уж он выспится на всех и

за все годы изгнания. Бежать?

А куда?

В Америку, к дикарям? Желающих было подозрительно мало.

А на Русь?

Так ведь не к дикарям, а на службу к московскому царевичу. Разница.

Одно дело – ехать туда, куда каторжников ссылали, другое – когда тебя честь честью приглашают на службу принцу. Хоть и далеко, и страшно, но судя по виду Джона, медведи там не обязательно всех едят, половину-то точно выплевывают. И платят щедро. Ну и чего еще надо?

Люди, когда они в неустроенности и в подвешенности, способны на самые героические поступки.

Да, но теперь вопросы возникли у Софьи.

Архангельск, млин! По здешним меркам – дальняя даль. Это не двадцать первый век, когда можно сесть в любимого «макса», вжать педаль газа в пол и гнать хоть куда. Плюс самолеты, поезда, пароходы…

Планету за несколько суток можно обогнуть!

А тут?

Лошадка – транспорт экологически чистый, но уж больно… медлительный. А и был бы «макс» – кто ж царевну отпустит одну да черт-те куда?

М-да, это дело не пойдет. Отсюда вывод – необходимо кого-то послать в Архангельск, встретить всех, организовать доставку…

А куда?

Ну, производственников всех сюда. Однозначно.

А корабелов?

А хоть бы и сюда. Если Софья все правильно помнила, Волга-река была ненамного уже пролива Ла-Манш. Тот был минимальной ширины километров тридцать с хвостиком, а эта – максимальной двадцать шесть. Можно ли установить верфи на Волге? На доступной ее части?

Эм-м-м… вопрос философский. Но куда пока девать корабелов? Софья поставила себе еще одну галочку – колонизировать Курилы, Аляску и вообще все, до чего доберется, и всерьез задумалась.

Пока еще одна шестая не состоялась и доступы к морям были перекрыты плотно. В то, что ее папаня в ближайшее время разделается с поляками и начнет отвоевывать пару портов для деток, не верилось совершенно. Делаем выводы?

Можно оставить товарищей в том же Архангельске, но кто за ними будет приглядывать? С кадрами-то пока швах…

Или попробовать провернуть финт ушами? Сделать на пробу

несколько ботиков, по типу петровских, чтобы плавали по речкам, а тем временем приглядеть грамотного управляющего, подходящий лес, организовать сырье, а потом уже сплавить эту компанию в Архангельск?

Можно и так. По крайней мере, она сама поглядит, кто на что способен, кто больше трепло, а кто деловой человек.

Итак, пусть сначала едут сюда, а потом найдем, куда кого послать. И надо подумать, что мы знаем о войне. Софье позарез нужен был выход к морю – и ей очень нравился Крым. Но… отбить можно. А удержать? А политическая ситуация?

Девочка мысленно поставила еще пару галочек – и отправилась трясти доступные ей источники информации. Надо, надо обзаводиться своей шпионской сетью. «*У нас, в стране, на каждый лье по сто шпионов Ришелье…*»[22]

Надо перенимать положительный опыт у старших товарищей! И присмотреть кого нужного в Москве…

* * *

Согласился ли царь на предложение сына относительно Аввакума?

Далеко не сразу, с пятого раза и с большим скрипом, но все-таки согласился, что действительно, спешка в святом деле неуместна. И проверить все еще раз можно бы… а почему нет?

А пока протопоп занят проверкой, народишко он мутить точно не будет. Все польза…

Алексей Михайлович был неглуп, просто в рамках своего века, и все, что выламывалось за его рамки, казалось ему… неправильным. Но Алексей, с подсказок Софьи, постепенно, по одному шагу преодолевал эту преграду.

В чем их дело наткнулось на сопротивление – это в том, что касалось англичан. Не хотел Тишайший иметь дела с теми, кто царя… то есть своего короля приговорил – и точка. Поэтому Софья плюнула и подбила Алексея поговорить с Морозовыми. Тех долго уговаривать не пришлось.

К тому же Глеб и Борис болели, Феодосия смотрела на протопопа глазами школьницы-фанатки, а методики воздействия были давно отработаны. А потом Софья начала работать с информацией.

Как?

Да, самой царевне были недоступны многие удовольствия – даже простой выход в народ. Сказки времен Гаруна аль Рашида остались в Багдаде, она бы что-то подобное осуществить не

смогла. Да если бы она даже мужскую одежду надеть попробовала – такой визг бы поднялся! Никто бы не понял.

Даже европейское платье было для девочки под запретом, но тут-то ладно, черт с ним. Переживем без париков и кринолинов, невелика беда. А вывод был прост.

Нельзя самой пойти к людям?

Надо послать своих девушек. Им можно сходить на рынок, вот и пусть параллельно посплетничают о том, о сем…

А еще Софья прислушивалась к разговорам бояр… и вскоре получила то, что ей было необходимо.

Боярина Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина.

Боярином он стал совсем недавно, был умен, самостоятелен и независим, добивался результата любыми путями, а потому и разонравился царю. Пока царь его еще не отставил, но поговаривали, что это вопрос времени.

А Софья о нем услышала потому, что товарищ ратовал за прекращение войны с Польшей – черт с ней, сама загнется – и начало войны со Швецией. А чего они нам выход к морю загораживают? Мы их только так подвинем…

Насколько это согласовалось с планами самой Софьи?

Да полностью.

На Тишайшего она тут повлиять не могла, а вот дать боярину альтернативное направление деятельности – почему нет? Если мужчина умен – а дураки столько времени при дворе и в посольствах не держатся, – он понимает, что его опала дело времени. И не слишком большого.

А потому не прошло и пары недель, как боярина пригласили в Дьяково.

* * *

Афанасий Лаврентьевич оглядел невысокий забор, уделил внимание тренирующимся за оградой детям, немного помедлил.

Зачем он понадобился царевичу?

Ну, кое-какие наметки были. Ходили среди бояр слухи, что царевич у царя попросил что-то вроде живых кукол. Собрали беспризорников – и он теперь с ними играет во что-то вроде учения. Ну и пусть играет, не жалко.

Только вот дети играющими не выглядели. Все тренировались серьезно, сосредоточенно, да и казаки, которые их гоняли, выглядели предельно серьезными.

Сама школа тоже… интриговала.

Аккуратные здания, странные приспособления – определенно,

тут много любопытного.

Вплоть до казаков, которые преградили ему дорогу.

– Кто, зачем?

– Боярин Ордин-Нащокин к царевичу приехал, – Афанасий Лаврентьевич особенно и не возмущался. Умен был, понимал, что, пока ничего не знаешь, и ругаться не стоит.

Один из казаков кивнул находившемуся поблизости мальцу – и тот опрометью помчался через двор. Долго боярина ждать не заставили, минут через десять он был впущен на двор, где его с почетом проводили до царевичьего терема и пригласили войти.

Царевич ждал в… кабинете?

Да, больше всего было похоже именно на кабинет. Большой стол, полки с книгами, кое-какие учебные принадлежности, ничего лишнего. Но ребенок же! Откуда…

– Здрав будь, государь-царевич.

– И тебе не хворать, боярин. Присаживайся, разговор у нас будет серьезный.

Боярин поднял брови, но уселся поудобнее и приготовился к сюрпризам. Они и не замедлили.

– Я тоже считаю, что нечего мне в Польше делать. Вот ежели бы в Швеции…

Это настолько согласовалось с мыслями самого боярина, что он аж воздухом подавился, слезы на глазах выступили. Кое-как продышался.

– Прости, государь.

Царевич чуть взмахнул рукой.

– Афанасий Лаврентьевич, мало ведь земли у Швеции отвоевать. Корабли нужны. Верфи нужны. Люди нужны.

Под каждым словом боярин готов был бы подписаться десять раз. Но… продолжал молчать и слушать. И царевич его не разочаровал.

– Мной послан был человек в Англию. Там как раз Кромвель умер, народишко в разброде, а корабелы там добрые. К осени точно в Архангельске будут. И нужна мне помощь…

– Жизнь моя – служить моему государю, – привычно откликнулся боярин.

– Не хочешь ли ты заняться кораблями да верфями? Мастеров обустроить, дело поставить, да и награду за это получить по заслугам?

Афанасий Лаврентьевич обдумал предложение. Хорошо бы, но…

– Государь, не отпустит меня отец твой…

– Отец мой тобой последнее время недоволен. А потому… пусть все идет, как тому суждено быть. Но человек мне нужен. И

подумал я о твоем сыне. Желает ли он грех свой искупить?

Вот тут Афанасий Лаврентьевич поставил уши торчком. Сын его, Воин Афанасьевич, умудрился в своей жизни совершить ошибку. Поругался с отцом и удрал за границу, где жил на полном содержании при дворе польского короля. Каких трудов ему тогда стоило все это замять…

Потом-то сын одумался, вернулся, раскаялся – и искренне, но пятно уже осталось.

Афанасий Лаврентьевич своим умом боярином стал, а вот сыну его многие дороги за юношескую глупость закрыты были. А ведь умен парень! Языки знает… так царевич еще и об этом?

Судя по ясным умным глазам – именно об этом. И скромно намекает, что доверит сыну – под отца. Оправдает парень доверие – пойдет выше. Не оправдает – спросит с обоих.

– Желает, государь-царевич.

– Тогда привози его сюда. Поговорим, определим, что ему делать надобно будет… Справится – награжу, не справится – накажу, поэтому думай, Афанасий Лаврентьевич. Сможет ли он? Сможешь ли ты? Я сейчас на ответе не настаиваю…

– Государь, позволь мне домой съездить и с сыном переговорить?

Алексей кивнул. Время на размышления Софья тоже предусмотрела.

– Ежели решишься – через двадцать дней ждать буду, начиная с этого.

Боярин раскланялся и удалился. Софья мысленно поставила себе плюсик. По всему видно – мужик очень умный. Но сколько ж теперь надо Лешку натаскивать, чтобы боярин не просек, кто тут головной, а кто спинной мозг?

А, ладно, справимся.

Хотя планы Софьи едва не полетели в тартарары из-за Симеона Полоцкого.

* * *

Дни летели за днями, складываясь в недели и месяцы – и все больше нового разворачивалось в школе, и все больше мрачнел бывший иезуит. Хотя бывают ли они бывшими? Иезуит – это не профессия, это состояние души.

Симеон был умен – что есть, то есть. И терпел многое. Но вот когда в школе прочно обосновался Аввакум, когда Алексей принялся отмахиваться от старца, когда царевны – кроме Софьи – и в грош его не ставят…

Нет, они его честно выслушают, поговорят, но вот вложить что-то им в голову не получалось. Он рассказывал о красотах Франции, а ему в ответ смеялись, мол, они там все вшивые да блохастые. Он про войну со Швецией, а ему в ответ улыбку. Да на кой нам те шведы – своих болот не хватает?

Он к Алексею с рассказами, а тот то на тренировку, то на учебу, то еще куда…

Он ему стихи свои, а Алексей смеется – мол, к чему нам такие извороты речи? Былины-то, они красивее[23].

А еще рядом с царевичем постоянно Ванька Морозов. И протопоп теперь рядом трется. А рядом с ним вообще слова сказать не удается – чуть что, тут же про беса орет и про латинян поганых, которые души православные совратить норовят.

Да, протопоп прекрасно нашел себе врага без посторонней помощи и боролся с ним не покладая рук. Даже более того, будучи человеком умным, он решил покамест оставаться рядом с наследником и учить его в нужном духе. И к чему тут бывший иезуит?

В болото, товарищ! На родину! На фиг!

Последнего выражения, Аввакум, конечно, не знал, но принцип оставался прежним.

Вопрос встал остро и жестко, и Симеон принялся решать его в традициях века – то есть кляузой. Сначала он написал донос, потом подумал – и отправился в Москву сам. К царю его сразу не допустили, пришлось пару дней подождать и упасть в ноги.

И вот тут товарищ оторвался по полной.

Царевича он приплетать не стал, как и царевен. А вот распоясавшихся казаков, аввакумовскую ересь и школу, в которой непонятно чему учат неясно кого, обрисовал самыми черными красками. По счастью, Алексей Михайлович сразу не поверил и репрессий предпринимать не стал. А вместо этого решил отправиться на лето в Коломенское, а уж оттуда одним днем, без излишней помпы – в Дьяково.

Это было первым везением.

Царь отлично понимал, что поднимать скандал в своей семье, да еще с наследником… Нет уж, сор из избы лучше не выносить. Разобраться по-тихому…

Симеон довольно потирал ручки.

Если все сложится, как ему надо, проект прикроют, а царевич окажется во дворце, где можно будет самому настроить разочарованного ребенка на что угодно.

Не учел он двух факторов. Первым был боярин Ордин-Нащокин. Так уж получилось, что Воин Афанасьевич, его сын, был отправлен в Архангельск, и старый лис отлично понимал всю

важность этого поручения.

Как-никак наследник, будущий царь. Ежели Воин ему в милость войдет, то для всего рода хорошо будет. Займет сынок со временем его место. Опять же, сына женить пора, а кто за него такого пойдет? С клеймом чуть ли не предателя родины своей? Ведь сбегал, как ни крути…

Зато если царевич сватом выступит, тут уж никто отказать не посмеет.

Так что боярин готов был ковром расстилаться, лишь бы его сыну никто не помешал.

Свои выступления при дворе он прекратил полностью. Вместо попыток уговорить царя делать то, что, по его мнению, было выгоднее для страны, он объяснял это Алексею. С картами, договорами и указами. И мальчишка слушал его. Не понимал, переспрашивал, пытался разобраться – и вместе с ним, что самое удивительное, училась и его младшая сестра.

Не ожидал такого Ордин-Нащокин от четырехлетнего ребенка, но Софья не только сама тяготела к учебе, она еще и брата тянула за собой что есть сил. И мальчишка старался. Более того, иногда малолетка задавала такие вопросы, что старцу бы впору.

Афанасий Лаврентьевич до сих пор помнил ее шуточку про два закона. Мол, чтобы при дворе хорошо жить, надо два закона знать. Первый – царь всегда прав. Второй: если ты решил подумать иначе – смотри закон первый.

И это – ребенок?!

Впрочем, боярин был достаточно умен, чтобы держать свое мнение при себе. А заодно – приглядываться, прислушиваться, держать нос по ветру…

Способности у него были великолепные, вот он сейчас и обратил их на пользу делу. Какому?

Да-да, делу укрепления своего влияния на царевича.

Не верилось боярину, что никто не решит подластиться к Алексею Алексеевичу, пока есть время и возможность. А ведь они есть. Сейчас, пока царевич еще дитя, пока на него легко надавить, настроить в свою пользу, спровоцировать в той или иной ситуации… То, что он уехал из Кремля, дало громадное преимущество, сейчас до него добраться было труднее. Но летом, когда двор переедет в Коломенское, Алексей окажется в прямой досягаемости. И вот об этом надо с ним поговорить.

А еще…

Когда при дворе появился Симеон и стал плакаться царю, Афанасий первый догадался, чем это может грозить. И всю ночь его гонец нахлестывал коня, торопясь сообщить царевичу плохое

известие.

Софья только выругалась и подумала, что надо было накормить иезуита парой ложек мышьяка. А можно и не мышьяка. Самую обыкновенную соль, крупного помола – чтоб сожрал пять столовых ложек и копыта отбросил…

Каков умник!

Сейчас царь приедет с инспекцией, особенно если неожиданно, найдет недостатки, разгневается – или кто-то что-то не то ляпнет – и понеслась арба по кочкам. Ну погоди ж ты у меня, Самуил, земля круглая, сочтемся…

Но пока было не до того.

Три царевны схватились за голову и принялись на скорую руку заделывать огрехи и прорехи.

Да-да, и Татьяна тоже. На воле ей понравилось намного больше, чем в Кремле, и возвращаться она не имела ни малейшего желания. Зато отписала царевне Ирине с тем же гонцом.

И все, включая царевича, поблагодарили боярина Ордина-Нащокина за предупреждение. Теперь у них есть время. А еще… надо бы отписать обратно царю про Симеона. В лучших традициях анонимок. Да, подло, некрасиво, мерзко, но он сам первый начал. А раз так – пусть получает полной ложкой по лбу.

* * *

Царевна Ирина получила письмо вовремя, иначе и не скажешь.

Сестры – что Анна, что Татьяна – в один голос уверяли, что счастливы, довольны жизнью и вообще не могла бы сестрица любимая?..

Ирина могла, да еще как.

Умна была царевна, этого не отнять. Самая хитрая из сестер, она стала дороже всех венценосному брату и видела, что примерно тот же процесс происходит в отношениях Алексея-младшего и Софьи. Вот и ладненько.

Помешать можно, но не нужно, у каждого должны быть близкие люди. Она вот брата любит, а сейчас, когда две другие сестры уехали, она рядом с ним одна осталась. И в душе, и в разуме… Разве плохо? И влиять на царя могла, хоть и немного.

А сестры просили о том, что и ей было выгодно.

Сейчас все тихо, спокойно, ни ссор, ни скандалов, вернутся еще две царевны – опять брат на части рваться начнет, опять буча поднимется в тереме… не-ет… пусть остаются, где и хотят.

Письмо пришло в утро, а вечером пришел и братец любимый, сел в кресло, взглянул горестно. И поделился, мол, так и так, приехал Симеон, да такое рассказывает, что страшно становится. Не ошибку ли я совершил с Алексеем, дав сыну слишком много воли?

Не к беде ли?

Не получи Ирина письма, она бы тоже сомневалась, думала, переживала. Она же была спокойна и попыталась, как могла, успокоить брата. Хотя бы простым вопросом – а кто клепал-то?

Ах, Симеон?

А кто он такой, чтоб царского сына судить? В чем вина Алексея?

Не прислушивается?

Так и не обязан. Что с ребенком будет, ежели он с детства всяких там слушать привыкнет? Родители у него есть, а остальные – вон пошли. Ты ж, братец любимый, с ним воспитателей отправил, а Симеон – кто? Официально – не пришей кобыле хвост, так-то. Его дело было ребенка латыни учить, а он куда полез?

Сам захотел поехать?

А с какой целью? Что он вообще на Руси делает? Кто он такой? Латинянин, иезуит… хоть и ученый, а только не вся ученость на пользу идет! Кто его в Виленской академии учил? Да иезуиты и латиняне, в коих православия, что в волке – овечьего!

Не слишком ли он старается к власти приблизиться?

Можно ли ему доверять, и тем более ребенка? Царя будущего?

Ой ли…

Алексей Михайлович даже чуть растерялся под натиском сестры и руками развел.

Человек, божий, за просвещенность ратует… так просвещенность-то она разная бывает. Ежели на европейский манер, так они там в разврате живут! У нас девицы, чай, в строгости воспитываются, а у них? Голые титьки вывалит и пошла плясать перед мужиками? Не-ет, тут серьезно надо разобраться, почему Симеон сбежал и принес донос. Не с воспитанником попытался справиться, не Аввакума обуздать, а сразу – к царю!

Так что воинственный настрой Алексею Михайловичу на несколько дней сбили, а там и письмецо пришло от сына.

Мол, так и так, батюшка, старец Симеон, не иначе, недоброе задумал. Они тут с Аввакумом Петровичем ненароком спор затеяли и переругались вдрызг. Вот старец и заявил, что, мол, протопоп наглый еще пожалеет. Не к тебе ли он поехал? Ежели так, все в воле твоей, только сначала прошу тебя, как самого

справедливого царя, обе стороны выслушать, а уж мы, как почтительные и любящие дети, любой твой приговор примем.

Алексей Михайлович призадумался. Зная по собинному другу Никону, до чего доходили дела в церкви, в благочинность религиозных деятелей он уже лет десять как не верил. Ежели все и правда просто распри между Аввакумом и Симеоном… да и пес бы с ними! Пусть собачатся, ежели им вера позволяет! Главное, что сын вроде бы в ересь не впал и по-прежнему отца любит. И пишет здраво.

Надо бы, конечно, съездить, но еще дела добавились.

Болела царица, болел младшенький сынок, сильно плох был любимый воспитатель Борис Морозов, плохие вести шли с войны, не хватало денег – ну и?

Тут не до разборок, выстоять бы без подпорок.

Одним словом, царевна подарила сестрам почти две недели – и ими воспользовались с избытком. Хотя все равно времени не хватало…

* * *

Когда на утреннее построение пришел царевич, Васька и не удивился. Он всегда так. И приходил, и в начале строя стоял, как бы подчеркивая, что его это ребята и его школа.

Необычным другое стало, когда вышел царевич из строя, да и обратился к детям.

– Воины земли Русской!

Ребята насторожились.

– Пришла и к нам беда лихая. Иезуит коварный, старец Симеон, донос царю написал. Что учат вас здесь делам черным, что ничего вы не знаете и не умеете, что школу нашу надо разогнать, а вас отправить откуда пришли.

Что?!

Словно ветер по лесу пронесся, так зашумели все. Васька стоял, будто пришибленный.

На улицу?!

Да за что ж?!

Иезуиты! Латиняне поганые! Появись негодяй сейчас перед детьми – на клочки бы разорвали! Они ж только-только себя людьми почувствовали! Только воздуха вдохнули, только поняли, что заботятся о них, – и опять все это прахом пойдет?

И постепенно мальчишеское гудение стало складываться в простые слова: «Не допустим!»

Костьми ляжем, а не попустим негодяю!

Этого мига и ждал Алексей Алексеевич, чтобы руку поднять, ко вниманию призвать.

– Хотите ли вы, чтобы все осталось по-прежнему?

– Да!!!

– Тогда слушайте, что сделать нам надобно!

И затихло все. Васька вслушивался, словечка стараясь не пропустить. Да он что угодно сделает, лишь бы и дальше учиться, прикажут жабу съесть – сейчас же на болото побежит ловить да пожирнее выбирать!

Впрочем, такого царевич не попросил. Но сказанного хватило.

Подготовиться к визиту царскому?

Верь в нас, государь-царевич! Костьми ляжем, а тебя не подведем!

* * *

В Дьяково Алексей Михайлович нарочно приехал с малой свитой. Мало ли что вскроется? И только головой покачал, глядя на аккуратные строения, на занимающихся детей… Алексей его чуть ли не в воротах встретил, на шею кинулся.

– Тятенька!!!

Сына царь любил искренне, а потому растрогался, обнял.

– Ну, как ты тут, сыне?

– Тятенька, у нас тут столько всего… ты позволишь показать тебе да ближникам твоим?

Алексей Михайлович чуть заметно улыбнулся.

«Тятя, у меня игрушка эвон какая! Мячик, синенький, да с колокольчиками…»

Мальчик вырос. И играет другими игрушками. А хорошее настроение у царя и потом сохранилось.

Когда он увидел аккуратные дома. Баню, в которой раз в неделю обязательно мылись все, кто жил в школе, а то и чаще. Саму школу, где дети, сидящие и слушающие учителя, согнулись в низком поклоне при виде государя и стояли так, пока он не разрешил подняться. И ведь учились же! При нем отвечали на всяческие вопросы, а Алексей тут еще ввернул, что Симеон-от не стал их латыни учить, отказался… И храм. Маленький, но красиво расписанный, и счастливая царевна Татьяна: «Братец любимый, посмотри, что мы с девушками учинили специально для тебя, готовились, старались» – показывающая роскошные росписи и вышивки. Он уж и не помнил, когда сестра такой счастливой была. И царевна Анна, потчующая вкусными яствами,

и малышка Софья (как же ты выросла за это время!), которая лезла на руки.

Все в школе были спокойны и счастливы. А что же Симеон?

Этот вопрос царь и задал своему сыну. Алексей только что плечами пожал.

– Так не знаю, батюшка. Не по нраву мы ему пришлись, верно?

– Это чем же не по нраву?

– Симеон – бяка! – радикально вставила Софья. Обижаться или сердиться на ребенка царь посчитал глупостью и потребовал объяснений от царевича. Ну и получил их. На Симеона жаловались все.

Анна считала его слишком уж скользким, Алексей считал, что Симеон не умеет заниматься с детьми, Софья вообще считала его бякой, Татьяна морщила нос, мол, Симеон, может, человек и хороший, но… тут-то он к чему?

И последней каплей стал протопоп Аввакум.

Когда оный выплыл в парадной одежде, величаво благословил всех присутствующих, а потом вдруг отмахнул земной поклон царю и стоял так, пока Алексей Михайлович ему подняться не разрешил, глаза на лоб полезли у всех.

– Прости меня, государь…

Алексей Михайлович аж онемел от шока. А Аввакум продолжил:

– В гордыне своей возомнил я, многогрешный, что знаю все на свете. И Господь наказал меня, как наказывают детей неразумных, а затем и вразумил, послав туда, где могу я принести пользу чадам его. Позволишь ли ты мне остаться и далее рядом с чадами, дабы мог я помочь им избежать моих ошибок и бесовских уловок?

И в том же духе еще минут десять!

Царь, естественно, сначала опешил, а потом чуть ли не со слезами умиления обнял Аввакума.

– И ты прости меня, Аввакум, ежели виноват пред тобой…

Одним словом, карать рука не поднялась. Ругаться тоже. Если уж протопоп, который был одной из заноз, здесь в разум пришел…

Одним словом, если сто голов смотрят направо, а одна – налево, если сто человек говорят «белое», а один «черное» – кто тут прав, а кто не прав?

Алексей Михайлович подумал и решил кляузу пока оставить без последствий. А Симеона пока… а хоть бы и за проект посадить. Он же хотел академию создавать – вот и пусть пишет, какой она должна быть. Опять-таки, вот они, кадры, куются в

царевичевой школе! Глядишь, кто из них и дальше пойдет, почему нет?

Одним словом, кляуза не прошла, но Софья все равно обеспокоилась. Мало ли кто. Мало ли что…

Нужны были союзники.

Нужно было… столько всего было необходимо.

Глаза боялись. Руки делали.

* * *

Ближе к концу лета Воин Афанасьевич привез из Архангельска англичан, и вслед за ними пригнали коров и овец. Крестьяне из Дьякова с радостью согласились поработать как на строительстве коровников и загонов, так и на обслуживании стада.

Привезли семена, при виде которых Софья восторженно завизжала.

Картошка!

Помидоры!

Баклажаны!

Перец красный!

Да за такое богатство ничего не жалко!

Хоть и не помнила она, как со всем этим возиться, но на пришкольном огородике возделает. А как получит приличный посевной фонд, так и решит, что с ним дальше делать. Приличным царевнам по садику гулять положено? Цветочками заморскими любоваться?

К черту цветочки-лепесточки!

Картошка! Вот где наше все!

Да и остальные овощи… не пробовали на Руси маринованных помидорчиков… а хочется! И баклажанчиков жареных, а лучше фаршированных! А уж как это народу ввести в употребление?

Найдется!

Например, обозвать картошку – царским овощем и жаловать, как милостью! Не то что лопать начнут! Воровать станут! Передерутся! Клубнями из-под полы торговать примутся! И с остальным ровно то же самое.

Царевна Анна, услышав такие заявки, даже головой не покачала. Просто выбрали место – и служанки под руководством Софьи принялись заниматься проращиванием и посевом. И что самое интересное – проектом заинтересовалась Татьяна Михайловна. Дома, в Кремле, не любила она это дело, а здесь прямо не отогнать стало! Так что Софья с легкой душой отдала ей

конкретное руководство, а сама просто рассказывала тетке, что и каким быть должно.

На некотором расстоянии от школы стала строиться первая фабрика. А Софья задумалась над простым вопросом.

Как привлечь инвесторов и капиталы?

Что самое печальное, сейчас бояре сидели на своей земле, драли три шкуры с крестьян, производство не развивали, в крайнем случае, просили подачки у царя. Но развития-то не было!

Никакого!

Как это преодолевалось?

Кто вообще строил фабрики, заводы… Порывшись в своей памяти, Софья нашла только одну фамилию – Демидовы, и то спасибо не истории, а историям. Товарищу Бажову с его «Малахитовой шкатулкой». А остальные?

Софья принялась расспрашивать Ордина-Нащокина и только головой покачала.

В кого из бояр пальцем ни ткни – работать не хотят и не собираются. Дети часто растут неучами, холопы есть – все сделают. А деньги крестьянин добудет.

Те еще подати, отмена Юрьева дня, крепостничество… Софья помнила, что его отменили, потом, уже пару веков спустя, и вроде бы осуждали?

Ну а ей что делать?

Хм-м… если не будет Юрьева дня – она разорится. Где кадры-то брать? Покупать? Простите, это не пять копеек!

И даже если кто-то сбежит – их все равно хозяева потребуют обратно и исключений из закона не будет. Что это за царь такой, который на свои законы гвоздь забивает?

Но что же делать, что делать?

С отцом на эту тему разговаривать бесполезно. Он сам указ и принял, если его теперь кто отменит – это Лешка. Но ему до трона еще далеко, а что сейчас делать?

Предложить Сибирь как альтернативу? Выдавать подъемные и требовать отчета? В принципе, сейчас туда больше бегут и ссылают, чем едут добровольно. Надо ли такое на границе с Китаем?

Нет, лучше, чтобы туда ехали люди сильные, которые не забыли, как держать топор, – во всех смыслах. И чтобы дом построить, и чтобы себя защитить.

Хм-м… а если попробовать?

Если у кого-то помещик – зверь, человек куда угодно пожелает уехать. Надо только продумать, как это организовать. Собирать караваны, охранять плюс еще подсчитать, что надо крестьянской семье на первое время. А еще – организовать

дорогу…

Интересно, а если сейчас начать исправлять хоть одну проблему России?

И обязать бояр следить за дорогами в своих вотчинах?

Софья сердито тряхнула головой. Так, не надо растекаться мыслью по древу. Сейчас у нее проблема в другом. Она получает первые дивиденды, но чтобы развивать планы дальше, у нее нет ни денег, ни связей, ни-че-го…

Если колесо начнет крутиться слишком быстро, оно сломается.

Не будем гнать. Получим первую прибыль, получим первых выпускников царевичевой школы, а уж потом…

Если сейчас слишком сильно жать на педали, можно потерять и то, что имеется.

Надо поговорить с отцом и устроить второй набор в школу. Например, детей из бедных семей, но все-таки не холопов, а более-менее благородных. Служилых, например…

И работать, работать, работать, отлаживать механизм, пока все колесики не завертятся и без ее присутствия.

Софья печально посмотрела в окно. Хотелось большего. Но если бы она не умела терпеть и ждать…

* * *

Идея повторного набора вызвала у царя одобрение. А кроме того…

Идея была Софьина, исполнение Алексея, применение его величества. А то ж!

Реклама – двигатель прогресса, вот. Поэтому с начала лета пошли слухи о престижности царевичевой школы. Упиралось на то, что сам царевич не брезгует, что царевны-де эту школы под своим материнским крылом держат, что Аввакум – и тот благословил, что царский духовник не против… про обиженного Полоцкого молчали, да и кого он интересовал?

Самое обидное для Симеона было, что в его Академию, если ее и создадут, придут дети и из царевичевой школы. Даже наверняка придут.

Что боярин Морозов сына отдать в школу не постеснялся… и не поскупился. И просто так туда никого не возьмут. Дети с улицы? Так это во искупление тяжких грехов, детские жизни-то спасти правильнее, чем коленки в молитве протереть. Да и опять же, отработать процесс на ком-то надо. Не на боярских же детях…

А ведь оказавшись в школе, дитятко и в ближники к царевичу

попасть может… Важно ли это? Один этот фактор многое перевешивал.

А кто походатайствовать может?

А Ордин-Нащокин. Афанасий. Вот ему и пошли кланяться. Пока еще робко, неуверенно, но Софья смотрела вдаль. Эти деньги она вгрохает в своих овец и фабрику. Да и остальные проекты тоже внимания требуют. И финансирования. А то пока даже на школу у царя просить приходится. Пора бы на самообеспечение переходить!

Да, не царское это дело, так ведь они пока и не цари с Лешкой. А деньги всем надобны.

Надо сказать, большинство проектов Софьи так и остались бы мечтами, но ей повезло. Даже дважды.

Боярыня Морозова – Феодосия – была женщиной умной, решительной и… революционеркой. Ей позарез требовалось за что-то и с чем-то бороться. В 1917-м ей цены бы не было, но и сейчас… она с успехом преодолевала обстоятельства. Больной муж, гонения на старую веру…

Мужа вылечить не получилось бы, от старости лекарства не придумали. А вот помочь сыну, в том числе распространить слухи про школы, помочь с кузнецами, каменщиками, ткачами… да если уж на то пошло – Софья вообще планировала выкупить людей из тюрем. Не тех, конечно, кто на дорогах разбойничал… а хоть бы и тех тоже! С голодухи куда не полезешь! И использовать их на стройке.

И Феодосия готова была помогать царевне. Она чувствовала себя необходимой сыну. А еще…

Была у нее такая мыслишка глубоко внутри, была…

Софья – сестрица любимая у царевича, а Иванушка к ней тоже привязался. Неужто царевич, случись так, не поспособствует счастью?

Софья эти мысли легко просчитывала, но разрушать не торопилась. Время у нее еще есть, лет до шестнадцати – точно.

Второе же везение…

Ордин-Нащокин-младший. Воин Афанасьевич, помотавшись по заграницам и наевшись презрения к «русским дикарям» полной ложкой, готов был помогать. К тому же, вина за ним была и немалая, а как ее загладить? У царя ему ничего не светило, а у царевича перспективы были достаточно радужными. А еще в Дьякове была царевна Анна Михайловна, на которую мужчина поглядывал с явным интересом. И то сказать, толстенная русая коса, большие синие глаза и статная фигура могли заставить биться быстрее не одно сердце. А себе Софья честно признавалась – окажись Анна Романова в двадцать первом веке – мужиков бы

лопатой разгоняли. И дело было даже не столько во внешности, сколько в сияющей улыбке. Женщина почувствовала себя нужной и счастливой, а что еще требуется для привлекательности?

Ну и дай бог…

Софья была довольна уже тем, что все шло мирно, спокойно, определялось место каждого человека в школе, а остальное – дайте время!

Да, мы пойдем медленно, постепенно, но время же еще есть? Правда?

* * *

Васька, разинув рот, смотрел на въезжающие во двор школы кареты. Да, среди ребят ходили слухи, что будет новый набор, но что, как, кого – никто не знал. А вот…

Никто толком ничего не знал, но на территории школы спешно строилась еще одна казарма, расширялась конюшня, спортивная площадка, благо Софья, когда чертила проект школы, закладывала ее «на вырост».

В неведении мальчишки оставались недолго. Вечером того же дня перед ними выступил царевич Алексей. Всех построили на учебном поле для игры в мяч – и царевич вышел перед строем. В обычной простой рубашке, в холщовых портах, единственным его отличием от босоногих ребят были аккуратные сапожки. Но и у мальчишек стояли не хуже, разве что не такие расшитые да дорогие… Просто ни к чему сапоги на тренировке, босая-то нога – она цепче и ловчее.

– Товарищи мои. Да, товарищи, потому что год мы проучились вместе. – Голос мальчика был звонким, но не дрожал и не сбивался.

– Сегодня к нам начали приезжать новые ученики. Прошу вас отнестись к этому серьезно. Вы – первый набор царевичевой школы. Именно глядя на вас, они увидят, чему здесь учат, чего они могут достичь, какими стать. Прошу вас не драть перед ними нос, а помогать, чем возможно. Учить, показывать… к каждому из вас будет прикреплен один новый ученик, к некоторым по двое, и вы будете за них отвечать. Отнеситесь к этому серьезно. И еще… не позволяйте драть перед собой нос. Вы – воины. Будущие защитники государства. В том числе – вы будете защищать и бояр, и князей. Это они вам обязаны, а не вы им, помните об этом. А еще о том, что все люди равны перед богом. И, – на губах мальчишки вдруг проскользнула лукавая усмешка, – что вы знаете и умеете больше, чем боярские и стрелецкие дети, и

можете это доказать. И будьте готовы доказывать. Все вы здесь ученики – и они такие же, как и вы. Не забывайте. И что можете попросить у меня суда и помощи – тоже.

Васька почувствовал… восхищение. Никогда бы он не смог так сказать. А вот царевич… и сказать, и сделать… сможет ли он когда-нибудь ну не так же, но хоть как-то? До сих пор ведь иногда на уроках риторики запинается. И казацкие ухватки ему не все хорошо даются… А ведь придется кого-то еще учить, показывать… ой, мамоньки! Нипочем ему не справиться! Страшно-то как…

Может, хоть не сразу?

Увы, судьба, в очередной раз не спросив мальчишку, подкинула ему задачку на следующий же день. Княжеского сына.

Михаила Григорьевича Ромодановского.

Васька только и сказал, что «ой, мама…».

Мальчишка и отдаленно не знал о том, что Софья и царевны расписывали все по людям задолго до приезда новичков. Не знал, что к нему, как и к остальным воспитанникам школы, приглядывались весь год, что собирали все сведения о тех, кто хотел поступить в царевичеву школу. И что они посчитали – справится.

Он не знал, но это не отменяло факта.

Ему, бывшему босяку, придется учить княжеского сына. А если он не послушается?

Опять-таки, о том, что за всеми воспитанниками строго приглядывают и казаки, и слуги, и девушки – и обо всем, даже самом незначительном, доносят царевне Анне, а через нее и Софье, – он тоже не знал. И что ему могут прийти на помощь – тоже. Васька должен был справиться сам. Своего рода переходной экзамен.

* * *

Княжич оказался невысоким щекастеньким мальчишкой, который тяжелее петушка на палочке явно ничего не поднимал. Мамки-няньки помогали. Васька посмотрел на него, вздохнул – и представился.

– Утро доброе, Михаил. А я Василий. Я на первое время приставлен тебе помогать.

– Слугой, что ли?

Васька тряхнул головой.

– Э, нет, слуг тут ни у кого нет. Сами одеваемся-раздеваемся.

– Как – нет? А…

– Сами по кухне дежурим, посуду моем, кровати застилаем, полы метем…

Судя по круглым глазам мальчишки, Васька сказал что-то страшное. М-да, не жил он никогда под мостом. И в канаве не ночевал. И на зиму в трактир не нанимался за крышу в хлеву и объедки. Васька улыбнулся и вдруг почувствовал себя таким сильным и взрослым рядом с этим ребенком.

– Да ты не думай, это все не страшно. Раз в неделю-то…

Страшно. Наверное…

– Зато тут интересно! Грамоте учат… вот ты разумеешь?

Мальчишка важно кивнул.

– Разумею.

– А на латыни? На франкском?

Ответом были удивленные глаза.

– Научат… Нас вот год уже языкам учат.

– А еще чему?

– Цифири разной, чтению, письму, церковные книги читают да объясняют, про соседей рассказывают, воинским ухваткам учат, верхом ездить… да все так сразу и не перечислишь…

– А ты тут тоже учишься?

– А я – первый набор царевичевой школы.

– А какого ты рода?

Васька чуть поежился, но откуда-то на язык сами собой всплыли слова.

– Самого высокого. Нам царевич всем – отец родной, а мать – земля русская, христианская, православная. Лучшего и не надобно. Высшая честь, какая есть, – родину защищать, за то и голову сложить не жалко.

После такого заявления Михаил чуть опешил. Обычно-то как. Ты князь? Нет? Значит, букашка. А тут что-то новое, да еще так заявлено. А Васька, не развивая опасную тему, потянул мальчишку за собой.

– Пошли, я тебе все здесь покажу. Мне на сегодня увольнительную дали, чтобы я с тобой позанимался, завтра уже с утра гонять начнут…

– Княжича?

– Так с нами царевич заниматься не брезгует… говорит – науку познавать не зазорно, неучем-от быть куда как стыднее… Пошли?

Михаил послушно последовал за своим гидом.

Нет, будь он постарше, поопытнее, пожестче – не так сложился бы этот разговор. Но дети очень быстро забывают про социальные границы, если им интересно. А в школе все было ново, непривычно и загадочно. И все выяснить хотелось больше,

чем ругаться и ставить себя. Да и не было рядом ни стада холопов, ни мамок-нянек, ни… никого знакомого. И что делать? Особенно ежели отец строго-настрого наставлял ни с кем не ссориться, а с царевичем дружить и всячески ему потворствовать, дабы товарищем стать.

Не начинать же с лая да ругани? А потом уже и ругаться не захотелось, насмотревшись на местные порядки да ребят…

1662 год

– Сонечка, мы завтра едем в Коломенское.

– Зачем?

Софья уже не коверкала речь. Как-никак, почти пятилетка, время-то летит. Попала в трехлетнее тело, ближе к четвертому году жизни, теперь ей почти пять. Год прошел, чуть больше, а сколько сделано?

– Сонюшка, так братец письмецо прислал. Хочет видеть меня на именины в Коломенском.

– Тятя? – уточнила Софья, хотя кто бы еще мог вытащить царевну Анну из Дьякова.

Женщина кивнула.

– А кто еще едет?

– Мы все…

– А в школе кто старшим останется?

– Танюша согласилась приглядеть. И Аввакум присмотрит за порядком…

Софья чуть улыбнулась краешками губ. Эти двое присмотрят, а то ж! И кто бы думал, что они так споются? Татьяна же в Никона была влюблена по самые ушки, а Аввакум – тут вообще отдельная статья. Борец за счастье во всем мире. И чтоб никто от него не ушел обиженным, вот! А гляди ж ты! Татьяна любила людей идеи, поэтому увлечь ее оказалось просто. Переключатель повернули – и она уже смотрит восхищенными глазами на Аввакума, а тот знай себе соловьем разливается про ересь погубительную. А заодно гоняет всех школьников вдоль и поперек, заставляя учить языки, чтобы потом перевести с латыни и греческого старинные религиозные тексты. Софья подозревала, что толку будет чуть, но если человеку хочется…

Заодно и мозги ребятам прочистит. Нескольким уже досталось на предмет гордыни, а уж как умел протопоп давить на психику, Софья, ей-ей, восхищалась. И все больше удивлялась, что им удалось повернуть его в свою сторону. Хотя удалось ли?

Наверное, все-таки несколько целей совпали. И у них, и у протопопа, такое тоже бывает…

– А надолго мы?

– Да нет, дня на три, не больше…

Софья пожала плечами. Почему бы и не съездить, развеяться, к сестрам присмотреться, к придворным, что кому надо, чего ждать… Ордин-Нащокин, конечно, был полезен, но ведь не полагаться же на один-единственный источник? Глядишь, еще о ком что интересное услышим…

Здесь не отмечали день рождения, здесь отмечали именины – и Софья считала, что это – неплохо. И что особенно приятно – не было никаких американизмов. Ни дурацких пирогов, ни свечек, которые Софья терпеть не могла, были поздравления, маленькие подарки, вроде сувенирчиков, тепло и понимание.

Но то – она. А то старшая царевна. Ее именины проходили более торжественно. Алексей Михайлович хотел устроить пир, но Анна отговорила его. Сейчас она могла высказывать свое мнение и даже отстаивать его. Приятно…

А потому – только свои, только родные. И никакой кучи бояр, ближников, стольников и прочей шушеры. Софья вообще считала, что самый ценный подарок Анне уже преподнес Воин Афанасьевич. Маленькое такое колечко с синим камнем в цвет ее глаз. Скромным сапфиром, размером с ноготь большого пальца.

Шила в мешке спрятать не удавалось. Анна влюбилась по уши – и избранник ответил ей взаимностью. Вот до чего-то более серьезного, чем беседы, у них не дошло, это верно. Но и так – почти революция.

Хмурился старый Ордин-Нащокин, печально покачивала головой, хоть и молчала, Татьяна, но Анне все было безразлично. Она любила.

Софья уже задумывалась, как бы натолкнуть тетку на мысль. Рожать ей надо. Ро-жать! От любимого мужчины. Симеона извели, доносчиков профильтровали и подсовывали им нужную информацию (когда у тебя полон терем девок и все глазасто-ушастые, это сделать несложно), под местными платьями не то что беременность – поросенка скрыть можно. И это еще не самый худший вариант. Вот в платьях европейских дам вообще можно мужика под юбкой спрятать.

А что потом?

А потом Воин отлично сможет воспитывать любимого сына или дочку – кого там Бог пошлет. А Анна – видеть свое чадушко. А там… время штука такая, глядишь, что и переменится, когда Алексей Алексеевич на престол взойдет. Просто Тишайший еще крепок, протянет долго – и дай ему бог здоровья, но для Анны, когда Лешка царем станет, рожать будет поздно.

Как бы ей эту идейку подкинуть?

Ладно, дайте время.

А пока съездить, именины отметить, а то закрутились со всей этой школой – передохнуть некогда.

Софья по праву могла собой гордиться. Да, хотелось бы большего, но и имеющееся радовало. В 1660-м году она попала в тело трехлетнего ребенка. В 1661-м была основана школа. Сейчас, летом 1662-го уже состоялся второй набор, и вчерашние

беспризорники бодро натаскивали своих подопечных. Какая там дедовщина?

Здесь Софья твердо настраивалась на нечто вроде воинского братства. Больше всего ей нравилась идея с тамплиерами, где в роли Великого Магистра выступает сам царь-батюшка. А почему бы нет?

Не гвардию ж заводить, чтобы в ней потом появились Орловы и Потемкины?

Но это пока еще дело будущего, а в настоящем радовало достигнутое. И найденные единомышленники, и привезенные англичане, половина из которых уже занялась своим делом, а вторая… да, пожалуй, тоже, просто в полную силу развернуться не получалось из-за отсутствия достаточного количества сырья. Но это вопрос времени.

Правда и препон было не меньше, чем хороших вестей. Вот тут-то Софья и принялась ругаться, узнав, что с металлами в стране – швах. А откуда их взять? Это рудники нужны, разведчики, шахтеры, это надо Урал осваивать…

Слава богу, она училась в советской школе, а не в перестроечной, а там в учебниках географии и карты были, и названия городов и рек… Более того! Там в учебниках писали полезные вещи, применимые в жизни![24] И воды лили по минимуму. Так что, вспоминая свое детство, кое-как она могла и припомнить, где добывалась руда в СССР.

Так что… даже на Урал не обязательно лезть. Что у нас там поближе?

Курская магнитная аномалия. Яковлевское, Михайловское, Лебединское и Стойленское месторождения. Красноярский край. Мурманская область, республика Карелия…

Просто, чтобы их разведать и разрабатывать, нужен другой уровень техники. Софья отлично понимала, что будет тяжко, сложно, что даже просто рассказать царю будет проблематично, а потому…

Не просто заявить, что мне тут приснилось, – копайте там! Это хорошо для Дяди Федора: «А давайте клад найдем?» Не-ет, надо отправить туда кого-нибудь с картой в зубах, пусть начнет, принесет образцы руды – и вперед, предъявлять царю с заявочкой: так и так, верный человек шел и нашел. Не изволите ли, ваше величество, рудники открывать и шахты раскапывать?

Тогда можно рассчитывать на удачу.

Недолго думая Софья спросила у Ордина-Нащокина, не может ли он кого посоветовать, и тут же была осчастливлена одним из доверенных людей боярина. Михасем Тыквой, прозванным так за бесподобный цвет волос. Рыжий такой…

Софья подумала, вручила – через Лешку и только через Лешку! – мужику карту и предложила поехать, посмотреть…

Чьи вотчины, нельзя ли договориться, или лучше потихоньку разведать и доложить царю, а уж он пусть договаривается по-своему?

Железо-то нужно позарез. Еще бы и серебро…

Софья помнила, что государственная добыча серебра в России началась в XVIII веке или еще позже в Нерчинском округе на рудниках Большой и Малый Култук. Но кому сейчас что скажут красивые слова «Забайкалье» или «Даурия»? Разве что в карту пальцем потыкать? Но ведь и она не идеальна. Вроде бы здесь, а там… на месте смотреть надо. Ей хорошо, она за столиком показывает, а люди поползут через горы и болота. Каково? А геологоразведка – это не самое простое дело. И неудачи, и обманки, и ошибки, и трагические случаи – если бы кто-то написал про будни геологов, это была бы печальная история. Романтикой-то потом сверху покрасили…

Одним словом, надо сначала разведать самой, а потом уж подносить царю. Вот тогда будут плюшки и пряники. Поэтому пока Ордин-Нащокин старался осторожно раздобыть информацию, а Софья ждала известий. А заодно воспитывала брата, приручала всех окружающих и постепенно выбивала для себя чуть больше свободы. Кусочек здесь, кусочек там…

Да, жизнь царевны может быть обставлена кучей правил и будет весьма и весьма тяжелой. Но всегда можно извернуться при желании и умении. Особенно вдалеке от Кремля.

И надо пользоваться моментами общения с отцом, чтобы уверить его в общей красоте и благолепии всего проекта.

Ордин-Нащокин ему на мозг и так капает, но последнее время ему мешает некий Матвеев. Вот кем бы заняться…

Софья черканула себе пометочку – собрать информацию о Матвееве и усмехнулась. Хищно и зло.

Никому она не даст помешать ей. А кто рискнет…

Киллеры – это изобретение не одного двадцать первого века. Просто раньше они назывались ассасинами. И Ибрагим о них рассказывал.

Найти бы в школу такого специалиста!

* * *

– Царя! ЦА-РЯ!!!

Возможно, там кричали и что-то другое, но для Софьи все сливалось в один грозный и неумолимый призыв.

Доминирующим было именно это слово. В кино это выглядело совершенно иначе. В кино не видно белых от безумия глаз, перекошенных лиц, не чувствуется облака энергии, которое витает над толпой, как общий для всех запах безумия. Толпа – это волна. Каждый из них в отдельности – вполне разумная личность, с ними можно договориться, но сейчас – сейчас это просто стихия. И она может все. В толпе ведь никто не виноват и никто ни за что не отвечает…

Девочка невольно поежилась. Страшновато было – и это еще мягко говоря. Страшно было всем присутствующим. И черт их дернул приехать в это Коломенское?

Словосочетание «Медный бунт» Софье ни о чем не говорило, а уж про его дату она и вовсе не знала. Знала о причинах. А вот не фиг драть серебро, а расплачиваться медью. Конечно, народу это не понравилось. И уж конечно, она не думала, что это застигнет ее в царской летней резиденции.

В Коломенское они приехали почти всей семьей. Две царевны, один царевич, несколько сопровождающих… все ради именин!

М-да… отметили праздник! Надо было еще вчера уезжать, но кто ж знал! Удачно еще, что Лешка с женщинами, а не с отцом, царица упросила оставить сыночка при ней, дескать, давно не видела.

Что творилось в Москве, Софья не знала, но результат был вокруг церкви, из окна видно. И слышно. Человек так… тысячи две-три, может, чуть больше, окружают церковь, волнуются, шумят, кричат… хорошо хоть огнестрела нет. Нынешние пищали – замечательная штука. Ими проще оппонента по голове лупасить, чем попробовать его застрелить. Пока все операции проделаешь, уже и дискуссия закончится.

Конечно, нож в умелых руках оружие не хуже, но до рукопашки пока еще не дошло.

Крики под окнами раздались еще более громкие. Вскрикнула болезненно царица Мария. Да уж, она бунтов боялась до истерики.

Софья же…

Простите, но тех, кто пережил девяностые, кто видел, что творилось со страной в то время, напугать сложно. Софья отлично понимала, что это опасно, что она тоже может пострадать, но к чему паниковать и истерить раньше времени?

Интересно, есть ли в Москве какие-нибудь полки и как скоро их можно перебросить сюда?

С Ординым-Нащокиным не посоветуешься, он в церкви, с остальными. Хоть бы не пострадал… а вот Воин Афанасьевич…

Софья переглянулась с братом, и они вместе скользнули в тихий уголок. Идею лететь за помощью Алексей одобрил. Так же согласился, что ему нельзя – ребенка послушают далеко не сразу, будь он хоть трижды царевич, и знает его не так много народа, и мало ли что по дороге случится…

А вот Воин Афанасьевич, особенно если ему дать грамоту от царя и запечатать его печатью… есть же такое в кабинете?

Наверняка…

– Вот вы где… Царевич-государь, пожалуйте к матушке, она волноваться изволит. – Княгиня Лобанова-Ростовская заглянула в угол, где шептались двое детей. Софья бросила быстрый взгляд на Алексея. Если сейчас его к царице, это на полчаса, точно, а у них каждая минута на вес золота. Но…

Боги, почему она не воспитывала так своего сына?!

Алексей Алексеевич выпрямился, казалось даже, став выше ростом.

– Княгиня, подите к матушке и скажите, что я сейчас занят. Я приду через десять минут.

Анна Никифоровна так ошалела, что у нее даже рот приоткрылся правильной буквой «О».

– Софья, ты идешь со мной.

И так напористо двинулся вперед, что княгиня и в себя-то прийти не успела, не то что слово сказать.

– Лешка, какой ты молодец!

– Я сейчас ищу Воина, а ты пишешь письмо. Сможешь?

Софья только фыркнула. Вопрос был смешным. Да, мелкая моторика у нее развивалась слишком медленно, по ее меркам, но писала она уже неплохо. Просто буквы выходили слишком угловатыми и принужденными, что ли… но по здешним меркам – неплохо. Сойдет за душевное волнение во время бунта.

Не нагорит ли им от отца?

Пусть сначала все выживут, потом разбираться будем!

Княгиня догнала их через три минуты. И загородила своей тушей дорогу.

– Государь-царевич, матушка приказала…

– Поди вон! – рявкнул от души мальчишка, который физически чувствовал, как утекают драгоценные минуты. Там, в церкви, его отец, его друзья, а он тут препирается с какой-то курицей?! – И чтоб я тебя больше не видел, иначе велю со двора гнать нещадно!

И добавил несколько слов, почерпнутых у казаков. Софья только присвистнула. Мысленно.

Княгиня, которую в жизни матом не обкладывали, тем более царевичи, окаменела, и дети обошли ее с двух сторон. Нет, если

бы Лешка орал, топал ногами, кричал, как это делают дети…

А он – приказывал. Научился в школе-то, с казаками, с другими детьми… Он вполне по-взрослому изволил гневаться и был способен выполнить свой приказ. Это было видно по тому, как рука его легла на рукоять кинжала, по оледеневшим синим глазам, по недоброй кривой улыбке… романовская кровь.

Преследовать их Анна Никифоровна не решилась – от греха. Да и что тут скажешь? Лучше уж пока на глаза царице не попадаться, все равно та в таком душевном раздрае, что и не вспомнит, что кому поручала.

А дети тем временем добрались до царского кабинета. Сейчас – удачно пустого и запертого. Хотя запертым он оставался недолго. Такие замки системы «кирпич пудовый, амбарный» Софья еще в двадцатом веке шпилькой открывала.

Откуда навыки?

Так если кто помнит те замки, которые то ломались, то ключи к ним терялись, то еще что… хоть на стройке, хоть в общаге – этот навык было получить проще простого. Этот замок тоже не устоял перед детским обаянием.

Софья тут же ринулась писать записку, а Алексей отправился на поиски Воина Афанасьевича. Долго искать и не пришлось. Мужчина был неподалеку от покоев царевны Анны, здраво рассудив, что на улице он ничем не поможет, а тут, если что, сможет хотя бы увести любимую и спрятать. Или сложить за нее голову. С ним также был десяток казаков. Алексей, недолго думая, вцепился в мужчину и выложил ему свой план. Письмо сейчас будет готово, отвезти его в Москву и пригнать сюда полк на помощь. И чем скорее, тем лучше. Если что – хоть отомстить…

Воин колебался недолго. Взял с царевича слово, что тот позаботится о тетке, и через двадцать минут – можно бы и раньше, но пока письмо было написано, пока чернила высохли, пока печать… – уже был на конюшне. Из Коломенского выехать было совершенно невозможно. Толпа не трогала бояр, но любого подозрительного разодрали бы на сорок кусков, просто захмелев от безнаказанности. Поэтому мужчина поменялся одеждой с одним из конюхов, чтобы по дороге не остановили, кое-как продрался через толпу и направился в Дьяково, благо оно было рядом. Там он сообщил о ситуации младшему Разину, получил от него эскорт в виде четырех казаков – и хороших коней – и помчался в Москву что было сил. Сам Разин только ругался и ждал известий. Не с его силами было идти разгонять бунт, ой, не с его. Оставалось только ждать.

В письме, врученном Воину, был приказ всем полкам немедленно идти на помощь, в Коломенское. Ну а кто не

подчинится… по законам военного времени – и никаких проволочек.

Софья и Алексей, отправив гонцов, удрали на верхний этаж, где сейчас никого не было, нашли подходящее окно, из которого открывался хороший вид, влезли на подоконник и принялись разглядывать людей. Вокруг церкви пока еще стояли тонкой прослойкой верные царю люди, но они все прогибались и истончались под натиском толпы. Кровь пока не лилась, слава богу, но все могло перемениться в любой момент. К тому же, глядя на толпу, Софья могла различить не только всякую рвань и пьянь, но и…

– А там вроде и стрельцы есть? – Софья смотрела пристально.

– Да и одеты пришедшие не то чтобы бедно…

– Это плохо…

– Чем?

– Если это кто-то специально затеял. – Софья прикусила губу. – Отцу опасно выходить из церкви.

– Но он выйдет. И попадет к этим…

– Тут мы все равно ничего сделать не сможем.

Алексей выругался.

– Сонь, придумай что-нибудь! Ты умная!

Что она могла придумать?

– Лешка, тут ничего гениального не придумаешь. Мы пока еще бессильны. У нас здесь нет людей, нет ничего, нас даже никто не послушает… Что могли, мы сделали. Что еще?

– А если…

– Выйти к ним? – угадала Софья.

– Я – царевич.

– И что? В такой суматохе, Леша, удобно убивать. Или красть. Не говоря уж о том, что мы пока еще маленькие и грош цена нашим словам. Слушать нас не будут, зато за нами вылетит мать, и такое завертится – сто раз пожалеем о начатом…

– Черт!

Софья горько вздохнула.

– Лешка, мы сейчас можем только наблюдать и ждать. Если все пойдет по худшему сценарию и с отцом что-то случится, именно тебе брать все в свои руки. Мстить, править, наводить порядок…

– А если…

– А если по лучшему, то нам и делать ничего не придется. Отсюда все видно, посмотрим спектакль.

Про представления мальчишка знал. Устроился поудобнее, так, чтобы видно было и толпу, и церковь, где шла служба…

– Сонь, с чего это могло начаться?

– С того, Леша, что своих денег у нас нет. Чужие монеты закупаем и из них свою перечеканиваем. Не должно так быть…

– А что надо делать, чтобы…

– Свои рудники устраивать, монету такую чеканить, чтобы ее подделать сложно было, работать много…

Софья объясняла, а глаза ее не отрывались от толпы.

Специально это или спонтанно?

Кто спровоцировал? Зачем? Чего ждать дальше? Как отреагирует ее отец? Останется ли он жив? Вопросы роились взбесившимися пчелами, а ответов все не было и не было…

Оставалось только наблюдать.

* * *

Наконец служба закончилась. Двери храма открылись, и царь первым появился на пороге. Софья поневоле восхитилась Тишайшим. Простите, нужно немаленькое мужество и очень серьезный характер, чтобы выйти к ошалевшей толпе и встать на крыльце храма. Бояре-то описались…

Хотя – нет.

Афанасия Ордина-Нащокина Софья опознавала за версту. Стоит за царским плечом, гордо стоит, не прячется. Хотя ему что? Он сейчас ни к чему не причастен…

Слов Софья разобрать не могла, но видела, что отец что-то говорит, гордо выпрямившись. Видела, как к нему подходят несколько мужчин, выделившихся из толпы. Разговор длился и длился, девочка кусала губы, не обращая внимания на брата, который стискивал ее ладонь до боли…

Что же будет, что будет?

Но пока все было спокойно. Люди тихонько гудели, как высоковольтная линия, царь пытался увещевать, голос народа то повышался, то понижался, к боярам, кстати, почтения не проявляли.

Если царю поднесли что-то вроде петиции даже с поклонами, то боярам доставалось по полной программе. Хотя и не всем, а всех и не было…

Софье показалось, прошло не меньше суток, прежде чем толпа более-менее утихомирилась и двинулась в обратный путь. Это все?

Или будет продолжение?

Она бы поставила на второе. Народные гулянки так легко не заканчиваются. Или в этом времени иначе? Другой менталитет?

Она сама спровоцировала бы такое, чтобы убрать своих

политических противников. Стрела из толпы или нож под ребро в суматохе – и нет вопросов. Но то – она. А тут?

* * *

Воин Афанасьевич пришпоривал коня, стремясь быстрее попасть в столицу. А в ушах стучало набатом одно и то же.

Анна.

Отец.

Отец.

Анна.

Они – там. А он ничего не может сделать. Ни вывести их оттуда, ни даже быть рядом с любимой женщиной. К отцу не прорваться, хотя ему и не должно что-то угрожать. В последнее время он резко сдал свои позиции при дворе Алексея Михайловича и принялся укреплять их при Алексее Алексеевиче. Так что на него руку поднять не должны – осознанно, а случайно?

А случайностей в жизни немало.

Что же до царевны…

Да, терем окружен стрельцами, да, народ туда не пошел, но сколько их?

Не больше тысячи вообще всех. А бунтовщиков тысяч пять. И ведь не простые люди, нет! Нескольких он узнал!

Шепелевский полк! Агея Шепелева Воин не любил – и было за что. Тварь худородная, но умная, этого не отнять. Можно сказать, мужчины были противоположностями. Шепелев, который лез из грязи в князи, не брезгуя ничем, прилеплялся то к одному, то к другому, собирал компромат по зернышку и строил из себя этакого вояку. И Воин, который в юности был слишком порывистым и нетерпеливым, да и рода древнего… схлестываться мужчинам не приходилось, но друг о друге они слышали.

Хорошо, кабы удалось доказать его участие в этом бунте. Полетел бы выскочка далеко и со свистом, факт.

Но это потом, потом… а сейчас надо как можно скорее добраться до Москвы и привести помощь! Все-таки повезло ему – служить Алексею Алексеевичу. Если мальчишка сейчас такого разума, что же будет, как он в возраст войдет? Великим государем будет, истинно великим…

Конь мчался что есть силы, всадник зорко оглядывался по сторонам…

И ему повезло. Действительно, бунт, начавшийся в Москве, не могли оставить без внимания. Навстречу ему мчался всадник, хорошо знакомый Воину.

Патрик Гордон, офицер одного из полков…

– Осади! – рявкнул Воин. Патрик повиновался и посмотрел на мужчину. Узнал.

– Вы из Коломенского?

– Да. А вы… полк…

– Мой командир – полковник Крофорд.

– Что в Москве?

– Не знаю. Мятежники направились к вам, в Коломенское. Я хотел прорваться к царю…

– Это бесполезно. Там полно народу, вы не пройдете. Но у меня есть приказ. Скачите обратно, поднимайте полки и ведите их в Коломенское.

Патрик впился глазами в пергамент. Действительно, это был царский приказ, печать… да и сам он хотел идти туда с полком, просто тупица Крофорд колебался…

– Вы поедете со мной?

– Да. И мне нужно еще людей…

– Из Москвы вышли Матвеевский полк и полк Полтева. И Шепелевский должен быть где-то поблизости…

– Вы их не видели?

– Нет.

– Что ж, либо они, либо…

Мужчина хищно ухмыльнулся, снискав молчаливое одобрение казаков. Не то чтобы они были сильно против бунта, им тоже не нравилась ситуация с медью и серебром. Просто царевич был в Коломенском. А его они знали. И его действительно стоило защищать.

Алексей Алексеевич не замечал этого, но люди уважали мальчишку. За ум, пытливость, терпение, за отношение к людям… одним словом – за державу драться никто не собирался.

А вот за своих родных и близких…

Впрочем, людям это чаще всего и свойственно.

* * *

– ВЫ!!! Ходите невесть где!!! Мать глаза выплакала!!!

Алексей с Софьей переглянулись, безмолвно спрашивая друг друга – это еще что за явление хвоста народу? А хвост был впечатляющим. Пухлая темноволосая девочка лет так восьми-десяти гневно топала на них ножками.

Ну да, это оно и есть – сестрица Марфа.

Закончив все дела с гонцом, дети решили вернуться под присмотр мамок-нянек, чтобы потом к ним не было претензий – и

первым делом наткнулись на это чудо в перьях.

И в дорогих перьях. Одна душегрея чего стоит – вся жемчугом расшита. А золотая лента в волосах? Кстати – достаточно жидких и редких. Софья даже порадовалась за себя, она-то куда как лучше смотрелась. И румянец на щечках играл, и под платьем гуляли мышцы, а не сальце, как тут. И к чему это обиженное выражение?

На обиженных, Марфуша, воду возят…

– В чем дело? – надменно поинтересовался Алексей, перехватывая инициативу у сестры. Ему с рук спускалось то, что никогда не сошло бы Софье – и он быстро это понял. И научился пользоваться.

– Дети неразумные!

Марфа пыталась подражать кому-то из взрослых, но куда там.

Алексей, недолго думая, ухватил за руку ближайшую девку.

– А ну позвать сюда Лобанову-Ростовскую!

И перевел взгляд на Марфу.

– Ты, девка безмозглая, решила, что можешь на царевича орать? Тебе кто вообще разрешал голос поднимать?

Все-таки мальчишка тоже переволновался и сейчас с удовольствием срывался на сестре. Софья его не останавливала. Зачем?

– Твое бабье дело сидеть ровно да молиться громко, а остальное тебя не касаемо. Бодливой корове бог рога не дал!

– Государь-царевич?

Анна Никифоровна себя долго ждать не заставила, вихрем принеслась. А и то ж… если царевич в покоях, надо об этом первой царице сказать, а то и сына к ней привести…

Мальчишка ее опять разочаровал.

– Княгиня, возьмите вот это и умойте, что ли?

Марфа, действительно слегка испачканная чем-то вроде киселя, надулась. Царевич посмотрел на сестру с презрением.

– Невместно царевне себя как девке кухонной держать! Ежели не знаешь, что сказать, – промолчи. А взрослым не подражай, пока ума не нажила.

Потом взял Софью за руку и потянул за собой, оставив княгиню с царевной хлопать глазами в легком шоке. Девочка только головой покачала. Взрослеет братик. И это – хорошо.

Если так и дальше пойдет – не мальчик вырастет, но муж. Дай-то бог.

Алексей тем временем прошел через расступающуюся перед ним толпу мамок и нянек и присел рядом с бессильно лежащей на кровати царицей. Погладил ее по руке.

– Маменька, не бойся. Все хорошо будет.

Из темных глаз Марии Милославской покатились крупные слезы. Софья незримой опорой стояла рядом с братом и разглядывала свою мать.

М-да, первый бунт, во время которого толпа ворвалась в Кремль, сильно ее подкосил. Вот и сейчас… боится. Очень боится. И все же…

Ты – царица.

Должна держать себя в любой ситуации, что бы там ни происходило. А Мария расклеивается на глазах.

Судить – легко. А смогла бы сама Софья держать себя?

Хотя… странный вопрос. Она *уже* здесь. Она *уже* ведет себя как царевна и не срывается в пропасть истерики. Или она просто не представляет всей опасности бунта?

В любом случае – не стоит судить мать. Ей и так тяжело. Лучше подумать, что можно сделать, чтобы помочь ей, и примет ли она помощь. Как-то так…

Алексей утешал царицу.

Софья, которую никто не осмеливался оттеснить, думала. Больше им ничего не оставалось. Ждать и верить. Молиться?

Она бы молилась, если бы умела. Но произносить заученные слова – и вкладывать в молитву душу – вещи безусловно разные. А раз второго не дано, то не паскудь таинство первым…

* * *

Когда Алексей Михайлович появился в тереме, Алешка первый бросился отцу на шею.

– Тятенька!!!

Царица лежала без чувств. Софья тихо стушевалась в уголке. Ни к чему ей громкая известность. Вот Лешка – тот да, должен быть на виду. А ей хватит и того, что Ордин-Нащокин жив. Не хотелось бы сейчас лишиться такого полезного кадра…

– Как вы тут? Все в порядке?

– Все хорошо. Стрельцы входы перекрыли, – отчитался Лешка. И тут же, без перехода, повесил голову. – Тятенька, ты прости меня… я за подмогой послал!

– Как? Кого?

– Так младшего же Ордина-Нащокина! – Лешка был абсолютно безмятежен и наивен. – Кому ж еще и доверять, если не ему?

Старший расцвел в улыбке.

Алексей Михайлович потрепал сына по голове.

– Все в порядке будет… не волнуйся.

– Да я и не волновался. Вот матушке плохо…

– Что с ней?

– Боится она сильно…

Алексей Михайлович кивнул.

– Сейчас схожу, успокою…

Алексей незаметно переместился в угол, к Софье.

– Что теперь?

– Только ждать…

Долго ждать не пришлось, во всяком случае, новых действующих лиц. Из Дьякова примчался Аввакум и был тут же допущен к царевичу. Кинулся в ноги, поинтересовался, поздорову ли, все ли в порядке, получил утвердительный ответ и расслабился. Отошел в сторонку, тихо поинтересовался у Софьи, все ли в порядке, погладил девочку по голове и заверил, что пока он рядом – ничего плохого не случится. Софья молча выставила мужчине высокую оценку.

Ведь волновался, кинулся сюда – и застань он бунт, наверняка попытался бы увещевать людей, вышел бы к народу, проповедовал, не обращая внимания на то, что его могут убить…

Кремень, а не человек. На таких русская земля и держится.

Интересно, как развиваются события в Москве?

Софья не была бы так спокойна, знай она, что вторая группа мятежников собирается идти на подмогу первой.

* * *

А они собирались. Бунт вспыхнул не просто сам по себе, хотя и давили на людей достаточно сильно, но терпения у народа хватало. И все же во многом в бунте повинны были Милославские. Как царские родственнички, они воровали много и со вкусом, а остальным боярам это почему-то не нравилось. Наверное, потому что к кормушке не подпускали, ай-ай-ай…

И одним из вдохновителей, хотя и тайным, был боярин Матвеев.

Умен был Артамон Сергеевич, и силен, и хваток, вот только масштабов нужных никак добиться не мог. К царю хоть и вхож был, но на многое не влиял. А хотелось большего, большего…

Задумано было просто. Поднять бунт, спровоцировать беспорядки, обвинить в них Милославских, Хитрово, Ртищева и сделать так, чтобы царь удалил их от себя. Раскидать подметные письма, взбаламутить народ, нанять крикунов, чтобы накручивали побольше, прибавить стрельцов и солдат из нескольких полков, командиры которых ему обязаны, – вот и

заварится каша.

Царь напугается, пуганый уже, удалит врагов Артамоши от двора, а там и его время настанет.

Получилось все вполне неплохо. Сначала.

Первая волна бунтовщиков докатилась до Коломенского, и крикуны, недолго думая, принялись накручивать вторую. Эти были уже серьезнее, потому в Москве вспыхнули грабежи и погромы. Причем громили купцов, с которых было чем поживиться. И тех, кого громить было выгодно.

Так уж вышло, что боярин Матвеев был женат на англичанке Марии Гамильтон, получившей в крещении имя Евдокия. Родом девушка была из Немецкой слободы, но мы же не будем никого подозревать, верно?

Например, уважаемых иноземных купцов в том, что они душат конкурентов и целенаправленно устраняют их во время бунта. Это же так… нецивилизованно! Просто фи!

В Европах так не поступают, это всем известно и никому не интересно…

Сам Артамон Матвеев на всякий случай держал свой полк наготове. Ему надо было напугать царя, но не угробить, нет. Шансов взойти на престол у Артамона не было, устрани Романова – и Милославские тебя просто сожрут. Поэтому его полк и полк Полтева, который был ему кое-чем обязан, медленно двигались в Коломенское, не особо торопясь. И успеть вмешаться, если что пойдет не так – и не лезть, пока царь как следует не напугается. Тонкая такая грань…

Изменилось все в одночасье.

Всадник на гнедой лошади осадил коня перед первым рядом вояк.

– Кто главный!? У меня царская бумага!!! Приказ государя!!!

Орал Воин Афанасьевич так, что слышно было за версту. Матвеев ругнулся, но выехал вперед.

– Воин…

– Матвеев…

Мужчины друг друга знали и не любили. Но сейчас…

По красивым губам Воина скользнула коварная усмешка.

– Матвеев, царь повелел всем полкам идти срочным маршем на Коломенское, бунтовщиков разогнать нещадно, зачинщиков взять в плен! Вот приказ! Да поторапливайтесь! Промедление приравнивается к государственной измене!

Матвеев выругался про себя, в три этажа сплетя затейливые конструкции. Как неудачно-то!

Орал Ордин-Нащокин так, что слышало его все войско. Если сейчас боярин не послушается царского приказа – это конец. Хоть

и не знал Артамон Сергеевич теории вероятностей, согласно которой на сотню даже самых преданных солдат найдется два-три доносчика, но жизнью ее проверял не раз. И понимал, что сейчас придется спешно повиноваться.

Успел ли царь напугаться?

Разозлиться так точно успел…

Матвеев посмотрел на Ордина-Нащокина.

– Ты с нами?

– Мне еще до Москвы надо, царь приказал…

– Сопровождающих?

Воин отмахнулся. Мол, свои есть…

Матвеев еще раз ругнулся про себя. Несчастный случай тоже устроить не выйдет. Кто-то да уйдет – и царю все станет известно. Казаки – те еще волки вольные, их завалить тоже можно, но это ж готовить надо! С кондачка такие дела не делаются…

Придется идти в Коломенское и самому ликвидировать то, что наворотил.

И что-то там сейчас еще в Москве?

* * *

В Москве было веселее. Патрик Гордон таки добрался до полка. И если раньше он оглядывался на полковника Крофорда, то сейчас…

Бумага, которую ему показали, гласила вполне четко и понятно – разогнать бунт и прекратить беспорядки. Вот это он и будет делать. Да, именно на таких делах лейтенанты полковниками и становились. А дурак Крофорд… к черту его!

Вторая волна бунтовщиков так из Москвы и не вышла.

Патрик, примчавшись в расположение полка, показал царское распоряжение – Софья, словно чувствуя, что может понадобиться, написала его в трех экземплярах – и поднял всех по тревоге.

Речей мужчина произносить не умел, да и русский язык ему давался сложно, поэтому он ограничился кратким:

– Солдаты! Враг в городе! Убивать тех, кто сопротивляется, вязать тех, кто сдается! За Царя-батюшку! За Русь-матушку!

Этого хватило за глаза. А что такое регулярная армия против неорганизованной толпы?

Это – страшно…

Солдаты шли по улицам Москвы, без особых размышлений либо стреляя в бунтовщиков, либо беря их в бердыши, когда те сопротивлялись, если же тати сдавались, их просто связывали и отправляли на площадь до дальнейшего расследования.

Бунт заглох, не начавшись как следует. И немало купцов и торгового люда осеняли себя перед крестом, молясь за царя-батюшку, который вовремя… дай Бог ему здоровья!

Но до вечера это веселье затянулось. Патрик отправил в Коломенское солдата с докладом и остался наводить порядок. А к темноте и гонец от царя прискакал.

Алексей Михайлович благодарил за службу и обещал не оставить милостями. Бунтовщиков покамест велено было загнать в Разбойный приказ, пусть с ними там разбираются. Ну а остальное – как царь-батюшка в Москву пожалует лично…

* * *

Матвеев Софье не понравился. Слишком уж он выглядел рыцарем в своих сплошных доспехах, даже скорее напоминал идальго, слишком был западником.

Протопопу тоже Матвеев по душе не пришелся, но ругаться Аввакум пока не стал – подождем-с…

Особенно, когда мужчина спрыгнул с коня и помчался отчитываться царю, мол, так и так.

Бунтовщики кто разогнан, кто перебит, кто в плен взят, как твое величество и приказать изволило. Мы тут двумя полками, чего еще изволите?

Софьина бы воля – она бы поспрашивала, как так получилось, что полк Матвеева оказался подозрительно рядом с Коломенским? И почему бунтовщиков не перехватили еще на марше? Что они – на цыпочках мимо прокрались?

Ладно, можно было бы не перехватывать – так хоть гонца пошли, доложи по всей форме, чтобы царя без штанов… ой, пардон, в церкви не захватывали! А тут… поспел к раздаче плюшек!

Артамон раскланялся перед царем, царевичем, бросил злобный взгляд на Ордина-Нащокина, и Софья окончательно уверилась – этого надо гнать от царя.

Как?

Черт его знает! Придумаем!

Не нужен ей такой враг рядом! Нельзя ли его отправить воеводой в Сибирь, в какой-нибудь Учертанароганск?

Наверное, можно. Но это ж доказательства нужны, а где их взять?

А если…

Софья поглядела на своего деда – Илью Милославского. Вот где пройда и дрянь конченая. Как известно, все мы твари божии,

но одни – божии, а вторые – твари. Вот это – яркий представитель вторых.

Любого за Можай загонит и выгонит, если ему выгодно покажется. Вот нельзя ли ему намекнуть, что Артамон Матвеев под него копает лопатой?

Пусть они размерами… ручек померяются?

Надо только с Ординым-Нащокиным посоветоваться. А то ведь дедушка такая дрянь, хуже плесени. Один раз заведется – и черта с два выведешь…

А Алексей покамест млел от ласковых слов царя, от похвал бояр… ладно. Немного лести ребенку не помешает, а она потом объяснит, кому чего нужно. Главное – не допускать слишком громкого пения медных труб, а то пациента потеряем, не успев начать лечить. Страшная это штука…

Сама попадалась после смерти мужа.

Правда, тогда Софье повезло. Когда ее повело под сладкие речи, окончательно мозг она не распылила и дала задание не только службе безопасности, но и еще нескольким конторам. Вот из одной ответ и пришел. Ухажер ваш-де альфонс и, в общем, гнида. И частные примеры общего. По результатам и СБ на фирме почистилась. Но красиво пел, подлец!

Талантливо!

Ладно, это дело прошлого. А в настоящем… что?

В настоящем царь раздавал плюшки за подавление бунта.

Вкусняшка в виде какой-то золотой бяки досталась Артамону – нет, я таки не удержусь! Был ты Артамон – будешь Артемон! А плетку и ошейник мы тебе еще подберем – после чего оный пудель засиял медным тазиком.

Достались плюшки и Патрику Гордону – золотыми червонцами. Да такой суммой, что пекарню купить бы хватило. И подворье на Москве царь ему пожаловал. Патрик засиял, а Софья пометила себе галочкой – заняться. Амбициозные полковники – они завсегда нужны.

Похвала досталась Ордину-Нащокину, а ближе к вечеру, как примчался из столицы его сын, так и тому при всех похвалы отлили. И знал я, что ты по юношескому неразумию за границу подавался, и приятно видеть, какой сын у Афанасия вырос, и давно бы так…

А вот на вопрос о награде Воин вдруг сделал финт ушами. Упал на колени и взмолился. Так и так, царь-государь, ничего не нужно мне, оставь при царевиче для разных поручений. Тебе служить – награда, твоему сыну – тем более!

Софья, которой Алексей пересказал это в красках, только фыркнула. Ну да, где Лешка, там и Анна, а чего еще мужику надо,

если у него любоффф!?

В чем-то Воин был ей понятен. Натура увлеченная и увлекающаяся, в свое время увлекся заграницей и рванул туда. Сейчас увлекся Анной, но опасности вроде пока нет. Был бы он помоложе – было б страшно, но жизнь ему уже перья повыщипывала, теперь он осторожничает.

Вот и ладненько, ей такой дядя нужен, будет у трона, случись что, хоть один порядочный человек. А то на Милославских пробы негде ставить.

Фамилия, что ли, такая? Вроде бы дед и Илья, а на язык все равно тянется Жорж…

Как бы его приставить к делу?

* * *

Илья Милославский…

Да, приглашать его в школу было не лучшей идеей, потому и разговор велся в доме боярыни Морозовой.

Феодосия не возражала. Хотя сейчас она не возразила бы, даже если бы царевич к ней на двор стадо слонов привел. У женщины было все, что нужно для счастья. Почти все.

Сын пристроен к царевичу, доволен, счастлив, не чихает и не хворает, уж и забыл, когда болел последний раз.

Протопоп, коему она дочь духовная, из Сибири вернулся и также пребывает при царевиче. Муж, правда, болен, а брат мужа и вовсе, кажется, умирать собрался, но все там будем. Так что за них помолиться, а в остальном – порадоваться. И особенно – что в один прекрасный момент на пороге ее дома появились царевич и две царевны.

Даже на староверов гонения притихли… а там, глядишь, и царь в разум войдет? Или царевич старую веру вернет?

Так что когда Алексей попросил боярыню предоставить кабинет для разговора, та не возражала. Сама слуг гоняла, чтобы все удобнее расставили, сама указывала, сама гонца к Милославскому послала – и тот прибыл…

А чего бы и не прибыть? Не на скотный двор зовут, чай, к Морозовым! Илья и ждать себя долго не заставил, часа не прошло, как явился.

И искренне удивился, когда Феодосия провела его не к мужу, а в комнату, где за большим столом сидел невысокий мальчишка, хорошо знакомый Илье.

Светловолосый, синеглазый, серьезный не по годам – внук его. Алексей Алексеевич Романов, наследник престола.

Больше Милославский удивился бы, узнай он о том, что в комнате внуков двое и что вторая внучка прячется под столом. Но… кто б ему рассказал? А Софья предпочитала молчать и разглядывать оппонента через специально оставленные щели.

Знакомьтесь, леди! Милославский. Илья Милославский. По отчеству Данилович, по характеру пройда, по жизни – дрянь человечишка, по должности – начальник Иноземного Приказа. Придавить бы и забыть, да вот беда – пока он может быть полезен, мы и не с такими работать будем. Надо.

Шикарно характеризует мужика то, как он пролез из грязи в князи. Нет, традиция подкладывать своих дочерей под вышестоящих не двадцатым веком началась и не им закончится. Чтобы вылезти из неизвестности, Илья подложил старшую дочь под царя, а младшую под царского воспитателя. И если у Марии все сложилось не так и плохо – ну, не любит муж, но хоть и не на сорок лет ее старше и плеткой не бьет, то Анне впору в петлю было. По счастью, последнее время Борис Морозов был очень плох, так что… туда и дорога.

С Глебом Морозовым у Софьи нормальные отношения сложились, а вот с его братом – ни в какую. Нет, любезен был Бориска до патоки, но в глазах все равно злость читалась. Очень уж закусывало боярина, что жена ему детей не подарила. А вот раньше размножаться надо было! И наверняка там не в Анне дело, а в Борисе.

Ну да не до него.

Софья подглядывала из-под стола. Интересно, что делать будем, когда помещаться перестанем? Новый стол закажем или брата выучим?

А Илья Милославский тем временем смотрел на царевича и думал – зачем Алексей Алексеевич позвал его? Раньше-то интереса не проявлял?

Но внешне боярин был само почтение, кланялся много и часто, восхвалял царевича за смекалку и сообразительность… долго Алексей этого терпеть не стал.

– Дед, ты знаешь, кто бунт устроил?

От обращения Илья слегка ошалел и заткнулся. Его царь-то тестем почти никогда не называл. Илья, да Илья, хорошо хоть к кормушке допустили.

А тут царевич. Но выгоду свою старый пройда понял мигом и закланялся.

– Никак не знаю… но…

– А я вот знаю. И ты убедишься, ежели поищешь немножко.

Вот тут Илья ушки на макушке поставил. А зачем ему искать? Или…

– Правильно. Ты многим, как кость в горле. Подметные письма расклеивались, и народ подбивали идти бить Милославских. Чуешь, чем ветер пахнет?

О, Илья чуял. Алексей усмехнулся.

– Поспрашивай своих доверенных. Есть у Артамошки Матвеева подручные Сенька да Епифан. Вот и узнай, почто они к Шепелеву бегали что ни день, да кто бумагу закупал помногу… поспрашивай.

Илья только глазами хлопал. Алексей повел рукой.

– Государь-царевич…

– Ты подумай, узнай, а потом мне сообщи, что надумаешь. Один бунт неудачей закончился, кто сказал, что второму не быть? Или забыл ты про Плещеева? Про Траханиотова? Их ведь ничто не спасло, да и ты царский тесть…

Произнесено было удачно. С оттенком легкого сожаления и даже грусти, так, что Илья мигом попомнил разорванных на части помощников, пережитый ранее бунт и даже прохладное отношение царя.

Матвеев, значит?

Сначала Ордина-Нащокина подсидел, теперь под тестя царского подкапываться вздумал?

Ой, не спущу я тебе этого, Артамошка! Не спущу… ежели только подтвердится.

Царевич понаблюдал за сменой выражений на лице деда и вежливо предложил ему проверить, а потом уж поделиться своим мнением с Алексеем Алексеевичем. А вдруг он ошибся? Всякое ж бывает! Если что – он тут еще дня три будет, времени хватит… так что – мы вас не задерживаем.

Илья еще раз поклонился и ушел. Софья принялась расхваливать брата, заодно сообщая, что только она хвалит его искренне, остальные могут и свои цели преследовать. Снадобье против льстецов надо принимать заранее, по две капли скепсиса в день, в каждое ухо.

Алексей слушал, потом они с Софьей принялись обсуждать, что делать дальше, потом разговаривали с Глебом Морозовым, потом играли, потом…

А наутро приехал Ордин-Нащокин, довольный, как слон. Прямо-таки лучащийся счастьем и спокойствием.

– Все так, государь-царевич! Действительно, Матвеев за бунтом стоял – один из многих.

– А еще кто?

– Англичанишки! И ляхи проклятые.

– Этим-то чего…

– Англичанишки, вишь, узнали, что вы мастеров вывезли из

страны. Матвеев же их…

– Любит и уважает, знаем. А ляхи – тут тем более понятно…

– Да, государь-царевич. Если б вы вчера за помощью не послали, могло бы и серьезнее обернуться.

– Главное, чтобы Милославский сейчас нашел те же доказательства – и принялся жрать Матвеева, – вздохнул Алексей. Душевной симпатии ни к кому из названных мальчишка не испытывал, да и вообще… волчонок пробовал зубки.

– Дай-то бог.

Ордин-Нащокин выглядел настолько невинным и благочестивым, что Софья поняла – доказательства будут.

Обязательно.

А не пора ли ей и здесь свою СБ заводить? Чтобы всю информацию не качать из одного источника?

Пора, мой друг, пора…

* * *

Время шло.

Идей у Софьи было много, но проблема в том, что ни одну нельзя было воплотить быстро. Требовалась подготовка, навыки, люди…

Требовались металлы?

Да, но как их найти?

А как искали золото и серебро? Собирали куски руды, проверяли, но опять же! Не просто так геологические экспедиции ходили! Нужно не просто обозначить… вроде этот кусок вон оттуда, а вот тот – ежели держать от первого места на три лаптя правее солнышка и шлепать четыре дня. А то сейчас больше по принципу – нашел, а где нашел… там, на месте.

Нужны карты, люди, система доставки… и как?

Софья часами просиживала над картой, ужасаясь ее бедности и убогости. Видимо, царь всея Белыя Руси – это из-за количества белых пятен на карте. Ну очень белых.

Про масштабную линейку и вообще молчим.

Оставался один выход. Формировать артели, обещать награду за интересные образцы, искать ученых, которые определят металл… сама Софья четко знала, что золото растворяется в царской водке, а вот остальная химия была за пределами ее знаний.

Вернулся из экспедиции Михась Тыква и доложил, что два участка земли выкупить можно. И железо там вроде как может быть, просто хозяева в Москве, им не до поместий. Софья

кивнула. Надо будет выбрать. Да и Михася… хотя этого премировать сильно не стоило. Судя по тому, с каким интересом он приглядывался к ее Дуняше, – дать девушке приданое побогаче да замуж выдать. И направить мужчину заниматься добычей руды.

Деньги благо пока были.

Ордин-Нащокин по мере сил помог девочке. А еще – познакомил ее с Демидом Антуфьевым.

Тут как получилось… Софья, вспоминая все, что она знала о производстве и добыче металла, вспомнила Урал. И – сказки Бажова, которые читала когда-то. А там как раз упоминались Демидовы.

А потом речь зашла о хороших специалистах по металлу. И Ордин-Нащокин упомянул Демидку, кузнеца тульского…

Софья заинтересовалась и не пожалела.

Кузнец был… молодец! Косая сажень в плечах, а мышцы такие… стальные шары перекатываются. Но бог с ними, с мышцами, мозги были золотые. Такие люди наверх и карабкаются, им бы только в начале помочь. Софья подумала, поговорила с Алексеем – и почему нет?

Кузнецу было предложено поработать на корону. Точнее – на царевича. Чтобы он с рудой разбирался, где какая, а ему за это приятные плюшки. Помощь в развитии дела. А еще…

У кузнеца оказалось три сына – Никита, Григорий и Семен. Вот старшего, Никиту, вполне можно было взять и в царевичеву школу. Кузнец не возражал, Алексей Алексеевич – тоже.

Школа потихоньку развивалась и крепла.

Мальчишки учились, причем всю программу Софья рассчитала на четыре года. За это время они взрослели, более-менее крепли, получали нужные навыки… первое поколение, конечно, придется учить дольше всего, но овчинка стоила выделки. Второй класс пошел уже из боярских детей, третий и четвертый – Софья планировала взять купеческих и стрелецких, а потом уже принимать с большим разбором. Как обеспечить поступление в твой вуз? Сделай его престижным и недоступным.

Софья отлично знала ситуацию в России, которая уже вспоминалась сном. Там образование стало общедоступным, но снизилась его ценность. Здесь так еще долго не будет, здесь любой образованный человек – ценность. И потому Софья вовсе не собиралась отдавать бывших беспризорников в солдаты – слишком грубый расход ценного материала.

О нет.

Ее дети будут учиться четыре-пять лет, чтобы на выходе получились специалисты, умеющие читать, писать, свободно

считать, говорящие на нескольких языках, ну и общая физическая подготовка.

Владение оружием, опять же, верховая езда, борьба – да много всего. Трудно?

Вовсе нет. Трудно с дубами, у которых мама-папа и они абсолютно не понимают: для чего им учиться? Родители ж все купят, правда? То, что родители не вечны, до них просто не доходит и в результате балованные домашние детки попадают в руки небалованным волчатам. Обычно их судьба складывается достаточно печально.

Хотя и для «мажоров» есть методика перевоспитания. После того как сына боярина, несмотря на все протесты родителей, выставили за дверь школы и заявили, что к обучению не гож, потому как глуп, спесив и вообще в папу пошел, ситуация резко поменялась. Слухи-то штука такая, бояре тоже тот еще гадючий клубок, каждый спросить норовил, что – сынок и правда настолько туп? Боярин уж и в ноги царю падал – не помогло. Алексей Алексеевич с подачи Софьи решил высоко держать планку. А то один раз ослабишь, второй, а там и учить нельзя будет, у всех же самомнение…

Никому не хотелось опозорить свою семью. Да и наказания штука… неприятная…

А люди Ордина-Нащокина старались вовсю, распуская по столице слухи от правдивых, что царевич будет лично принимать участие в судьбе каждого выпускника, до вовсе уж фантастических, что каждому, окончившему царевичеву школу, чуть ли не посольский приказ под начало дадут. Во все подряд люди не верили, но…

Этот выезд Софья запланировала давно.

Проблема была в другом – где найти столько коней? Да и научить ребят строевому шагу… ну не принято сейчас это было, не пришла еще на Русь настолько жесткая муштра. Хотя… иноземцы в помощь.

Тот же Патрик Гордон, с которым достаточно близко сошелся Воин Афанасьевич, стал часто бывать в царевичевой школе – и влекли его сюда не столько порядки и желание нашпионить, сколько прекрасные глаза Лейлы.

Которая вскоре и упала в ноги Софье с просьбой. Нельзя ли ей льзя?

Софья, разумеется, разрешила – и турчанка принялась окручивать Патрика уже всерьез. Суровый шотландец таял при виде девушки в традиционном сарафане, улыбался и расплывался маслом на горячей сковороде.

Вскоре и о свадьбе заговорили. Но уходить от Софьи Лейла

даже не собиралась. А зачем, коли муж то на службе, то в Дьякове?

Лучше уж она не на подворье жить будет, а у Софьи. А на подворье людей отрядим, чтобы там всегда чисто-сытно было.

Софья только посмеивалась, думая, что породила первую эмансипированную женщину Востока. Но почему бы нет? Надо!

А пока Патрик с удовольствием отрядил нескольких подчиненных в помощь наставникам. В том числе и шотландца Джона Кеннона, который обладал трубным голосом, мерзким характером – и был неоценим при дрессировке новобранцев.

И в итоге…

1663 год

«Зеленою весной, под старою сосной…»

Мотив сам собой лез на ум. Софья и Анна маялись в возке, не показываясь наружу. Алексей же вел колонну.

По итогам второго года обучения лучшим ученикам разрешили повидать царя-батюшку и принести ему клятву на верность. То есть – целовать крест.

Алексей Алексеевич, разумеется, командовал парадом. А вчерашние беспризорники…

Было их всего три десятка – самых лучших. Из тех, кто и с конем справлялся, и с письмом, и в схватке не плошал… все в красных кафтанах, все в новых сапогах и при новом оружии, все робкие и бледные, но храбрые той отчаянной храбростью, которая во все времена заставляет мальчишек вскидывать голову и шагать навстречу опасности.

Все они выстроились в три ряда перед царским крыльцом, все не раз отрепетировали, что и как делать, но когда с крыльца шагнул вперед Алексей Михайлович…

Софья прикусила губу, сжала кулачки.

Если сейчас все пройдет красиво – люди потянутся. Намного больше, чем было до того. А ее мальчишки приобретут легальность. Можно даже сказать – легитимность.

Только бы все прошло хорошо, только бы…

* * *

Васька отчаянно трусил, но старался этого не показывать. Сидел, гордо развернув плечи, улыбался, а рука, словно обретя свою волю, крепко сжимала рукоять сабли, слишком большой для подростка. Драться он ей бы не смог, но для показухи – самое то.

Сидел, смотрел на маковки Кремля, на бесконечно прекрасный в своей яркости собор Василия Блаженного – и сердце сжималось.

Он – здесь.

А видел бы он себя со стороны лет пять тому назад, когда, как волчонок, жил впроголодь и питался объедками?

В жизни бы не поверил!

А ведь и такое бывает.

Васька был одним из лучших учеников царевичевой школы. Физическая подготовка постепенно начала ему даваться, а там и остальное подтянулось. И, незаметно для себя, стал Васька одним

из первых. А то ж… когда все приходится другому объяснять да показывать и за промахи этого человека и с тебя спрашивают – поневоле учиться станешь. А ближе к весне и объявил царевич, что лучшие будут крест целовать самому государю-батюшке!

Тут уж Васька и вовсе из кожи вон вылез, лишь бы попасть в число счастливчиков. Да и друзья его – Митроха и Тришка сюда попали. Петруха – тот нет, хоть и не слишком расстроился по этому поводу. Ну не давалась ему цифирь, что ж теперь. Зато из лука он вороне в глаз попадал…

А уж как Мишка иззавидовался, даром что княжич…

Да, вот так вот, за год мальчишки настолько сдружились, что никто из них и не помнил, кто здесь княжич, а кто грязь деревенская подзаборная…

Да и наставники старались, гоняли новичков. Куда тут ругаться – поесть иногда силенок не хватало, кое-кто за столом засыпал. Что ж, по труду и награда.

Когда на крыльцо вышел сам царь, Васька аж задохнулся от восторга. Хорошо хоть верхом был. А потом прозвучала знакомая команда.

– Спешиться!

Руки-ноги двигались без участия головы. Васька спрыгнул на землю, привычно отдал поводья подбежавшему конюху.

– Стройся! Равняйсь! Смирно!

Три ряда по десять мальчишек застыли в строю. Выпрямленные, серьезные, невероятно трогательные в своей решимости. На глаза царя – Васька видел это сам – на миг даже слезы навернулись.

Алексей Михайлович чуть кашлянул.

– Ребята… Воины земли Русской!

О чем он говорил – Васька бы и в жизни не запомнил. А за спиной словно крылья вырастали. Помнил что-то о будущих защитниках, о том, что вся земля православная на них надеется, что они первые и им будет сложнее всего…

А потом все они синхронно, по команде, опустились на одно колено и коснулись губами нательных крестов, повторяя присягу, выученную не далее как вчера. Текст присяги Софья взяла из труда боярина Морозова, да-да, того самого Бориса. И от него польза была. Только переделать чуть…[25]

«Я (имя рек) обещаюсь Христом богом нашим служить (титул царя) верно и преданно. Его царского величества государства и земель его врагам, телом и кровью, всегда сопротивление чинить. Командирам повиноваться и приказы их исполнять беспрекословно. Беречь родину свою и товарищей своих. Не отступать и не

сдаваться в бою и в строю. Не предавать честь свою и знамя свое. В чем да поможет мне Господь Бог всемогущий. Пусть покарает Он меня и потомков моих до седьмого колена, если я изменю своей клятве…»

Васька произносил заученные слова, подносил к губам крест. Говорил ответную речь царь-батюшка: мол, за такими удальцами Русь, как за каменной стеной, а в душе звенели серебряные крылья радости.

Он – достоин.

Он – один из избранных для высокой чести защищать Родину.

И по щекам мальчишки, незамеченными, падая на землю, катились слезы истового восторга.

* * *

А время шло…

Софья была довольна и спокойна. Она занималась братом, занималась своими девушками, школой, геологоразведкой… справедливости ради – не лично. Лично она возилась только с братом и с теткой. А что до остального…

Вроде бы обычная жизнь царевны?

Молитвы, посты, сплетни в светелке, разве что брат постоянно в гости заходит и все время рядом с сестрой… так разве ж плохо это?

Но даже и в светелке можно многое сделать.

Софья многое отдала на откуп доверенным лицам – и не пожалела. Когда человек пашет, как проклятый? Да когда чувствует свою личную выгоду.

Выгодно ли было Ордину-Нащокину приблизиться к царевичу? Морозовым? Трубецким, Ромодановским, еще нескольким родам?

Да еще как!

И они готовы были выполнять повеления царевича. А дальше – были бы идеи. И вот их-то у Софьи хватало.

Пока им закрыт доступ в моря?

Ладненько, перетерпим! Отписать казакам, чтобы пощипали Крым и не давали покоя османам, а англичанам, которые корабелы, дать задание. Почему бы не попробовать скрестить казачьи ладьи с английской наукой судостроения? Чтобы получилось такое судно, на котором гребцов не нужно? При штиле, оно, конечно… м-да. А с другой стороны, штиль – явление на нашей земле редкое…

Фрол Разин воспринял это с восторгом и отписал братцу. Степан Разин тоже не возражал. Ну так и…

Первые верфи закладывались в районе Новгорода Великого. Потом, уже потом Софья сможет перенести их к морю, но пока лучше и не придумать. Чтобы англичане приспособились работать на русской земле, чтобы вырастили себе помощников, чтобы…

Вот с помощниками Софья никакой вольности приказала не допускать.

Не сама, конечно. Все идеи были ее, вся озвучка – царевича. Каждый мастер обязан был выучить не меньше трех подмастерьев, да не кое-как, а хорошо. Никого не выучишь?

А не пошел бы ты, друг любезный, обратно в Англию? Там как раз Карл Стюарт-младший до трона добрался, такое вытворяет, что сразу становится ясно – в отца пошел, просто за время изгнания чуть пообтесался, но нутро то же. Кутежи, пьянки, гулянки… нет бы чего умного сделать?

Кажется, Англия уже о Кромвеле пожалела, но второго короля за сто лет пока так покритиковать не решались. Второго Кромвеля не находилось… помочь, что ли, людям по доброте душевной?

Это дело будущего, когда Карлуша окончательно доведет народ и тот задумается. Амнистию-то он сторонникам Кромвеля объявил, но тут было безвыходно – не пересажать же всю страну. Но это на словах. А на деле…

На деле, тех, кто особо тесно был связан с предыдущим режимом, очень лихо прижимали… просто не оптом, а в розницу, тишком и вроде бы за дело, так что никто из иммигрантов не рвался обратно на родину. Они уже поняли, что Алексей Алексеевич – не худший вариант, платят хорошо, работу дают, с жильем помогли… да и чего греха таить, русские красавицы английским сто очков вперед давали, не заметив этого. А вера…

Протестанты, конечно, вызвали резкое отторжение у Аввакума, но протопоп подумал – и смирился. Надо ж ему на ком-то своих учеников тренировать?

Обязательно надо, тем более что пока протестанты переубеждению не поддавались.

Аввакум себе набрал уже шестерых ребят из особо верующих и вовсю обучал их верить. Даже не так.

Веровать.

Мало знать все догмы и тезисы, мало прочитать все книги, надо еще веру в душе иметь. Софье новоявленные «юноши бледные со взором горящим» не слишком нравились, но и давить зародыш воинствующей церкви? Нет, никак нельзя.

Церковь должна быть рядом с паствой, и в строю, и в бою…

раньше-то было?

Еще как было… где-то она читала про монахов, которые в бой шли. А в двадцать первом веке?

Ага, загони патриарха в зону боевых действий – сразу будет видно, из чего он сделан. Он же на эту субстанцию со страху изойдет! Нет бы отправиться и увещевать православных не губить друг друга, или там, грешников уговаривать раскаяться.

Что поделать. В России двадцать первого века патриарх – чин больше коммерческий, чем религиозный. А Софье очень не хотелось, чтобы это было так и тут…

Узнав об Аввакуме – без дятлов жить нельзя на свете, нет… – зашевелился Никон – и Софья с неудовольствием наблюдала за его активностью в Воскресенском монастыре. Ладно бы он просто сидел и страдал, так ведь к нему народ ездит, а как этот тип умеет людей обрабатывать? Он же до сих пор – патриарх, с этим Собором ситуация как с лишением девственности. Пока раскачаются, пока поймут, как и куда…

Между прочим, отец уже пару раз заговаривал, что пора бы как-то староверов в рамки ввести. Останавливало его только то, что все они вели себя исключительно миролюбиво – Аввакум убеждать умел. Так что ругаться было и не за что…

И в то же время Софья уже начинала задумываться – а как она введет все это в рамки? Тремя пальцами креститься или двумя? Как бы это примирить? Или просто сделать, чтобы были и католики и гугеноты – и пусть живут?

Нет, лучше не надо. В это время оппонента слишком легко прибить, а единство нации определяется и единством религии.

Эх, оппоненты – попоненты.

Увы, ни одно дело не остается безнаказанным, вне зависимости от его пользы. Если друзей Софья определяла достаточно четко, то враги тоже прорезались. По минимуму, но ведь были, были же!

Просто старались не проявлять избыточной активности. А может, дотянуться не могли…

Матвеев Артамон. На старого-то царя он влиять потихоньку начинал, а вот к Алексею Алексеевичу подобраться никак не мог. Для него оптимальным было бы, вернись Лешка в Кремль, поближе к загребущим ручкам. Там-то он может и что интересненькое подсунуть, и своих людей поближе расставить…

В школу ему дотянуться не удавалось. Выявили и пресекли. До сих пор вспомнить приятно.

Матвеев, видите ли, решил, что легко найдет общий язык с англичанами, которые в количестве двенадцати персон обретались в школе. Три учителя хороших манер, два

оружейника, шестеро мануфактурщиков-овцеводов – то есть отвечающих перед Софьей за производство шерсти, за овечьи стада и прочее производство.

Ладно. Перед Алексеем. Но поскольку Софья постоянно была рядом с братом, то и перед ней. Или, учитывая тяжесть распределения груза – только ей. Алешка же действительно обещал вырасти в замечательного мужчину и серьезного правителя, но – позднее, позднее. А пока это был умный, в меру шебутной мальчишка с богатой фантазией и большим желанием двигаться вперед. Ну и в принципе – двигаться.

А планы, стратегия, бумаги и прочая скучная чушь – это все падало на плечи Софьи. Девочка задумчиво спрашивала себя – сколько она еще продержится в таком режиме – и не находила ответа.

Сейчас она все проводит под марками «Алексей, Анна, Татьяна». А если кто-то обнаружит истину?

Ладно, до путешествия из будущего никто не додумается, но объявят еще одержимой. Или бесноватой, или еще кем… увольте!

М-да, дальше придется маскироваться намного больше. Время-то идет, и ей уже ближе к пяти…

Так вот. Матвеев подослал человека к одному из овцеводов. Все было красиво. И царевич-де, мальчишка, и я умный, и ты ничего плохого не делаешь, просто осведомляешь – сформулировано было красиво. Не учел Матвеев только одного. Парень, на минуточку, по уши влюбился в одну из Софьиных девочек. Хотя Софья его понимала. Машка была очень красивой девчонкой. Толстенная золотая коса при громадных зеленых глазах, стать, улыбка… сама бы влюбилась. Ундина, да и только… да и возраст такой, почти пятнадцать, здесь как раз в это время и выдавали…

Естественно, когда встал такой выбор – между посторонним Матвеевым и своей любимой девушкой… парень в ноги бросился царевичу, благо, знал, что Алексей добр и милосерден. И выслушать никогда никого не откажется. Более того, Алексей помнил по именам всех, кто учился и работал в школе. Как? Ну, их помнила Софья, а Алексею просто рассказывала все, что происходило в школе. С анализом, в красках и в подробностях. Вот и запоминалось.

Сначала Алексей взъерепенился. Потом призадумался. А потом боярину начали «сливать дезу». А почему бы нет?

Шотландцу – приработок на приданое. Машке-то парень тоже нравился, но как за него пойдешь, когда у него пока ни кола своего, ни двора… да, все будет, но со временем. А тут такое дело…

Алексей даже пообещал, что крестной матерью у их первенца, коли решат венчаться, кто-то из царевен будет.

Так что Софья придумывала, что бы сообщить Матвееву, шотландец рассказывал, Матвеев успокаивался… и заодно – помогал.

А почему нет?

Софье было глубоко безразлично, кто поднимет то или иное производство, но пусть его поднимут и поставят! А раз так… почему бы не слить Матвееву информацию, что царевич свой флот хочет, так что любой, кто будет поставлять канаты, паруса… да и лес хорошо бы заготавливать?

Да, сама Софья не поимеет какой-то доли прибыли, но разве это важно?

Это в двадцать первом веке она была бизнес-леди. А сейчас…

Сейчас она старалась изо всех сил переключить тип мышления и с ужасом понимала, что вместо разорения конкурентов их же поддерживать и растить придется!

Что с ними потом будет – это большой вопрос. Но пока – если можно часть проблемы свалить на кого-то, так мы ее и свалим! Обязательно!

Матвеев?

Кто нам мешает – тот нам поможет! И да здравствует мудрый тов. Саахов!

Второй проблемой для Софьи стал… ее дед!

Или скорее вехой?

Илья Милославский был как раз тем человеком, который переключил ее с частного на целое. Он-то как раз старался замкнуть на свой клан как можно больше всего, и все равно ему было, страна там не страна…

Частное, а не общее. Вот я сопру, оно у меня в углу пылью покрываться будет, но оно мое будет! А что без этой деталюшки вся машина встанет – это все равно, это по фиг… зато – МОЕ!

Приказы, торговля, должности при царе…

Выбешивало Софью кумовство. То есть если Илья – царский тесть, то он за собой тащит Ивана, Иван – Степана, Степан – Семена, а Семен… сказка про репку, одним словом. И она, в своем порыве, едва не превратилась в такого же Милославского. А не надо…

У него – клан, у нее – Русь.

Вот этого дед понять никак не мог – и лез.

А чего?

Мария – Милославская?

Значит, зять должен помогать Милославским, дочь должна помогать Милославским, внук должен помогать Милославским,

внучка должна… ну, вы поняли. Милославским все кругом должны. Оптом и побольше… И этой чертовой клановой системы придерживались все!

Постановить, что ли, что царица должна быть сиротой? Надо намекнуть Алешке, что эта осиная свора все растащит, до чего доберется. И ведь все воровали…

Алексей Михайлович, хоть и бесился, но пятьдесят процентов отводил на мздоимство и казнокрадство на каждом проекте. Даже если и не знал таких слов.

А где взять тех, кто не ворует?

Софья растила, но ведь время нужно, время! Даже на то, чтобы записать сказку о Мальчише-Кибальчише – и пусть простит ее Гайдар, – но ведь идея-то какая! Просто буржуинов переименовать в иноземцев, внести немного правки – и читай!

А как еще воспитывается патриотизм?

Детскими сказками и песнями. И Софья воспитывала, понимая, что без команды она ничего не потянет. И Алексей, случись что с ней, – тоже.

Сейчас она прежней ошибки не совершит. Ее брат будет знать и о целях, и о средствах.

Так что, когда Милославский принялся подкатываться к Алексею то с подарками, то еще с чем… палками его гнать было нельзя. А вот перенаправить…

До паровозов и рельсов тут додуматься было нереально, да и ни к чему. А вот каналы…

О да!

Черта ли ссыльных на Урал гнать?

Нет, там не ссыльные нужны, а крепкие мужики, которые и ружье держать умеют, и характером удались. А вот здесь…

У Софьи возник проект…

Что является самым важным фактором?

Время!

Отсюда вывод. Дороги и каналы. Это строительство, госзаказы, подряды, это бешеные бабки… а еще – трудоустройство. И – решение кое-каких проблем. Софья все раздумывала, как бы намекнуть отцу, что отменять Юрьев день – не лучшая идея, но ведь и приказ свой отменить – не лучше, что это за царь, у которого семь пятниц на неделе? И наконец, ей пришло в голову альтернативное решение. Да, Алексей Михайлович Русь закрепостил. Алексей Алексеевич отменит, но пока…

– Редко я тебя вижу, сынок. И Сонюшку… А уж про сестриц и вовсе разговора нет. Совсем вы меня позабыли…

Алексей Михайлович вроде бы и жаловался, но улыбка

пряталась в густой русой бороде, играла смешинками в синих глазах… и Алексей обнял отца.

– Батюшка, так ведь помощников растим. Не бездельничаем.

– Вот, ежели б не это… ну погуляй пока.

– А что, тятенька…

– Хочу я, чтоб ты польским крулем стал…

Алексей наморщил нос.

– Тятенька, а что нам в той Польше? Нам османы да крымчаки куда как больше мешают.

– И до них очередь дойдет…

Ага, дойдет, как же, – меланхолично помыслила Софья. Жди… в казне голяк, с металлами швах, после бунта казна медь принялась на серебро заменять, но граждан поимела на этом по полной, заменяя медный рубль на пять копеек серебром. Так что секс власти с народом, причем последний в очень пассивной позиции, имеет глубокие исторические корни.

Тьфу!

Какая тут, на хрен, война? У себя бы разобраться?

– Тятенька, я тут подумал…

– Да?

– Жаловались мне ребята, что крестьяне-от бегут с мест…

– Бегут. Ну да ладно, поймаем…

– Тятенька, так ведь не от хорошей жизни бегут…

– А что ты предлагаешь?

– Тятенька, ежели человек хоть куда бежать готов, то возвращать его – на верную смерть обрекать.

– И? Говори, Алешенька…

– В казне денег нет… и дорог хороших нет, и каналы бы нам пригодились…

– Ну и?

– Ежели человек на все готов ради воли – пусть пять лет отработает на строительстве, а потом вольную от государя получит? И пусть селится, где пожелает… Хочет – в городе, хочет – в деревне, а захочет – так и в Сибирь пусть едет, землицу поднимать?

– Так ведь и семейные бегут.

– А разве семьям дело не найдется? Бабам – стирать надо, людей кормить надо, обшивать надо… еще и не хватит!

Алексей Михайлович задумался.

– М-да… откуда у тебя и идеи-то такие, сынок?

– Так ведь в школе все думаем. Что один придумает, что второй – вот и получается. А я только собираю да склеиваю.

– Умница ты у меня, сынок. Но это обдумать надо…

– А я могу и посчитать. Что, откуда, как лучше… хочешь?

Алексей Михайлович улыбнулся.

– Посчитай, сынок. А ты, Софьюшка, чем занимаешься?

Софья гордо подала отцу кривовато вышитую цветными шелками рубашку.

– Не побрезгуй, батюшка.

Вышивала не она, понятно, ей было некогда. Девочки поделились.

– Тятенька, а могу я – как Алешенька?

– Что именно, Сонюшка?

– Вот он ребят учит, так, может, и мне боярских дочерей собрать, учить? Чай, не глупее Европ, а девочки сидят по домам, света белого не видят.

Раньше Софья не предложила бы этого. Но сейчас у нее уже был составлен костяк «женского батальона». Найдется и кому приглядеть, и кому в рамки ввести, не одна она заниматься будет.

– А я бы приглядела, да и Танюша тоже, чтобы все было чин по чину, – вставила свой полновесный рубль Анна.

– А Танюша как?

– Просила передать, что молится за тебя ежедневно…

Молится, как же. Молиться там все молятся, но Софья сильно подозревала, что Татьяна еще и по сторонам поглядывает, вдохновленная примером Анны. У той-то с Воином все сладилось, не будь Анна царской дочерью, давно б руки ее попросил. Но приходилось таиться и молчать. Софью это тревожило, но выбора не было – не признаваться же, все в монастыре окажутся.

Впрочем, результатами беседы с отцом Софья была более чем довольна. Алексей Михайлович обещал подумать и попросил Алешу все подсчитать. Сидеть ей над пергаментом теперь долго, но может быть, хоть пятая часть ее идей выгорит? Она нарочно просила больше, чтобы получить хоть что-то. Да, не повезло ей с полом! Будь она парнем – насколько бы легче было! А так – прячься, конспирируйся и продвигай идеи через других. Неужели так всю жизнь и будет?

* * *

Следующий год прошел более-менее спокойно, не считая нескольких потрясений. Но были они не очень большие, можно сказать, лично Софьины.

Умерли Глеб и Борис Морозовы. Сначала Борис, а затем, в декабре, убрался и Глеб[26].

Реакция близких была разной. Анна Морозова рыдала и стонала как белуга. Царица взяла ее к себе и всячески

успокаивала сестру, но Софья подозревала, что больше там не горя, а игры на публику. Было б о ком плакать – не надо о покойных плохо, но ведь та еще сволота был. Ворюга, хапуга, властолюбец… раньше бы убрался – на жене бы меньше синяков осталось.

Феодосия же вроде как оплакивала мужа искренне. И то – характер у нее был сильнее, а Глеб умнее, так что сжились. Опять же, ребенка родила…

Ванечка ревел несколько дней подряд – царевны Анна и Татьяна отпаивали его успокоительными настойками, казаки сочувственно косились, а Алексей при всякой возможности заверял друга, что он-де не один на свете. И мать у него осталась, и они его не бросят…

Софья тоже старалась отвлекать парня, тем более выяснилось, что у мальчишки потрясающие способности к математике. Не голова, а живой компьютер. А потом девочка принялась заниматься с приятелем. Пока еще ей многое было можно, пока еще – дети.

Алексею математика так легко не давалась, зато казаки были от него в восторге. Да и Ибрагим…

Тавлеи – это было то, что Алексею просто-таки свыше дано. Он был стратегом от Бога. Знал, как пойти, куда ударить, как шагнуть… воин.

Но в идеале не просто вояка, а полководец.

Софья иногда думала, что их трио складывается весьма неплохо.

Она знает, как и что по хозяйству. Алексей – война на нем. Иван – казначейство. Оставалось подобрать кого-нибудь по остальным приказам – и можно перевести дыхание. Потом пусть уже мальчишки подбирают свои команды, а она будет наблюдать, ну и контролировать по мере сил.

Пока это еще получается.

Хотя мальчишки и не подозревали о строгом контроле.

Предложили им?

Они и рады заниматься. Тем более – интересно, весело и без постоянного надзора взрослых. А к Софье и прислушаться можно, она ж это придумала…

И прислушивались.

Пару неприятных минут доставила только Феодосия Морозова, которая намеревалась сама сидеть в трауре и затянуть туда Ивана. То есть мальчишка опять бы год молился и постился, а для детского здоровья это не есть хорошо. Да, каждый случай индивидуален, некоторым посетителям «Макдоналдса» и правда бы строгий пост не помешал – месяца три на пшенке и гречке, но

в Ваньке-то и так где душа держится?

Даже Алексей, который с детства регулярно травился свинцом в Кремле – сейчас уже, слава богу, водопровод почти разобрали и заменили на лиственничный, оставался только бак, – выглядел крепче и сильнее. А Ванька – просто сдыхоть костлявая.

Более того, Феодосия начинала думать о монастыре.

Отстоять парня помог протопоп Аввакум, который, узнав о намерении Феодосии запереться и посвятить себя молитвам, вознегодовал от всей души и врезал глаголом:

– Не дело ты затеяла, дочь моя, не дело! Муж твой умер – так он теперь у престола небесного пребывает, а ты горевать о том вздумала?! Более того, силы в тебе много и жизни много, а ты собираешься дух свой молитвой да постом давить? Грех! Да еще какой грех!

Нет, сказано-то было много чего еще, но все Софья просто не запомнила. Зато по окончании разговора порадовалась, что Аввакум на их стороне. Феодосия не просто раскаялась в своих побуждениях. Она на полном серьезе собралась заняться делом. А что?

У Морозовых есть земли и деньги.

А у Алексея есть скот, вывезенный из Англии. Пока его было мало – все было неплохо. Но ведь оно плодится! За овцами надо следить, за коровами, скрещивать надо, стричь, шерсть возить обрабатывать… дел – уйма. Так что вот тебе покаяние. Пока все не наладишь – и думать не смей, чтобы от мира затворяться. А сына и вовсе тащить забудь! Он здесь самое лучшее делает, что только можно! Будущему своему государю служит! Так что – цыть, баба! И пошла работать! Трудотерапия – лучшее лекарство от многих горестей и печалей.

Сам Аввакум тоже переменился за это время.

Неглупый и серьезный мужчина, несмотря на все характеристики. И даже его упор на религию… так простите – протопоп. Работа такая. А чего с Никоном не поделил да упирался… а вы б не уперлись на его месте?

Он себе выбрал цель – и все тут.

Чисто русская черта – встать и стоять насмерть. Зубами вцепиться и не разжимать их, даже когда тебе голову снесут. Но в войне она – доблесть, а в мирной жизни? Почему-то не поняли.

В школе же Аввакум нашел себя в другом. Вырастить целый орден монахов-воинов, это ли не цель? Сделать так, чтобы несли веру православную? Чтобы помнили и верили правильно. Не по канону, нет… Есть такой грех, перевод тут, ошибка там – и вот оно, первое непонимание, второе – и побежала трещина, все ширясь и ширясь. Далеко и ходить не приходится, латиняне-то!

Католик с гугенотом…

А вот понимать правильно, вот это протопоп и старался вложить в детские головы, тщательно отбирая учеников и стремясь добиться от них не тупой зубрежки, а понимания…

А параллельно еще выписал нескольких иноков из монастырей – Алексей Алексеевич в ноги отцу падал, чтобы тот патриарха попросил. Аввакум, хитрюга, не абы кого выписывал. Среда церковная – место узкое, все друг друга знают. Он и выбрал нескольких монахов из тех, кому мирское глубоко безразлично, а вот человеческие болезни…

Лекарей он выписал…

И в школе прибавился курс прикладной медицины.

Кое-что добавила Софья из своего опыта – и пошло-поехало. Аввакумовых ребят обучали по полной программе, остальных – оказывать первую помощь при ранениях. А что?

Воин все уметь должен, не только в красной шапке ходить да пищаль таскать! Нет уж!

И языки знать, и лазутчика взять, и часового снять, и «языка» добыть, и товарища накормить, и палатку поставить… а вдруг рядом с тобой слуг-то и не окажется?

Ремесло у воина такое – многогранное!

А кому не нравится – пошел вон. Насильно тут никого учить не будут, других найдем. А вот вы так и пойдете, с позором! Так что скрипели боярские дети зубами, ругались, но учились изо всех сил. А когда учат серьезно, а ты серьезно учишься – тут, поверьте, ни права качать, ни высокомерие проявлять некогда. Да и сил нет.

Правильно поставленный учебный процесс длится от восхода до заката, и сил оставляет ровно столько, чтобы хватило умыться на ночь и одеяло натянуть. И в царевичевой школе он был именно что правильным.

Второе событие было жутким. Забеременела царевна Анна. Для Софьи-то все было нормально, но она сильно подозревала, что народ не одобрит. Хотя тетка держалась, сколько могла.

Живота почти заметно не было, тошнить ее не тошнило, один раз только в обморок упала… Софья догадалась случайно. Когда ее вместе с Воином увидела… вовсе не за чтением старинных книг. Так получилось…

Софья промолчала, но за теткой наблюдать стала пристальнее. Хвостатые – они, знаете ли, плавают, а залет всегда получается неожиданно. Потому и залет.

Так что в один прекрасный момент, когда они остались одни, Софья абсолютно спокойно поинтересовалась.

– Тетя, а скоро мне братика или сестренку ждать?

Анна где стояла, там в обморок от такого вопроса и упала. Пришлось приводить в чувство, успокаивать и заверять, что никто ничего не знает. А Анна боялась. Если узнают… грех-то какой!

Плод заставят травить, Воина казнят, ее в монастырь запрут… оказалось – седьмой месяц.

Чем думали? Ну, это понятно. Что делать? Рожать, конечно. Обратно-то не рассосется. Воин знает? Знает, конечно, волнуется, предлагает ее отсюда увезти, но – куда?! Хотя, наверное, и придется.

Софья вздохнула и предложила свой вариант событий. Вроде бы ходила Анна нормально, хоть и поздняя первородка. Доносить ребенка она должна, если что – пусть тут же прячется в покоях, выгоняет всех, зовет ее с Алексеем, а там по ситуации разберемся.

Если же нет – месяц еще доходить, а там к Феодосии Морозовой в гости съездить.

Поплакать вместе об утрате для государства, помолиться, попоститься – никто и слова дурного не скажет. Здесь Татьяна за всем присмотрит, она-то в курсе?

Нет, если и подозревает чего, то молчит.

Софья только хмыкнула. Еще бы не подозревать, когда Анна мыльню стала посещать пореже и в гордом одиночестве. А уж париться – и вовсе ни-ни, вредно же…

А что молчит – ну, тут тоже неплохо. Значит, умная женщина. Генетика, знаете ли.

С Феодосией?

Договоримся. И с Аввакумом. Обвенчать вас с Воином, герои! Тайно, но чтобы дитя незаконным не было!

Знают двое – знают все?

Так и пусть знают, главное, чтобы доказать не могли. Да и то… Аввакум – священнослужитель, ему молчать – чин велит. За блуд, конечно, епитимья, но это больше Воину отольется, он-то дитя не носит. Феодосия тоже промолчит. Кремень-баба. Ну а про Софью и вовсе поминать нечего. Она только рада и вообще – дай вам бог!

Рыдала Анна по итогам разговора долго и обильно, но все-таки другой хорошей идеи не было – и она отправилась к Аввакуму на исповедь.

Протопоп такой новости не обрадовался, но желание Анны все скрыть понял и поддержал. Узнай сейчас царь – головы полетят, да и его в том числе. А протопоп к ней как-то привык. Притерпелся. Опять же, и дело его загубят, так что молчать – и молчать! С чадом что делать?

Воин его себе заберет, кормилицу найдет, воспитывать будет. Скажет – нашел, усыновит. А там – кто его знает, что дальше

будет. Зато и род не прервется…

Это Аввакум одобрил и с Феодосией сам пообещал поговорить. Хотя Анну песочил достаточно мягко, а вот Воину досталось по полной программе. Софья, конечно, не подслушала, хоть и жаль, но, по данным разведки, мужчина долго ходил по школе с красными ушами и виноватыми глазами. И правильно!

Думать надо, а не только любить! И о последствиях любви – в том числе.

Потом Аввакум вызвал на беседу и саму Софью но тут уже коса нашла на камень. Софья понимала, что плохого мужчина не желает, что он неглуп, но и решила чуть показать зубки. Она – не абы кто, она – царевна, а здесь это не строчка в паспорте. Тоже мне, Иван Васильевич с его «Очень приятно, царь…». Здесь это приходится каждым жестом подтверждать, каждым словом. И если бы Софья в свое время не командовала и не привыкла держать язык за зубами – ох и плохо бы ей пришлось.

Впрочем, беседа с протопопом началась вполне спокойно. С чая и доброй улыбки.

Погода, здоровье, природа, леденцы – зубы протопоп заговаривать умел не хуже, чем матерущий дипломат. Но и Софья была не лыком шита. Светскую беседу она поддерживала, а вот стоило ему ненавязчиво перейти к допросу…

– Умница ты, Сонюшка. Никто, почитай, и не заметил, а вот ты, девчушка глазастая…

Софья промолчала. Хвалят – и пусть хвалят. А за что? Жираф большой, ему видней…

– Ждешь братика или сестренку-то?

– Жду, отче, – вполне живо ответила Софья. – Матушка, говорят, опять в тягости, молиться за нее буду… Пусть батюшку сыном порадует…

– А про тетушку не помолишься?

– Я и так что ни день молюсь о своих родных и близких, – удивилась Соня. Шишку вам с елки, а не информацию!

Аввакум, не будь дурак, понял, что так они долго будут ходить вокруг да около, и попробовал прощупать почву сам.

– И за тетушку Анну?

– Разумеется! Как же иначе можно!

– А за ребеночка?

Софья округлила глаза по пятаку.

– Какого ребеночка, отче?

Аввакум погрозил девочке пальцем.

– Нехорошо это – лгать священнику…

– О чем, отче?

Софья решила валять дурака до последнего, пусть сам

выскажется. Так проще будет. Аввакум и не подвел. Прищурился на малявку, встретил такой же спокойный взгляд темных глаз, дружелюбную улыбку – и даже слегка растерялся. Взрослые люди под его взором немели да метались, а тут – мелочь, от земли не видно! Форма настолько не соответствовала содержанию, что даже страшновато стало.

– А хоть бы и про тетку свою.

– А в чем я лгу, отче? Сие мне неведомо…

– Ты ведь знаешь, что непраздна она…

Софья пожала плечами.

– Я, отче, ничего не знаю и знать не желаю. Не мое это дело…

– Хорошо, царевна, что ты так думаешь, ибо от пустословия может быть тут беда великая. Сама ли ты додумалась или надоумил кто?

Софья пожала плечами.

– У брата учусь, отче. Все благодаря Алешеньке, если б не он – глупой бы выросла.

– Не-ет… ты бы, царевна, точно глупой не была.

Аввакум смотрел пристально. Софья – невинными детскими глазенками. Ну да, соплюшка, пятый год на носу – и такие заявления?

Софья молчала. Взяла чашку, отпила чаю, думая, что сыворотку правды еще долго не изобретут – и слава богу. Да и наркота… знает она, как хорошо действуют иные препараты. Все расскажешь, вплоть до цвета пеленок. Чего не помнишь – и то выдашь.

– Царевна, тетка твоя сказала мне, что ты ей идею подала…

Софья вздохнула, но тут уж отпираться было глупо.

– Я, отче.

– Сама придумала?

– Лейла сказку рассказала. У них же, на Востоке, часто такое бывало…

– Сказку, говоришь?

Софья закивала с самым серьезным видом. Аввакум понимал, что она понимала, что он понимал – и так до бесконечности. Софья признаваться не собиралась, мужчина ее расколоть не мог – патовая ситуация. То есть Аввакум мог бы, но пытать царевен как-то не принято, да и времени у него столько нет, и реакция у девчонки непредсказуема. Так что – покамест все остаются при своих. Разговор окончился на вполне мирной ноте.

А через два дня Анна зашла к девочке в комнату, присела рядом на кровать.

– Спишь, Софьюшка?

– Нет… случилось что?

– Вот так вот, не Романова я теперь…

– Тетушка, как же я за тебя рада! ОН доволен?

Кивок головой. И совершенно ошалелые от счастья глаза. Ладно, будем надеяться, она к утру успокоится, а то с таким лицом и стукачей не надо. Хотя где уж без этих тварей?

Надо бы проконтролировать и убедиться, что им ничего не известно. А не то…

Софья понимала, случись что – она спокойно приговорит человека к смерти. И рука у нее не дрогнет. Чай, не младенцев безвинных убивать надо – сволочей, которые отлично знают, на что идут.

А значит, и не жаль. Но проверить ей это довелось куда как раньше…

* * *

Малашка довольно потерла руки.

За такое дело Милославский ей небось бешеных денег отвалит! Такие новости!

Царевна Анна непраздна! Да от кого! От Ордина-Нащокина!

Грех-то какой! Царевна, да без венца, нагуляла… ой-ой-ой…

Осталась самая малость. Как стемнеет, выбраться из терема, да в деревню, а там напроситься к кому в попутчики до Москвы – и бегом к Илье Милославскому, тестю цареву! Небось он рад-то будет важной весточке!

Она и не подозревала, что ее оставили в тереме исключительно с разрешения Софьи, которой проще было иметь под боком известных шпионов, чем искать неизвестное.

Захотел Милославский подкупить деревенскую девку – хорошо. Взяла она деньги от него – еще лучше. Принялась шпионить, даже не зная этого слова, – вообще великолепно!

Регулярно доносит сведения в деревню, куда раз в десять-пятнадцать дней приезжает незаметный такой человечек, якобы проезжает мимо, разговаривает с девицей и все рассказывает Милославскому.

Ну и пусть.

Малашка это даже и предательством-то не считала! Она же – симпатичная, умная, красивая, ну разве что немного рябая, но обаятельная. А ее в посудомойки! А какую-то шваль по помойкам набрали да воспитывают, платья у них не платья, туфельки не туфельки, ходят, носы дерут…

Твари!

Малашке и невдомек было, что за ней постоянно

приглядывали. А носы драли специально. И проговаривались в ее присутствии тоже только по уговору и только о нужном. А то как же? Информация обязана быть… и слушал Милославский о занятиях, о том, какой лапочка Алексей Алексеевич, о наглости девок… но с этим-то придраться не получалось! Не к чему!

Зато уж сейчас…

Она бы век ничего не узнала, но Воин был чуть неосторожен, уговаривая Анну бежать с ним. А Малашка пришла за грязной посудой, так получилось. И подслушала.

Дверь скрипнула…

– Ц-царевна?!

Софья стояла в дверях, разглядывая девку с непонятным выражением. Выглядела девочка не очень убедительно, но за ней возвышался Фрол Разин с нагайкой, и улыбка у него была… оч-чень недобрая.

– Далеко ли собралась, девица?

– Далеко ли направляешься, красавица? – поддержал Фрол.

Малашка дернулась, заметалась и была перехвачена казаками. Софья только вздохнула. М-да, культуру шпионажа тут еще развивать и развивать. Неужели кто-то думал, что она ничего не узнает? Смешно даже подумать. Она-то проходила практику на стройке, в институте, потом в конторе. А сплетни – они процветали всегда и в любой среде. Хотя сейчас и без сплетен обошлись. Просто за служанкой постоянно приглядывала то одна, то другая девушка из Софьиных подопечных. Тренировали навыки.

И когда Софье донесли, что кухонная девка, та самая, которая на Милославского работает, чего-то сама не своя, словно ее мешком пришибли, а потом и что она собирается в бега – сложить ее поход на хозяйскую часть терема и визит Воина было несложно.

И Софья не ошиблась.

Через десять минут девица была крепко увязана и с кляпом во рту вручена Фролу.

Что с ней сделают казаки – Софья и знать не хотела. Доносчику первый кнут, а собаке собачья смерть. И то – не оскорбляйте собак, пожалуйста. Они до шпионажа не опускаются.

Выловят ли труп из речки, употребят ли девку по назначению всем отрядом и прикопают в ближайшем лесочке… Софью это не волновало.

Жестоко?

А «стучать» не жестоко? Кинулась бы царевне Анне в ноги, покаялась бы, стала бы двойным агентом – еще и подзаработала бы. А так…

Да, неудобно. Теперь Милославский еще кого-нибудь подсунет, определенно. Но сейчас важнее всего время. Как только Анна родит – пусть хоть ушпионятся. А пока…

Как и в девяностые, заказывая конкурента, Софья подумала, что защищает свое. Вздохнула и ханжески возвела глаза к небу.

Покаяться?

Каюсь, Господи. Грешна…

Прости и ты меня, как я себе прощаю…

Если бы кто-то наблюдал за четырехлетней девочкой, он был бы искренне поражен ее злобной, совершенно не детской ухмылкой. Но это выражение мелькнуло и быстро исчезло. Показалось?

Да, наверное…

А кухонная девка… а что – девка? Сбежала с любовником. И хватит о ней.

1664 год

Спустя два месяца после памятного исчезновения служанки Анна разрешилась от бремени здоровущим крепким мальчишкой. Все прошло как по маслу, за неделю до родов она уехала к Морозовой, для конспирации взяв с собой Софью. Боярыня приняла их вполне радушно. Все-таки царевна, не грешница какая, да и венчана она с Воином, а любви вообще не прикажешь.

Женщины всегда такие женщины, происходит это в десятом или двадцатом веке, все они с удовольствием следят за чужими романами. Феодосия Анну не осуждала, чего уж там. Царевнам на Руси приходилось тяжко, и если хоть одна разрешила себе любить, пусть втайне, но искренне, – Бог ей в помощь! Вот уж чего иного, но зависти у Феодосии не было ни грамма. Софья оценила по достоинству.

Роды начались на два дня пораньше, чем ожидали – и через шесть часов Анна взяла на руки сына. Воин, крутившийся внизу, бледный от волнения и слегка пьяный – а что с ним было делать – беседой успокаивать? Проще было стопку-другую налить! – целовал ей руки и боялся взять мальчишку.

– Он же такой крохотный… я ему больно не сделаю?

После уверений Анны, что ничего страшного, он все-таки прижал к себе маленький пищащий комочек и вдруг улыбнулся. Вот за эту улыбку Софья все и простила мужчине.

Любит ведь…

Что там было в юности, сто лет назад… да разве важно?

Важно вот это выражение тихого счастья… запретного счастья.

И что? Софья не собиралась отдавать на расправу своих близких. Пусть сначала переступят через нее! Если в процессе переступания этих умников ни за что не схватят и не дернут…

С ребенком Анне пришлось расстаться через четыре дня. Афанасий Ордин-Нащокин вообще был тихо счастлив. Он-то и не чаял внуков дождаться, да тем более – таких. А что было особо приятно Софье – интриговать в пользу этого мальчишки никто не будет.

Ордин-Нащокин стар, Воин имеет не лучшую репутацию, его никто не поддержит, Анне это и даром не надо, а что касается Алексея Алексеевича – ему этот малыш не соперник. А еще…

Злая мыслишка, не без того, но…

Случись что – кто будет на скамейке запасных? Софьины единокровные братья?

Федор?

Так мальчишка до сих пор болеет, то понос, то золотуха, что еще из него вырастет…

А больше-то никого и нету… девки одни. А сын царевны это все лучше, чем дочь царя. Дай бог, чтобы с Лешкой было все в порядке, но ведь… чем черт не шутит?

Анна собиралась в школу, ребенку нашли кормилицу, Афанасий Лаврентьевич, кажется, даже слегка помолодевший, решил броситься царю в ноги, чтобы усыновить чадушко… жизнь продолжалась.

А в школе все было тихо, спокойно и – уютно. Дом, милый дом…

Время шло, сменялись сезоны…

– Царевич!

Не было у Фролки Разина такой привычки, в ноги падать, не было. Но вот… валялся – и слезы текли по загорелому лицу.

Алексей, недолго думая, спешился и протянул руку казаку.

– Поднимайся, Фрол. Что случилось?

– Брата моего… Иванку…

– Что с ним?

– Смертью казнить будут!

– Та-ак…

История была проста и незатейлива. Воевали.

Воевал казак Иван Разин под предводительством князя Юрия Долгорукова, воевал на польской войне, а что там толку? Не война, а пылесос для денег и сил. На зиму, так уж было заведено, казаки возвращались в станицы. А как же, хозяйство что – двадцать лет без пригляда стоять должно, пока царь не навоюется? Это вы кому другому расскажите, а казаки – товарищи хозяйственные.

Одним словом, князь приказал воевать, казаки сказали, что зимой не воюют, и подались до дому. Князь, недолго думая, встретил их по дороге и перебил почти всех. Кто разбежался, кто в плен попал.

Алексей аж сплюнул со злости. Вот ведь…

К-князь!

Выслужиться он, что ли, хотел? Эта война уж сколько тянется, сколько тянуться будет… а он православных на своих же натравливает! Чем заняться не нашел?

Вроде бы и победы одерживал, но тут-то ему чего не хватило?

Что же делать, что делать? Казни допускать нельзя, казаки нужны. Но и воевода там, а он тут. И писать ему… отец одобрит ли?

А еще поговорить с Софьей, что она еще посоветует.

* * *

Софья вообще за голову схватилась.

Нет, ну надо же так попасть! Степана Разина она уже успела оценить, хоть и заочно. Мужик умный, тертый – и вообще, про восстание Стеньки Разина даже она слышала, только с чего началось – не знала. А тут ведь могло и оказаться, что – оно. Попер казак в амбицию, когда брата казнили. Ну, пока не

казнили, но…

Ордин-Нащокин Софью сразу разочаровал.

– Нет, царевна, это все бесполезно. Государь никогда не помилует…

– Почему?!

– Потому как считает Долгорукова полезным и нужным. Он несколько побед одержал…

– То-то вы губы кривите?

– Да вояка он не слишком хороший. Против плохого противника – сойдет, а так числом больше берет, не умением…

– У нас и того нет. Вот ведь… вилы!

А вилы правда были серьезные. Отдать на казнь Ивана Разина – получить себе компанию бунтовщиков. Но кому ты это объяснишь?

Она-то знает про Разинское восстание, а остальные?

Такое даже брату не расскажешь.

Софья заперлась в светлице, положила перед собой лист бумаги и принялась размышлять.

Что там за история?

Да смердит она за такие три версты, что нюхать аж в Москве тошно!

Что, война с Польшей первый год идет?

Да ни разу!

И воюют уже лет больше, чем она на свете живет, и казаки в этой войне участвуют – и главное, что самое-то важное! Они ведь и раньше на зиму домой уходили! И Долгоруков там тоже не первый год, что он – не в курсе?

Или ему вот прямо сейчас понадобилось именно это соединение?

Настолько, чтобы гоняться по полям и лесам за Иваном Разиным со соратники и уничтожать их?

Не верю!

Плевать, что не Станиславский, все равно – НЕ ВЕРЮ!!!

Так, простите, не за дезертирами гоняются.

Даже если казаки и ушли без его разрешения…

Вариант с ущемленным самолюбием рассматриваем?

Иван Разин заявляет бедному Юрику, что им надо на зимние квартиры. Юрик ему отвечает, что надо бы вот прямо сейчас это сделать – там, город взять, врага зарубить, а потом – вали. И что – казак не согласился бы?

Согласился. Казаки тоже не идиоты, а вольница не означает полной анархии. Не первый год воюют, могли бы общий язык найти.

Но – нет.

Одни сбегают, вторые догоняют… почему?

Да, ушли казаки!

Да плюнь ты и разотри, без тебя найдется, кому им голову оторвать. Царю отпиши, мол, так и так, Ивана ж с головой выдадут, чтобы станицу не подставлял, дезертир…

Но ты на войне, тратишь время и силы, гоняешься за отрядом, который совершенно не решает погоды…

Так какого черта?!

Не вяжется это настолько, что даже страшно…

Или…

Софья прикусила губу. Поведение казаков полностью укладывалось в схему только в одном случае. Они не бежали, они – *спасались*!

Сами, или что-то спасали, или хотели донести… сейчас для выводов информации не хватает.

Надо узнать – жив ли Иван Разин – или нет. И если что… обеспечить его явку в Москву для допроса.

Впрочем, если она хоть что-то понимает – он не доедет. Ему на голову ворона нагадит со смертельным исходом.

И что бы она могла сделать в этой ситуации?

Поговорить с отцом. Ладно, не она, Алексей, но почему бы нет?

Потому что отец Долгорукову верит больше, чем казакам. Те где-то на Дону и вольница, а этот свой и проверенный. Или…

Предают всегда те, кому доверяешь.

Мог ли Долгоруков?..

Мог. Без проверки – однозначно мог. Простите, но сколько там той Польши? На карте не видать. А России? Пусть это пока не седьмая часть суши, но неужели у Руси не хватит ресурсов справиться с Польшей?

Не хватает…

Что я знаю о русско-польской войне? Я ведь живу в этом, несмотря на все попытки отгородить царевен от жизни.

Ну, началось это с того, что г. Богдан Хмельницкий предложил турецкому султану Мехмеду Четвертому принять в подданство Малороссию и Запорожье. Патриот, сразу видно!

Султан, не будь дурак, согласился. А вот папаше это сильно не понравилось. Так, чихнуть не успеешь, турки на Кремле рассядутся. Не вынесла душа поэта…

Тут же приняли в подданство Малороссию, года не прошло. А султану это чего-то не понравилось. В итоге в 1653 году Алексей Михайлович выставил претензии польскому королю, а потом и в 1654 году принялся сосредотачивать войско у границ Польши.

Ну да, Прибалтика никому не лишняя.

Почему собачиться начали с Польшей, а не с османами? Так Малороссия раньше под Польшей и была… и польскому королю тоже не понравилось, что его не спросили. Вот интересно, а на Турцию он бы тоже так наехал? Это она в XXI веке площадка для отдыха, а сейчас-то сила! И зубастенькая… Но этого мы уже не узнаем.

Армия набралась приличная, а командовали ею Трубецкой, Шереметев, Бутурлин, Ромодановский, Черкасский, Трубецкой – и до кучки – гетман Запорожского войска.

Богдан Михайлович Хмельницкий.

Весьма неоднозначная фигура… Хотя что неоднозначного во флюгере? Политик, еж его редьку… Интересно, хоть когда-нибудь были порядочные политики?

Ой, вряд ли…

Польские командиры тоже были не лыком шиты. Коронный гетман Польши Чарнецкий, великий гетман литовский Ян Сапега, гетман литовский Януш II Радзивилл, гетман Запорожского войска Выговский – неплохая подборка.

Ну и скромный такой хан Мехмед IV Гирей от Крымского ханства.

Что до мирного населения – оно вообще не определилось, под кем быть, – и видимо, для сравнения – давало всем.

Пару лет повоевали ни шатко ни валко, потом подключилась Швеция, и войну пришлось притормозить. А то влезли, понимаешь, принялись запорожцам на шведскую семью намекать… вдруг бы согласились?

Алексею это, понятно, не понравилось, и он наехал на Швецию.

Конечно, пока разбирались со Швецией, Малороссия тоже не репу копала. Помер Богдан Хмельницкий, а его преемник, некто Иван Выговский быстренько прогнулся под Польшу и принялся пинать бывших союзников. Впрочем, долго его никто терпеть не стал. Пришибли, а на его место уселся Юрий Хмельницкий – вполне себе родственник. Впрочем, хрен оказался не слаще редьки, и Юрик тоже быстренько переметнулся к полякам. А чего, булаву вручили, можете идти… по делам.

Конечно, кто-то его не одобрил, Малороссия раскололась на левобережную – как несложно догадаться, российскую – и правобережную – польскую – части.

Только вот России это не помогло, ее-то пинали уже со всех сторон и теснили тоже. И только в прошлом году начались какие-то успехи.

Ага…

А не тут ли собака порылась? Раньше присылали бездарей,

потом пришел Долгоруков, начал побеждать, Польше это оказалось серпом… по территориям, а вот что дальше?

Мог ли Долгоруков договориться с польским королем?

Почему нет?

Могли ли казаки об этом узнать?

Шито белыми нитками, но почему бы не принять за гипотезу?

Казаки узнают что-то нехорошее. Быстренько собираются и драпают, начихав на все приказы, потому как подчиняться приказам предателя – глупо. Еще и для жизни опасно.

Юрик, то ли узнав, что казаки знают, что он знает, направляется в погоню и начинает лупить их в хвост и в гриву.

Может быть такое?

Д'Артаньян, я допускаю все, – как говорил благородный граф де ла Фер.

А как говорил неблагородный Володя – *фиг ли мне с тех допусков, если Константция померла*?

Софья поразмышляла еще – и додумалась до самого простого. Попросила Воина Афанасьевича связаться со своими польскими знакомыми и выяснить – что, как, когда…

Нужны деньги?

Дадим, не проблема. Но главное – информация.

Мужчина подумал и согласился. Но вот беда – времени не было.

И Софья едва не выла в своей светелке, понимая, что ничего не успеет! Где ты, родной мой двадцать первый век?

Самолеты, телефоны, телеграфы… О!

Телеграфы!

А ведь это она запросто может изобрести! Даже напрягаться не надо, взять самые простые…

Софья в детстве очень уважала графа Монте-Кристо. Очень.

Алексей был не то чтобы успокоен, но приведен в чувство и отправился к Фролу Разину, успокаивать казака. Мол, разберемся, и обиды не простим, ничего им, гадам!

Фрол кивал головой и верил. Убедился уже.

Но письмо брату-таки отписал.

А Алексей поспешил во дворец, падать отцу в ноги.

* * *

Неделю спустя Софья готова была ругаться последними словами. Нет, ну край непуганых идиотов! Понятно, почему Россию пинают со всех сторон, – наследственность такая!

Долгоруков, чтоб ему всю жизнь острым поносом маяться –

таки казнил Ивана Разина! За дезертирство и измену родине… с-скотина!

Фрол, узнав об этом, порывался ехать и рубить подлеца, едва остановить удалось, объясняя, что рубить надо умеючи. Она же и останавливала, а Фрол все повторял: «*Не мог Ванька предать, не мог, он Русь больше матери любил…*» – и плакал.

Страшновато это, когда плачут большие сильные мужики. Жутко…

Софья смотрела и давала слово, что доберется до Долгорукова и раскопает всю эту историю. Будет она вытащена на свет божий или нет – это уже не важно. Но безнаказанным она это не оставит. Нет уж.

А вот Алексей Михайлович… Софья едва удержалась, чтобы не охарактеризовать отца по полной программе.

Все, чего добился Лешка – это поглаживание по головке и заявление: «Казаки народ ненадежный, бояре-то они свои, не лезь, не твоего ума это дело…»

А все попытки Лешки заметить, что казаки у него в школе, опять-таки были блокированы мягким: «Стрельцов пришлю».

Вот только стрельцов, среди которых каждый третий – стукач, а каждый пятый – доносчик, им и не хватало! Едва Лешка от такой радости отпихался. И принес Софье горестное известие.

Долгоруков для отца – свой. И царь его просто не отдаст.

Правильно он там казаков угробил, неправильно, царя это не интересует. Если благодаря Долгорукову, которого он знает сто лет, он одерживает победы, – отлично! А если кто-то им недоволен – это пардон, лично недовольного половые трудности.

Софья в гневе запустила чернильницей в стену, изругала отца на шести языках, включая строительный матерный, и задумалась. А потом принялась наставлять Алексея.

* * *

Царевич сидел на подоконнике и поджидал Фрола Разина, который с утра уехал по делам, да так до сих пор и не вернулся.

На душе было пасмурно и тошнотно.

Нет, он и раньше понимал, что его отец слегка… самодур и деспот, но получить настолько явное подтверждение – и в такой неудачный момент?

Ох, не ко времени…

Сынок, меня не волнует, что там произошло. Пусть Юрий одержит для меня победу – и я ему тысячу холопов прощу. Да и казаки… чем они слабее – тем лучше. А то скоро осильнеют,

бунтовать начнут – ненадежный это народец.

Ага, ненадежный… а быть-то им надежными с чего?

Это дорожка с двусторонним движением. Народ для власти, но ведь и власть для народа. А если люди понимают, что их в любой момент сдадут, как монетку меняле, у них и отношение соответствующее будет, чего ж нет?

На Дону казаки друг за друга держатся, иначе там не выжить. А на Руси всяк под себя тянет, всяк в свое гнездо… хорошо хоть сейчас он детей иначе учит…

Когда-нибудь ему будут верные помощники.

Пусть лет через десять, пусть, пока он и сам невелик и дай Бог батюшке пожить подольше.

Только жаль его, вырос под присмотром властолюбца, окружали его казнокрады и подлецы, вот и привык…

А ведь страшно представить, что он мог бы сейчас сидеть в Кремле, под присмотром таких вот… Морозовых и Матвеевых. Мог бы.

Если бы в свое время за него не взялась Софья…

Сонюшка, сестренка любимая…

Детская память избирательна. Алексей хорошо помнил детство, помнил нянек и мамок, помнил, как их разогнали, а к нему приставили воспитателей, которых он невзлюбил.

Помнил их бегающие глаза и почему-то жадные толстые пальцы в богатых перстнях.

И – скуку.

Какими же тоскливыми казались ему уроки, какую зевоту нагоняли буквы и цифирь…

Тогда он еще не знал, сколько за ними скрыто всего интересного, нужного, важного.

Зато сейчас!

Леша не обманывал себя, ему еще предстояло работать и работать, учиться и учиться, но первые шаги были сделаны достойно. И главное – он приобрел вкус к жизни.

А началось все с маленькой сестренки, которая как-то раз предложила ему поиграть.

Хотя это внешне Сонюшка маленькая, разум у нее такой, что иногда он на нее смотрит, как на старшую сестру, а то и маму. И Сонечка его любит, он-то видит. Она, конечно, скрывает, не показывает, но иногда у нее такой взгляд становится, что мальчишка понимает – за него сестра любого порвет. Зубами глотку перегрызет.

И этот взгляд ценнее сотни уверений в верности и преданности.

Не то, что другие сестры.

Дуняшка, Марфуша, Катенька, Машенька…

Любит он их всех, а вот огонек горит только в Софье. А остальные это видят, ну и завидуют. Как-никак она с Алексеем всюду, а они в Кремле сидят ровно. И не учатся ничему, да и не надо им…

Тетка Татьяна намекала, чтобы привезти сюда царевну Марфу, но Алексей пока тянул. И Софья-то была нарушением традиций. А Марфа ему тут и даром не нужна. Вдруг батюшке в голову взбредет, что Сонюшку тоже надо в Кремле затворить и никуда не выпускать?

Ох, не надо…

Никому бы не признался Алеша, но своей жизни без Софьи рядом он уже и не мыслил.

Привык, что есть кто-то, с кем всегда весело, интересно, кто расскажет, покажет, объяснит, научит, подаст новую идею… он и сам был не лыком шит, но не сравнивать же разум средневекового мальчишки – и разум переселенки, которая в своем веке прошла огонь, воду и триста метров канализации?

У Софьи было совсем иное мышление…

Алексей воспринимал мир цельным и необъятным. Софья полагала, что его можно разложить на составляющие и структурировать, и пыталась привить этот подход мальчишке. Получалось своеобразно, влияние шло в обе стороны, и если Алексей все чаще мыслил, как мальчишка двадцать первого века, жил все стремительнее, стараясь угнаться за своей сестрой, то Софья все чаще старалась как-то смягчить свой характер, а там маска и постепенно приросла к лицу.

Хищница просыпалась, только когда что-то угрожало ее близким. Но об этом Алексей не знал. А и знал бы – ничего бы не поменялось. Любимых людей по мелочам не ругают.

Любимых и близких.

– Сидишь, ждешь?

Рядом на подоконнике устроился Иван Морозов, не спрашивая разрешения.

Лешка пихнул его в бок, просто так, без злобы, чтобы дать выход энергии.

– Ты как к царевичу подходишь, холоп?

– Ох, не велите казнить, вашество, велите миловать! Сами мы не местные, деревня деревней, сопли подолом вытираем. – Ясные глаза друга были веселыми и шальными.

– Вот и вытирал бы себе…

Алексей тоже улыбался.

И как это раньше он без такого друга жил? Ни посмеяться, ни побегать, ни подраться, ни вместе поучиться, посоревноваться, да

и Ванька, когда приехал, тем еще мышонком был. Это сейчас мальчишка силы набирает, ну да и он сам не отстает…

А все, опять же, Сонюшка.

Не вытащила бы она его сюда, не было бы ни школы, ни друга, ни свободы, вкус которой уже почувствовал Алексей… и за свое он готов был драться. Князья?

Да хоть бы и с целым миром!

И Иван и Софья были – *его*.

Родные, любимые и, что не менее важно, любящие.

Он бы убил ради них, но и знал, что может доверить и сестре и другу свою спину. А они, в свою очередь, готовы были уничтожить любого, кто посягнет на Алексея.

– А вот и Фрол…

Голос друга оборвал мысли Алексея.

– Вань, позови его ко мне, а?

Иван кивнул. Он отлично понимал, что царевичу предстоит нелегкий разговор. Но вот *насколько* нелегкий…

* * *

Скрывать от Фрола Алексей ничего не стал. Не то шило, которое можно в мешок запихать. Честно сказал, что ездил к отцу, требовал разобраться и получил категорический отказ.

Фрол потемнел лицом, понимая, что правды тут не найдет, но Алексей поднял руку.

– Постой на меня ругаться. Супротив отца я пойти не могу. Но перед иконой, – мальчишка перекрестился на светлый угол, из которого строго взирала Богородица, – клянусь тебе, что разберусь в этом деле и накажу тех, кто виноват. Пусть даже и прогневается на меня отец, только не по совести это! Нельзя так…

Фрол только головой покачал.

И откуда что взялось у мальчишки?

Но ведь не лжет, это видно.

Что ж.

Поверим. Но…

* * *

Чем для Софьи был еще мучителен семнадцатый век – это отвратительно низким информационным оборотом. Пока там спишешься, пока то да се – полгода пройдет. Софья, недолго думая, попросила построить в Дьяковском и на территории

школы нечто вроде телеграфной башни – уменьшенную копию, из самых первых – и принялась налаживать их работу.

А что они представляли, первые-то?

Самый первый – вообще мельницу ветряную обыкновенную. Крылья останавливали в нужных положениях – вот тебе и сообщение.

Или гелиограф. Тут еще проще, было б небо ясным.

Маленькая заминка была за табличкой символов, но разве это проблема, когда у тебя полная школа мальчишек – и все с фантазией, и всем интересно…

Дай задание, через три дня собери результат и выбери лучшее.

И ведь получилось.

Чего другого, а ветряных мельниц по селам хватало, просто никто их так использовать не додумался. Теперь оставалось дело за малым – персонал. А то кто будет все это передавать?

Телеграфист должен отвечать трем условиям.

Быть грамотным – первое.

Быть в авторитете – второе.

Жить в том месте, где находится мельница, – третье.

И где столько умных набрать?

После недельного размышления Софье пришло в голову, что в каждой деревне должен быть поп – ну, в идеале… что они – откажут, если царь-батюшка попросит?

Ну, пусть откажут…

Сибирь – большая, Соловки – холодные.

Только вот попросит ли Алексей Михайлович? С его-то пиететом по отношению к церкви?

И нельзя ли его как-нибудь убедить? Или не его?

А чего это у нас патриарха до сих пор нет? И.о. – есть, а полноправного – никак-с? И кого изберут?

Нельзя ли как-то на это повлиять? Или лучше не лезть в тот гадюшник?

Нет, пока еще рано, вот когда Лешка будет на престоле, тогда и займемся вплотную. А пока можно Тишайшему – и в смысле скоростей тоже – простенько объяснить идею. Если заинтересуется – тогда подробности расскажем. А если нет…

Как оказалось, отца Софья недооценила. Набожность ему ну ничуть не мешала использовать церковь в своих интересах, иначе бы он столько на престоле и не просидел. А история с Никоном и вообще остатки дурмана из его головы вымела. Да, он уважал своего духовника, да, оставался глубоко верующим человеком и истово отправлял все обряды, но в то же время диссонансом звенело, что не так уж благи все иерархи… ой, далеко не так

благи…

Софья, если бы пожелала, могла бы объяснить отцу, что с этой проблемой столкнулись многие и в ее веке.

Когда веришь в Бога, но видишь, как Его паскудит церковь своими лапами, поневоле начинаешь сомневаться… Не в Боге, нет. Но в том, что между тобой и им нужны такие паскудные посредники.

А что до Софьи – она вообще считала, что церковь должна работать. И не приходскими психиатрами-регистраторами, вовсе нет.

Пусть еще и пользу приносят.

Ей вообще очень хотелось превратить церковь в гибрид просветительской конторы с врачебной практикой.

Заодно, кстати, тем, кто согласится, можно из казны доплачивать. По чуть-чуть, но ведь окупится. Ценнее информации ничего нет, за особые новости можно еще и премию…

Но для начала надо было устроить демонстрацию для родителя, который пожелал все видеть своими глазами.

А представить товар лицом – дело сложное. Надо ведь все сделать так, чтобы оценили…

Софья принялась готовить Алексея, тот – свою команду… но пока они этим занимались – приехал Степан Разин.

* * *

Из-за острова на стрежень…

Софья насвистывала эту песню с раннего утра, вот как ей сообщили – так и начала. Ей-ей, сейчас она простила даже тех придурков, которые ее сюда переселили. Познакомиться с самим Стенькой Разиным! Да за такое и умереть не жалко, тем более там она все равно бы через пару месяцев ушла тропой неба. А вот здесь…

Эх, где мои шестнадцать лет!

Выглядел Стенька так, что хотелось или облизнуться, или ухмыльнуться.

Шикарный мужчина, иначе и не скажешь.

Мышцы, рост, светлые кудри, синие нахальные глаза, широкая улыбка… не влюбиться невозможно. Бородка подстрижена, рубаха вышита на вороте… не была бы царевной – влюбилась бы, ей-ей…

Красавец, картинка!

И сам об этом отлично знает, ухмыляется ухарски, взгляды на девчонок бросает… Софья машинально отмечала реакцию своего

бабского батальона. Мало ли кто им ухмыляться будет…

Вот Груня раскраснелась, романтика полезла, мордочка томная, а у Маши в глазах чертики пляшут, ей Стенька неинтересен как мужчина.

Царевна Анна выглянула из укромного места, и в глазах равнодушие. Ну, хорош, но у нее Воин есть. А вот Татьяна едва не облизывается. Сама же Софья…

Жаль, что она не сможет присутствовать при разговоре официально. Только как привыкла – под столом. А ведь скоро и там не поместится.

И что тогда делать? В парня переодеваться?

Ладно, подумаю об этом потом.

Алексей принял Степана Разина в своем кабинете. Тот вошел, поклонился – и остался стоять. Просто смотрел.

Алексей тоже смотрел. Недолго.

Потом улыбнулся, кивнул и спокойно показал на стул напротив. Степан несколько минут колебался, но потом решил-таки сделать первый шаг и присел.

Алексей оценил и заговорил первым.

– Я не терял никого из близких, поэтому не буду говорить, что понимаю твою боль. Но обещаю, что виновник не останется безнаказанным.

Стенька смотрел снисходительно. Мол, мальчишка, что ты можешь сделать. Но сейчас у Алексея был экзамен на зрелость. Софья крепко скрещивала пальцы – для верности и на ногах. И брат ее не подвел. Смотрел все так же безмятежно.

– Скоро мне расскажут, что на самом деле произошло. Хватит ли у тебя терпения подождать вестей?

Степан сверкнул глазами. Как же! Сопливый мальчишка усомнился в его выдержке! Но Алексей смотрел спокойно.

– Ванька предать не мог. Да и не первый год мы воюем!

– Знаю. Не знаю только, кто виноват…

– Долгоруков, тварь…

– Возможно. А может, твоего брата подставил кто-то другой, а Долгоруков просто привел приговор в исполнение, не зная, что стал орудием в руках злодея. Неужели ты никогда с таким не сталкивался?

Степан помрачнел. Задумался. Видимо, Алексей попал в точку.

– Ты, государь-царевич, правду знать хочешь… а ежели князь виноват?

– То он и отвечать будет. На небе – перед Богом, а на земле – перед тобой. Или перед Фролом, ежели ты ему отмщение доверишь.

Именно так. Не месть. Отмщение.

– Мне отмщение и аз воздам…

– Это для неба. Но и на земле правосудие свершаться должно.

Такого поворота Стенька явно не ожидал. Но…

– А государь знает ли?

Алексей опустил глаза. Помолчал. Опять поднял их на собеседника.

– Для него князь ценнее казака. А для меня мои люди важнее золота.

– Ванька твоим человеком не был.

– Фрол мне добрую службу сослужил, да и ты тоже…

Мужчины помолчали. И неважно, что один – мальчишка, а у второго кровь за плечами… Сейчас у них общее дело. Общая месть. Общая готовность идти до конца. Это важнее возраста…

Они молчат. А потом Степан выдыхает откуда-то изнутри.

– Отдай мне убийцу брата, государь!

И Алексей медленно опускает веки. Под столом беззвучно выдыхает Софья. Удалось… Господи, спасибо тебе! Верю не верю – СПАСИБО!

– Мое слово.

Недосказанным остается многое, но главное уже произнесено. Не государь-царевич, нет. Это не оговорка.

Государь.

* * *

Сказать было намного легче, чем сделать. И подождать пришлось, никуда не денешься, покамест разведали, потом донесли…

Фрол извелся, Степан письма слал, но брат его же и успокаивал. Видел, что не впустую время уходит, что не лгал ему царевич, что вестей ждет…

А тем временем и остальные дела делались.

Ордин-Нащокин бросился царю в ноги, умоляя признать внука. Алексей Михайлович сильно рассердился на блуд без благословения, но потом чуть успокоился. Как говорится – а кто не грешен?

А если ребенка мужчина признать хочет… а мать где?

Нет матери?

Жалость какая…

Опытный дипломат, Ордин-Нащокин извернулся так, что было непонятно, жива мать или нет, но общее впечатление создавалось в пользу чуть ли не дворовой девки, на которой

жениться уж никак невместно. А вот дитя признать – вполне богоугодно. Не должен род пресечься, никак не должен!

Так что малыша крестили Романом Ординым-Нащокиным и порадовались. Анна вообще расцвела, все-таки родное чадо…

Татьяна не удержалась, конечно, так что Софья однажды стала свидетельницей сестринского разговора «по душам».

Она не подслушивала, боже упаси. Она – осведомлялась. А в данном случае – когда все спали, направилась к царевне Анне, поговорить с ней. И…

– …в уме ли ты, сестрица? Да на тебя поглядеть – слепому все видно будет.

– Я никогда счастлива так не была. Танечка, родная, помолись за меня!

– За что молиться? За жизнь вашу в грехе?

Помолчи, тетя! Не говори про брак!!! – что есть силы взмолилась про себя Софья. – *Господи, помоги!!!*

То ли день был удачный, то ли молитвы ребенка имели силу, но…

– Танюша, пусть ворованный, пусть час, но мой! Мой он! Ведь мы все пустоцветы… а если б ты знала, какое это счастье! Когда любишь, когда любима…

– Мне такого не выпало!

– Так ведь все от тебя зависит! Ты красавица и умница! Только плечом поведи, глазом мигни!

– Я царская дочь, мне что – с конюхами по кустам валяться?

А подтекстом – как ты, сестрица…

Анна тоже лицом в грязь не ударила.

– Когда полюбишь – и конюх для тебя королевичем будет, знаю, что недостойному ты сердце не отдашь. А без любви, хоть бы и королевич заморский, а все будет хуже последнего конюха.

Кажется, попала не в бровь, а в глаз. Татьяна пригорюнилась.

– Ох, сестрица, а есть ли та любовь…

– Есть. Только верь мне.

Софья потихоньку отползла от двери. Теперь надо удвоить присмотр за Татьяной. А, ладно. Лишний повод потренировать девчонок.

* * *

Спустя месяц состоялись испытания самого примитивного гелиографа.

Не того, конечно, который использовался для съемок, а самого простого. Металлической пластины, способной передавать

световые сигналы. Делалось все очень просто, благо день был ясный.

Алексей Михайлович написал записку, потом верховой отнес ее к ребятам у гелиографа – и те принялись сигналить.

Алексей Алексеевич, бледный от волнений, принялся расшифровывать примитивную азбуку Морзе. А что тут еще лучше придумаешь?

– Точка… тире… еще две точки…

Алексей Михайлович смотрел чуть насмешливо, шушукались бояре, Софья, сидящая в возке – а вдруг кто увидит! – вместе с двумя царевнами переживала за брата.

Но вскоре лицо мальчишки прояснилось.

– Пригодно ли сие изобретение для целей воинских?

Алексей Михайлович только головой покачал. Вот именно этот вопрос и был в записке. А сын улыбнулся, широко и открыто.

– Не всегда, батюшка, но пригодно. Мы таковыми сигналами многое сказать можем, а враг и не поймет сразу.

– Хорошая придумка, сыне… А еще для чего она гожа?

– Кораблям можно так же общаться. Сообщения передавать… да мало ли! Не всегда ж можно гонца послать. А тревогу просигналить всяко проще…

– А дорога ли придумка?

При виде обычной блестящей металлической пластины царь только головой покачал.

– Вроде бы и недорого… обдумать надо.

Алексей сразу нахмурился. Что это такое – обдумать, он уже знал. Считай, представить на рассмотрение боярской думе, а там и получше проекты потонут без следа. Им-то невыгодно, если своровать не получается! Но и ругаться не стал.

– Батюшка, письмо у меня. Донской казак Степан Разин челом тебе бьет.

– И чего он желает?

– Пишет он, что брата его сказнили смертью лютой – невиновного.

– Вот как? И кто?

– Воевода твой. Юрий Долгоруков…

– Юрия я знаю, сыне. Просто так никого он не казнил бы…

– А он и не просто так, батюшка. Позволишь ли рассказать, что мне ведомо?

– Позволю, сыне. Только не здесь и не сейчас…

Алексей Алексеевич кивнул – мол, подожду. А царь с умилением поглядел на белобрысую макушку сына.

Умница растет.

Наследник…

Государь всея земли православной.

* * *

Разговор с отцом вышел у Алексея нелегким. Хоть и были рядом Софья, Анна и Татьяна, последнее время начавшая симпатизировать казакам, но основная нагрузка упала на плечи мальчишки.

Вечером, поздно, когда удалились все остальные, когда Лешка посмотрел на отца и попросил разрешения тетушкам да сестренке остаться – мол, у меня от них секретов нет, Алексей Михайлович кивнул и пригласил ребенка в свой кабинет.

Красивый, весь в золоте… Лешка не мог не оценить, насколько у него удобнее.

Золота нет, так оно и не надобно, и оружие дорогое по стенам не развешано, так и на кой оно в кабинете? Перья саблей точить?

Зато у него все просто, полки вдоль стен, на них свитки и книги, все по делу, ничего лишнего нет, но нет и ненужного. Стол только великоват, но это на вырост.

– Когда-нибудь все твое будет, сынок… – неправильно понял интерес сына Тишайший.

– Тятенька, проживи еще сто лет! – тут же отреагировал мальчишка. – Чем позже я шапку Мономахову надену, тем больше поживу спокойно.

Тишайший только усмехнулся. Не без того, ой, не без того…

– Умен ты, сынок, не по годам. В Кремль обратно не хочешь?

– Нет, батюшка. Здесь уж ты бояр гоняй, а я у себя в школе буду тебе помощников растить.

– Мне ли? А то и себе?

– Земле православной, государь. Ей, родине-матушке, и только ей. А то ведь кого ни возьми, никто Руси не служит, всяк себе урвать пытается. Дедушка мой, Милославский, сколько раз бит был, народом ненавидим, а все хапает, словно на тот свет с собой унести собрался.

– Да-а, сынок, мне бы в твои годы так рассуждать. А об Илье ты зря так, он человек полезный…

Чего стоило Алексею проглотить ехидное: «Не все то полезно, что в душу полезло», – только он знал. Но проглотил и невинно улыбнулся.

– Тятенька, ты бы передал ему, что ежели хочет он что узнать, так пусть у меня и спрашивает, а не подсылов шлет?

– А шлет?

– А то как же, тятенька. Пытается понять, где с моей школы себе кусок урвать можно.

– И где же?

– Ему пока то неведомо.

– Умен ты, Алешка, умен. Женить тебя скоро будем, вот что…

Алексей на минуту даже опешил от такого предложения, хотел возразить, но потом вспомнил Софью. Лучшее, что он мог сейчас сделать…

– Это дело важное, тятенька, все обдумать надо. Ты ведь со мной посоветуешься, как время придет?

Алексей Михайлович только головой покачал.

– Как же иначе, сынок. Тебе жить, но тебе и государством править. Так что выбирать будем…

Алешка улыбнулся отцу и перешел к делу.

– Батюшка, так что мне казакам ответить?

– Скажи, что несправедливых решений Долгоруков не принимает. Ежели решил казнить, значит, за дело.

Челобитная так и осталась лежать.

– Батюшка, а ежели невиновны казаки? И то мне доподлинно известно?

Тишайший нахмурился.

– Алешенька, меня эти холопы не волнуют. Мне бы с войной этой разобраться, а ты мне про такие глупости. Да пока Юрий мне сражения выигрывает – пусть хоть всех их перевешает, слова не скажу.

Алексей покосился на Софью. Именно это сестренка ему и предсказала, почти дословно. И ведь был, был разговор с отцом, но тогда предварительно, а сейчас все было сказано открытым текстом… ой, плохо.

– Тятенька, да разве ж можно так…

– Все, Алеша. Не лезь в дела, которые тебе пока не по уму. Юрка предан мне, словно пес, да и сын его, Мишка, добром мне служит. Не касайся того, что тебе не надобно. Лучше расскажи мне, что ты там за игры в мяч придумал в школе своей?

Алексей вздохнул и принялся рассказывать, понимая, что настаивать бесполезно. Визгу будет много, пользы мало, а раз так – к чему?

А игры?

Да все те же. Футбол, баскетбол, волейбол, пионербол, а зимой хоккей. Лучше для мальчишек еще и не придумали ничего. Только названия пришлось давать свои.

Ножный мяч, сетка, корзинка, ледобой…

Чуть подтолкнуть, сформировать команды – и еще как будут гоняться, а заодно и свою физическую форму подтянут.

Уже поздно вечером, в Коломенском, Алексей проскользнул в покои к сестре.

– Сонь, ты права была. Отец и слушать не захотел.

Софья пожала плечами. Не без того. Казаки были им списаны в расход, она и сама так поступала, только вот сейчас Долгоруков ей и даром не нужен был, а вот казаки – позарез. Вывод напрашивался сам собой.

– Подожди. Вот война закончится, приедет он сюда – и перевернется на нашей улице возок с пряниками.

– А Степан до той поры подождет? А Фрол?

– Куда они денутся. Мы сейчас их единственная надежда, ведь неглупы оба, понимают, что против государства не пойдешь…

– Но попытаться могут…

– А мы попытаемся их удержать.

Софья успокаивала брата, а сама думала, что надо отписать Степану. Он из двоих братьев сильнее, злее и хуже поддается влиянию, ну да ладно. Уломаем. А еще надо поговорить с Ибрагимом.

По ядам он специалист, работа такая. И распознать, и вылечить, и сделать.

Ей сейчас последнее нужно больше всего.

Не резать же ножичком воеводу? Никак нельзя. Но и спускать такие радости жизни она ему не собирается. Тем более, если она все правильно просчитала – через год-полтора он дома и будет, с победой. Или тем, что называется победой.

Лешка наконец наговорился и выскользнул за дверь. Софья сидела в позе лотоса и размышляла.

Донесения с фронта выдались паршивыми, и другого слова им подобрать было нельзя.

Почему были казнены казаки, и что вообще скрывалось за всеми этими радостями?

А вот что. Когда Долгоруков прибыл на фронт, он начал всех строить и пинать. Армия зашевелилась и принялась гонять поляков. Одержали несколько побед, и кое-какие вполне убедительные. Ян Казимир Ваза, его величество, отлично понимая, что если так будет и дальше, его просто свергнут, решил сделать ход конем. Договориться с Долгоруковым, чтобы происходили не битвы, а баталии. То есть не сражения, а заранее расписанные стычки. Потом Россия полупобедит-полупроиграет, заключат мир… ну не тянула Речь Посполитая на такую долгую войну, не тянула! И Ян отлично понимал, что еще года три – и его свои же зароют.

Дураком означенный король отнюдь не был.

Послал гонца договориться с Юриком – общий язык они нашли, а казаками решили пожертвовать, как разменной монеткой. И почему-то Ивану Разину это не понравилось.

Да, никто его не оповещал. Но…

Юрий Долгоруков, как настоящий князь, не мог приехать на войну без обоза. И оказалась в нем одна очень красивая холопка с приятным голосом. Очень уж любил старый черт, когда та ему по вечерам Библию вслух читала. И только Библию, а то ж! Как вы могли подумать что-то еще, он же до блуда никогда не опустится, правда?

Благородному князю невместно!

А вот холопке… захотелось девушке, чтобы ее талант чтицы оценил и молодой красивый казак. Ну и…

Казак-то оценил, от нее и узнали о планах Юрки. Иван-то надеялся все уладить миром, но куда там! Князь пошел в амбицию, сначала не отпустил их на зимние квартиры, а потом…

Потом и история с девицей раскрылась. Долгоруков рогов не простил. Девку отдали обозникам, князю нашли новую чтицу, а казаки попали как кур в ощип.

Иван решил бежать. Их и так собирались разменять, так чего терять? Все-таки отношение к казакам было… своеобразное. Вроде бы и православные, а все ж не свои, ой, не свои…

Так вроде и предать их не за грех.

С бегством же… могло повезти. Могло – не повезти. А если может, то и не везет и не едет.

Теперь, по логике вещей, можно было ждать пары побед от Долгорукова, пары побед от Яна Казимира – и предложения перемирия. Там Ежи Любомирский воду хорошо помутил, остальная шляхта поняла, что они здесь тоже не хвост собачий, Вишневецкие, Собеские, еще кое-кто…

Одним словом, казаки пошли разменной монеткой, от чужих ушли, а свои их и догнали…

Это Софья и объяснила Фролу. Точнее, объяснял Алексей. А вот Степану Софья собиралась писать сама, пусть Лешка подпишет…

От размышлений ее отвлекла скрипнувшая дверь.

– Кто там?

– Сидишь, выскочка?

Софья пригляделась к ночной гостье и без особого удивления узнала в ней царевну Марфу. Ну, тут все ясно. Татьяна уехала, ее не берут, одиноко, тоскливо, заняться нечем, мозгов не хватает, зато дури и злости – выше ушей. Да и возраст такой… тринадцать лет, это в двадцать первом веке сопливое детство, а здесь уже вполне себе юность. Замуж выдавать можно, да не выдадут, вот и

бесится девка. А вот что с ней делать?

Драку устроить?

Софья мелковата была для драки. Может, она и справится с незваной гостьей, но шум поднимется, слуги прибегут, Марфе-то что, а Софью могут и в Кремле оставить, если Лешка не отстоит. А может и не получиться. То есть…

Если бить – то наверняка. И в горло, чтобы не шумела.

Хорошо, что служанок здесь с Софьей нет, стены толстые, а покои на отшибе. Терем царевны Татьяны, который пока еще не заняло бабское царство.

А потому…

Софья схватила сестру за руку, резко рванула на себя, подставила подножку – и когда та влетела в комнату, крепко приложившись плечом об кровать, захлопнула дверь.

– Тебе чего тут надобно?

– Ты! – Марфа злобно блеснула глазами. – Ты на меня руку подняла, да я ж тебе!

– Да ничего ты мне. – Софья стояла спокойно, но под рубашкой каждая мышца ее тела дрожала от напряжения. Дикого, почти непосильного.

Она еще соплюшка, и десяти лет нет, да и мелковата она для своего возраста. А Марфа – крупная, неуклюжая, отъелась на кремлевских харчах…

И все же кричать нельзя, а как с ней сладить без крика?

Но если кинется – придется бить без всякой жалости. Вынести коленный сустав, оглушить… а вот где она дальше окажется?

– Я тоже царская дочь! И угрожать мне не смей.

– Я… а я тятеньке скажу!

– Скажи, скажи… Так и скажи, пришла с добром, а меня пинком. И не бросалась я вовсе на младшую сестру, и синяков ей поставить не пыталась, и волосья повыдергать, правда?

Марфа на миг примолкла, понимая, что ей-то тоже придется оправдываться. Софья у себя в покоях, Марфины же достаточно далеко отсюда. Опять же, Софья еще дитя, а Марфа уже первую кровь уронила, с нее спрос другой. И объясни матушке с батюшкой, для чего ты по терему ночами бегаешь?

Ой, стыд-то какой…

– Или мне самой людей крикнуть? Скажу, что вошел кто-то, бить меня вздумал, а я и не разглядела…

– Как так?

– А вот так, – Софья кивнула на свечку в красивом поставце. – Сейчас дуну – и доказывай потом, что она горела.

– Гадина ты!

– И что? – Софья была спокойна и невинна. – Гады –

полезные, а вот ты-то кто?

Марфа аж опешила от такого заявления.

– Т-ты…

– Я. Я хоть Лешку развлекаю, говорю с ним, стараюсь, чтобы братику со мной теплее было, а ты-то для чего на свет родилась? Чем ты занимаешься? Тряпки шелками расшиваешь? Так и без тебя найдется, кому их вышить. По садику гуляешь? Так и это не дело!

Марфа аж стушевалась. Ну не могла эта малявка говорить с ней таким уверенным, почти хозяйским тоном, и все-таки говорила. И говорила то, что девчонка и сама о себе уже понимала.

Действительно – пустоцвет. Ни добра, ни пользы… одно имя, что царская дочь, а на деле так всю жизнь и проживешь в своей клетке. Потому и завидовала так Софье – она-то не здесь, она *там*! А лучше там или хуже – неважно!

– А что ты…

– Что я могу предложить? Да уж немало! Обсудим?

Марфа ошалело кивнула. Софья чуть расслабилась и протянула девчонке руку.

– Вставай давай. Нечего на полу валяться!

И облегченно перевела дух, когда удалось поднять сестрицу и усадить на кровать. Нет, подвоха не было. А значит – объект к обработке напильничком готов. Вот и…

Софья отлично осознавала, что лучшая команда – это семья. Да и союзы с другими странами скреплять надо бы, а кем? Сестер ведь прорва, вот и…

Католики там, гугеноты… на то и поп в церкви, чтобы баранов за собой водить. Как объяснит, так и примут. Но для начала надо сделать Марфу такой, чтоб не стыдно было за девчонку. А с чего начать?

С промывания мозга.

Благо он определенно есть. И мозг, и храбрость, и решительность – если уж она рискнула пробраться в покои к Софье и устроить скандал. Энергии тоже хватает, а значит – перенаправим в нужное русло. Ну, держись, Марфушенька-душенька!

Сестры проговорили больше трех часов, а потом так и заснули на одной кровати. По разным углам, но все-таки не пытаясь больше сцепиться.

Никому и никогда не рассказывала Марфа, что ей говорила Софья этой ночью. И о своих ощущениях не рассказывала, но казалось ей иногда, что Сонечка старше ее на десятки лет.

Пусть ребенок, но как она говорила, как держала себя, как

объясняла… тетка Анна, та, что матушкина сестра, ей и в подметки не годилась. У Софьи было чему поучиться. А еще Марфа получила самое ценное в ее положении. Надежду выбраться из мерзкого терема и ради нее готова была на все.

Да Софья ничего и не требовала. Сказала просто, что пришлет своих девушек Марфуше в служанки, а та пусть слушается. Учится, читает, что указано, работает над собой, а то ведь посватается королевич, а она квашня квашней… самой же стыдно будет!

В свою очередь, Софья собиралась тренировать девушек на кремлевской помойке.

Собирать сведения о женской половине терема, шпионить, а заодно развивать и преподавательские таланты. Марфой надо было заниматься всерьез. Лишать пирогов и добавлять знаний.

Смогут?

Плюс балл.

Нет? Минус!

А там, благословясь, и до других сестер доберемся. А нечего за пяльцами просиживать! Вышивальщиц по Руси – кого ни спроси. А царевен – считаное число. Надо, надо их к делу приставлять.

* * *

Степан Разин приехал еще через четыре месяца.

И Алексей вновь пригласил его в кабинет. Хотя на этот раз беседа шла легче. Или – сложнее? Мальчишка уж точно по окончании разговора был – хоть выжимай. А Софья еще раз проклинала свое женское тело. Сволочи чародейские! Не могли ее парнем сделать, насколько бы легче было!

А с другой стороны – бабы-с… у нее-то ориентация натуральная, а царевич обязан наследника сделать. И как бы это сочеталось?

Нет уж, мы и в этом теле попробуем устроиться. Уже устроились.

Разговор опять начал Алексей.

– Степан, узнал я все о твоем брате. Отписал ли тебе Фрол?

– Отписал, государь-царевич. И о царском решении тако же отписал.

– Отец мой слово свое сказал и спорить с ним мне невместно.

Голубые глаза потухли, как два уголька. Судя по выражению лица, Степан ждал предложения смириться и помолиться. Не дождался.

– А потому прошу поверить мне. Есть справедливость на небе, но есть и на земле. И как только приедет Долгоруков в Москву – взмолюсь я небесам, дабы покарали они убийцу не позднее, чем в десятидневный срок.

У атамана отвисла челюсть. Лешка смотрел с выражением полной невинности. Он понимал, *что именно* сейчас сказал, ведь и выбора другого не было. А остальное – Софья пообещала что-нибудь придумать, она и придумает. Обязательно.

Единственное, что смог выдавить слегка одуревший от такого поворота атаман, это:

– А уверен ли ты, царевич, что ежели государь узнает о молитве, не прогневается он?

– Так молиться никому не запрещено. А ежели то, что я узнал – правда, то будет здесь враг твой, года не пройдет. Потому и прошу я тебя поверить мне на это время. Не ехать же мне в Польшу… молиться. Батюшка не отпустит.

– Да неужто некому помолиться съездить? – искренне удивился Степан. А в голубых глазах вовсю гуляли веселые искры. Намек был понят.

– Так ведь на родимой земле и молитва сильнее…

Алексей тоже усмехался. Съездить-то можно, да вернуться будет сложно. А у него пока не так много верных людей, чтобы ими рисковать. Нет уж, не надо…

– Хорошо, государь-царевич. Подожду я… твоей молитвы. А помощь не нужна ли тебе в этом деле?

– Да пока своими силами надеемся обойтись. – Царевич смотрел уже иначе. Спокойно и серьезно. – Но ежели что – я весточку через Фрола передам?

– Да, государь.

1668 год

Время шло.

Умер Илья Милославский. Софья фыркнула, перекрестилась и забыла. Был человек – и нет его. Зато во главе клана встал Иван Милославский, его четвероюродный племянник – тоже та еще лиса с хвостом.

Примерно через год после казни Ивана Разина был наконец заключен мир между Россией и Речью Посполитой и начались переговоры в деревне Андрусово.

Армию большей частью отозвали домой.

В том числе и Юрия Долгорукова.

Ну да, для войны он подходит, а вот в мирное время другие таланты требуются.

Лешка присутствовал на торжественной встрече. Царь полководцев захвалил, пожаловал драгоценными подарками и закатил пир горой.

Алексею это все было безразлично.

Его дело и его жизнь были в школе.

Там учили людей, там были несколько опытных производств, там неподалеку разводили овец, а Софья, выписав из заморских стран диковинные овощи, пробовала разводить их на опытном участке, как она назвала это место. Лешка сначала не понимал, почему этот участок называется опытным, но потом решил, что, видимо, там нарабатывается опыт, и успокоился.

Здесь же…

Софья регулярно рассказывала ему кто и что собой представляет, поэтому смотреть было интересно. Еще забавнее было разговаривать – и видеть, как один из бояр потеет под шубой от страха не понравиться наследнику, второй пытается заискивать, а третий – завоевать расположение подарком.

Но это он сейчас разбирается…

А вот и искомый человек.

Юрий Долгоруков был у царя одним из первых. Земно поклонился, получил в награду несколько деревенек и золото, еще раз поклонился и отошел.

Алексей проводил его взглядом.

Ну, если вот так посмотреть – что можно сказать о мужчине?

Немолод, уж седина на висках. Крепок. Лицо жесткое, даже жестокое. Такой будет гнать полки на врага до победы, не думая, сколько крови придется пролить. Солдаты таких не любят, а это важно. Как Софья говорила?

Слуга царю, отец солдатам?

Ну, на слугу он тоже не слишком похож. Слишком уж властолюбив. Это в каждом движении, в каждом жесте, слове, улыбке чувствуется.

Такому дай власть – он возьмет и еще запросит, а ведь и так комнатный боярин, и так к царю приближен… случись что с отцом, кто опекать царевича будет?

Этот подомнет кого хочешь… нужен ли ему такой человек рядом? Он не принадлежит Алексею, скорее постарается, чтоб было наоборот. Вот Ордин-Нащокин уже весь принадлежит царской семье, с потрохами, а этот горд избыточно… не пойдет.

И сына он в комнатные стольники пропихнул, все при царе… не пойдет.

Интересно, что придумала Софья?

* * *

К вопросу ликвидации Долгорукова Софья подошла со всей серьезностью.

Как-никак, герой, царем обласкан, так что если заподозрят убийство – копать будут по полной и всерьез.

И головы полетят, уж ее-то точно. Сидеть в монастыре или бежать оттуда и скитаться невесть где, а также терять все наработки Софье не хотелось.

Смерть должна была выглядеть естественной. Более чем.

Значит, кинжал отменялся. Несчастный случай?

Где ты, родной двадцать первый век. Там это организовывалось легко и с блеском, здесь же специалистов таких не было.

Посвящать кого-то?

Ой, не надо. Такие дела тихо делаются, чтобы потом никто не подкопался.

Идею подсказала прежняя жизнь.

Яд и только яд.

Какой?

Да хотя бы и бледные поганки. Найти легко, собрать несложно, а уж яд из них выделить, имея такого специалиста, как Ибрагим?

Вообще не вопрос.

Остальное разделили на несколько частей.

Поганки со всеми предосторожностями собирал Софьин «женский батальон». Яд готовил Ибрагим, причем молчали и о том, и о другом.

А уж спустя несколько недель…

Подарков Долгорукову несли много, самых разных и интересных, подлизываясь к временному фавориту царя. Так что эти два проскользнули незамеченными.

Роскошная чаша, золотая, с каменьями (от сердца оторвал Степан Разин). Трофей из одного его похода. Софья мужчину понимала, сама восхищалась. Идеальная форма, алые и голубые камни, эмаль…

Яд был нанесен на камни на ножке. Из расчета, что чашу будут брать в руки и вертеть. А потом – мало ли.

Но этого именно что было мало.

И в ход пошла еще и книга. Роскошный том по военной тематике, с гравюрами, на немецком языке – Софья сама восхищалась.

Ядом пропитали страницы так, что несколько уголков в разных местах слиплись.

Отослали подарки якобы от Матвеева, который как раз был в отъезде.

И принялись ждать результата.

Софья так никогда и не узнала, что сработало. Чаша ли, книга ли…

Ее это никогда и не волновало. Главное, что спустя три дня Юрий Долгоруков скончался в страшных мучениях. Царь приказал провести дознание, но ничего толком не выяснили.

Сынок Юрия, Михайла, вопил, что убийц отца найдет, но – вот афронт! Лекари-то считали его смерть вполне естественной.

А точнее – по неосторожности. Софья потом узнала, что Юрий грибы любил во всех их видах, вот и свалили всю вину на поваров. Тут ее совесть пригрызла, чего уж там. Неповинных людей было жалко. Она постановила себе узнать, кто пострадал, и помочь. Либо им, либо семьям.

Но Алексею ничего не сказала.

Ни к чему такое на мальчишку взваливать. Она-то выдержит, она еще и не такое вынесет.

Ради чего?

А вот ради того. Ради своей страны. Ну и брата тоже.

Вульгарно? Пошло?

Простите, нет. Долгоруков – мужик сильный, с характером, да еще и герой-победитель в глазах толпы. А Романовы на троне неустойчивы. Тишайший все на здоровье жалуется, оно и понятно. На организм, ослабленный свинцом, посты и молитвы хорошо не подействуют. А случись с ним что?

Лешке править.

А при нем кто-то вроде опекуна, регента, как ни назови… нет, ни к чему нам такие герои. Умер – и бог с ним.

* * *

– Хочу в поход пойти…

Степан Разин смотрел на царевича с уважением. Как-никак, за брата он отомстил с его помощью. Царевич сказал – царевич сделал. Не отказался от своих слов, не забоялся, что там, как там – неизвестно, а только умер супостат.

Туда и дорога.

А только одно другого не отменяет. Добыча нужна, деньги нужны, казаки – они ж тоже разные бывают. Есть те, кто крепко на хозяйстве сидит, таким в поход сходить, добычу приволочь уже и не очень-то, родное гнездо обустраивать надо. Если куда и пойдут – недалеко.

Но есть и казачья вольница, из тех, у кого ни детей, ни плетей. И война с ляхами закончилась, теперь на Дон бежит куча народу, которым тоже кушать хочется. Вот они-то за Стенькой готовы и в огонь, и в воду.

А вот куда бы?

Вариантов было много. Персы, османы, ляхи, германцы…

Ладно.

Ляхов – отметаем. Нового витка войны царь не выдержит. Головы полетят только так.

Персы? Да вроде пока торгуем, нет уж. Торговых соседей надо любить и жаловать, и так торговля не идет толком. К нам едут, а вот от нас… да монету – и ту из привозной перечеканиваем, а отзывов о месторождениях все нет и нет.

А куда можно еще?

Странный вопрос. Крымское ханство. Можно или нет?

Азов. Наш любимый выход к Азовскому морю, а там и Черное, и с черкесами поговорить постепенно можно. Выдать царевну за какого-нибудь черкесского принца или еще как-то подвязать их… посмотрим?

Что надо для организации всего этого веселого похода?

Да как и Наполеону. Деньги, деньги и еще раз деньги. Вожак – есть. Степан тот еще умник, но людей привлекать умеет. Есть в нем то, что называется харизмой. Есть…

А если попробовать сделать его, пусть пока не воеводой, но хотя бы придать походу какую-то официальную направленность?

А где взять деньги?

Да, народ к нему идет, но ведь не с голыми же руками ломиться на стены Азова? Нужно доставить туда казаков, продукты, оружие, обозы… это немало. А в казне после этой войны такой голяк, что казначею украсть нечего.

Где взять деньги?

Те, кто может их дать, просто не потянут столько. Ну, сотню вооружить, но не более того. И все равно это кусаться будет.

Софья едва не плакала от бессилия. У нее даже была одна идея, которая теоретически могла принести казакам победу, могла…

Были все ингредиенты, все было, если правильно хранить и правильно применить – мокрое пятно останется на месте любой крепости.

Но – деньги, деньги…

Ладно, к Азову они доберутся по Дону, на стругах, а если уж точно…

Корабли – были. Софья не зря выписывала английских корабелов, не зря они осели на Волге, ох, не зря. Народ это был умный, серьезный и тертый. Понимая, что назад в Англию хода нет и что надо как-то выживать здесь, они расстарались вовсю. Да, педантичны они были до крайности, как и большинство пуритан, да, своей верой они могли кого угодно за Можай загнать, да, на них косились все попы и они образовали нечто вроде английской слободы – ну и пусть!

Важно было другое.

Корабли – были. В настоящее время восемь штук, но построенных из хорошего леса, не за страх, а за совесть и готовых прослужить еще хоть двести лет. Плюс вооружение. Команда обученная – и качественно. Постройка одного корабля обходилась в дикую сумму, Софья только зубами скрипела, но денег не жалела. Изворачивалась пока…

А что делать?

Это как бусы – начинаешь с одного шарика, а нитка вытягивается все длиннее и длиннее. И самым проблемным было обучение команд. Сейчас корабли еще кое-как начинали себя окупать, но именно что только начинали. Что такое фрахт, знали все, но вот привычки к нему у русских купцов не было. К тому же, конкурентов в любом времени было принято давить всеми методами. Но если для тех же англичан потеря одного корабля была вовсе не трагична, то для Софьи, у которой на счету была каждая копейка…

Единственный вопрос, который пришел в голову не Софье, а Алексею, был прост.

А что скажет папа?

Софья призадумалась. А и правда – что?

Кто у нас сейчас у османов? Ибрагим дал подробную информацию, добавив, что сейчас, конечно, могло что-то и поменяться. Но сведения заставили Софью призадуматься.

Ранее османы и правда были силой. А вот с 1600 года у них

начались разные мелкие неприятности. То султан душевнобольной, то его янычары свергают, то он от них избавляется… короче – бардак.

С другой стороны – Мурад, который правил примерно двадцать лет назад, вроде как опять вставил зубки одряхлевшему льву. И пребольно выкусил ими Багдад и Тавриз. С другой стороны, крымчаки из-под его руки вырвались и теперь воевали с казаками сами по себе.

За Мурадом пришел Ибрагим, при котором зубы опять выпали, а сейчас правил его сын Мехмед, мальчишка, которому еще и двадцати не было.

Сам по себе он ничего особенного не представлял, но при нем правил великий визирь – Мехмет Кепрюлю. Умный и серьезный противник, он сейчас приводил в порядок хозяйство. А вот как скоро они окажутся в состоянии воевать?

Да очень скоро!

И Россия опять втянется в войну, но не на своих условиях и кое-как.

Надо посоветоваться с отцом.

* * *

Сказать, что Алексей Михайлович выслушивал детей без удовольствия?

Это еще мягко. Не будь Лешка наследником – влетело бы обоим по первое число.

И ни черта они не понимают! И не разбираются! И молитвы – хорошо, но на чудо рассчитывать не приходится, так что не надо, вот НЕ НАДО лезть куда не просят!

Прокричавшись, царь призадумался и тоже решил, что на Дону многовато народа собирается для мирного решения проблемы, но вот куда их…

В Сибирь?

Отлови и загони. Им терять нечего, так что легко не дадутся.

Может быть, и лучший способ избавиться – сплавить эту вольницу куда подальше, к крымчакам, даже сопроводить по дороге, чтоб не потерялись. И пусть там нервы друг другу треплют. А ежели что – можно откреститься. Не мои то казаки! Не мои – и все тут!

После переговоров в деревне Андрусово было решено, что к России вернется Смоленск, все земли, которые были отданы Речи Посполитой еще пятьдесят лет назад – то есть Северская земля с Черниговом и Стародубом, Невель, Дорогобуж, ну и за компанию

– Левобережная Малороссия. Киев отходил к России, а Запорожской Сечью собирались управлять совместно.

Софья искренне сочувствовала Сечи, но помочь ей ничем не могла. Вот, если повезет, Лешка ее потом назад отвоюет.

А сейчас можно было этим прикрыться. Вот, не устроило людей польское самоуправство – и сорвались они в поход!

Азов?

В тридцать седьмом его казаки не только брали, но и удержали – и ничего! Может, и в этот раз справятся?

Хотя и турки так просто не сдадутся. В Азове три ограды: наружная в виде земляного вала со рвом и палисадами, средняя – каменная стена с бастионами, и внутренний каменный замок. В трех верстах выше Азова на обоих берегах Дона турки возвели две каменные башни – «каланчи» и, конечно, установили на них пушки. На северном протоке Дона вообще располагается каменный замок с милым названием «Лютик». Неясно только – от цветочка или от «Лютого зверя»? То есть по Дону к Азову не подойдешь – разнесут.

Но ведь можно подойти до определенного места, а там ножками? А припасы, орудия и прочее подвозить по Дону. И подкрепление тоже…

Тем более что Разин набрал уже человек около тысячи и останавливаться на достигнутом не собирался.

Правда, вот и гарнизон Азова был около шести тысяч человек…

Да и турки, хоть и воевали с Веной, но развернуться им было, как почесаться. И поляки тут же подключатся…

Нет уж.

А вот отправить казаков в Польшу грабить – в те области, которые отошли полякам, – почему бы нет?

И им польза, и царю поменьше проблем.

Софья подумала и согласилась. Да и царь это одобрил и обещал помочь деньгами и оружием.

Оружие. Вот испытания нового оружия пока полностью провалились. Софью очень тянуло испытать полученную взрывчатку, но лучше было не рисковать.

Против взрыва нет приема. Порох тут уже знали, но грамотную взрывчатку делать еще не научились. А вот Софья знала – как.

Большой ее заслуги тут не было. Просто девяностые – года неспокойные. Любой, кто выживал в это время, приобретал весьма специфические познания. Да и бог бы с ней, со спецификой, достаточно просто прочитать кое-какие места из Жюля Верна, чтобы узнать много интересного. Так что…

Вариантов было много. Но вот оформились они, когда Софья услышала о некоем аптекаре Глаубере, который умудрился получить кучу кислот, солей, а среди них и аммиак. Услышав эту фамилию, Софья запрыгала от радости и кинулась к Алексею.

Алексей помчался к отцу и кинулся тому в ноги, умоляя пригласить гения на Русь-матушку. Тишайший умилился, приказал одному из бояр – и делегация двинулась в Нидерланды, в маленький городок Китцингер. Алхимик оказался жив, но не слишком здоров. Зато одинок, склочен и слегка обижен на соотечественников. Узнав же о том, что его очень просят пожаловать на Русь, он поломался, но полный пансион, любовь, уважение, неограниченные средства на опыты, а главное – благодарные ученики подкупили сердце гения. Он согласился, и выехали бы раньше, да мужчина приболел, и решили ждать лета. Седьмой десяток, вредное производство, что тут еще скажешь? А тем временем старый алхимик и восьмилетняя девчонка, по разуму бывшая чуть помладше его, списывались. Активно и с большим интересом.

К сожалению, все теории химика Софье были глубоко чужды, но вот получение аммиака в промышленных масштабах?

Аммиачной селитры?

А там еще и легкая «белая» нефть, которую таки нашли и доставили ей. Перегнать сейчас уже несложно, и использовать легкие фракции по назначению. А если перегонять в промышленных масштабах – это Софья отлично знала по строительному прошлому, можно получить мазут, гудрон, керосин… да радоваться надо! Даешь керосинки по теремам?!

Стабилизатором можно взять просто протертый в порошок сахар, тоже дело. Дорого, ну да ладно, чтоб соседа зарыть – на все изжоги пойдешь. Оставались корпус и детонатор, а то подобная взрывчатка легко набирала воду, да и окисляться ей было ни к чему. Но и этот вопрос решился. Нельзя запаять в металл?

Зато можно в стекло. Благо, нужное стекло тут уже выдувать умели. Вот об этом Софья вообще ничего не знала, кроме старой истории о финикийцах – и единственное, что приходило ей в голову, – промышленный шпионаж.

Потом Стеньке были даны еще указания – тащить на Русь всех ученых и все книги, которые они найдут. Мужчина не возражал. Это ж не серебро, да и что на Дону с книгами делать?

Лопухи там как-то привычнее…

Софья отлично понимала, что со взрывчаткой будет уйма проблем, но надеялась, что такое оружие окажется эффективнее огнестрела. Местного – так точно.

Увидев эти «огнестрелы», Софья подавилась слюной и

кашляла с полчаса. Ей-ей, этими ужастиками только врага по башке лупить до победного. А стрелять сложно. Вес – восемь кило, дальность – максимум двести метров, а точность – три-четыре. Метра, не сантиметра! Метра!

Попадешь, только если цель у тебя на стволе повиснет. Потому и стреляли-то залпом, чтобы скосить побольше. А перезарядка занимала до пяти минут – у обученного товарища! У необученного же – все десять!

И?

Стрелять невыгодно. А вот взрывать…

Софья всерьез задумалась о динамите. Нитроглицерин сделать было несложно. Ладно, сложно, но ей ведь не в промышленных масштабах, а только для внутреннего употребления. А вот кизельгур… хотя диатомиты вообще не редкость. Нобель-то все это творил на российской территории…

Одним словом – она пока проводила свои опыты. Медленно, осторожно… заодно и показывая ученикам. Не все, вовсе не все. Нитроглицерин она попробовала получить, с трудом добилась нескольких достаточно грязных капель и решила дальше не вязаться. Вот приедет Глаубер – тогда они вместе поработают.

Время пока еще терпело.

Да и Степан обещал поделить войско. Да, народу сбегалось много, но вот и беда-то, что большая часть для войны была просто непригодна. Надо было готовиться, это грозило занять несколько месяцев, а пока – работаем.

Время шло.

Приехал Глаубер и был быстро взят в оборот.

Но получить взрывчатку – не проблема. А вот как сделать так, чтобы ее враги не получили? Софья задумалась всерьез и надолго. Уж что-что, а шпионаж – это искусство вечное и бесконечное. Как только узнают, за ней и ее секретами просто охота начнется, а Дьяково – не самый укрепленный пункт страны. И что?

В башне жить?

Не говоря уж о том, что отец может узнать, и тогда вообще станет нерадостно.

А тем временем на сцене появилась еще одна фигура в виде десятилетнего мальчишки с вихрами темных волос и настолько живым характером, что его можно было назвать энерговеником. Но уж никак не Григорием Андреевичем. Строгановым.

Софья, будучи абсолютно не в курсе о Строгановых – вот как-то не пересекались их интересы, – вдруг с удивлением узнала, что означенные товарищи сидят на Урале вот уж почти сто десять лет, причем первые земли им были пожалованы еще Иваном

Грозным. А с тех пор… Урал – богатая кладовая. И золото, и серебро, и драгоценные камни, и меха… да много чего. А вот люди…

На данный момент глав-Строгановым был Дмитрий Андреевич Строганов из младшего поколения Строгановых. Старшими там до сих пор считали первопроходцев. Аникея, его сыновей, внуков…

Была у Строгановых такая привычка – вкладывать деньги в царские начинания – и получать за это бонусы для себя. Например, землю. Право именоваться с отчеством. А сейчас…

Сейчас Строганов хотел получить людей, а если удастся – приблизиться еще к царскому трону. Где можно пообщаться с царевичем? Да в школе, в его школе, которой оказывает покровительство государь, которая после устроенного представления прочно заняла место если и не элитного, то уж точно весьма полезного учебного заведения. Опять же, здесь и боярские дети, и стрелецкие… почему нет?

Дмитрий предложил простую сделку. Его сына берут в школу, а взамен он спонсирует поход Разина к Азову. Удастся его там взять, не удастся – пусть крымчаков по дороге пощиплют, почему нет? Но его сына берут и не выгоняют…

Разумеется, все это было изложено вовсе не так.

Прибыл он со всем почтением, преподнес царевнам дорогие изумрудные ожерелья, Алексею – саблю, долго кланялся, а кончилось все дело банальным торгом. Софья подумала – и решила отказаться.

Лешка едва не взвыл, но потом прислушался к сестре и согласно закивал. У руководителя школы должно быть право и выгонять, и наказывать, иначе же… Да бардак начнется! И этим все сказано!

Сравнить только школы начала и конца двадцатого века! Пока образование было ценностью – люди ночами учились! Сутки не спали над книжками! На стульях стоя учили – если засыпаешь, падаешь со стула и тут же просыпаешься.

И конец двадцатого? Когда учителя бегают за деточками и уговаривают их поучиться, а те еще и нос воротят, мол, это мне не надо, а вон то не пригодится! И что получается в итоге? Толпа «быстрорастворимых» юристов-экономистов-менеджеров, к которым профи в этой области относятся с известной долей брезгливости?

Примерно так. Здесь Софья этого допускать не собиралась. Не хочешь учиться?

Пошел вон, тварь неблагодарная! На твое место сотня других найдется.

К тому же не стоило давать Строганову шанс почувствовать себя благотворителем. Так что Софья, со стонами и вздохами, задушила личную жабу и уселась за расчеты с карандашом в руках. Что и где она может еще выгадать?

Ладно еще – корабли. Самое время испытать их в деле, благо реками родная страна богата, а если что – волок нам в помощь. Механизм отработан.

Впрочем, считать ей все это не пришлось. Строганов пожаловал снова, спустя пять дней, и торговля развязалась с новой силой. Сошлись на том, что Гришу берут в школу и учат со всей ответственностью, а он не отлынивает и не бегает от учебы. В свою очередь, за ним приглядывает царевна Татьяна, чтобы никто деточку не обидел, а там уж как пойдет. Сам обособится – сам и дурак. А если решит засунуть фанаберии подальше и примется работать над собой и дружескими отношениями – тут возможны вариации.

А самое главное и важное…

Строганову тоже не помешали бы вооруженные силы. На Урал бежало много людей, и не все из них были преисполнены благости. Это и Аввакум подтвердил.

И пошаливали там оч-чень часто и весело. Софья подумала…

А ведь – решение?

Ей нужна кузница для обкатки своих кадров. Строганову нужны люди на рудники и заводы. Да и строить надо. А в школе ребята уж по четыре года обучаются, в том числе и оружием владеть.

Почему не отправлять их практиковаться именно туда? Где-то же надо нарабатывать реальный опыт?

Допустим, двое-трое ее ребят – и десяток казаков. И пусть поработают.

* * *

Васька просто сидел и смотрел в окно. Это было так непривычно для живого и веселого мальчишки, что Михаил забеспокоился.

– Вась, ты чего?

Васька посмотрел на паренька, с которым тоже успел сдружиться за последние годы. И все равно, что тот – княжич, зато умница и человек хороший.

– Миш, нас на практику отправляют.

– Чего?

– На Урал едем. Почти на год.

– Правда?! А почему?!

– Царевич собрал всю нашу группу и объявил, что учили нас на совесть, а теперь хотят, чтоб мы свои силы в поле попробовали.

– В поле?

– Ну, на Урале.

– Да какое ж там поле?

– Мы к Строганову едем. Места там лихие, а Дмитрий Строганов обещал следопытов нам дать, чтоб мы следы читать научились. Опять же, горы посмотреть, а если еще и чего интересного найти…

– А что интересного на Урале?

– Царевич баял, золото там есть и драгоценности. Надо только увидеть и взять…

– Что ж никто не увидел?

– Не знаю.

– Цельный год? А я как же?

– А вы на следующий год поедете по Руси-матушке. А еще знаешь что нам царевич сказал?

– Что?

– Что будет ждать от нас рассказов о каждом дне пути. По ним и решать будет, кто чего стоит. О людях, нами встреченных. А ежели ему наши рассказы пригодятся, награда большая будет…

Васька не знал, что идею подала Софья. Выпускники действительно поедут на практику. Но по дороге…

Слухи, сплетни, торговля, попутчики… пора составлять и политическую карту страны. Кто на каком месте сидит, с кем связан, сколько ворует – раньше она могла полагаться только на Ордина-Нащокина, сейчас она получала своих людей. И еще невесть сколько их будет потом. Второй выпуск поедет к родителям, третий, четвертый – и информация будет стекаться в школу. А здесь с ней будут работать аналитики.

Да-да, были среди детей и такие, которых отправлять куда-то было расточительством. Одна девушка и трое ребят, которые просто созданы были для этой работы.

Софья так не видела и не понимала взаимосвязи между людьми и событиями, как они. И неудивительно. Разный тип мышления…

Этих она оставляла в школе.

Васька об этом не знал, но приказ царевича исполнить собирался как можно лучше. Из кожи вывернется и назад завернется.

Кто он был пять лет назад? Васька-нищий, ни цифири, ни грамоты не разумел, не знал, удастся ли день прожить. А сейчас

Василий, царевичев воспитанник, один из лучших учеников школы, первый ее выпуск. На него равняться и другие будут, а значит, ему себя ронять никак не след.

Царевич ему жизнь подарил – и Васька ему жизнью отслужит. А то как же иначе?

* * *

Софья еще раз проверила списки.

Да, все едут на Урал, но надо помнить, что это – дети. И распределять их в группы по пять-шесть человек с учетом вкусов, пристрастий, знаний, умений, да, еще и дружбу учесть не худо бы…

И пусть учатся работать в командах. Уже сейчас она понимала, что если план ее удастся – помощники будут на славу! Какой выпуск – и ни одного неблагодарного! В двадцать первом веке хоть из какого дерьма человека вынь, отмой, а потом начнется… рисование фигвамов!

Здесь же…

Из глаз этих мальчишек и девчонок смотрела суровая жизнь. Они понимали, что погибли бы через год-два, они были благодарны царевичу за избавление их от страшной участи – и собирались отслужить.

И вложенное в них отработают по полной программе, когда Лешка сядет на трон…

– Сонь, а, Сонь? Ты занята?

– Что случилось, братик?

Занята она могла быть для любого, но не для родных. Эту истину она уже усвоила, прогадив – себе можно не лгать – прежнюю семью. В этой жизни повторять такие ошибки не стоит.

– Сонь, придумай что-нибудь, а? Мне скучно!

– С чего бы вдруг? – искренне удивилась Соня. День у Алексея был расписан до такой степени, что до ветру бегать приходилось по расписанию. Куча учителей, обязанности по школе, тренировки… и вдруг – скучно?

– Ребята на Урал уезжают…

Софья вздохнула.

– Алешенька, милый, так ведь мы – царские дети. Нас если и отпустят, то с таким зоопарком…

Что такое зоопарк, мальчишка уже знал, но все равно фыркнул.

– Отец и в походы ходил…

– Лешенька, я что-нибудь придумаю… обещаю тебе.

И придумала.

Действительно, мальчишки начали скучать. Вот и пусть прогуляются до Архангельска. Сопровождение у них будет, дорога хорошая, тепло, а как приедут…

Корабли строили в Архангельске, матросов натаскивали там же, на верфях, на учебных кораблях – Софья понимала, что флот нужен, но хороший и большой.

Из огрызков исторических романов она помнила, что в океанах водятся пираты. Конечно, где потеплее, но ежели наймут…

А ведь наймут.

Когда Русь выйдет на моря, конкуренты взвоют и примутся ее давить. И корабли должны быть оснащены не только пушками, но и командой, которая способна справиться с любой ситуацией.

Кто может научить?

А вот именно что беглые англичане, на которых старательно закрывал глаза царь, как бы ни наушничали ему бояре.

И иноверцы-де, и православные души развращают… царю было политически безразлично. Своих церквей они не строят, живут слободой, к тому же погонишь их из Архангельска, потом и из Москвы гнать придется…

Нет, лучше уж сделать вид, что он просто не знает. Денег у него не просят, делом полезным заняты – ну и чего еще?

Пусть царевич развлекается…

Боярыня Морозова только за голову схватилась, услышав от сына о предполагаемом маршруте, но потом успокоилась. Все ж таки с царевичем едет, не один. За последнее время эта сумрачная женщина просто расцвела. У нее был любимый и любящий сын, было интересное дело, ее никто не преследовал за веру, что еще надо благопристойной вдове?

Разве что нового мужа найти, но это вряд ли. Софья подозревала, что Феодосия сыта по горло браком со стариком и просто не рискнет поверить, что бывает лучше. Тем более не рискнет вверить кому-то свою жизнь и состояние, да и жизнь сына – тоже.

Одним словом, Феодосия посоветовалась с царевной Анной, и женщины принялись собирать ребят в дорогу.

Алексей Михайлович это решение одобрил. Софья чуть погрустила, но только чуть. Сюрпризы валились один за другим – и Аввакум вдруг заявил, что скоро Собор состоится, нового патриарха будут избирать взамен Никона. Вот он хотел бы съездить…

Софья только плечами пожала.

– Зачем, отче?

– Друзей надо знать, отроковица, – буркнул протопоп, – а врагов и тем паче.

– Врагов ли?

– Кого бы ни выбрали, другом он нам не будет.

– А Никон не вернется?

– Нет, государыня царевна, Никону патриархом уже не бывать. Зело зол, да и мирское в нем слишком кипит… Гордыню он свою усмирить не мог, захотел власти и над телами, и над душами человечьими, вот и поплатился.

Софья кивнула.

Ну да, Алексей Михайлович уже больше пяти лет вел переговоры, рассылал письма и даже собрал в Москве двоих патриархов, а уж более мелких духовных чинов – ситом просеивай.

– А стоит ли тогда туда ехать?

Аввакум решительно кивнул. За это время он отъелся, принял благообразный вид и был совершенно не похож ни на того, кто метал громы и молнии против никонианской ереси, ни на ссыльного, которому осталось только стиснуть зубы и держаться до конца. Новое появилось в нем за эти годы, и Софья, глядя на мужчину, была довольна. Сейчас из его глаз светилась мудрость.

Так часто бывает. Когда пытаешься передать свой опыт детям, да еще рассказываешь, как, и что, и зачем… поневоле начинаешь переосмысливать свой опыт. Передумывать, рассматривать со всех сторон – и так часто тебе не нравится отразившееся в детских глазенках.

Дети ведь невинны. Им не объяснишь про грязь, гордость, гордыню, упрямство… и Аввакум видел, что путь, который он выбрал, ведет в тупик.

А новый?

В том-то и разница, что когда пути не предлагают – стоишь на своем и дерешься до последнего. А вот когда есть он…

Когда и для тебя, и для твоих детей есть будущее – то, которое ты сам им построишь, человек способен на чудеса.

– Стоит. Смотреть, кто за нас, кто против, с кем союзы заключать, кому следующим патриархом быть…

– Следующим?

– Кого бы сейчас ни назначили – долго ему не продержаться. Только чтоб успокоилось чуть. А вот кто потом будет…

Он не договорил, но Софья поняла. Царю нужен свой патриарх, который, в идеале, примирит две воинствующие группировки. Медленно, постепенно, лет так за сто… она конца этого процесса не увидит, да и пусть! Лишь бы получилось. И не было бы костров, на которых горят иноверцы. А того пуще – не

выродилась бы церковь в продажных попов, которые за ключи от машины тебе и дворнягу окрестят, и сортир освятят…

Она помнила…

Бывало в девяностых и такое, и еще мерзопакостнее бывало… и единственный встретившийся ей приличный поп не искупал громадного количества продажных.

Одним словом, все разъехались. Наступили тишина и спокойствие.

Ненадолго.

* * *

Аввакум не рассчитывал на многое, отправляясь в Москву. Но приехал, поселился в доме у Феодосии Морозовой, а наутро отправился в храм, как и всегда привык. Помолиться…

Тесен мир религиозный…

– Аввакум, да ты ли это!?

– Феогност! Тесен мир!

Отца Феогноста Аввакум знал давно и в свое время презирал за слишком мирную позицию. Как так! Не хочет человек ничего добиваться, ничего отстаивать, ни за что бороться, служит себе – и служит. Прихожанами уважаем, любим, начальство его ценит – дельные сотрудники без амбиций, даже если такие слова пока и не придуманы – в цене в любые века.

Зато вот прихожане своего батюшку ценили. Не ругается, никого не клеймит, просто служит и служит, теплом, заботой, пониманием людские души спасает…

– Ты надолго ли в Москву?

– Да…

– Ох, прости, друже. Служба сейчас начнется. Не задержишься ли? Чаек у меня хороший, да медок липовый есть…

Разумеется, Аввакум задержался. И на службе, и ради чая. И, прихлебывая ароматную жидкость, расспрашивал о делах житейских, делах церковных…

Вот дураком отец Феогност отродясь не был, но и беды в своем рассказе не видел. И обстоятельно повествовал Аввакуму, что Никон все равно надеется на свое восстановление. Привык он, что царь – друг его. А оно эвон как повернулось…

Он-де считал, что не может Собор судить патриарха, а царь написал, что патриарх может быть царю подвластен, потому как царь – блюститель церкви, такое вот дело.

И продолжается это долго, и сколько еще будет – неизвестно…

Что в Москву сейчас съехались митрополиты – из Новгорода – Питирим, из Казани – Лаврентий, из Ростова – Иона, а к тому ж Феодосий, Павел Крутицкий, архиепископы Филарет Смоленский, Илларион Рязанский, Арсений Псковский, Иоасаф Тверской – а сколько к тому ж архимандритов, игуменов, епископов – и перечислить страшно. И для начала решать будут, что с книгами делать. А то как раскол пошел, так и идет, хорошо хоть не ширится…

Аввакум на это только улыбнулся. А потом, зная, что Феогност не выдаст, признался то ли ему, то ли себе…

– Бог – он в душе быть должен. Самаритянин, вон, помог в свое время, а праведные мимо проезжали. И кто из них более богу угоден?

– Тебя ли я слышу, брат?

Аввакум только улыбнулся. Да, если б не царевичева школа – давно б он голову сложил в своем неистовстве. А сейчас вот смотрел и понимал, что плетью обуха не перешибешь, и пытаться не стоит. Зато есть у него возможность пойти в обход и воспитать себе достойных преемников, которые, может быть, и смогут колесо повернуть.

– Так все мы… взрослеем.

Феогност усмехнулся в ответ.

– Знаешь ли, что соратники твои приехали?

Аввакум знал про то, что из Соловецкого монастыря привезли старцев, но про остальных…

– А что решать должны?

– Сначала порешали то, что царь-батюшка задал – о греческих патриархах – признаем ли мы их православными. Далее – правдивы ли книги их, и последнее, верно ли решили при Никоне священные тексты править.

– И какой же ответ был?

– А ты, чай, не догадываешься?

Аввакум привычно кулаки стиснул…

Ему-то понятно было, что тексты неверные, да и греки свои, чай, не раз правили – так что теперь, под них подделываться? Но так же и ясно было, что царь сейчас стоит твердо, и сдвинуть его не удастся. А значит – нечего и стучаться, куда не пускают. Вот, подождать немного, царевич-от намного серьезнее к его словам относится и понимает, что и с греками ссориться не с руки, но и веру истинную ломать тоже не след. Не бывает так, чтобы либо черное, либо белое. И ответ они найдут…

Только вот искать надо будет вместе, а ежели друзья его старые сейчас в сибирские земли пойдут да под казни и муки – нет, это не дело…

Вместе б они куда как больше сделали! Только уговорить их надо…

– А далее что?

– Друзей твоих убеждают, дабы они веру новую приняли.

– И как?

– Кто на словах и согласился, душой все равно ее не принял. Великая беда от того быть может, да ты и сам знаешь…

Еще бы Аввакуму не знать.

– А…

– Патриарший иподьякон Федор, да еще священник Лазарь, да дьяк Федор громко объявили, что они-де от веры своей не отрекутся.

– И?

– Пока их словесно увещевают. А вот что потом будет…

Аввакум передернул плечами, на спине кольнули шрамы от плетей и кнутов. Да что там, клочка целого на ней не оставалось когда-то, как и выжил – не знает. Молился, бредил, опять молился…

– Мне бы с ними поговорить…

– Как бы они и тебя предателем не заклеймили…

Аввакум пожал плечами. Вот уж что его не волновало! Он-то правду знал, а слова – ветер. Но вот троих друзей терять не хотелось, а куда их и что с ними…

С Феогностом они еще долго сидели. Разговаривали, попивали чаек, обсуждали, кто новым патриархом станет взамен Никона, а наутро пошел Аввакум бросаться царю в ноги.

* * *

Сильно стараться не пришлось, провели его к Алексею Михайловичу едва ли не сразу, и Аввакум ему в ноги бросился.

– Не губи, государь! Помилуй души грешные, неразумные!

Подействовало отлично. Алексей Михайлович протопопа своей царской дланью поднял и принялся расспрашивать, о каких душах речь идет. Оказалось – о тех самых упертых старообрядцах. О Лазаре и двух Федорах.

Аввакум умолял, настаивал, просил, уверял в их дальнейшем раскаянии…

Царь сначала не соглашался, но потом задумался. Нужен ли ему раскол, да такой активный?

Отнюдь.

И слава богу, Аввакум сидит тихо, ведь если бы он начал народ к бунту скликать да греческие книги обличать – волнений

было бы намного больше. Но ведь не лезет никуда, сидит себе уж несколько лет у царевича в Дьякове, как и нет его. Любо-дорого поглядеть. А что за друзей своих просит… только вот куда их?

Ведь начнется смута…

Но и тут Аввакум знал – куда.

Да на Урал! Царевичевы воспитанники туда едут, вот с ними и…

Развращать и склонять к старой вере? Да к чему, государь? А и то – пусть попробуют. Известно же, что даже Христа дьявол искушал. Чего и стоит-то вера без искушений?

С этим царь согласился. И с Уралом, пожалуй, тоже. Пусть там воюют, если пожелают. Опять же, он выглядит милосердным и кротким. Да и народ мутить ни к чему лишний раз, и без того много бед на страну валится…

Когда поедут?

Вот, чуть дороги подсохнут – и Бог в помощь…

По результатам разговора довольными остались оба собеседника. Оба получали необходимое им. А уж кто останется в выигрыше?

Время покажет…

Старые друзья Аввакума, конечно, сразу не приняли. Лаялись по-всякому, предателем называли, а он только знай свое повторяет.

Мол, подождите, братья, сами поймете да убедитесь.

Так оно и получилось, что на Урал в конце весны отправились не только четыре десятка детей из школы царевичевой, но и десяток монахов. Аввакум вызвался проводить их, сколь можно будет, проследить, как устроят на месте да и вернуться.

Нельзя сказать, что Софья отпускала его с радостью, но куда деваться? Такой человек, как волна, в горсти не удержишь. И хорошо, что такие люди есть и что он с ними.

* * *

Васька сидел у речушки с удочкой. Нравилось ему это занятие, а пока было время и возможность…

Шел третий месяц их путешествия по Уралу. Стоял август, теплый и уютный, дождей было мало, и можно было ходить босиком без опаски.

В тайге ему нравилось. Их всех вместе отправили. Ваську, Митроху, Тришку, да еще двоих ребят из их группы – Мишку да Ероху. Петруху оставили при царевиче, поскольку он с бумагами

был дока, а вот в чем другом, стрелять там али саблей махать, ему не давалось. Ровно не под то руки заточены. Зато любой пергамент в руки возьмет и все скоренько обскажет – про что там, от кого, чего ожидать можно… талант.

Потому царевич его при себе и оставил.

Васька этому не особо завидовал. Ему пергаментами шуршать не нравилось, куда как интереснее было новые места узнавать да разведывать.

А еще пробы брать, да в кулечки заворачивать, да надписывать, что и откуда… и называлось это чудным словом «геологоразведка». Так это царевич называл, сами-то ребята по-простому говорили – разведка. Ведь верно же!

Надобно знать, что где в земле лежит. Жаль только, что многое они отличить не могут. Но на то есть кто поумнее их. А жаль, что его дальше тому не учили… эх, жаль.

Может, как вернется в школу, царевичу в ноги броситься?

По нутру ему это дело!

И Урал он полюбил всей душой.

Строганов свое слово сдержал. Поселили ребят в деревне у одинокого охотника Данилки, заплатили тому немного денег – ну мужчина и принялся таскать ребят по лесу.

Мишка с Митрохой тут же к охоте пристрастились и поди-ка, так ловко у них взялось, что спустя месяц бобыль Данила нахвалиться на них не мог. Любого зверя скрадывали, только что на медведя пока не ходили, но Данила все намекал, что и это надо устроить…

Тришка – тот заскучал быстро. Потом прибился к местному травнику и у него все время проводил. А вот Васька с Ерохой с радостью мотались по горам и лесам вслед за старателями. Сейчас их взял с собой пожилой старатель Дмитрий – и ребята с радостью познавали новую науку.

Какая руда, да где встречается, да как ее распознать, как кайлом работать, как песок промывать… науки было много, и Васька старательно запоминал все, а то и записывал на клочки бересты, чтобы потом рассказать в школе.

Хорошо будет туда вернуться… а сюда, на Урал, вернуться будет еще лучше!

Нравилось ему здесь…

Нравились горы, вздымающиеся прямо в небо, нравились леса и поля, нравилось учиться, нравились даже истории про Великого Полоза, которые рассказывали им старатели… ей-ей, ежели есть Великий Полоз (а после полученных знаний Ванька в том сильно сомневался), вот бы с ним перевидеться! Порасспросить!

Сколько интересного он может открыть людям!

Замечтавшись, Васька едва не упустил удочку. Чертыхнулся, перехватил удилище поудобнее и поволок из воды здоровущего налима. Как бы не сорвался…

Ну же, иди сюда, иди ко мне… Врешь, не уйдешь!!!

Наконец Васька выдернул из воды, придавил всем телом бьющуюся на траве рыбу… есть! Здоровущий!

– Ероха!

Приятель ждать себя не заставил, примчался тут же и присвистнул.

– Ишь ты! Какой красавец!

– Хватит нам?

– Хватит.

– Тогда бери, а я сейчас обмоюсь да и приду.

Ероха послушно утащил рыбу – сегодня его черед был кашеварить, а Васька отложил в сторону самодельную удочку, наклонился к ручью, обмыл грудь, живот, руки, наклонился умыться – и вздрогнул.

Что-то блеснуло на дне.

Солнце?

Или…

Он осторожно зачерпнул горсть песка, одну, вторую, вытряхнул их прямо на свою рубаху… блазнится ему?

Он осторожно подхватил рубаху и потащил к месту привала. Вот придет Дмитрий, тогда и порешаем…

Но Ваське не мерещилось.

То ли Великий Полоз решил явить мальчишке свою милость, то ли молодые глаза больше увидели, но крупинки действительно оказались золотом.

Еще три дня Дмитрий и мальчишки потратили, чтобы разведать все досконально, а потом Дмитрий запретил им кому-либо говорить.

Золото – оно многих в соблазн вводило. Тут и кровь пойдет, и жадность, а Великий Полоз этого не любит. Придет ночью да уведет золото… Нет. Дан вам приказ от царевича – только царевичу и доложите. Ни Строганову, ни кому другому, а ему и только ему.

Васька с Ерохой переглянулись – и согласились. И друзьям говорить не надо.

От греха…

Повидавшие и голод, и нищету, и злость людскую, мальчишки повзрослели рано. И отлично знали цену людской доброте да жалости. Там, где кошелек с монетами замаячит, любого перешибут. А тут ведь золото…

Дмитрий и сам молчать собирался. Свой у него интерес был.

Пока царевичу сообщат, да пока тот соберется на Урал своих людей прислать – много времени пройдет. Чай, ему попользоваться хватит.

Но только ежели никто про это место не узнает. Бывалый старатель видел, что жила хорошая, и собирался чуток промыслить золото, пока погода стоит. Все равно мальчишек скоро увезут… но повезло мальцу.

Хотя давно известно, Полоз к детям благоволит, а этот, к тому же, не жадный вовсе.

На золото смотрел – и глаза у него горели, да вот только жадности в них не было, а восторг от удачно сполненного поручения был. От того, что нашел!

Да и второй не хуже. Чуток Ваське завидовал, что есть – то есть, ну так зависть – она тоже разная бывает. Вот у него была добрая. Мол, свезло другу, мне бы так. Но не мрачное: лучше б ты, паскуда, утонул, чем такая удача мимо меня прошла. А то ведь всякое бывает…

Хорошие ребята…

1669 год

В столице тем временем свое разворачивалось.

От раскольников да старцев избавились, теперь надо было остальное порешить. Софья, конечно, не знала, что уже пошли расхождения с ее вариантом истории. Неоткуда. А тем не менее, если бы раскольников не убрали, было бы все куда острее. Они бы подчиняться отказались, предали бы их анафеме – и пошло-поехало.

А так – пока решили, что никого предавать не станут и осуждать тоже. Более того, что надобно священников обучать так же, как в царевичевой школе детей учат, а ежели священник необученный, то и служить его не допускать. А то многие и читать-то не умеют, молитвы на память бормочут – не дело это. Ой, не дело. А там… одно поколение обучить правильно, второе, самые ярые противники умрут, опять же, дети вырастут, которые будут уже все по новому чину справлять… а пока – пускай их.

Аввакум был знаменем, а когда он не то чтобы отказался от борьбы, а скорее, отошел в сторону – народ и растерялся. А вот царь времени не терял.

И собирал в Москву всех, кого надобно.

Александрийского да Антиохийского патриархов, архиереев из Константинополя и Палестины, Грузии, Сербии и Малороссии.

Мало было низложить Никона, важнее было найти ему подходящего преемника.

* * *

Неспокойно было и на Дону. Степан Разин собирал войско, чтобы отправиться к Строганову. С ним же отпросился из царевичевой школы и Фролка – саблей помахать, кровь разогнать…

Отпустили, хоть и со вздохами.

Впрочем, Степан, узнав об этом, прислал в школу еще два десятка казаков – сам выбирал, кого поопытнее, кто в воинском деле дока. Пусть детей обучают.

Как бы вот так еще исхитриться, чтобы у них на Дону детей грамоте да счету обучали? А то ведь не все и имя свое написать могут, а от учености польза большая, это он сам видел.

Ладно. Вот ежели он большую добычу возьмет, тогда можно будет и поговорить о школе – но уже у них, на Дону. Чай, не откажет царевич в учителях?

К Алексею Алексеевичу у Степана отношение было сложное.

С одной стороны – мальчишка мальчишкой, Фролка рассказывал. С другой же…

И решения его, и слова, и дела, за которые отец бы не помиловал, до сих пор о Долгоруковом сожалея… Царю-то он в друзьях ходил, а только не замечал Алексей Михайлович своей слабости.

С Борисом Морозовым так было, опосля него с Никоном – была в нем некая слабинка, которую чуяли и на которую давили сильные люди.

Может, и верно, что Долгорукова убрали…

Только свято место пусто не бывает. И все чаще рядом с троном маячила тень боярина Матвеева…

* * *

Время шло.

Для Софьи оно отмечалось своими вешками.

Приехал из Москвы Аввакум – вешка. Тем более что он привез с собой потрясающего человека – батюшку Феогноста. И это было очень удачно. Священники спорили, ссорились и вместе дружно накидывались на тех, кто смел чем-то задеть оппонента. А ведь вроде бы один – за старую веру, второй же новую принял, но могут вместе работать?

И это хорошо, потому как царь-батюшка уже не раз намекал, что Аввакум в школе, да рядом с царевичем… а теперь можно и возразить. Ан нет, у нас тут и другие есть…

Царица родила мальчика, названного Иваном – вторая вешка. И болеет, болеет…

Софья съездила на крестины ребенка и только головой покачала, придя к матери.

Лежит в постели… нет, к черноволосой красавице, которую она помнила, это никакого отношения не имело. Вся опухшая, вся… волосы словно посеклись, глаза запали… царь-то счастлив, у него еще один наследник, а вот Мария, бедная… еще одних родов ей не выдержать.

Софья смотрела на мать и отчетливо понимала, что так оно и есть. Не выдержать.

А она не остановится. Мария всю жизнь прожила под гнетом памяти о касимовской невесте, мужниной нелюбви и теремных гадюк. Ей самое важное доказать, что не зря именно ее царь выбрал! Что только она с ним рядом стоять может, венец носить, что она своего мужа достойна и должна ему детей рожать…

И объяснить ей ничего не получится.

Анна, неотлучно находящаяся при сестре, тоже смотрела тревожно. С ней-то Софья и попыталась поговорить. Куда там!

– Тетя Анечка, поздорову ли?

Анна Морозова только вздохнула, глядя на племянницу. Софью она не слишком любила за то, что та была далеко – и непонятна. А еще – дружна с Феодосией Морозовой, и частенько Анна от нее похвальбы в адрес Софьи слышала. И все чаще проскальзывало, что вот-де, попалась бы Ванечке такая жена – так о лучшем и не мечтать бы. Понятное дело, бабьи глупости, а только все равно по сердцу царапает. Почему у кого-то все впереди, а у нее жизнь уже прошла?

Почему эта соплюшка что-то меняет, с братом в Дьякове живет, а Анна сама и пискнуть не насмелилась, когда венчали ее с постылым стариком? Хотя кто б ее слушал тогда? Вожжами бы отец отходил – и всех разговоров, он-от счастлив был, что с царем да его воспитателем породнился.

Он и сейчас счастлив, а вот ее жизнь загублена, и Машенька болеет, ох, горе горькое…

– Поздорову. А ты, Софьюшка? Давненько мы тебя не видели…

Шляются тут всякие…

– Так Алешенька в отъезде, вот и не могу я уехать свободно. – Софья улыбнулась, отбивая первый выпад. – Дел-то в любом дому полно, тебе ли не знать, тетушка?

Зато я полезная, а ты кто? Ни дома, ни детей…

Намек Анна отследила, губы в нитку сжала.

– И что ж тебя к бедной вдове привело, Софьюшка?

– Матушка, – без обиняков объявила Софья, присаживаясь на удобный стул. – Что лекари говорят, сколь серьезна ее болезнь? Кроме тебя никто и знать-то не может. Тятенька в эти дела вникать не будет, у теток спрашивать без толку, а ты матушке ближе всего. Может, нужно чего? Так ты скажи, достанем!

Анна только головой покачала. То девчонка зубки показала, то тут же стала спокойной и рассудительной… да какая ж она на самом деле – Софья?

Девочка молчала и улыбалась. И Анна вдруг решилась выплеснуть ей то, что и подушке своей не доверяла.

– Ох, боюсь я за Машеньку…

– За то, что еще одних родов ей не перенести. Чай, и Феденька слабеньким потому родился. Двенадцатый ребенок, шутка ли?

– Ей наследника подарить охота…

– Алеша есть. Федя, Семенушка, Ванечка вот. Мало ли?

– Ей – мало.

Софья глазами сверкнула. Мало ей… Илье Милославскому спасибо сказать надобно, чтоб его черти вилами в зад потыкали! Он дочку напутствовал рожать как можно чаще, чтоб мужа к себе привязать, – вот и вышло так.

– Тетя, меня она не послушает, так хоть ты с ней поговори! Ведь сведет она себя в могилу, как есть сведет! Может, хоть травницу ей присоветовать? Отвары укрепляющие пусть попьет! Девки рассказали – три дня у нее кровотечение не останавливалось! Загубит она себя!

Насчет травницы Софья не зря говорила. У нее их было даже две. Сами прибились к школе, а там и остались. И Анна, и сама Софья с ними говорили – и пришли к выводу, что тетки грамотные. Просто не любили их попы, сильно не любили.

Бесовское искусство. Человеку страдать суждено, а они тела лечат, да души калечат…

Софье же такие и нужны были. Так что тетки обменивались опытом с Ибрагимом, совместно гоняли и девчонок и мальчишек – и все были довольны, кроме местного священника. Хотя кто его будет слушать, когда у них еще и Феогност появился?

Мысли у Софьи были в сторону крововосстанавливающего – ну, тут все понятно. Печенку в товарных дозах, гранатовый сок, список знаком любому донору. А еще… ей очень хотелось мамаше дать противозачаточные – да, были тут и такие, правда, в основном губками пользовались, но все-таки! Помогало иногда!

Только глядя на реакцию Анны, она отчетливо понимала – матушка откажется. Насильно такое с человеком не сделаешь, а просить ее – она откажется. Человек такой.

Так беседа ничем толковым и не обернулась. Ушла Софья с отчетливым ощущением беды – с ним же и домой вернулась. А ведь умри мать – отец и еще раз жениться может… Не стар еще, да и после избавления от свинцового отравления здоровьем окреп. И куда это завести может?

Одни Милославские казне обходятся не дешевле войны с ляхами. Еще одну партию пиявок в казну запустить?

Тьфу!

Разговор с Марфушей тоже радости не добавил. Сестрица ныла и канючила, не желая учиться. Понятное дело, на попе-то оно сидеть удобнее. И головой думать не надо, и тело упражнять не надо, и вообще – жрать и спать, вот наши радости! Пришлось надавить, сказав сестрице, что тетехой она может быть сколько влезет. Но Софья своих девушек отзовет обратно, и пусть Марфушенька гниет в тереме до старости. Подействовало.

Чему царский терем не учит – это пробиваться. То есть учит,

но не царских дочерей. Они-то и так на вершине. А вот отличить грязь от правды их и не учат. Печалька…

И работать над собой, и к чему-то стремиться, и… да сотня этих «и». Хорошо, когда характер есть! Или вот как она – попаданка. А обычной девочке что делать? Только и остается ждать напутственного пинка.

Алексей вернулся незадолго до осенних дождей, решительно испортивших дороги. Спрыгнул с коня загоревший, веселый, крепко обнял тетку, потом сестру…

– Сонюшка, какая ж ты большая стала!

– На себя посмотри, – отшутилась Софья. – Ишь, вымахал!

– Соскучился я…

– Я тоже скучала, братик…

– Что новенького у вас?

– Да покамест ничего. Дети – и те еще с практики не вернулись, так что все тихо-тихо.

– А меня не обнимут?

Ванечка Морозов еще больше вытянулся за это время, волосы на солнышке выгорели, улыбка широкая…

Софья повисла у него на шее, поцеловала в щеку, благо дело в тереме было, только при своих.

– Ванечка, какой ты стал!

– Какой?

– Красивый! Пара лет – и тетушка тебе жену искать начнет!

Софья так и не поняла, почему при этих словах Ваня нахмурился. Она пристально посмотрела на Алексея.

– Алешенька, а ведь и тебя отец приневолит, хошь не хошь… Надо бы нам заранее данные на девушек собирать да приглядываться. А то окрутят с нелюбимой – всю жизнь маяться будем!

Алексей только головой покачал.

– Соня, не хочу я жениться слишком рано! Лучше давай придумаем, как отказаться?

– Обещаю подумать, – серьезно заверила Софья. – Но и ты обещай посмотреть на девушек, к их семьям приглядеться заранее. Да и Ванечке не мешало бы…

– Я сам себе невесту выберу. – Ваня Морозов сверкнул глазами и вышел из комнаты.

Софья пожала плечами.

– И что я такого сказала? Алешенька, а ты что-нибудь интересное привез?

– А то ж! Книг тебе накупил целый воз! Сейчас в терем принесут – глядеть будем, что детям давать, что оставить…

Софья радостно закивала.

Книги!!!

Царевичеву школу мучил жесточайший кадровый голод. Да и пособий катастрофически не хватало.

Можно было обходиться двумя-тремя учителями, когда детей была всего одна группа. Даже когда две, в конце концов, много времени занимала физическая подготовка. А вот когда их несколько?

Но и эту проблему решил Алексей, привезя из Архангельска нескольких иноземцев. Да и свои кадры подрастали. Было несколько человек в первой группе, которых грешно было отпускать на сторону. Вот как есть – прирожденные учителя. Оставь их при школе – и пусть детей чтению-письму учат, счету, опять же, сразу людей разгрузить можно будет…

Софья пока кое-как выворачивалась, перекраивала расписание и люто завидовала школам двадцатого века.

У них были учебники! А тут до кошмара доходило! Где сорок учебников взять?

А ведь надобно уже не сорок! Пусть бояр можно было заставить обеспечивать детей хотя бы необходимым книжным минимумом, пусть что-то удавалось вытрясти из казны, но мало, мало…

Софья дошла уже до того, что в качестве наказания провинившимся назначалось переписывать книги. По две, по три страницы – так и изворачивались.

Сейчас у нее появилось еще четверо учителей.

Франц Тольмер, молодой немец, или, как их здесь называли, немчин, бежавший из родной страны по причине нежелания становиться монахом и мотающийся по свету. Книжная ученость ценилась не очень, а на мечах он был не обучен. Младший сын захолустного барона, которому даже Дьяково показалось бы роскошным имением, он пространствовал по свету – и наконец судьба свела его в Архангельске с Федором Михайловичем Ртищевым, который, недолго думая, пригласил юношу в царевичеву школу.

Латынь и греческий Франц знал в совершенстве, вполне прилично разговаривал по-французски и по-итальянски, был обучен письму на всех этих языках и отлично считал. Даже немного баловался астрологией, а потому Алексей Алексеевич счел его подходящей кандидатурой. Двое англичан – пуритане, которых ничто не держало в родной стране после кончины Кромвеля, оба занимали когда-то мелкие чиновничьи должности, но кто бы их там оставил при Карле? В Архангельске они оказались не к месту, но письмо, чтение, счет – это все знали, а что еще надо детям для начала? Пусть и аглицкий учат, в жизни

все пригодится. Первая группа вон, на восьми языках болтает, пишут, правда, на них намного хуже, но это еще впереди.

А вот четвертый…

Софья что-то смутно припоминала, но откуда она его знала?! Откуда?!

Четвертого звали Сильвестр Медведев.

По молодости парнишка желал учиться, учиться и еще раз учиться. Был он подьячим в Курске, потом перебрался в Москву и попался на глаза сначала Симеону Полоцкому. А потом Ордину-Нащокину. Вот от него мужчина – уж под тридцатник, и перешел к Софье в школу.

Впечатление он производил достаточно приятное. Темные волосы, темные глаза, ухоженная бородка, красивые руки, но самое главное – голос. Глубокий, проникновенный, завораживающий – и недюжинное обаяние, прямо-таки аура, окружающая его…

Софья с радостью избавилась бы от него, но…

Было поздно. Его увидела тетка Татьяна.

Оставалось только чертыхнуться, принять его на должность учителя и следить, следить, следить, чтобы сближение не зашло за все рамки.

А в октябре и дети вернулись с практики.

* * *

– Золото?! Твою же ж мать, золото…

Алексей был счастлив. Софья же…

Простите, но с золотом ожидалось больше проблем, чем удовольствия.

Его надо добывать – то есть рудники, рабочие, охрана…

Золото надо как-то обрабатывать, придавать ему форму, его надо перевозить по стране, его надо куда-то сбывать… И как?!

Она бы не возражала попробовать самостоятельно, ей и финансирование не помешает, но допустит ли это отец? Вот где вопрос…

Вообще, Строгановым разрешалось добывать руды, торговать ими, но они в основном специализировались по галиту. А золото – все ж не соль…

А еще, если они сами попробуют его разрабатывать… простите – это не передвижения по стране. Это серьезное самовольство.

Софья плюнула и решила, что надо падать царю в ноги. Просить разрешения и соизволения, ну а там, как получится. С

тем и прибыли в Кремль.

В этот раз – только Алексей и Софья. Татьяна осталась на хозяйстве, Анна решила приглядывать за сестрой, очень уж ей симптомы были знакомы.

Медведев… медведь его покусай! Пришлось спешно отправлять мужчину обратно в Кремль – от греха. Женская зависть штука страшная, захочет Татьяна себе сестринского счастья, поведется на речи сладкие и глаза темные, а кому потом расхлебывать? Не доверяла Софья попам. Вот просто не доверяла. Даже Аввакуму и тому не могла открыться до конца.

Алексей Михайлович детям был рад. Принял их радушно, обнял, даже Софью расцеловал. Возможно, потому что редко видел. Девочка иллюзий насчет отца не питала. Может, ее и любят, но Алексея всяко любят больше. А она – просто приложение к брату.

Она не обижается.

В конце концов, этот человек ей отец чисто биологически, а родительской любовью она и в двадцать первом веке сильно отягощена не была.

Сначала, как водится, выпили сбитня, закусили сладостями, поболтали о разном. Царь порадовался, какой у него наследник растет, царевич отцом восхитился, пожелал ему удачи с Собором, поблагодарил за все сделанное. И только потом перешли к делам.

– Тятенька, на земле нашей золото есть.

Вот тут Алексей Михайлович ушки торчком поставил.

– Золото?

– Да, тятенька. На Урале его нашли, да пока только нам то и ведомо. А вот что дальше с тем знанием делать – тебе решать.

Алексей Михайлович прищурился на нарочито покорного сына.

– А ты что сделал бы, Алешенька?

Это Алексей уже во всех подробностях с сестрой обговорил.

– Я бы, тятенька, добывать его начал. Огородил бы место, деревеньку построил да рабочим платил исправно. Опять же, деревеньки там поставил, а чтоб никто их жителей не обижал, охрану бы завел посерьезнее. Добывал бы золото, да на монетный двор его свозил, дабы монету свою чеканить.

– А охранять как?

– А казаки на что? Полк в такую глушь не пошлешь, да и не с кем там воевать, а разную нечисть гонять казаки как раз подошли бы. И голодными они на Урале не останутся. Сейчас на Дон много народу бежит, а прокормить сами себя не могут… Вот ежели им посулить, что землицу дадут, да пшеницу сеять разрешат, да на обзаведение малую толику выделят…

– Нет в казне денег, сынок.

– Чтобы золото добывать – и денег нет?

Алексей возмутился бы, но вовремя заметил хитрые искорки в синих отцовских глазах. И тоже с улыбкой предложил:

– Тятенька, так, может, я малую денежку найду? Только я и людям тогда пообещать должен буду многое. Ведь рудник еще построить надо, деревеньку поставить, это не одного дня дело…

– А золото то не на строгановской земле?

Алексей замотал головой.

– Нет, тятенька. Они о том даже и не знают.

– И как потаить удалось?

– Случайно получилось. Мальчишки нашли, а охотник, что с ними был, молчать им приказал, потому как за такие открытия кровью платят.

– Умный человек…

– А потому, тятенька, покамест только мы об этом знаем. А что далее – тебе решать.

– Подумать надо, сынок.

Алексей не возражал. Пусть отец думает, только…

– Тятенька, просьба у меня. Покамест где рудник находится, только я знаю. Пусть так и останется.

– А дети, что нашли его?

– Не было там детей, тятенька. Охотник нашел, да мне и принес. Помер он намедни, как есть – помер.

Алексей Михайлович кивнул.

– Своих защитить хочешь?

– Да, тятенька. Ведь ежели Строгановы узнают…

– Такой куш мимо них…

– Закон там размытый, тятенька. А медведи и вовсе законов не знают… неграмотные они.

– Ох, сынок…

Тишайший от души рассмеялся, представив себе неграмотного медведя.

– А ты, Сонюшка, что скажешь?

– Как ты, тятенька решишь, так и ладно будет. Недаром же ты государь всей земли православной…

Ответ явно понравился.

– Сонюшка, а ты ведь красавицей у меня растешь…

Софья пожала плечами. О красоте, с ее точки зрения, говорить было рано. Да и не было у нее ничего такого, что здесь красотой считалось. Ни стати, ни косы золотой, ни кожи белой…

Смугловатая, с родинками, волос темный, мягкий, глаза тоже темные, большие. Худая как щепка и подвижная как ртуть. Нет, тут просто отец хочет ей что-то ласковое сказать, а как это

сделать, и не знает.

Вот с обещанием царя подумать дети и отбыли.

А думать Алексею Михайловичу было некогда.

Второго ноября приехали Антиохийский и Александрийский патриархи. Седьмого же Алексей Михайлович обратился к ним с речью и передал подготовленные к Собору документы. Тоже время и силы…[27]

Не говоря уж о том, что ожидали Никона, а уж сколько он нервов у царя истреплет… Приятно ли это – видеть, как бывший друг ради выгоды своей тебя топит и грязью поливает?

В конце ноября Никон явился на Собор. Там его принялись обвинять в клевете на царя – а нечего благодетеля грязью поливать, да и вообще нечего на людей клеветать.

Обвиняли его и в том, что он незаконно изверг из сана Коломенского епископа Павла, что лез он на земли других областей, устраивая там монастыри, что оставил он своевольно патриарший престол и паству – и, что больше всего порадовало Софью с Аввакумом, – в следовании католическим обычаям!! А нечего перед собой крест носить!

Никон как мог отбрехивался, заявляя, что этим судьям вообще судить его невместно. Они-де сами в своих городах не живут. И вообще, пусть его Константинопольский патриарх судит. Но Собор все равно поставил на своем. Никон был лишен сана и сослан в Ферапонтов монастырь. А все монастыри, которые он незаконно подгреб, вернулись законным архиереям. Одобрили почти единогласно. Двое попов оказались против – один митрополит и один архиепископ. Но их просто придавили массой, до кучи наложили на них епитимью и дополнили законом. Вот если четыре патриарха решение принимают – пересмотру оно не подлежит. Нечего!

Софья только руки потерла.

Главное было произнесено. Следование католикам.

А под это дело мно-огое подогнать можно. И аккуратно переделать, когда Лешка на престол взойдет. Медленно, осторожно, так, чтобы и от остального мира не закрыться, и щель между старой и новой верой замазать. Дайте время, а желание уже есть!

На Соборе и Патриарха Московского и всея Руси выбрали. Иоасафа Второго. Причем – с откровенной подачи Тишайшего. А уж сколько царю интриговать пришлось – бог весть.

Софья, кстати, одобрила. Хоть и в возрасте мужчина и песок из него сыплется вместе с диагнозами, но голова ясная и намерения самые благие. Помирить всех, кого можно.

Аввакум вообще был в восторге. С Иоасафом он общий язык

найти мог, в отличие от многих. С точки зрения девочки, это что-то говорило о терпении и незлобливости Патриарха.

Кроме того, Собор принял пару решений, которые Софье не понравились. Например, поделили светское и духовное. Но в то же время духовники оказались подсудны светским властям. Сначала их отлучали, а потом судили. Оставалось выяснить, не начнется ли тут то же, что и с депутатами. По принципу – с Дона выдачи нет?

Но что самое главное – было принято решение о массовом обучении грамоте всех священников. А то понтов много, а знаний мало. Что это за поп, который и Библию-то не читал, потому как читать не умеет?

Хуже было другое. Церковь решительно топала на сближение с греками. Но… время пока еще было, не за один же день это сделано будет?

Хотя, с точки зрения Софьи, делать этого не стоило. Где Греция, там и Турция, а чего хорошего христиане от мусульман получали? По рогам?

Эх-х-х… вломить бы тем, кто раскол на религиозной почве сеет, – да так, чтобы лично у Бога осведомлялись о своей правоте!

Бог-то един, а уж как ему молиться – да хоть и головой вниз и на китайском языке – Ему-то какая разница!

Миллионы галактик, миллиарды звезд – и кто-то всерьез думает, что Творцу есть дело именно до конкретной этой?

Ну-ну…

Остальные решения были скорее церковными, поэтому Софья пропустила их мимо ушей. Не царской это дочери дело, как там правильно иконы писать. Пусть иконописцы разбираются, им за это деньги платят.

А у нее и так дел хватало.

Время шло…

* * *

После Рождества Алексей Михайлович-таки принял решение по золоту.

Идеалом оказался вариант, при котором открывать месторождения было необходимо, но нужно было и сообщать о них государству. А вот кто чего потаит, того бить плетьми и вообще считать изменником родины – это первое.

А второе – после доклада царь уже и будет решать, оставить разработку месторождения за человеком или забрать месторождение в пользу государства, а товарищу выплатить

нескромную сумму за пользу Отечеству. Ежели человек хочет сам рудник разрабатывать – честь ему и хвала, но не все полезно в частных руках. Тут смотреть надобно.

Софья порадовалась и уточнила: а что с их рудником-то будет?

И вот тут царь совершил этакий финт ушами.

Отлично понимая, что золото из казны начнут тащить лопатами и пользы не добьешься, он решил отдать все права на разработку сыну!

Царевичу Алексею Алексеевичу.

Пусть-де мальчик зубки пробует. Заодно и казне прибыток.

Софья подумала. Получалось, что даже потери по неопытности Алексея все равно оказывались меньше тех, что будут по излишней опытности того же Ивана Милославского. Или Матвеева. Или еще кого…

Грустно…

Но зато Алексей получал фактически карт-бланш на создание прииска. А это важно.

И Софья засела за бизнес-план.

А спустя пару недель в Дьяково прибыл ее двоюродный дядя. Иван Богданович Милославский.

Пришлось принять.

* * *

Дядя не впечатлил. Видимо прохвост – это фамильное. Или половым путем передается. Иван Богданович был высок, осанист, симпатичен и производил общее впечатление надежности и порядочности. Потому и не понравился. Софья впечатлениям никогда не доверяла, прекрасно зная, как легко казаться и как тяжко быть. Да и остальное…

Полководец-то он хороший, и голова у него светлая, иначе бы его в Челобитный приказ не пустили, но здесь он зачем?!

Оказалось – почуял выгоду.

Про золото почти никто и не знал, а вот этот – пронюхал. И пришел к царевичу с просьбой. Мол, ты, государь-царевич, разреши мне помочь в освоении рудника. Людишками, деньгами, охраной, опять же… а я в долгу не останусь. Да и многого не попрошу… так, процентик с прибыли. А в знак моих самых честных намерений прошу принять вот эту сабельку драгоценную. И правда – ценная. Камней на рукояти столько, что на пару деревенек хватит.

Алексей только присвистнул.

Нет, вслух-то, конечно, было сказано, что царевич думать изволит, за подарок благодарствует, но ответ даст ближе к весне. Когда сам поймет, что с рудником делать.

Где рудник-от?

Да недалече, я сам ездил, но это тайна, тс-с-с…

А золото есть, точно, я лично видел…

И ведь не лгал. Ездил? Да, в Архангельск. Но кто сказал, что нашел там золото? Не было такого!

Сам золото видел? Еще бы!

Васька в кисете привез почитай что цельную горсть.

Что-то подсказывало Софье, что скоро окрестности Архангельска испытают необычайный прилив народа. Она попросила Ордина-Нащокина навести справки и получила вскоре ответ.

Клан, всегда клан и только клан. А место государства – сороковое.

Милославские решили подгрести под себя и царевича. Школа им была неинтересна, что с нее получишь! А вот золото…

Ну и кого подослать?

Да Ивана Милославского!

Умен, красив, о войне рассказать умеет, сам воевал – мальчишки на это падки! И Алексей свет Алексеевич заслушается. А уж ежели кто восхитился да похвалил – ну, тут и дальше можно из него веревки вить.

Софья понимающе покивала.

Не по нраву Милославским, что часть царской семьи не под их контролем. Они ведь только на Марии и держатся, а ее состояние ни для кого не секрет. Умрет она – и пошатнутся Милославские. А ставку на них делать…

Можно бы, да нужно ли? Не те они слуги, ой, не те…

Где первоначально деньги взять для разработки золота?

А найдем. И полетели письма.

С деньгами обещала помочь боярыня Морозова, хоть и со своим условием. На Урал сослали друзей Аввакума, и она желала, чтобы те жили в деревнях рядом с рудником. Ну и чтоб заботились о них не за страх, а за совесть. Софья не возражала.

Процент с прибыли?

Окститесь, дети!

Деньга пойдет – вернете потраченное. А она и так за Иванушку благодарна. Какой молодец вырос!

Самое забавное, что Феодосии это и правда почти ничего не стоило.

Тащили из казны оба брата Морозовы, состояние у них было одно из крупнейших, столько даже Милославские пока не

наворовали. А тратить – а куда? Феодосия жила скромно, насколько могла. Ванечка – в школе, Анна Морозова – при царице. И куда тратить?

На хорошее дело.

Оставалось найти людей, знакомых с горным делом, и обеспечить охрану. Ну и все самое необходимое…

Работы – непочатый край. И это пока еще Строгановы не знают. А как начнется дело?

Что они предпримут? Урал покамест их вотчиной был, а тут – пусти на шаг, пролезут на тридцать. Ох, сложно…

Но сдаваться Софья не собиралась. Покусаемся!

* * *

Строганов также навестил царевича ближе к весне и принялся жаловаться.

Несправедливость-то какая, царевич!

Я на своей земле ваших людей принял, а вот они мне о таком – и не сказали! Ай-яй-яй, неблагодарность-то какая! Чернющая! Громаднющая!

Алексей Алексеевич покивал и полностью согласился.

Неблагодарность. Только вот месторождение не на вашей земле. Его вообще в тайге открыли. Как делить будем, ежели там вся земля пока еще царская?

Строганов замялся.

Упускать деньгу ему явно не хотелось. Так-то, если б никто не знал, он бы расстарался и этот кусочек себе прирезать. А сейчас – поезд ушел. Но царевич явно был готов делиться.

Сторговались достаточно быстро.

Золото надо было не только добывать – его надо было еще и обрабатывать. Перевозить, хранить, а с учетом геополитической обстановки это превращалось в ту еще задачу.

А потому – охрану собирались делать комплексную. Стрельцы, казаки, люди Строганова… Конечно, рано или поздно кто-то договорится воровать, но скорее поздно, чем рано. Да и тасовать их можно по мере надобности.

Все равно прежде, чем разработки дадут результат, пара лет точно пройдет. Все успеют и прикинуть свою выгоду, и смириться…

Перевезти людей, обустроить их на новом месте, определить месторождение, выкопать шахту, рядом же устроить заводик для выплавки из руды чего поприличнее, хотя бы и слитков – работа не на год. Минимум – два-три.

Тут и разинские сборы пригодились.

Пока людей охранять, пока добро, а кое-кто из тех, что на Дон бежали, и порадовался возможности на Урал переехать. Так уж получилось, что ежели царевич этим делом занимается, то они получаются царевичевы люди, и спрос с них другой, и подати другие.

Да и люди нужны. Не в шахте работать, так землю пахать, охотиться, рыбу ловить, дома ставить, заводик класть… тем, кто работать хочет, дело завсегда найдется.

И даже тем, кому сабля в руках милее лопаты. Места небезопасные, охрана-то нужна, вот там и пригодятся…

И побежали годы.

* * *

– Михайла, воды подай!

– Да, дядь Федот!

Мишка опрометью бросился за водой.

А то ж!

Это в школе он царевичев ученик, а в кузнице тульского мастера Федота – Мишка! В крайнем случае, как сейчас, когда тяжелый день за плечами, – Михайла.

Как его в кузницу занесло?

А вот так вот.

Первый выпуск царевичевой школы – он особенный. Детей с улицы взяли, от голода-холода спасли и родни у них никакой, окромя царевича. Вот он, батюшка, здоровья ему да лет долгих, и озаботился устройством судеб выпускников своих.

Незадолго до выпуска принялся приглашать к себе то одного, то другого, расспрашивал, у кого к чему душа лежит, а там…

Называлось это – распределение.

Царевич договорился с мастерами, учеными, приказами по всей Руси-матушке и разослал всюду своих ребят.

Где подмастерьями, где писцами, а где и вот так, как его, Мишку.

– Понимаешь, Миша, с железками возиться – дело доброе, – Мишка как наяву видел перед собой царевича, его улыбку, синие теплые глаза. – Только ведь добро надо для всех делать. И знание – оно всем доступно должно быть. Вот вы читать-писать умеете, наукам обучены, бою, опять же… но у тебя к военной службе душа не лежит. А у кого из мастеров дети есть – глядишь, у них душа к отцовскому делу не готова. А родители их силой гнут, мол, отцы-деды занимались, а ты не желаешь, неблагодарный?

Бывает такое…

Мишка закивал. Да, конечно, бывает.

Царевича он не боялся. Давно по школе всем известно было, что Алексей Алексеевич не чинится и кого угодно выслушает. А уж если чего дельного услышит – рад будет. И наградит соответственно.

А *что* дельное?

Царевич это объяснил так.

– Все, что необычным, но важным покажется. Люди могут и не увидеть, а вот у тебя глаза свежие, голова светлая…

– А потом куда, государь-царевич?

– А ты сначала кузнечное дело как следует освой, а там и поглядим. Будут и у тебя ученики, будет и кузня. Только сперва сам умельцем стань.

Вот Мишка и старался – аж искры из глаз летели. Ради такого-то… да он из кожи вывернется и назад завернется! Был – босяк, грязь придорожная, никому не нужная, а таперича эвон что делается! Да ежели государь ему говорит, что надобно мастером стать, а кузня будет… Верил ему Мишка, как Богу. Точно будет. Токмо работай.

Мишка подал ковш с водой дядьке Федоту и отступил в сторону.

– А чем опосля займемся, мастер?

– Эвон, погляди…

Федот кивнул на сверток на скамейке.

– Принес купец Ванька. Ствол у него, вишь ты, погнулся.

– А можно…

– Ну погляди.

Мастер Федот мог себе позволить быть добрым. Платил ему царевич достаточно щедро и регулярно. А мальчишку взять на пару лет, подучить – да разве ж это в тягость? Мальчишка, по всему видать, умный, глазастый, на работу сметливый и не лентяй. Такого учить в удовольствие.

Мишка тем временем развернул, посмотрел…

– Дядька Федот, а как это? Тут что же, пулю внутрь загонять не надо?

Удивление мальчишки было непритворным. Огненному бою они все учились и помнили, как тяжко было отмерять порох, загонять пулю в ствол, да еще проверь, не осталось ли там заряда, да и тяжело, и долго, и точности никакой – а тут картина явно другая.

– А это гишпанцы придумали. Тут посмотри, что есть…

Федот, решив сделать крохотный перерыв, опустился на лавку рядом с Мишкой.

Отчего б и не рассказать мальцу, что к чему? Ведь добрый кузнец из него может вырасти…

* * *

– Сонь, ты только посмотри!

– Да, Алешенька?

– Это Мишка из Тулы прислал! Красота-то какая!

Софья осмотрела здоровущий пистоль. Подумала, прислонила тяжеленную дуру к шкафу.

– И в чем разница?

– Сонь, ты понимаешь…

Софья не понимала, но старалась.

Как оказалось, оружие могло заряжаться по-разному. Оно было дульнозарядное и казнозарядное. В первом случае все – патрон, порох и прочее, запихивалось именно что в дуло, туда же засыпался порох, все это утрамбовывалось – долго, муторно, неудобно, да к тому же, иногда – читай, часто – по жизненному разгильдяйству, стрелок заряжал ружье дважды. И при выстреле оно уходило в минус за разрывом ствола.

Во втором случае все было аккуратнее и удобнее. Не требовалось все запихивать, клалась пуля, а вот порох располагался отдельно.

Мишка же, увидев где-то казнозарядное оружие, переделал под него имеющееся. Уж скольких ему усилий это стоило – бог весть, но оружие стояло сейчас рядом и радовало глаз.

А что можно еще?

Почему оружие называют нарезным? Что-то в стволе внутри…

Софья задумалась. Что-то такое вспоминалось, хотя и смутно. Но это она будет лежать перед сном и вспоминать мельчайшие детали из той жизни. А пока ясно одно – такое оружие упускать нельзя.

– Напиши Мишке. Пусть знает, что это дело важное и все, что может, про такое оружие разузнает. А почему мы его не применяем? Вроде как воюем, а оно ж удобнее?

Алексей пожал плечами.

– Сонь, так денег нет на новые пушки, а старые вполне к делу гожи…

– Гожи, ни кожи, ни рожи…

– Не ворчи. Пошли лучше погуляем на улице…

– Пойдем…

Софья тряхнула головой, выбралась из-за стола, с любовью

взглянула на братика. М-да, куда и делся пухлячок Алешенька из царского терема? Высокий, широкоплечий подросток с ломающимся баском и выгоревшими до светлой соломы волосами.

Да и она сама изменилась. Уже не девочка по местным меркам – подросток. Тощая, голенастая, с прыщами на лбу и пристальным взглядом темных глаз. Пока еще гадкий утенок. Ничего, это дело наживное. Зато умная и квашней не расплылась, как сестры. И под платьем не жирок нагулян, а мышцы. Восточные танцы – штука полезная, а Лейла всегда готова поучить девочек чему-нибудь новому. Ну еще бы, ее-то всю жизнь учили…

Софья довольно прижмурилась, осознавая, что у нее сейчас в «женском батальоне» – пятьдесят две девицы. Ну, не все так радужно, конечно. Первый набор частично уж и замуж вышел, но не за самых худших мужчин. Одной так даже боярский сынок достался – младший, конечно, но это пустяки. Софья своим девчонкам пропасть с голода не даст. Да и остальные – у кого стрельцы, у кого – мастера, за крестьянина ни одна замуж не вышла. Не из снобизма, нет. Софья и не возражала бы, если бы это был хороший, крепкий хозяин. Ну, вот любовь случилась… ан нет!

Вырвавшись со дна жизни, девочки костьми готовы лечь были, лишь бы их туда не вернули. А это значит – место неподалеку от царевны.

Софья помнила всех.

Те двадцать семь, которые вышли замуж, пара так и вовсе за иноземцев и сейчас писали царевне грамотки из Архангельска. И те двадцать пять, которые сейчас были при ней. Четырнадцать – на обучении. Еще тринадцать – то здесь, то там… То у сестры в Кремле, то у боярыни Морозовой, то еще где… пользы от девушек было немерено.

Нет такого секрета, который не выложит мужчина красивой девушке. Им прогуляться, поулыбаться, в храме на службе постоять, на рынке стакан орешков али медовый пряник купить… а Софье потом читать и думать.

Неспокойно в стране, ой, неспокойно.

Османы опять силы набирают, отец, опять же, здоровьем сдал, а какие его годы?

Жить и жить!

Мать опять в тягости, как ни уговаривали – хоть кол на голове теши. Софья сначала хотела кого-нибудь из девчонок послать, чтобы травки позаваривали, массажи поделали, хоть бы отеки сняли, а потом съездила сама, поглядела на мать – и передумала. Это папаше сорока еще нет, так скоро будет. А

матушке-то сорок пять! И в двадцать первом веке таких в роддомах не любят, потому как бывают осложнения. Не у всех, нет. Но – бывают.

Эта беременность давалась Марии Милославской с таким трудом, что без слез смотреть нельзя было. Кожа пожелтела, волосы поредели, пятна пигментные высыпали, отеки – токсикоз во всей красе. Хорошо, если все пройдет нормально. А ежели нет?

Она за это время столько врагов в тереме приобрела, что хоть соли да заспиртовывай! Начиная с недоброй памяти Лобановой-Ростовской, которая никуда не делась, и кончая Анной Морозовой. Стоит только крикнуть, что Сонька-де нарочно девок своих прислала, чтобы они царицу спортили, – и оправдывайся потом пред отцом. Он, конечно, поверит ей, а не кликушам, но у нее ведь и возраст такой… не дай бог, решит, что ее в терем надо забрать, ой-ой-ой…

Софья уже с ужасом представляла себе, как жить в тереме. Здесь-то она куда как свободнее, вот и сейчас вышли с Алешкой на двор, она плотнее завернулась в соболью шубку, вдохнула морозный воздух.

– Алешенька, как душевно-то!

– Да, у нас тут уютно, в Дьяково. Сонь, я тут в Москву хочу съездить, ты со мной прокатишься?

– А стоит ли?

Февральский морозец ощутимо пощипывал щечки, добавляя румянца.

– Маменьку повидаешь, сестриц… не хочется? Почитай, уж два месяца там не была?

Ну не была. С Рождества и не была, а сейчас уж конец февраля. И не тянуло. Сплетни ей исправно девочки доставляли, а все остальное – к лешему!

– А ты хочешь, чтобы я с тобой поехала?

– Хочу. Неуютно мне как-то…

Софья поглядела на брата. Внимательно так, пристально…

– Почему? Сказать можешь?

– Нет. Но словно давит что-то…

И как тут не поехать?

* * *

В Кремле Алексей первым делом отправился к отцу, а Софья – к матери. Увидела – и едва не выругалась, забыв про все.

А ведь она этих родов не перенесет, – холодно подсказал голосок из глубины души. – *Возраст, здоровье, антисанитария…*

Но дочь Мария рада была видеть. Кивнула на стульчик рядом с кроватью.

– Присядь, поговори со мной, Сонюшка… а вы все оставьте нас.

Софья послушалась. Взглянула такими глазами на девок и боярынь, что те втрое быстрее к дверям кинулись. Оно и неудивительно – злоба была на некрасивом личике. Бешенство и холодная ярость. В таком состоянии сначала бьют, а уж потом говорят за что. Единственная, кто замешкалась – Анна Морозова, но и на нее Софья смотрела в упор, глаза в глаза, пока та взгляд не отвела и дверью за собой не хлопнула.

Мария на дочь смотрела пристально.

– Взрослая ты стала, Сонюшка.

– Пришлось. Матушка, ты о чем со мной поговорить хотела?

– Ты ведь с Алешей время проводишь…

– Не без того.

– Батюшка уж говорил намедни, что тебя стоит обратно в Кремль позвать. Пади ему в ноги, умоляй не делать этого.

Софья чуть не подавилась.

– Почему?

– Гиблое это место, Сонюшка. Мою жизнь съело, твою сожрет, коли позволишь. Завидовала я тебе. Хоть и ребенок ты, а вот ведь как повернуть сумела. Вырвалась!

– Матушка, я и тебя бы забрала к нам в Дьяково, ежели ты позволишь. У нас там тихо, спокойно, соловьи поют…

– Соловьи… послушать бы еще раз. Да уж не доведется…

– Маменька…

– Помолчи, Сонюшка, и послушай. Я за свою глупость заплатила полной мерой. Царицей стать восхотела, дура… Пара годков пройдет – царь Алешеньке супругу подыскивать станет. Ты при нем тогда быть должна. Как хочешь, но должна.

– Для чего?

– Соня, прошу тебя, не дай с другими сделать то же, что со мной сделали. Ежели найдет себе Алешенька невесту по сердцу… я ведь не слепая. Вижу, как твои девушки вокруг Марфуши вьются, вижу, как они ходят, как слушают… ты рядом с собой людей собираешь. – Голос женщины понизился до хриплого шепота. – Никто другой пока это не приметил, окромя меня. А я молчала, потому что ничего во вред брату ты не сделаешь. А на пользу… сделай так, чтобы он счастлив был.

– Сказать легче, – буркнула Софья, не обрадованная материнскими откровениями. Это Мария может полагать, что она тут самая умная, а на поверку как бы еще десятка не оказалось. Интересно, на чем девчонки спалились?

– Обещай мне, Сонюшка. И когда у Алеши жена появится – ты ей другом станешь. Не дашь невинную душу губить этими теремами проклятыми!

Темные, как у самой Софьи, глаза горели лихорадочным огнем. Почти прозрачные пальцы сомкнулись на запястье железной хваткой. Софью, впрочем, этим впечатлить было сложно.

– Постараюсь.

– Пообещай!

– Я же сказала – постараюсь.

Два взгляда скрестились, и Мария поняла, что Софья и так сделает больше сказанного. Чуть ослабила хватку.

– Соня, если возможно будет – помоги сестрам.

– Кому? Дуньке? Или Катьке с Машкой, которым против меня в уши поют? То в правое, то в левое…

– С Марфушей у тебя же получилось…

– Так теперь и остальных на меня повесить?

Мария отпустила руку дочери, чуть улыбнулась. Она уже поняла, что ворчит Софья больше от осознания предстоящей ей работы. Оно и правильно.

– Ежели я умру – не верю я, что у вас мачехи не будет. Погорюет батюшка твой да опять женится. Кто тогда за тебя и сестер встанет?

Софья мрачно подумала, что за нее и до сих пор никто не вставал, но промолчала. В чем-то Мария была права, семья – главная ценность. Марфу вон, хоть сейчас замуж выдавай, только вот за кого? Ладно, придумаем…

– Не брошу я их. Обещаю.

– И последняя моя просьба.

– Еще одна? – не удержалась от ехидства Софья.

– Слушай! – Мария так сверкнула глазами, что стало ясно – царица. Беременная, больная, умирающая, а все ж таки царица.

Софья сверкнула в ответ, но ломаться не стала. Мать все-таки…

– Анна.

– И что с Анной?

– Как меня не станет – и ей тут жизни не будет. Сожрут ее, а то и в монастырь уйти заставят.

– И что?

– Сонюшка, нельзя ей в монастырь. Она живая, искренняя, не место ей там…

Софья мрачно подумала, что мамаша с Аввакумом не общалась. Вот у кого и живости, и искренности на шестерых хватит и еще на десяток останется.

– Мне ее к себе забрать?

– Забери, ежели Алеша дозволит.

Софья кивнула.

– Ты с ней сама поговори, матушка. И объясни, что не враг я ей. Сама знаешь. Не любит меня Анна.

А в темных глазах отчетливо читалось: «… и ты не любишь…» Мария тоже решила не кривить душой.

– И в кого ты такая выросла – бог весть.

– Чем удобряли, то и выросло, – буркнула тихо Софья. И уже громко: – Моей вины в том нет, что не плачу да не молюсь. Та молитва хороша, к которой дело приложено.

– Женщине тихой и скромной быть надобно…

– И выдадут ее замуж за боярина Морозова, на сорок лет старше.

Мария опустила глаза. Ну да, не в бровь, а в глаз. И посмотрела на дочь. Раз уж такой разговор.

– Ты и про Ефимию знаешь…

– Знаю. Вертели другие, платить тебе пришлось…

– Виновата я пред тобой. И перед другими детьми. За свое горе, за нелюбовь в глазах мужа, за шепотки за спиной вас виноватила, так и жизнь пролетела. Ты меня прости, ежели сможешь. А нет – так я тебя не виню. Но что я прошу, хоть постарайся сделать.

Софья кивнула. Да, любви между нами не будет. Но понимание есть. Сделаю я то, что ты попросила, матушка. Постараюсь. А уж что дальше будет – один Бог знает. Только не говорит…

* * *

Алексей в это время отчитывался перед отцом.

Золото… месторождение, случайно найденное в тайге, оказалось богатым. Сейчас там спешно строились четыре деревеньки. Точнее, уже почти построились и параллельно строилось все необходимое для золотодобычи. Шурфы, драги, у нас тут, чай, не Африка, где вручную намывать можно. Помой-ка песочек при минус двадцати… ледком из речки!

Ну и по мелочи.

Золото надо было везти желательно не в самородках, а в чем-то еще. Поэтому на месте же строился маленький заводик. Чтобы на месте делать слитки, а уж в Москве из них начеканить монету.

Разбойники?

Да нет, покамест все тихо.

Но пока еще и настоящая добыча не началась. Пока люди добрались, пока отстроились, пока то да се…

Степан, конечно, неугомонный, башкир и татар гоняет так, что только пыль из-под копыт, опять же, лихие людишки там шалят часто, но покамест вроде тихо.

А и то – воровать-то пока нечего. Разве что людей да скот. Ну, попытались, тут же получили и отступились. Это ведь не войско, это волки. Овец рвать могут, а как на кого позубастее наткнутся…

Алексей Михайлович слушал со странным выражением. Потом кивнул.

– Взрослый ты, Алешенька. А, чай, в Москву тебе пора возвращаться.

– Зачем?

Вот уж чего Алеше решительно не хотелось – это обратно в Кремль. Да лучше сразу головой в змеиную яму – гадюки такие милые и добрые существа…

– Пора уж тебя женить. Смотрины устраивать, невесту присматривать…

Алексей внутренне собрался. Вот на этот случай была у него заготовка, которую они с Софьей и придумали.

– Тятенька, ты ведь по Руси смотрины устроить хочешь? Как тебе устроили?

Алексей Михайлович кивнул. И наткнулся на взгляд сына. Серьезный, внимательный.

– Тятенька, не хочу я еще одних воров у казны. Кого ни выбери – за ней боярский род будет, а значит – клянчить подачки примутся, жена ныть будет, что недовольна, да мало ли способов в доверие да в казну влезть. Не хочу.

Непроизнесенным повисло «Ты уже нарвался, теперь и меня хочешь в ту же петлю?!» Но некоторые слова лучше и не произносить, ни к чему. Алексей Михайлович кивнул.

– А что ты предлагаешь?

– Жениться надо на принцессе иноземной, так, чтобы союз крепить с другими странами.

– Так она не православная…

– Так и мы, чай, устои меняем. И вообще – жена да спасется мужем своим, – прищурился в ответ Алексей. – Тятенька, что мы – худородные, что ли? У Фердинанда – две дочери, одна вроде как за поляка сговорена, да вторая пока еще свободна. У Филиппа Испанского дочь Мария, ей всего-то четырнадцать лет, поговорить можно. А ежели что, и подождать пару лет, пока еще у кого дочь не родится или не подрастет. Нам куда спешить?

Алексей Михайлович задумался.

– Опять же. Ты меня королем польским сделать хочешь, я

знаю. Так когда они меня лучше примут – с нашей боярышней али с европейской принцессой?

Романов-старший кивнул.

– Да, пожалуй.

– Тятенька, а кто тебе сказал, что женить меня пора? Уж не Милославские ли напели?

– Не любы тебе Милославские.

– Они не монетки золотые и не девушки красные, чтобы я их любил.

Алексей мысленно пометил себе – попросить Ордина-Нащокина, чтобы тот поглядел внимательнее. С кем государь советуется чаще, кто к нему в ближники вошел… ох, не к добру это. Точно, еще один Морозов нашелся на его голову. Через жену-то им вертеть всяко легче будет.

А вот не дадим себя женить!

Алексей вспомнил упрямый взгляд Софьи и приготовился к дальнейшим гадостям. Они и не замедлили.

– И все же пора б тебе в Кремль перебираться.

– Приневолить ты меня всегда можешь, тятенька, на то твое право. – Алексей выглядел так расстроенно, что прослезился бы и африканский крокодил. А в ушах звучал голос Софьи.

Не спорь, никогда не спорь с отцом. Он сильнее. Но он тебя любит – и на этом можно играть. Не дай ему сломать твою жизнь, как сломали его.

– Да разве плохо тебе здесь будет, сынок? Рядом со мной…

– Ох, тятенька. Там у меня спокойнее, свободнее, из окна выглянешь – соловьи поют, на коне промчаться можно, а тут что? Ни воли, ни воздуха… сидеть за этими стенами, как зверю в клетке! Только выть и останется.

– Что-то я не вою…

– Нет, тятенька, – Алексей скользнул на пол, прижался щекой к отцовскому колену. – И тебе здесь плохо. Просто ты сильный, а я пока еще маленький. Меня здесь сломают и в дугу согнут, ты же для меня такого не хочешь?

– Такого – не хочу. Кстати, и еще одного ребенка хорошо бы в твою школу взять. Найдется местечко?

– Кого, тятенька?

– Петю Апраксина. Возьмешь?

– Как не взять. Пусть к следующему набору и готовится…

– Набору… завел ты, Алешка…

Но ворчал царь больше по привычке, по-доброму. Алексей это почувствовал и решил поделиться, чтобы разговор закончился на хорошей ноте.

– Тятенька, так и еще дело у меня.

– Какое, сынок?

– Тятя, а почему мы такое оружие не делаем?

Казнозарядный пистолет Алексея Михайловича не привлек. Так, повертел его в руках пару минут и отложил.

– Дорого, сынок. Денег в казне нет.

Алексей едва не зашипел.

Конечно, денег нет! Ежели тучу дармоедов-бояр подкармливать, ежели воруют на всех местах – выпускники ему регулярно грамотки шлют, ежели храмы строить вместо того, чтобы деньги в дело употребить…

Алексей и сам не замечал, как менялось его мировоззрение под влиянием Софьи. Храмы строить? Зачем? Ах, душу свою спасать? Ну-ну…

А чью-нибудь еще ты спасти не пытался? Там, из нищеты вытащить, от беды спасти, помочь… нет? Ну, тогда хоть всю Русь храмами застрой – дела не будет. Кому ты нужен, гроб поваленный…

Царь, конечно, милосерден и помочь готов, но ведь как много тех, кто о помощи не просит, а нуждается в ней и очень сильно?

Вслух, понятно, Алексей этого не сказал. Но умильную мордаху состроил.

– Тятенька, а можно мне таких для ребят своих понаделать? Деньги я найду…

– Ну, наделай…

Алексей кивнул, и дальше разговор перешел в более безопасную плоскость. Матушка, сестрицы, прибавление в семействе…

Мальчишка поддерживал беседу, а в голове крутилась одна и та же мысль.

Кто, кто, КТО?!

* * *

Софья глазами сверкала не хуже тигрицы.

– Женить?! В Кремль забрать?! Этого нам только не хватало!!!

Алексей смотрел на нее с улыбкой, царевна Анна – с легкой тревогой.

– Сонюшка, да что ж тут плохого…

– Анюша, милая, – Софья чуть успокоилась и принялась объяснять тетке, как маленькой. Вот ведь… тоже! Как своих да Воина детей от чужих глаз прятать – это она сразу умная, а как про племянника сообразить – глупеет. Или это просто гормоны по мозгам бьют? Как-никак, третьего ждут… Ну да, за эти годы

Ордин-Нащокин еще и внучку признал. Аграфену, Грушеньку… – Нельзя нам в Кремль сейчас, ну никак нельзя. Тут слишком много дел… ведь не просто так Алеша бьется. Он себе помощников готовит, людей, которые везде по стране будут, а кого другого сюда сейчас пусти – все дело нам загубит. Так кого просили пристроить?

– Петрушу Апраксина.

– Та-ак… Анюша, ты что про него знаешь?

Анна покачала головой. Ничего не знала и Татьяна. А вот Ордин-Нащокин порадовал. Софья только головой покачала, слушая биографию семьи Апраксиных.

Матвей Васильевич Апраксин ничем особым не отличался. Женился, детей родил… Казалось бы – все чисто?

Ан нет.

Семейка оказалась не просто так, а под Матвеевым, который благоволил им настолько, что стал крестным отцом Марфы Апраксиной. Так-то.

К тому же – царский стольник, ездил в сорок пятом году в Данию… Семейка заслуженная, но служит она больше себе. Особыми талантами мужчина не отличался.

Вывод?

Могли и сами попросить царя, а мог и Матвеев. Пока особых подозрений не было, но Софья уже отложила в уме заметочку.

Петруше Апраксину доверия не будет.

Время шло своим чередом. На Урале спешно строились деревеньки, в школе учили детей, Алексей с Софьей собирали сведения о принцессах и прикидывали, как бы уговорить отца, чтобы он понял – выгодную невесту и подождать можно… годков так десять.

Софья параллельно прикидывала, кого бы из своих девушек подсунуть брату и Ванечке Морозову.

А что?

Парни здоровые, у обоих уже усы под носом, да и созревают здесь пораньше. Лучше пусть она подсуетится, чем найдется какая умница с улицы и примется вертеть мальчишками по своему усмотрению.

Время шло, проекты наращивали мощность…

Все было вполне замечательно до конца февраля.

* * *

– Соня, нам в Москву срочно надо.

– Что случилось?

Не было у братца такой привычки – в девичью светелку врываться. Но вот поди ж ты, влетел и сверкал глазами не хуже кота лесного.

– Матушка родами плоха…

– Подробности?

Одеяло полетело в сторону, Софья принялась натягивать платье, не особо стесняясь ни брата, ни Вани Морозова, который верным оруженосцем маячил за царевичевым плечом.

– Сам не знаю. Отец гонца прислал, чтоб мы хоть попрощались. А то боится, не успеем…

Софья кивнула.

– Пять минут мне дай – косу переплести… а, пес с ней! В возке разберу! Кто едет?

– Анюша тут решила остаться. Да и Татьяна себя не слишком хорошо чувствует.

– Одним словом – тетки не едут. Ну и ладно…

Софья натягивала сапожки, а сама лихорадочно размышляла.

Да, скорее всего, они останутся без матери. Да и не слишком бы жалко, не так уж они и близки были, но свято место пусто не бывает. Погорюет батюшка пару-тройку лет, да и женится на другой. А вот кто это будет, какая она будет… Ой, е! Шире вселенной горе мое.

Одним словом, надо теперь многое менять в своих планах.

– Царевна…

Одна из девочек протянула Софье дорожный сундучок с самым необходимым. Служанок Софья не терпела. Положено – вот и положите где-нибудь в уголочке, а раздеться-одеться она и сама сможет. Да и косу заплести… ладно! Пусть останется одна служанка, а на остальном девочек будем тренировать. Как за платьем следить, как шить-вышивать, волосы заплетать, за лицами следить, за фигурой… пусть учатся. Кто лучше оценит их усилия, чем подопытный кролик?

* * *

В Кремле было… молитвенно.

Все молились и мельтешили.

То есть молился царь, не выходя из собора. Молились все Милославские, не отходя от царя и предчувствуя свое скорое отдаление от него. И так-то царь их терпел ради жены, а сейчас вовсе погонит.

А мельтешили бабы по царскому терему.

Алексей под руку с Софьей пролетели по нему вихрем,

распугивая боярынь и боярышень, как куриное царство. Кто-то попытался их остановить, задержать – легче было ловить молнию.

Царевич так рявкнул, что остальные ему дорогу заступать и не осмелились… а в покоях царицы было…

Пожар в бардаке во время потопа. И даже дым был – от ладана, которым курили вокруг несчастной.

Едва увидев ее, Софья поняла, что дело плохо.

Так люди, которые собираются жить долго и счастливо, не выглядят. Заострившийся нос, запавшие глаза, щеки, с которых в единый миг словно стесали всю плоть, пожелтевшая пергаментная кожа…

Тетка Анна – Морозова – плакала в углу, под кроватью тихо скулила старуха служанка. Причитали хором какие-то женщины – Софья бы их сейчас одну от другой не отличила. Развелось тут…

Алексей опустился на колени у материнского ложа. Взял руку, больше похожую на птичью лапку, коснулся губами.

– Мамочка…

Бесполезно.

Это только в бразильских сериалах героини могли очнуться от горячки. Здесь же…

– Что с матушкой?

От толпы причитающих отделился невысокий человечек – личный царский лекарь, Лаврентий Блюментрост.

– Антонов огонь, ваше высочество.

Софья прищурилась. Вообще, в медицине она была не специалист, но…

– Давно ли?

– Как родила, так и…

Ага. Значит – родильная горячка, скорее всего – с осложнениями, плюс инфекция – по нынешним временам – смертельно.

– Сколько она уже так лежит?

Софью Блюментрост ответом не удостоил, продолжая глядеть на царевича. Тот, уловив непочтение к сестре, прищурился и с расстановкой произнес.

– Ты вопрос царевны слышал?

– Два дня, ваше высочество…

Лекарь даже чуть поклонился.

– А что с ребенком?

– Царевна Евдокия Алексеевна вечор скончалась.

Софья кивнула. Плохо.

– Сонечка, ты тут останешься?

– Да, я пока тут побуду. А ты к батюшке?

– Да… молиться буду. Мы… останемся.

Непроизнесенное поняли оба. Пока царица или не оправится, или не преставится. За второе голосов определенно больше.

Впрочем, стоило Алексею выйти за дверь, как Софью просто оттерли в сторону, а вокруг царицы опять закружился хоровод из матушек, нянюшек, бабок, боярынь… Софья плюнула и решительно оттеснила Блюментроста в дальний угол.

– Герр Блюментрост, уделите мне толику внимания?

– Ваше высочество, но царица…

– Доктор, а вы можете излечить от антонова огня?

Сказано было с такой едкой иронией, что Блюментрост невольно пригляделся к девочке. Худая, с необычно серьезными глазами, темные волосы падают на некрасивое лицо – пока еще гадкий утенок. Что вырастет Бог весть, но разум там уже достойный лебедя.

– Ваше высочество, наука…

– Не знает таких случаев, не считая чуда Божия. Я поняла. Доктор, вы к нам надолго?

– Ваше высочество, я надеюсь…

– Я бы хотела, чтобы вы посетили царевичеву школу. Хотя бы ненадолго.

– Ваше высочество, позволено ли мне будет узнать – зачем?

За суматохой на них пока не обращали внимания, но Софья понимала – это ненадолго.

– Разумеется. О вас идет хорошая молва, а нам нужен специалист. Не волнуйтесь, насильно удерживать вас там не будут. Я попрошу брата пригласить вас?

– Я буду весьма благодарен, ваше высочество.

Софья кивнула и выскользнула из угла, пока никто не заметил, что она спокойно и свободно разговаривает с мужчиной по-латыни. Блюментрост проводил ее удивленными глазами, попытался вспомнить, что говорили о царевне Софье, – и не смог!

Говорили о ней в тереме ну очень мало.

Да, есть такая. Да, живет с тетками в Дьякове по слабости здоровья – ей свежий воздух нужен. Но и только. Хотя слабости здоровья он у ребенка не заметил, наоборот. В тонких пальцах, на мгновение стиснувших его руку, чувствовалась сила и уверенность, да и в том, как царевна управляла своим телом – не движется так слабый и болезненный человек. Ой, не движется…

Кого бы расспросить?

Вот про царевича Алексея… А ведь говорила девочка вполне уверенно. О царевиче сплетничали намного больше. Что к сиротам он милостив, что создал специальную школу, чтобы не скитались они по дорогам, что учат там детей письму-счету… но к чему там лекарь?

Босяков лечить?

Ну так что же, Лаврентий не собирался чиниться. Приблизиться к нынешнему царю ему удалось. А вот к следующему… удастся ли?

Надо попробовать.

Долго ему размышлять не дали. Царице опять стало хуже.

* * *

Алексей Алексеевич обвел взглядом свои покои. Хоть и не занимал их никто, хоть и наезжал он сюда наездами, а все одно – тесно, душно…

Отец в храме остался, за матушку молится, а Алексея отослал. Не по детским силам несколько дней в храме отстоять. Алексей и не возражал. Да, батюшка, конечно, не по детским, как скажешь…

Софья уже приучила братца к тому, что лучшая молитва – делом. Да и Аввакум, уж на что бунтарь по натуре, а что-то не на коленях стоит в церкви, вот уж нет!

Детей учит, по домам крестьянским ходит, старается помочь… да, за его, Алексея, счет, но у него не отломится, работы в школе на всех хватит, а для крестьянской семьи приработок – это возможность выжить, а то и прикупить скотинку, птицу…

Так что молиться надо иначе. От молитв в церкви матушке ни жарко, ни холодно. А вот ежели б батюшка ей сказал – не надо тебе более рожать, я и тому рад, что уже есть! Двенадцать детей! Пусть даже и не все живы, но ведь все равно много, а она надорвалась!

Впрочем, отца виноватить тоже не стоит. Просто самому такой ошибки не совершить. Соня уже успела разъяснить, насколько вредны для женщины частые непрерывные роды… и откуда только сестренка столько знает?

Хотя это-то вопрос смешной. Сколь он сестру помнит – она и читает с легкостью, и все прочитанное запоминает, память у нее идеальная, ему бы такую. Нет, он тоже не жалуется, но… иногда ему мало кажется. Соня – та уже на шести языках говорит бегло, а он все еще путается…

Хорошая у него сестренка. А когда время придет – надо будет сестер замуж повыдавать, хватит монашек в царской семье плодить. Только вот за кого бы Соню выдать, чтобы она рядом оставалась?

Легкий стук в дверь оборвал его размышления. Софья как чуяла. Пришла, на ложе уселась, горсть орехов из блюда утащила.

– Что там, братик?

– Тятенька молится, бояре тоже туда же… матушка как?

– Тебе честно?

Алексей мрачно кивнул. Так Софья спрашивала, только когда ожидались неприятные новости. Как-то раз он даже покачал головой в ответ на ее вопрос – и получил радужный ответ, который и не оправдался. Потом он попытался поругаться на Софью, но куда там?

Девочка только плечами пожала. Мол, могло так случиться, но вот не вышло. Не обошлось. Если б ты правду хотел знать – я бы тебе все рассказала, и этот вариант не потаила, ты же сам не восхотел. И чего ты от меня требуешь?

Сейчас же девочка была мрачна и тосклива.

– Она не выживет, Алеша. Можешь начинать готовиться.

– Сонь…

Брат и сестра смотрели друг на друга внимательно и спокойно. Он – копия отца, только чуть поменьше. Она – так похожая на мать… или на бабку? Великую старицу Марфу? Кто знает…

– Алеша, я тебе лгать никогда не лгала и сейчас не стану. Ежели чуда не случится – матушка не поднимется. Сгорит дней за пять-десять.

Алексей только головой покачал.

– А что потом?

– А потом будет плохо. Ты – царевич, наследник, к тому же по крови Милославский. Отец, скорее всего, еще раз женится. Кого он выберет – бог весть…

– Отец женится?

– Алешенька, так ему сорок только вот исполнится! Чего б и не жениться?

– Так…

– В любом случае, Милославской его невеста не будет. С ней придет ее клан, Милославских начнут затирать, и они прибегут к тебе. Дадут копейку, попросят рубль…

– Гнать будем?

– Там посмотрим…

В дверь постучали.

– Царевич-государь, к тебе друг твой, Иван Морозов…

– Впустить немедля!

Ваня почти вбежал в комнату.

– Как вы тут?

Уселся с другой стороны от Софьи, так же, не спрашивая, запустил руку в миску с орехами.

– Молимся, – коротко ответил Алексей.

– Матушка просила передать, что она также молиться будет. Когда я уходил – лестовку перебирала.

– Передашь ей мою благодарность.

Алексей смотрел хмуро. А что толку в тех молитвах, ежели матери не будет? Его-то Мария любила, в отличие от Софьи, как-никак наследник, смышленый, красивый, веселый, весь в отца – как оправдание перед той, чье место она заняла.

Ванька протянул руки и обнял обоих царских детей, не умея иначе выразить свои чувства. Обладая от природы нежным сердцем, он глубоко сочувствовал и Алексею, и Сонечке, которых судьба лишала родительской любви, тем паче – материнской. Софья на миг коснулась лбом его плеча. Алексей глубоко вздохнул.

– Не могу себе представить…

Стук в дверь разорвал и тишину и объятия.

– Царевич-государь, к вам дядя ваш просит, Иван Милославский… дозволите ли войти?

Софья взлетела с ложа, как ракета.

– Лешка, ни на что не соглашайся!

И мгновенно оказалась с другой стороны ложа. Стянула на себя покрывало, замерла. Иван подумал и полез туда же.

Выглядело это достаточно забавно, не иди речь о вещах столь серьезных. Соне надо было послушать, чем будет соблазнять ее брата Милославский – почему бы и не так? Ивану тоже было любопытно, так зачем объявлять себя, чтобы его вежливо выставили? Того паче, пришли вдругорядь, когда его рядом не будет?

Иван вошел усталый, но жалко его Алексею не было. Он-то никого б не пожалел и оплакивать не Марию будет, ой, нет. О своем благополучии только что печалится…

– Горе у нас, Алешенька, горе, мальчик мой родимый…

Иван бы прижал мальчика к своей груди, но мальчишка решительно увернулся.

– Да, я согласен, что у всей Руси горе. Но, может быть, оправится еще матушка…

– А если нет? Ох, тошно мне, сиротинушке убогому, любимую племянницу у меня господь забирает…

Ага, любимую!

Софья едва из-под кровати не выскочила. А что ж Анна Морозова? Родила б она чадушко, да получил бы ты доступ к морозовским денежкам – чай, не меньше Марии б любил ее. Видимо, о том же и Алексей подумал, потому что насмешливо утешил родственничка.

– Так у вас еще Аннушка остается…

Иван сбился с настроя, но опыта у него было больше, а потому вывернулся он быстро.

– Так ведь Аннушка-то с нами, а Машенька… ох, горе-то какое…

– Горе, – согласился Алексей, понимая, что от этого гостя отделаться можно, только выкинув его в окно. Ежели пролезет. Хотя… если там деньгу положить – еще как пролезет! И в дырку нужника ввинтится! Порода такая… деньголюбивая! А значит, придется терпеть и слушать…

Пришлось. Порядка получаса Иван плакался на свою убогость, с чем царевич полностью соглашался, на одиночество – вот тут, простите, и на то, что теперь и заступиться-то за него, сиротинушку, перед царем-батюшкой некому будет. И плавно перешел к тому, что они все-таки родственники, так что не желает ли царевич исполнить свой долг перед родом Милославских?

Внучок не желал и не собирался, но и разуверять Ивана было рановато, а потому Алексей покивал головой и сказал, что всенепременно, Милославские могут на него рассчитывать, хотя для него, как для наследника, первее интересы Руси-матушки.

Иван тоже покивал и успокоился. Наследник явно был к нему расположен, а остальное… прогнемся – и выдавим что хотим! И не таких, как этот мальчишка, ломали!

Алексей выпроводил гостя и посмотрел на друга и сестру, выбирающихся из-под покрывала.

– Хорошо устроились? А меня этот старый гад чуть не до смерти заговорил!

– Ничего, ты ему добром отплатишь, – утешила Софья.

Иван фыркнул.

А буквально минут через десять им пришлось опять нырять в укрытие. Потому как к царевичу явился недоброй памяти Симеон Полоцкий.

Поклонился, пособолезновал, выслушал ответные слова благодарности от Алексея, чуть-чуть еще поразливался соловьем на тему ужасной потери, которая все ж таки не напрасна, ибо дала такого невероятных достоинств юношу, как Алексей Алексеевич…

Лешка знал, что Симеон остался в Москве, при особе царя, что его допускали и к братцу Симеону, и к братцу Федору, и даже к царевнам, хотя те и не проявляли желания учиться. Знал он, и что Симеон желает основать в Москве академию для детей и юношества, но царь пока этой идее хода не дает. Тут Симеону очень лихо перешел дорогу царевич. А зачем нам на Москве две академии? Пусть хоть одна себя окупит…

Пришлось старцу смириться и удовольствоваться скромным местом наставника царских детей. Хотя уже и не всех. Марфа последнее время его до себя не допускала – мол, невместно уже, девица, чай, не ребенок…

Да, монах.

Но мужчина ведь? И монах-то не особо православный, стал-то он таким лет пятнадцать назад… нет, никак нельзя. У нее благочиние взыграло! Справедливости ради, ход был подсказан Софьей, и царевны подозревали, что Симеон в курсе, кто автор идеи. Но и сделать он ничего не мог. Действительно ведь – взрослая девица уже, ей не учиться надо, а молиться и по садику с цветочками расхаживать. Жениха б еще приглядеть…

Но пока никто не сватался, и оставалось только молиться.

Симеон же пришел с идеей. Поскольку его из Дьякова выставили, туда он и не рвался. И правильно. Уж на что Софья не хотела убивать людей, но Симеону она бы устроила падение на что-нибудь твердое с чего-нибудь высокого.

Вот ведь… пролаза!

Товарищ предложил тех из детей, кто имеет дальнейшую склонность к учению, направлять в его академию. А чего нет?

Дети выходят из царевичевой школы еще юными, лет пятнадцать-шестнадцать, но это все равно еще дети. Сейчас приходится крутиться и их пристраивать, а так они направят свои стопы на дальнейшую учебу и принесут много пользы Руси-матушке.

Софья едва не кипела под покрывалом, Иван заметил это и стиснул ее руку, призывая успокоиться.

И вовремя, а то ведь вылезла бы – и услышал бы монах о себе много интересного и невежливого. Алексей, следуя старинной мудрости, вежливо покивал, выслушал все предложения и сказал, что подумает. Обязательно обдумает все плюсы и минусы, примет наилучшее для детей решение, ну и для государства тоже, вы ведь понимаете, все на благо Отечества…

Симеон также лицемерно покивал – и свалил.

Софья выбралась и со злостью сплюнула застрявшее в зубах перышко.

– Сукин сын!

– Сонечка?

– Сестренка, такие выражения!

Софья сверкнула глазами.

– Лешенька, милый, а ты не понял, чего добивается товарищ? Детей он не получил – уже. Но ведь и подростков тоже обработать можно. Слова – такие хорошие, когда ими играешь, как тебе нравится. А он в этом преуспел. Иезуиты – они вообще многому

обучены, где б пакость ни случилась – их уши торчать будут…

– Ты уверена?

– Нет, – призналась Софья. – Но вот в том, что добра от этого человека ждать не стоит, – определенно. Не с чего ему Русь любить, не с чего в православие переходить, а он перешел. Зачем? Где его выгода?

– Зато сейчас он при дворе у царя…

– Ванечка, так возле власти – возле смерти…

– Да я вроде жив пока?

– Так сколько у нас и власти той!

Софья фыркнула.

Как же ей хотелось свободы и права делать, что ей вздумается! А то ведь ее даже всерьез не принимают! Все переговоры с посторонними – через Алешку, даже и с давними знакомыми – все равно он подтверждает все ее слова!

А у нее – ничего!

Так Феодосии Морозовой завидовать начнешь! Как-никак – неглупая, самостоятельная, свободная и состоятельная. Пусть она и не распоряжается этим на полную катушку, но ведь и взаперти не сидит! А ежели Софья куда покажется – тут же визг поднимется: царская дочь в люди вышла, вай мэ! Постоянно как по жердочке идешь! Отца боишься, людей стережешься… иногда Софья была благодарна за новую жизнь тем колдунам, а иногда – гвоздями бы их прибить к забору! Жизнь, да в клетке!

– Симеон мне книгу свою оставил…

– «Жезл правления»?

Софья сморщила нос. Писанину сию мужчина написал не так давно, по окончании Собора, но старообрядцам она уже не понравилась, так, что люди прозвали ее «Жезлом кривления». А что до самой Софьи – прочитать она прочитала. И серьезно задумалась.

Нельзя ли как-нибудь эту книжечку развернуть так… короче, чтобы Симеона в ереси обвинили и обратно в Полоцк отправили?

В конце концов, там и интересных мест хватает. Вон Аввакум взвился, прочитав о непорочном зачатии Девы Марии… ересь?

Как подать, а еще кому и когда…

Еретические тенденции Софья отложила, чтобы намекнуть кому надо в нужный момент. Они посидели вместе еще около часа. А потом Софья прокралась к себе в комнату, а Алексей и Иван решили заночевать вместе – не впервые.

* * *

Следующий день для Алексея прошел под знаком молитвы, беседы и размышления.

Молитвы – ну тут понятно, за мать.

Беседы?

К нему шли.

Бояре и дворяне словно призраки появлялись и заводили мудрые речи.

О державе, о том, как счастлив царь наследником, как им горестно за царицу, как они молятся за ее здоровье…

Алексей слушал, кивал и думал, что отец развел совершенно безбожное количество дармоедов, нахлебников и воришек. И о том, что разогнать их можно, а вот заменить – некем.

А еще…

Романовы – не Рюриковичи. И связь их с прошлой династией более чем эфемерна. Что могли позволить они, не сможет позволить он. Пока не сможет, а вот потом…

Главное, чтобы были свои люди. Кадры решают все, а у него кадры уже есть.

Школа выпускает не так много, человек по тридцать-сорок в год, ну так это – пока! Надо поговорить с отцом и попробовать открыть еще одну школу. Найти учителей, вон Соня от его имени переписывается с какими-то заграничными учеными, и те вроде как довольны и счастливы. Хвалят «царевича» за ученость и незаурядные дарования. Вот и приглашать их…

Пусть едут, пусть учат, пусть работают и что-нибудь изобретают… нужен ли нам Симеон Полоцкий?

Да к лешему!

Свою академию создадим, лучше прочих!

Алексей так задумался, что и боярина Матвеева не заметил. Впрочем, не тот человек был Артамон Сергеевич, чтобы его долго не замечали. Кашлянул, привлекая внимание, поклонился, поприветствовал царевича и заговорил.

Вроде бы ничего конкретного не сказал, но… Алексей понял, почему отец приблизил этого человека. Шла от Матвеева та самая внутренняя сила, от которой млеют женщины и которой подчиняются животные, угадав хозяина.

Только вот и Алексея согнуть было уже не так просто. Он – царевич, а это – кто? Да слуга его, по большому счету! Не говоря уж о том, что слуга достаточно худородный. Так что взирал Алексей на боярина без всякого почтения, смотря, как Софья научила – в точку между бровями собеседника. И в лицо, и не в глаза, и на нервы действует. И поделом.

Матвеева, конечно, этим было не пронять, так, по броне пощекотать, однако неприязненное отношение к себе царевича он

чувствовал. Но – опытен был и умен. Не давил, не подлизывался, разговаривал как со взрослым – любой мальчишка бы потек от счастья, хоть на хлеб намазывай. Сочувствовал, вздыхал, надеялся еще побеседовать с таким умным отроком, а то и сына пристроить к нему в школу, когда мальчик чуть подрастет…

Алексей тоже кивал, слушал, про школу рассказывать не рвался, планами не делился, так что отошел Артамон Сергеевич не шибко довольный.

Подходил и Ордин-Нащокин. Этому Алексей уделил и время, и внимание, выслушал соболезнования – действительно искренние, спросил, как там внуки, выслушал похвалы малышам – такие уж смышленые, такие красавцы, умники какие… в матушку, не иначе!

Алексей Михайлович так из церкви и не выходил, моля не забирать у него жену. Время меняет многое.

Когда-то он не любил Марию, винил ее за несложившееся счастье с Ефимией, но потом привык, сжился, врос… только вот жене об этом не говорил, а может, и зря. Глядишь, она бы себя так не изводила.

Нет, не нужна ему женитьба по любви.

Алексей и сам не знал, но Софья постепенно, исподволь, вкладывала ему в голову простую истину, что правители не могут жениться на ком попало. Им надлежит выбрать себе жену для блага страны, а любовь…

Любовь – это важно, только вот будет она на стороне. И никак иначе.

А чего сейчас об этом думать? Надо помолиться еще за матушку…

Впрочем, все было бесполезно.

Софья угадала абсолютно точно.

Через три дня после смерти новорожденной дочери скончалась и сама Мария Ильинична Милославская.

notes

Примечания

1

Интерпретация событий целиком на совести Софьи. – *Прим. авт.*

2

Название придумано автором, совпадение случайно. Но описание храма совершенно реально. – *Прим. авт.*

3

У автора под рукой есть текст на старославянском языке, но приводить его здесь просто не имею возможности, т.к. часть использованных там знаков не имеет аналогов на клавиатуре. Поэтому взят наиболее приближенный аналог. – *Прим. авт.*

4

Автор знает об отсутствии инквизиции на Руси. Не знает Софья, которая забила гвоздь на историю родной страны класса с третьего, т.е. абсолютно. – *Прим. авт.*

5

Конечно, кое-какие просветители и литература на Руси были. Но в том-то и дело, что Софье они пока недоступны. Трехлетний ребенок, в царском тереме… эротические рассказы и сексуальное просвещение? Не вяжется, простите. – *Прим. авт.*

6

Опять-таки, интерпретация фактов на совести Софьи, прошу не путать автора с персонажем. – *Прим. авт.*

7

Полный титул А.М. Романова – Божиею милостию, Мы, Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержец Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Государь Псковский и Великий Князь Литовский, Смоленский, Тверский, Волынский, Подольский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, Государь и Великий Князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея Северныя страны Повелитель, и государь Иверския земли, Карталинских и Грузинских Царей, и Кабардинския земли, Черкасских и Горских Князей и иных многих государств и земель, восточных и западных и северных, отчич и дедич, и наследник, и Государь, и Обладатель. – *Прим. авт.*

8

Достоверный случай, произошедший с автором. – *Прим. авт.*

9

Антонин Ладинский. «Анна Ярославна – королева Франции». – *Прим. авт.*

10

Соотношение «время – расстояние» современное дано с учетом вездесущих пробок. А времен А.М. Романова – с учетом торжественности выезда и неорганизованной оравы народа. – *Прим. авт.*

11

Ребенок, мать которого пила воду из свинцового водопровода, наверняка родится слабым и болезненным, и развиваться будет хуже сверстников. – *Прим. авт.*

12

Блохи, вши. В отличие от просвещенной Европы с золотыми блохоловками резко не приветствовались на Руси. Темнота-с… – *Прим. авт.*

13

Софья пытается вспомнить про В. Голицына, но поскольку история ее не волновала – получается откровенно плохо. – *Прим. авт.*

14

Тогда 30 лет было возрастом для женщины, почти старостью. – *Прим. авт.*

15

Такое действительно было, один из примеров – маркиза де Помпадур. – *Прим. авт.*

16

Извините за даты, данные по нашему летосчислению, но так просто удобнее работать. – *Прим. авт.*

17

…Судьба и случай никогда не приходят на помощь к тому, кто заменяет дело жалобами и призывами. Дорогу осилит идущий; пусть в пути ослабнут и подогнутся его ноги – он должен ползти на руках и коленях, и тогда обязательно ночью вдали увидит он яркое пламя костров и, приблизившись, увидит купеческий караван, остановившийся на отдых, и караван этот непременно окажется попутным, и найдется свободный верблюд, на котором путник доедет туда, куда нужно… Сидящий же на дороге и предающийся отчаянию – сколь бы ни плакал он и ни жаловался – не возбудит сочувствия в бездушных камнях; он умрет от жажды в пустыне, труп его станет добычей смрадных гиен, кости его занесет горячий песок. – *Прим. авт.*

Филатов. «Сказ про Федота-стрельца…». – *Прим. авт.*

19

Софья-попаданка, конечно, отродясь не знала, кто там и что там правил. Но я более чем уверена, что такая тема, как раскол и правка старых книг, обсуждалась везде, в том числе и в царском тереме. Оттуда и информация. – *Прим. авт.*

20

Чай в это время на Русь уже завезли, а Алексей Михайлович им даже лечился. – *Прим. авт.*

21

Гречь – греческий, встречалось и такое разговорное. – *Прим. авт.*

22

Песенка о шпионах кардинала, кинофильм «Три мушкетера», слова Ю. Ряшенцева. – *Прим. авт.*

23

Симеон действительно принес на Русь силлабический стих, но в то время он вписывался, как селедка с вареньем, т.е. никак. Царь одобрял, а вот современники – не очень. – *Прим. авт.*

24

Это относится не ко всем учебникам, но тем не менее. – *Прим. авт.*

25

При царе Алексее Михайловиче Б.И. Морозов в 1647 г. составил «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки», в котором и вывел первую присягу. Каждый воинский человек, говорилось в Уставе, должен приводиться к крестному целованию – приносить присягу государю «верно служить» и «во всем послушным и покорным быть и делать по его велению». – *Прим. авт.*

26

В официальной истории они умерли в 1661–1662 годах, но поскольку у нас уже слегка отличающийся вариант, автор счел возможным чуть продлить им жизнь. Тем более это ни на что не повлияло. – *Прим. авт.*

27

Опять-таки, в реальной истории это было чуть пораньше, но здесь царю и без Никона было чем заняться. – *Прим. авт.*